

М. ГАММЕР

ШАМИЛЬ

**МУСУЛЬМАНСКОЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ
ЦАРИЗМУ**

**ЗАВОЕВАНИЕ
ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ**

**Москва
КРОН-ПРЕСС
1998**

Автор выражает глубокую признательность Институту истории Дагестанского Академического центра в Махачкале и Центрально-Азиатскому научному обществу в Лондоне за предоставленный ему иллюстративный материал, а также благодарит картографическое отделение географического факультета Лондонской школы экономики и политологии за помощь в подготовке карт и схем.

Перевод с английского
В.СИМАКОВА

Оформление
В.ОСИПЯНА

Гаммер М.

Г18 Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. - 512 с.

ISBN 5-232-00702-5

Книга М. Гаммера читается на одном дыхании, как захватывающий героико-приключенческий роман. Но это не мешает ей быть серьезным научным исследованием, каждое положение которого обосновано документально. Профессор Тель-Авивского университета М. Гаммер, чье имя пользуется высоким авторитетом среди зарубежных историков, многие годы посвятил исследованию мюридизма. В своей работе он опирался на малоизвестные и неизвестные в нашей историографии документы, хранящиеся в архивах Англии, Турции, Австрии, Германии, Франции, Финляндии и других стран. Это дало ему возможность увидеть движение Шамиля в контексте сложных противостояний и борьбы геополитических интересов Турции, Ирана, России, Англии, Франции, столкнувшихся на Кавказе в XIX веке.

Ученый-историк найдет в этой книге неизвестные ему архивные данные, политик — ключ к современной ситуации в Чечне, а возможно, и всего Северного Кавказа и Закавказья, а рядовой читатель — новый угол зрения на драматическую страницу отечественной истории, вновь ставшую актуальной для каждого россиянина.

Для тех, кто интересуется историей Отечества и современной политикой.

© 1994 Моше Гаммер
© КРОН-ПРЕСС, 1998

Содержание

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	5
<i>Предисловие</i>	11
<i>Введение. Завоевание Россией Кавказа</i>	13
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
РАССТАНОВКА СИЛ	
Глава первая. Арена действий.....	27
Глава вторая. Народ.....	37
Глава третья. Русские.....	44
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ФОН БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ	
Глава четвертая. Генерал Ермолов.....	55
Глава пятая. Накшбандийа-халидийа.....	69
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
ДВА ПЕРВЫХ ИМАМА	
Глава шестая. Первый имам.....	83
Глава седьмая. Второй имам.....	97
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
ПЕРВЫЕ ШАГИ	
Глава восьмая. Третий имам.....	107
Глава девятая. Телетль.....	124
Глава десятая. Ахульго.....	143
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	
ВОЗРОЖДЕНИЕ ФЕНИКСА	
Глава одиннадцатая. Чечня.....	163
Глава двенадцатая. Дагестан.....	176
Глава тринадцатая. Ичкерия и Казикумух.....	187
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	
К ЗЕНИТУ СЛАВЫ И МОГУЩЕСТВА	
Глава четырнадцатая. Аваристан.....	199
Глава пятнадцатая. Дарго.....	212
Глава шестнадцатая. Кабарда.....	230
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ	
ТАКТИКА ТОПОРА	
Глава семнадцатая. Малая Чечня.....	245
Глава восемнадцатая. Центральный Дагестан.....	255
Глава девятнадцатая. На юге.....	269
Глава двадцатая. Большая Чечня.....	287
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ	
“СТРАНА АЛЛАХА”	
Глава двадцать первая. Государство Шамиля.....	305
Глава двадцать вторая. Властелин и подданные.....	320
Глава двадцать третья. Имамат и его соседи.....	336
Глава двадцать четвертая. Шамиль и соседние державы.....	348
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ	
КОНЕЦ	
Глава двадцать пятая. Крымская война.....	359
Глава двадцать шестая. Гуниб.....	372

Заключение.....	390
Словарь терминов.....	395
Хронология событий.....	403
Примечания.....	411

Предисловие к русскому изданию

Во имя Аллаха Милостивого Милосердного!

В этом году исполняется 200 лет со дня рождения имама Шамиля, выдающегося руководителя борьбы за свободу горских народов Кавказа, сумевшего, хоть на короткое время, построить свободное от деспотии и национальной ориентации государство — Имамат — шариатское государство, построенное на Законах и Откровении Всевышнего Аллаха (субхана ва таала).

Сегодня многие, независимо от их образа жизни и политической ориентации, хотят поучаствовать в праздновании даты рождения руководителя Кавказской войны, якобы отдавая дань уважения выдающемуся герою Кавказа, отдавая дань уважения этому празднику как памятнику. Тогда как в исламе не приветствуются памятники кумирам, не бывает мемориальных мечетей, нет музейных экземпляров Корана.

В исламе есть дань уважения праведным героям, являющимся для нас примером подражания, когда своим образом жизни мы продолжаем их путь. В исламе мечети должны быть местом для моления, а Коран должен быть доступен любому верующему, чтобы познать Истину.

Сразу же хочу отметить, что это, с точки зрения европейской светской культуры, нормально, но исламское учение рекомендует относиться к празднованиям памятных дат как к призыву для подражания и агитации образа темы и ее места в пути следования Заветам Аллаха (субхана ва таала).

«Мафата-мата», - сказано в Писании, то есть «что

ушло, то умерло». Нет ничего бессмертного; невозможно увековечить память о человеке памятниками и тронами. Все уходит — люди умирают, исчезают нации, погрязшие в деспотии, рушатся памятники и дворцы. Вечен только Он — наш Создатель, и вечен путь Его! Исчезли великие цивилизации, огромные нации, богатые государства; превратились в пыль великолепные дворцы.

Остались эволюционно совершенствовавшие друг друга Священные Писания как назидания людям и народам и Его законы как руководства царям, президентам и халифам в управлении государствами, республиками, джамаатами.

Многие современные европейские философы утверждают, что стремление к лидерству и есть смысл жизни человека, а склонность к насилию заложена в нашей психике. Для верующих мусульман такая идеология неприемлема. Познать в себе неповторимый автограф Аллаха, почувствовать свою миссию на земле, выполнить Его программу, быть миссионером и наместником Его — вот смысл жизни мусульманина, называемый Поклонением Аллаху. Только выполняя миссию, заложенную Им, загорается в нас огонь Всевышнего, называемый счастьем. Да это и есть счастье — поклоняться одному Аллаху, и больше никому. Это и есть идти Его путем, Путем Истины, когда твой образ жизни, твоё дыхание соизмеримо с законами Творца и Созидателя в борьбе против деспотии и тирании, с которыми всегда боролась лучшая, самая прогрессивная часть человечества, к которой, несомненно, относится имам Шамиль.

Это путь наших пророков, которых было 124 тысячи, начиная от первого человека и пророка Адама (Мир ему) и кончая последним, несущим печать всех пророков, Мухаммада (Мир ему и благословение). Сегодня особенно актуален пример имама Шамиля, который

Предисловие к русскому изданию

подобно пророку Мусе (Мир ему), спасшему свой народ от рабства и 40 лет водившему его по пустыне, чтобы выветрился из него дух неволи и вселились законы Аллаха, смог объединить не только горские народы в государство Имамат, но и смог органично построить его по законам шариата. Притом в государство влились не только мусульманские народы, но и христиане — терские казаки с семьями, для которых Шамиль строил церкви и выделял земельные наделы. В Имамате вместе с горцами бок о бок воевали поляки, русские, австрийцы — все, кто понимал прогрессивное и гуманистическое значение шариата. Нет сомнения, что Шамиль стремился построить Имамат на принципах справедливости, гуманизма и милосердия, а для этого как воздух необходимо быть верующим человеком. А чтобы верить и уверовать, надо стать свободным. Только в богобоязненном, верующем обществе может быть милосердие. Поклонение Аллаху может выполнять только свободное общество, к которому в течение 25 лет вел горские народы имам Шамиль, а до него другие предводители горских народов, принесшие Слово Аллаха своим народам. Шариатское государство, построенное имамом Шамилем, воплощало в себе все лучшие формы современного демократического государства. Оно было даже намного совершеннее и действеннее. Законы, в отличие от сегодняшних, работали. Структуры власти были живыми. Во главе государственного управления стояла Шура (Совет). Судебная власть, построенная на шариате, не давала возможности чиновникам погрязнуть в коррупции. Институт наибства олицетворял закон о местном самоуправлении. Не было резкого расслоения в обществе. Закат* позволял осуществить социальную справедливость. Ислам не давал возможности концентрации богатства в одних руках, потому что

* Закат — налог в пользу нуждающихся мусульман (дань с имущества).

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Ислам запрещает выдачу денег под проценты и другие формы ростовщичества. Земля не могла быть вечной собственностью хозяина, тем более на Кавказе, где она всегда находилась в собственности всего джамаата (общества). Имамат был построен на конфедеративном союзе вольных джамаатов, олицетворявших собой власть выборных наибов. В имамате Шамиль запрещал называть землю своею, он всячески напоминал своим подданным, что земля чьей-либо являться не может. Земля принадлежит Аллаху, она у нас только во временном пользовании.

Находятся оппоненты, которые говорят: «Ну, чего же добился Шамиль, если все закончилось его пленением». Но поднятое Шамилем знамя свободы никогда уже не упадет. Мусульмане Кавказа не из нации обиженных, а из нации терпеливых и правоверных.

В 1887 г. Абдурахман Согратлинский поднял восстание горцев, которое было жестоко подавлено. Во время революции Нажмудин Гоцинский и Узун Хаджи пытались противостоять красному террору на Кавказе. Но предательство религиозных авторитетов, нарушивших первый и главный завет Всевышнего, привело к подавлению их борьбы.

Не истлело знамя Шамиля даже за 70 лет воинствующего атеизма.

Сегодня выросло новое поколение мусульман России. Хвала Аллаху, растет число тех, кто находит разновидность идолопоклонничества в ориентации только на сытую жизнь, на поклонение деньгам и высоким должностям, являющимся одним из тяжких грехов в Исламе. Мусульмане России видят в этом одну из разновидностей отклонения от истинной сути Ислама, называемой «Акида»*. В Коране сказано, что каждая нация и каждый язык от Аллаха и каждому от Него

*Убеждение, воззрение, «символ веры».

своя миссия на земле. У каждого свои особенности и сиппаты*. Мы — мусульмане России и, особенно, горские народы Кавказа — всегда отличались активностью и решительностью на пути к свободе и духовности. Наши предки были воинами Аллаха против тирании, против империй и завоевательских орд, несущих рабство и унижение другим народам. Мы никогда не жили в роскоши и богатстве, потому что Аллах нам назидал быть духовным народом, уметь наслаждаться волей и любить свободу суровых камней своей Родины.

Никакое стремление к роскоши и богатству не принесет нашим народам ни удовлетворения, ни счастья. Любое успокоение и смирение перед режимом деспотии для нас неприемлемо. Мы наделены Божьей милостью всегда идти по пути к свободе, ибо, поддавшись режиму, мы превращаемся в мелких склочников и войны будут происходить внутри кавказских народов.

Многие европейские исследователи считают Шамиля талантливым полководцем, хорошим воином, удачливым политиком, стремившимся к власти, считают его чуть ли не властолюбивым тираном, поглощенным борьбой за трон. Эти суждения, конечно, далеки от истины. В суровых аскетических чертах имама видна не жестокость диктатора, а внутренняя духовная сила правоверного Кавказа, жесткая дисциплинированность и подтянутость, чистоплотность его помыслов. Хочется заметить, что имам не воевал с Россией, он воевал с рабством в обличье российской и кавказской знати, наместников, чиновников, всех тех, кто олицетворял собой Куфр**. Феномен Шамиля был, в первую оче-

* Свойство, качество, характеристика. Введен для обозначения божественных атрибутов.

** Куфр — неверие, непризнание Ислама или отход от его норм.

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

редь, в его крепком имане, то есть в твердости его веры. Он был непоколебим в своей Вере и все его политические и военные успехи заключались именно в крепости Веры.

Иншалла! Мы еще придем к этому! Аллах акбар!

Председатель Союза мусульман России
депутат Государственной Думы РФ

Хачилаев Н. М.

Предисловие

Так называемый *мюридизм* представляет собой одно из множества однотипных общественных движений, которые Бернард Люис объединил под названием «Исламский бунт»¹. Недаром восстание Шамиля иногда сравнивают с борьбой Абд аль-Кадира в Алжире, аль-Сайда Ахмада Барелви в Индии и Эйка на Суматре. Его вполне можно сопоставить и с другими выступлениями исламских фундаменталистов против западного влияния в странах Азии и Африки². Кстати, все эти движения примечательны еще и тем, что ни одно из них, в сущности, не было основательно изучено. Что касается Шамиля и его деятельности, то этой проблеме было посвящено много публикаций, в том числе и советских авторов, а также авторов-эмигрантов, выходцев с Кавказа. Однако лучшим исследованием, по нашему мнению, остается то, которое было написано в начале нашего века — книга Джона Бадли «Завоевание Россией Кавказа», опубликованная в Лондоне в 1908 г.³

И все же ничто в истории, как и вообще в жизни, не может быть исчерпано до дна. Даже самые обстоятельные исследования в конце концов оставляют возможность пересмотра проблемы и ее новых интерпретаций. Одна из таких возможностей открывается в сфере выявления новых источников.

Работа в архивах Лондона, Хельсинки, Стамбула, Вены и других городов, знакомство с архивами Дж. Бадли, Ал. Беннингсена, сравнительно недавно найденным архивом Бенкендорфа, помощь многих ученых и архивистов, к которым я испытываю искреннюю

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

благодарность, послужили основанием для написания этой книги. Разумеется, она тоже не претендует на исчерпывающую полноту.

До недавнего времени советские архивы были практически закрыты для историков, пишущих на данную тему. Ожидаемое открытие архивов позволяет надеяться на появление новых важных для исследователей сведений. В этом отношении особый интерес и важность представляет собрание рукописей на арабском языке в архивах Махачкалы, столице Дагестана. Другим источником интересной информации могут оказаться польские архивы и библиотеки, до сих пор толком не исследовавшиеся. Добавить нечто новое к нашим знаниям о внешних связях Шамиля могут архивы Турции, Египта и Италии.

Недоступность советских архивов, к счастью, в значительной мере компенсируется широкой публикацией архивных материалов. «Кавказская» тема всегда была в центре внимания дореволюционной русской и советской историографии, что привело к публикации многих тысяч документов и писем, десятков дневников, мемуаров, записей, отчетов о поездках и, что особенно важно, — подробных событийных сводок, хранящихся в архивах Тбилиси. Это особо ценный материал, поскольку в нем очень мало комментариев, а значит, он может быть поставлен в один ряд с подлинными документами. Все это, взятое в совокупности с газетными сообщениями тех дней и западными архивами, образует обширный и богатый пласт сведений, позволяющих восстановить и осмыслить ход событий, происходивших на Северном Кавказе в прошлом веке.

И последнее. Говорят, что «история — это вердикт счастливых тем, кому не повезло, приговор очевидцам со стороны тех, кого там не было»⁴. Это естественно, когда человек берется судить о событиях, имевших место задолго до его рождения. Нам остается одно — постараться быть не слишком самонадеянными.

Введение

Завоевание Россией Кавказа

Выход России на Кавказ относится еще ко временам Киевской Руси¹. В период Московского княжества и начала российского царства эта связь в основном касалась Дагестана и Чечни и шла по двум самостоятельным направлениям: первое заключалось в постепенном распространении на юг благодаря активности русского казачества, которое, как пишет Дж. Бадли, «на протяжении нескольких столетий шаг за шагом приращивало свои плодородные земли, а в итоге расширяло владения царской империи»².

Первые два поселения казаков на Северном Кавказе появились в XVI веке и не были связаны между собой. Одно образовалось в районе устья реки Терек, другое — в предгорьях Чечни, и их жители назывались соответственно «терекские казаки (терцы)» и «гребенские (гребенцы)». Встречная миграция чеченцев на север оттеснила как гребенцев (в 1685 г.), так и терцев (в 1712 г.) на левый (северный) берег Терека. Здесь они заложили то, что в следующем столетии получило название «Кавказская линия».

Второе направление русского распространения на Кавказ было связано с Грузией*. Православные грузинские правители, вынужденные вести борьбу с более сильными мусульманскими соседями**, обратились за помощью на север — к поднимавшейся во весь рост

* На территории Грузии в XV—нач. XIX вв. располагались царства и княжества — Картли, Кахети, Имеретия, Салцхе-Саатабаго, Мегрелия (Мингрелия), Гурия и Абхазия.

— Прим. пер.

** В XVI—XVIII вв. грузинские территории были объектом борьбы между Персией и Турцией (Османской империей). — Прим. пер.

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

православной державе, и та весьма охотно стала вмешиваться в дела на Кавказе.

В 1586 г. кахетинский царь Александр II запросил у московского царя Федора поддержки в борьбе с шамхалом Таргу [Тарки, Тарку]*. В 1594 г. Федор направил в Кахетию 7000 дружинников под водительством боярина Хворостина. Эта дружина, как и два других войска, посланных туда десять лет спустя Борисом Годуновым, были разгромлены.

Это были первые столкновения русских с дагестанцами, и ничего хорошего они москвитянам не предвещали. Мало того, действия русских вызвали сильное раздражение Османов и Сефевидов (последние в то время правили в Персии)**. Оба противника были тогда слишком сильны, чтобы с ними тягаться, а потому следующие полтора столетия, не прерывая совсем контактов с Грузией, от активного вмешательства на стороне единоверца Москва старалась воздерживаться.

Наступление России на Кавказ возобновилось при Петре Великом. Русское государство стремилось продвинуться на юг, чтобы обеспечить себе торговый путь в Индию. Обескураженный неудачным походом в Хиву в 1717 г. (гребенцев в этой экспедиции было 800 человек, из них в живых осталось только двое)³, Петр, воспользовавшись тем, что Афганистан напал на Персию, решил сделать рывок на юг. Сразу по окончании Северной войны со Швецией в 1721 г. русский царь самолично пошел с походом на Персию. В 1722 г. был найден предлог для объявления войны, и русские войска взяли Дербент, Тарки, Куба и Баку***. К тому времени

*Тарковское шамхальство — феодал. гос-во на терр. Дагестана в конце XV—нач. XIX вв. с

центром в г. Тарки (3 км от совр. Махачкалы), управлявшееся *шамхалом* (титул феодала, властителя, упразднен в 1867 г.). — *Прим. пер.*

** Османы — династия турецких султанов в 1299/1300—1922 гг.; Сефевиды — династия персидских шахов в 1502—1736 гг. — *Прим. пер.*

*** Дербент был центром Дербентского ханства в Южном Дагестане (1747—1813); Тарки — центром Тарковского шамхальства; Куба — центром Кубинского ханства на территории Азербайджана (2-я пол. XVIII в. — 1806 г.); Баку — центром Бакинского ханства (сер. XVIII в.-1806 г.) на территории Азербайджана. — *Прим. пер.*

14

Введение. Завоевание Россией Кавказа

Терское и Гребенское казачьи войска целиком влились в военную структуру российского государства. В ходе кампании 1722 г. Петр Великий на землях, находившихся между станицами терцев и гребенцев, поселил донских казаков. Новые поселенцы получили название «терцы семейные».

Теперь русские владели побережьем Каспия до самого Астарабада*, однако в глубь прилегающих земель не вступали. Однажды такую попытку предпринял кавалерийский отряд, посланный захватить городок Эндери [Андреевский], чеченцы разбили его. «То было первое столкновение регулярного русского войска с этим племенем в его родных лесах, ставшее зловещим предзнаменованием того, что имело место в бесчисленных случаях на протяжении последующих 130 лет»⁴, — писал Дж. Бадли.

Со смертью императора Петра в 1725 г. его намерения почти на четыре десятилетия оказались забытыми. Правда, в 1735 г. русские построили в Дагестане, в дельте реки Терек, крепость Кизляр, «бывшую вплоть до 1763 г., так сказать, русской столицей на Кавказе»⁵. Но в том же году по приказу царицы Анны Иоанновны все русские войска были выведены на северный берег Терека. Только Екатерина Великая возобновила начатое Петром I продвижение Российской империи на юг. Она повела экспансию России на Кавказ сразу в обоих вышеуказанных направлениях.

В 1763 г., через год после ее восшествия на трон, была основана крепость Моздок. Этот вызывающий шаг привел к 14-летней войне с кабардинцами (1765—1779), во время которой Кавказская линия была продлена и образовано новое казачье войско — Моздокское, размещенное на землях Кабарды.

Более существенным последствием этого шага стала война с Османской империей (1768—1774), во время

*Астара (совр.) - город в Азербайджане. — *Прим. пер.*

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

которой русские войска под командованием Готтлиба Генриха фон Тодлебена впервые были направлены за Кавказский хребет в Тифлис. В 1770 г. Тодлебен взял Кутаиси, но потерпел неудачу под Поти. В 1772 г. русские войска вернулись на свою пограничную Линию⁶.

Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. «установил реку Кубань как границу между Россией и Турцией»*, но русским тогда не удалось «положить конец турецкому господству в Имеретии и Грузии». Более того, из-за дипломатического просчета русских при заключении этого договора, как писал Дж. Бадли, фактически устанавливалось владычество Османской империи над Имеретией и Картли с Кахетией⁷.

В течение следующих восьми лет Россия была поглощена подготовкой и осуществлением захвата Крымского ханства — своей главной военной цели в противоборстве с Турцией⁸. Но вновь обретенные территории на северо-западе Кавказа тоже не оставались без внимания. Объединенными усилиями Якоби** и прославленного Суворова «позиции России на западе пограничной линии значительно упрочились, что заложило основы для дальнейших успехов в борьбе с племенами, проживавшими между Терекком и Черноморским побережьем»⁹, — писал Бадли.

Русские организовали свои Линии по Кубани и Лабе, возведя там ряд крепостей — Екатеринодар, Георгиевск и Ставрополь, где в дальнейшем разместится штаб-квартира всей Кавказской линии.

Завершением этого процесса стала суворовская «безжалостная резня» ногайских кочевников в 1783 г., описанная Бадли:

«Суворов собрал ногайцев в Ейске и прочел им

* Согласно Кючук-Кайнарджийскому миру Османская империя признала независимость Крымского ханства, право русского торгового флота беспрепятственно плавать по Черному морю и проходить через черноморские проливы, присоединение к России Азова, Керчи и др., а также русский протекторат над Молдавией и Валахией. — *Прим. пер.*

**Якоби И.В., генерал, командовал русскими войсками на Северном Кавказе. — *Прим. пер.*

Введение. Завоевание Россией Кавказа

манифест Шагин-гирея об отказе от власти в пользу Екатерины. Ногайцы, на протяжении многих столетий бывшие в подчинении у крымских ханов, присягнули на верность российской императрице. Потом ногайцы узнали, что русские намереваются переселить их на земли между Волгой и рекой Урал (обезлюдившие в результате пугачевского восстания и миграции калмыков в Центральную Азию и на границу с Китаем) и попытались сопротивляться этому переселению, но выяснилось, что русские ожидали такой реакции и готовы к этому. Кочевники, которых загнали в болото, не имея возможности спастись, убивали своих жен и детей и сами шли на смерть — картина, которую можно было постоянно наблюдать во время Кавказской войны. Выживших было немного, их ничтожная часть рассеялась среди черкесов; остальных, кто смирился, переселили в Крым».

Это открыло путь для колонизации кубанских степей путем переселения туда крепостных крестьян¹⁰, как это было сделано и в Крыму, «откуда крымские татары, до смерти напуганные русским правлением, бежали в Турцию в таких количествах, что по сей день население полуострова не достигло прежней численности», — писал Бадли в 1907 г.

Хотя все это время Грузию не беспокоили, но совсем про нее в Санкт-Петербурге не забывали. Императрица, казалось, только ждала повода для вмешательства, и повод такой в 1783 г. нашелся. Когда персидский шах Али Мурад стал претендовать на Картли и Кахетию, царь Ираклий II* обратился за помощью к России. Екатерина Великая действовала быстро: 5 августа в Георгиевске был подписан договор**, по которому в Картли и Кахетии устанавливался российский протекторат¹¹, а 15 ноября два российских батальона с четырьмя

* Ираклий II (1720—1798) — царь Кахетии с 1744 г., Картли-Кахетинского царства с 1762 г., учредил постоянное войско в царстве. — *Прим. пер.*

** Георгиевский трактат. — *Прим. пер.*

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

пушками под командованием Павла Потемкина (кузена гр. Г. А. Потемкина) вошли в Тифлис.

По пути в Тифлис Потемкин заложил крепость Владикавказ, которая связывала ее с Моздоком цепью укреплений. Кроме того, он переоборудовал караванную тропу через главный Кавказский хребет по Дарьяльскому ущелью «в некое подобие дороги»¹². В дальнейшем ее расширят, благоустроят, и она станет знаменитой Военно-Грузинской дорогой, важнейшей магистралью, соединившей центр Российской империи с ее закавказскими провинциями.

Но это все будет в далеком будущем. А в феврале 1784 г. русские отступили из Тифлиса и оставили Владикавказ. «Без надлежащей военной поддержки вмешательство российской императрицы оказалось хуже чем бессмысленным; оно лишь разозлило Персию и привело к завоевательному походу Аги Мухаммад-шаха»¹³, ~ так оценивает сложившуюся ситуацию Бадли.

Родоначальник династии Каджаров*, начиная с 1780 г., все более настойчиво наседали на Ираклия, грозил и требовал подчиниться. Весной 1795 г. Ага Мухаммад осадил Шушу. 23 мая он внезапно появился под Тифлисом. На следующий день он разбил небольшое войско Ираклия и вступил в город. Решив преподать Тифлису урок, вождь каджаров повелел своим воинам «предаться варварской резне и грабежам»¹⁴.

Получив известие о «чудовищном» разорении Тифлиса, Екатерина объявила персидскому шаху войну, Русские войска в третий раз захватили Дербент¹⁵ и повторно — Кубах и Баку. Но после смерти Екатерины Великой в том же 1796 г. на российский трон вступил Павел Петрович, «у которого ни мать, ни ее политика не пользовались сочувствием, и он поспешил полностью отказаться от завоеваний Екатерины в Персии,

* Каджары — династия шахов, правившая в Персии в 1796—1925 гг. Основатель династии — Ага Мохаммед — Хан Каджар (прав. 1796—1799). Так же называется народность в Сев. Иране. - *Прим. пер.*

Введение. Завоевание Россией Кавказа

подобно тому, как Анна отказалась от завоеваний Петра»¹⁶.

Однако, как это нередко случается в истории, намерение Павла развязаться с Кавказом и Грузией обернулось еще большим втягиванием в запутанные дела региона. В 1799 г. Фет Али-хан, сменивший на персидском троне Агу Мухаммада, затребовал от Георгия XII, унаследовавшего в 1798 г. трон своего отца Ираклия II, прислать в Тегеран своего сына в качестве заложника (аманата). Павел направил в Кавказскую линию экспедиционный корпус с целью пресечь всякие притязания Фет Али-хана на Картли-Кахетию и поставил Георгия XII в известность о своем намерении защитить его. В итоге русские войска помешали шаху напасть на Кахетию и выбили из Грузии вторгшегося туда из Аваристана Омар-хана¹⁷.

Вскоре после этого, уже на пороге смерти, Георгий XII обратился к российскому императору с просьбой принять Картли и Кахетию под свое прямое правление. 30 декабря 1800 г., ровно за десять дней до смерти последнего грузинского царя, Павел подписал манифест о принятии предложения Георгия¹⁸. Преемник Павла Александр I после долгих колебаний и проволочек манифестом от 24 сентября 1801 г. подтвердил решение Павла¹⁹.

Два эти события стали водоразделом в кавказской политике России. Если еще можно гадать, знал ли Павел, что повлечет за собой его решение, то с Александром все было ясно. Он сознательно перешел от вмешательства к захвату и открытому столкновению с исламским миром на юге Грузии и мусульманскими племенами на севере. Это стало неизбежным, поскольку защитить Картли и Кахетию, а также дорогу из Владикавказа в Тифлис (в 1799 г. ее реконструировали) без дальнейшего покорения народов и захвата территорий было

невозможно. Так начался период войн и столкновений, длившийся шесть с половиной десятилетий, в

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

результате которого Кавказ оказался в полном подчинении России.

Однако в самом начале с правлением России на грузинской земле еще не все было ясно. Уже до манифеста Павла у российского протектората обнаружились противники. Например, брат царя Георгия был настроен проперсидски. В 1800 г. он бежал в Тегеран и оттуда стал агитировать соплеменников за союз с персидским шахом. Вдова Георгия, его сыновья и другие представители царской семьи также были недовольны протекторатом и хотели от него избавиться.

Кроме того, Павел пошел на включение Картли и Кахетии в состав империи без учета роли и места царствовавшей династии, как это первоначально предлагалось. Александр, вопреки подсказкам своих советников и пожеланиям грузинской стороны, пошел по стопам отца²⁰. Это еще более усилило недовольство и возмущение грузинского дворянства.

Мало того, очень скоро из-за скверного исполнения своих должностных обязанностей со стороны русской администрации и военных, которые находились под началом командующего войсками на Кавказе Кнорринга и ненавистного для всех бывшего посла в Тифлисе Петра Ивановича Коваленского, отношение к русским в Картли и Кахетии окончательно испортилось²¹.

В результате положение России в Грузии на протяжении десятилетий было неустойчивым. Уже в 1832 г. состоялся антироссийский заговор²². В 1839—1840 гг. грузины, одинаково христиане и мусульмане, с нетерпением ожидали прихода Ибрагима-паши (сына египетского правителя Мухаммеда Али) как своего освободителя²³, а в 1841 г. разразилось восстание в Гурии²⁴.

Решив подтвердить манифест своего отца, Александр I согласился с планом Зубова «завладеть территорией от р. Риони вниз по Куре до Арса на Каспийском море». В августе 1802 г. Александр отозвал с Кавказа Кнорринга и Коваленского и назначил

князя Павла Дмитриевича Цицианова главнокомандующим Кавказской линией и верховным правителем в Грузии с полномочиями наместника императора*.

Знакомя его с планом графа Зубова... император повелел внести ясность и порядок в запутанные дела края, стараться быть чутким, справедливым, но и твердым, добиваться доверия к (российскому) правительству не только в самой Грузии, но и в разных соседних областях²⁵.

Лучшего человека для этих целей Александр назначить не мог. Цицианов, как пишет С. Эсадзе, «пользовался заслуженной славой отважного командира и выдающегося администратора, а сверх всего он был грузин по происхождению». К этим его качествам и «кипучей энергии» Бадли добавляет «резкий и повелительный дух» и «острый ум, свободно язвивший всякого, кто вызывал у него гнев или презрение». Действуя «с присущей ему решительностью и твердостью»²⁶, он отправил вдову и сыновей последнего царя Картли и Кахетии в Петербург и тем самым упрочил политическое положение.

После этого Цицианов сразу приступил к реализации плана Зубова. Учитывая вражду христиан и мусульман²⁷, он старался убедить православное грузинское дворянство принять верховенство России. В 1803 г. Мингрелия согласилась принять протекторат России. В 1804 г. за ней последовали Имеретия и Гурия. Подход к мусульманским соседям у него был дифференцированным²⁸. В 1803 г. были приведены в подчинение лезгины Чарталаха и султан Элису. На следующий год штурмом взята Ганджа (14 января 1804

г.), местный хан убит, а его владение присоединено к России и переименовано

*Официальный титул П. Д. Цицианова значился так: «Инспектор Кавказской линии и главнокомандующий в Грузии». — *Прим. пер.*

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

в Елизаветполь. В 1805 г. на верность России присягнули ханы Карабаха, Ширвана и Шеки.

Это было последним достижением Цицианова. 20 февраля 1806 г. он был предательски убит под стенами Баку ханом Хусаином Коли, сделавшим вид, будто он сдается и готов подчиниться. Отрезанную голову Цицианова послали в Тегеран Фет Али-шаху²⁹.

«За три с половиной года своего управления, — писал Семен Эсадзе, — Цицианов раздвинул границы российских владений от Черного моря до Каспийского»³⁰. Однако это стремительное продвижение и захватническая политика России были чреваты последствиями: «две великие магометанские державы», а также Англию и Францию, «не могло не встревожить быстрое продвижение России. Более того, Ганджа и другие ханства все еще считались вассалами персидского шаха, и сколь бы шатким ни было господство Персии, она на Востоке, как и Турция на Западе, скоро поняли, что войны с Россией не избежать»³¹, — писал Бадли.

И они ее начали: к 1804 г. Россия уже вела войну с Персией, с 1807 г. — с Османской Турцией, и все это помимо того, что уже началась война с Наполеоном.

Таким образом, последующие восемь лет сменявшиеся в Грузии русские губернаторы должны были воевать одновременно на двух фронтах. При этом им приходилось рассчитывать лишь на внутренние ресурсы и силы без надежды на подкрепление, потому что «наполеоновские войны требовали от России колоссального

напряжения и не давали возможности развернуть значительные силы на далеком Кавказе». Мало того, русским губернаторам постоянно приходилось иметь дело с бунтами местного населения как христианского, так и мусульманского, «вызванными непосильными поборами (русского) военного командования и взяточничеством царских чиновников»³².

Несмотря на все трудности из всех этих войн Россия вышла победительницей. По Бухарестскому мирному

договору с Османской Турцией (1812 г.) и Гюлистанскому договору с Персией (1813 г.)³³ Россия подтвердила свои права на Картли и Кахетию, Имеретию (присоединена в 1810 г.), Мингрелию, Абхазию (снова приняла протекторат России в 1810 г.) и на ханства Ганджа (Елизаветполь), Карабах (1805 г.), Шеки (1805 г.), Дербент (1806 г.), Кубах (1806 г.), Баку (1806 г.) и части Талиша (1812 г.), а Османы и Каджары отказались от своих притязаний на эти территории. Кроме того, Персия полностью отказалась от претензий на Дагестан³⁴.

Эти территориальные приобретения были завоеваны во втором раунде войн с Персией (1826—1828) и Турцией (1828-1829)³⁵. Туркманчайский договор (1828 г.)³⁶ добавил России остальную часть Талышского ханства, а также Эриванское и Нахичеваньское ханства. По Адрианопольскому мирному договору (1829 г.)³⁷ Россия окончательно вернула себе Анапу, Ахалкалаки и Ахалцихе, а Османская Турция отказалась от владения восточным побережьем Черного моря³⁸.

В перерыве между этими войнами русские двинулись в горы с целью обезопасить свои тылы и коммуникации. Но прежде чем приступить к этой теме, следует остановиться на географии и характеристике двух враждебных сторон - русской армии на Кавказе и горцев.

23

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Расстановка СИЛ

Глава первая

Арена действий

Кавказские горы часто сравнивают с Пиренеями: такая же асимметрия и крутые южные склоны, высоченные и глубоко изрезанные утесы на востоке, снежные шапки сверкающих на солнце горных пиков в центре и постепенно теряющие высоту и размах хребты на западе, вбирающие в себя дожди, по мере приближения к морю все более обильные. Как и на Пиренеях, трудность сообщений из-за сложного рельефа местности обусловила образование на Кавказе настоящего лоскутного одеяла народов. Этой изоляции также содействовал извечный страх за свою безопасность, наложивший отпечаток на жилые постройки местных жителей, сделавшие завоевание горных селений столь трудным. Наконец, как и Пиренеи, Кавказ преградил кочевавшим

народам путь переселения, и они вынуждены были обходить его стороной, но в то же время он не мешал народам расселяться: представителей каждого племени, населяющего горы с одной стороны, можно обнаружить и по другую их сторону¹.

Кавказ, протянувшийся с запада в юго-восточном направлении на 1100 км от Таманского полуострова на Черном море до Апшеронского полуострова на Каспийском, принято считать границей между Европой и Азией². В ширину он простирается от 32 до 180 км. Его

Часть первая. Расстановка сил

высочайшей вершиной является двуглавый Эльбрус, достигающий 5629 и 5593 м³.

Осевую часть горной системы почти на всем ее протяжении составляют два хребта, отстоящие друг от друга на расстояние от 10 до 15 км. Главный, или Водораздельный хребет, имеет среднюю высоту 3600 м, а Боковой, хребет расположенный севернее Главного, местами имеет огромную высоту. Некоторые вершины уходят ввысь намного дальше границы вечных снегов, которая проходит на высоте 2750 м на западе и 3900 м — на востоке⁴. Отсюда пошло их русское название Снежные, или Ледниковые, горы.

Севернее Бокового хребта лежат более низкие и постепенно снижающиеся хребты, которые уже не достигают высот вечных снегов. Два самых приметных из них — это Скалистые (со средней высотой 3300 м) и Пастбищные, или Черные, хребты (средняя высота 2300 м), названные так из-за густых лесов, их покрывающих. Севернее протекающих тут рек Кубань и Терек лежат Черкесские степи, являющиеся продолжением русских степей. Кумо-Манычская впадина «является естественной северной границей Черкесских степей, главным образом из-за крайне неблагоприятных для жизни людей условий»⁵.

К югу от Главного кавказского хребта расположены более низкие горные складки, круто обрывающиеся в долину реки Куры. В Дагестане южные склоны Главного хребта «высятся словно стена над наносными долинами Куры и Алазани»⁶. Два главных хребта Кавказских гор соединены поперечными хребтами, которые, как писал Л. С. Берг, «как бы приподнимают весь горный массив, что создает в нем довольно сухой климат»⁷.

Чечня и Дагестан образуют северо-восточный край Кавказа. Чечня, названная так по населяющему ее народу, представляет собой четырехугольник, очерченный реками Сунжа и Терек на западе и севере, Андийским хребтом на востоке (служит границей с Дагеста-

Глава первая. Арена действий

ном) и Главным кавказским хребтом на юге. Согласно русским источникам, река Аргун делит Чечню на две части: Малая Чечня — на западе и Большая Чечня, на востоке⁸.

Как и всюду на Кавказе, Чечню пересекают параллельные хребты, самые северные из которых называются Терекский и Сунженский, по рекам, вдоль которых они расположены. Сердцем Чечни является низина между Сунженским хребтом, одноименной рекой и Черными горами. В сущности, это скопище горных и речных долин, обрамленное горными хребтами. Местность пересекают многочисленные притоки Сунжи, протекающие в глубоких ущельях и каньонах. Паводок в них, как всюду на Кавказе, приходится на летнее время, когда тают снега на высоких горах.

Большая часть Чечни расположена в зоне кавказских лесов. За исключением Терекского и Сунженского хребтов, «образованных скругленными холмами, голыми и безлесными, но покрытыми поверху пышным травянистым покровом», с двумя-тремя также безлесными утесами эта местность представляет собой «бескрайнее пространство одетых лесами холмов, волна за волной подымающихся к подножию могучих стен и бастионов из юрских

известняков, увенчанных высокими вершинами двух главных хребтов, являющих в хорошую погоду величественную панораму снежных пиков и скалистых утесов, высящихся над зеленым океаном»⁹.

Дагестан («Горная страна») представляет собой треугольник, стороны которого образуются Главным кавказским хребтом на юго-западе, Андийским хребтом на северо-западе и Каспийским морем на востоке. Внутренний, или Нагорный, Дагестан — это сплошные горы¹⁰ высотой две-три тысячи метров с единственным выходом по глубокому и узкому ущелью реки Сулак. Эта область складывается из «асимметричных, треугольных в сечении хребтов с заостренными гребнями и высоких синклинальных плато»¹¹. Они, как правило,

29

Глава первая. Арена действий

обрываются в бездонные пропасти, чаще всего непроходимые, что придает этой горной стране «еще более дикий вид», как писал Н. А. Гвоздецкий.

Эти хребты и нагорья пересекают четыре реки Кой-су*, образующиеся при слиянии Сулак с его многочисленными притоками. Реки текут в глубоких каньонах с обрывом в сотни метров. Средняя высота плато 1900 м, высота рек — 700 м.

Как отмечал один из первых описателей этих краев И. С. Щукин, обычно русло реки занимает все дно такого каньона, не оставляя места для... дороги. Извилистые тропы выются либо на головокружительной высоте по карнизам этих ущелий, либо проходят в стороне по плоскогорью и вдоль гребня хребтов... Долины здесь вовсе не способствуют связи между отдельными районами. Они скорее затрудняют сообщение и заставляют дороги бесконечно кружиться, чередуя крутые спуски и подъемы.

По остроте Марлинского, «сам дьявол должен быть министром путей сообщений в Дагестане».

Климат Нагорного Дагестана, замкнутого в такой труднодоступной местности, сухой и не благоприятствует произрастанию лесов. Скучная растительность и бесконечное нагромождение скал создают унылый и пустынный ландшафт. Таким образом, Внутренний Дагестан представляет собой, как пишет Бадли, хаотическое скопление утесов, чаще всего испещренных промытыми водой глубокими расселинами; эту картину могут дополнить плоды приложения человеческих рук... главным образом в виде дорог, скорее пригодных для горных козлов, чем для людей; в виде террас, вырубленных на горных склонах ценой невероятных усилий

* Главные из них: Андийское Койсу (144 км, пл. басс. 4810 км²) и Аварское Койсу (178 км, пл. басс. 7660 км²); две другие ~ Кара Койсу и Казикумухское Койсу. — *Прим. пер.*

Глава первая. Арена действий

для выращивания сельскохозяйственных культур; в виде оросительных каналов, проложенных с поразительной выдумкой, искусством и терпением; в виде групп низких с плоскими крышами жилых строений, сложенных из камня и громоздящихся друг на друге по склонам скал высоко над какой-нибудь рекой или горным потоком¹².

Внешние склоны хребтов на севере и востоке Внутреннего Дагестана покрыты широкими полосами лесов. Это особенно характерно для областей Кайтак и Табасарань, но таких густых лесов, как в Чечне, больше нет нигде. Зона лесистых холмов постепенно переходит в полупустынную Кумыкскую равнину на северо-востоке и узкую полосу низменного берега Каспийского моря. Эту полосу в нескольких местах пересекают выходящие к морю горные отроги. Самый заметный из отрогов находится возле Дербента, некогда единственного города Дагестана, который у некоторых получил ироничное название Ворота. (Дербент на персидском означает «узкий проход», ущелье, дверной засов).

Области к югу от Дагестана, Кубах на северном склоне Кавказского хребта, Ширван, Шеки и Чарталах — на южном,

издавна имели с Дагестаном тесные связи (В 30-х гг. прошлого века русские, видимо, считали эти области частью Дагестана). Их ландшафт схож с видом внешних склонов дагестанских гор: здесь холмы чередуются с полосами лесов, переходящих в полупустынную степь.

География Кавказа определяет для наступающих войск два самых трудных способа ведения действий — войну в горах и в лесах. Хотя эти виды военных действий в корне отличаются друг от друга, они оба дают огромные преимущества обороняющимся: здесь сильно затруднено проведение генеральных сражений и применение артиллерии, а снабжение войск, их транспортировка и связь ставят головоломные задачи¹³. Прежде чем начать сражение, наступающий должен победить

33

Часть первая. Расстановка сил

природу. Чтобы провести артиллерию и обозы, русские войска вынуждены были валить лес и прорубать просеки, но и тогда вьючных лошадей нужно было вести гуськом, а пушки катить вручную. К примеру, даже в мирное время на преодоление 200-метрового дефиля* силами трех батальонов с четырьмя пушками уходило десять часов¹⁴.

Самой легкой пушкой, которая имела наиболее широкое применение, было четвертьпудовое длинноствольное орудие общим весом 106,47 кг. Каждый снаряд его весил примерно 1,5 кг, шрапнельная граната — 4,5 кг, заряд пороха примерно 0,3 кг. Вес четырех таких орудий с боеприпасом и другой поклажей часто превышал тонну. Дневной паек солдата на марше состоял из 716 г сухарей, 94 г мяса и 2,2 г соли. Согласно действующим уставам, каждое подразделение должно было на марше везти с собой шестидневный запас провизии (солдат нес на себе четырехдневный паек), три батальона по 800 человек в каждом должны были везти с собой 10 310 кг сухарей, 1353 кг мяса и 31,7 кг соли, примерно, 11,7 т продовольствия. К этому следует добавить разное вооружение и имущество (огромное количество боеприпасов, а также

канцелярию, походную кухню и бочонок с водкой) каждого отдельного подразделения, личное имущество офицеров (для каждого выделялась вьючная лошадь), товары маркитантов и пр. Таким образом, войско сопровождал огромный обоз, состоявший из повозок и вьючных животных, сдерживавших и затруднявших продвижение, потому что все это надо было охранять, тащить и переправлять через препятствия. В некоторых районах Дагестана обозы становились еще тяжелее, потому что нужно было везти с собой дрова и корм для лошадей.

В Дагестане война велась в горах, а в Чечне — в

*Дефиле (*фр.*) — (военн.) узкий проход между горами, водными преградами. — *Прим. пер.*

Глава первая. Арена действий

лесах. Лишь в Верхней Чечне обстановка была схожей с дагестанской. Таким образом, Чечня и Дагестан представляли собой самостоятельные театры военных действий, которые требовали своей, порой диаметрально противоположной тактики.

Даже наиболее удобные для военных действий времена года были там разные. В Чечне лучшим временем для военных кампаний считалась зима, когда земля твердела от холода, а реки хотя и не замерзали, зато мелели, тогда как весной и летом они были полноводными, а осенние дожди превращали почву в непролазную грязь. Кроме того, зимой деревья и кустарники сбрасывали листву, и чеченцам было труднее за ними скрываться.

Чеченцы применяли против русских оригинальную тактику, которая состояла в том, чтобы «занять позицию на одном большом буковом дереве. На одном таком лесном гиганте могло сразу разместиться от тридцати до сорока человек, которые обрушивали на приближающуюся колонну русских свинцовый дождь. Залповый огонь батальона против такой импровизированной крепостной башни ничего не давал»¹⁵. Слабая эффективность залпового огня

объясняется тем, что дистанция поражения русских ружей не превышала 30— 50 м по горизонтали, а в данном случае приходилось стрелять вверх; к тому же, что более существенно, русской армии более других европейских армий было привычнее действовать штыком, а не огнем. Русского солдата особо не обучали меткой стрельбе, и он обычно стрелял просто в воздух. Залп таких стрелков мог произвести шумовой эффект, а по существу был пустой тратой боеприпасов. Поэтому в бою с горцами русские больше полагались на артиллерию (стрельба шрапнелью), что только усложняло работу их обозов и тыловых служб. В Дагестане, наоборот, до таяния снегов горные перевалы были непроходимыми и русские не рисковали начинать военные операции ранее июня, когда появлялся подножный корм для лошадей. В октябре-ноябре

первые снегопады делали всякие действия уже невозможными.

Из двух театров чеченский был более тяжелым, именно там русские терпели главные поражения и несли наибольшие потери. Зато Дагестан вел себя с русскими враждебнее, это был ярый и психологически трудный для них противник.

Сколь ни яростными были (чеченские) кампании, где за каждым кустом таился снайпер и где потери русских были просто ужасными, сама земля не выглядела чуждой. На ней росли трава и деревья, текли ручьи — это был свой, знакомый мир. Умирая на этой земле, солдат погибал среди друзей. В Дагестане все не так, там нет ничего живого; бесконечный лабиринт пропастей и фантастическое нагромождение скал создают впечатление проклятой бездны, настоящего ада, куда занесло солдат на их гибель¹⁶.

Глава вторая

Народ

Кавказ, вероятно, — самое пестрое по этническому и языковому составу скопление народов на всей земле¹. Их львиная доля приходится на Дагестан. На его территории проживают не менее 30 этническо-языковых групп, некоторые из которых составляют

население одного-единственного аула. Четыре самых многочисленных народности — это аварцы, даргинцы, лакцы и лезгины. Все они говорят на языках, относящихся к северо-восточной группе кавказского, или яфетического, языкового семейства. Многие из них живут южнее Главного кавказского хребта, на территории современного Азербайджана. Некоторых, как лезгин, там проживает даже больше, чем в Дагестане, а другие из этой группы дагестанских народностей нигде, кроме Азербайджана, больше не встречаются. В источниках до XX столетия все жители Южного, а во многих случаях всего Дагестана назывались лезгинами. В персидских документах Южный Дагестан, в частности, называется Лезгистан. Кумыкская равнина и большая часть побережья Каспия заселена кумыками. В окрестностях Дербента преобладают адхарские турки (азерийцы). И те, и другие говорят на тюркских языках. На иранском наречии говорят таты, или горские евреи, проживающие южнее и западнее Дербента.

Чечня заселена преимущественно чеченцами (чеханцами), название которых происходит от аула Большой Чечан, где русские впервые с ними столкнулись. На

Часть первая. Расстановка сил

западе и юго-западе проживают ингуши. (Эти две народности настолько близкие, что некоторые специалисты разделяют их лишь «по некоторым историческим признакам. Так, согласно А. Беннигсену, ингуши не участвовали ни в борьбе Шамиля, ни в восстании 1920—1922 гг.² Вообще говоря, это утверждение справедливо, хотя случалось, что кто-то из ингушей и поддерживал движение Шамиля.) На юге в предгорьях Главного хребта живут кисты, которых некоторые ученые считают самостоятельной группой. Однако большинство источников рассматривают их как чеченское племя. Выше в горах живут хевсуры, горское племя православных грузин.

Несмотря на большое этнически-языковое разнообразие, все обитатели Кавказа, или, как их называют русские, горцы³, имеют

одинаковый образ жизни, у них схожие традиции, правила и одежда. Их общую культуру Лузбетак относит к патриархально-кочевому типу⁴. Жители этих гор делятся по мужской линии на многочисленные семьи, кланы и племена. Семейно-родовые признаки разных уровней определяют те или иные приоритеты, они же обуславливают статус каждого человека, характер взаимоотношений между людьми и лежат в основе политической, социальной и экономической жизни горцев⁵. В некоторых случаях границы кланов и племен (русские исследователи чаще называют их обществами) совпадают с границами этническо-языковых групп. В Чечне и Дагестане эти общества свободны, иначе говоря, никому не подчиняются. Такие общества часто возглавляли выборные *кади*. (Такие кади не имеют с шариатскими судьями ничего общего, кроме названия.) Важные решения всюду принимались старейшинами и общим собранием мужчин. По этой причине некоторые русские авторы называют эти «общества» демократиями, или республиками.

В некоторых случаях эти общества объединялись в союзы (конфедерации). Самой крупной конфедерацией

Часть первая. Расстановка
сил

в Дагестане считалась Акуша (называемая также Дар-ги), разбившая в 1744 г. Надир-шаха*⁶. В восточном Дагестане было несколько таких кофедераций или княжеств. Их правители имели особые звания: в Тарги — *шамхал** в Каракайте — *уцми*, в Табасарани — *масум*. Владетель Элису носил титул *султан*, другие же — в Казикумухе, Курахе, Мехтули и Кунзахе — носили звание *хан*. Курах был изначально частью Казикумуха. Он был оформлен русскими в самостоятельное ханство в благодарность Аслан-хану за его услуги и лояльность. Степень автономии отдельных обществ в этих землях целиком зависела от личности и могущества того или иного правителя⁷.

Основным занятием населения было сельское хозяйство. Горцы выращивали различные зерновые культуры, фрукты и овощи. Но основу экономической жизни составляло животноводство, и благополучие народов покоилось на табунах лошадей, стадах рогатого скота и особенно на гуртах овец и коз. Эта живность была целью и добычей их набегов друг на друга. Такие набеги, особенно набеги на равнинные районы, составляли важный компонент хозяйствования отдельных горных областей.

В Чечне и некоторых «независимых обществах» Дагестана социальная структура не получила развития. Землей владели сообща, а все мужчины данного рода считались свободными обывателями — *узденями*. Пленников продавали в рабство или добивались получения за них выкупа.

В княжествах и зависимых от них общинах, а также у кумыков социальная структура была более развитой. Там существовало дворянство (беки), обладающее определенными социальными, экономическими и полити-

* Надир-шах Афшар (1688—1747) — шах Ирана (Персии) с 1736 г. Пришел к власти после завершения возглавляемой им борьбы за изгнание из Персии турок и афганцев. Завоевал значительные территории в Индии, Ср. Азии, Закавказье. — *Прим. пер.*

** Выделенные курсивом слова см. в Словаре терминов на с. 395.

Глава вторая. Народ

ческими привилегиями, но жизнь беки вели, как обычные уздени. Дети дворян, рожденные простыми женщинами, и их потомство назывались *джанка*, они пользовались некоторыми привилегиями и престижем своих отцов и занимали положение между беками и узденями. Владение землей там имело более сложные формы, на ней работали крепостные и арендаторы.

В Чарталахе пять дагестанских обществ и султанат Элису образовывали элитарную конфедерацию, господствовавшую над грузинами-земледельцами, принявшими ислам (ингилойцами), и тюркским народом — мугальцами, которые ныне ассимилировались с адхарцами.

Этнически-языковые различия для горцев имели важное значение. Особенно сильно это проявлялось в отношениях чеченцев с дагестанцами, главным образом с аварцами и примыкающими к ним группами, которых в Чечне называли *тавхли* (*таух* — по-чеченски *гора*). Однако на уровне межплеменных отношений решающую роль играло другое. Там в центре внимания было вероисповедание. Чеченцы и дагестанцы, по крайней мере формально, принадлежали к мусульманам-суннитам. Степень исламизации в разных районах была неодинаковой, и Чечня, куда ислам проник позднее, чем в другие районы, была исламской менее других. Поэтому во всем Дагестане и Чечне действовали законы обычаев (адаты), которые в некоторых ханствах были кодифицированы. И в этом качестве они почитали себя в родстве с кумыками, кабардинцами и черкесами¹ а следовательно, противостояли и мусульманам-шиитам (адхарцам), и горским христианам-грузинам (тушинцам, хевсурам и пшавам). В более широком плане ислам суннитского направления объединял чеченцев и дагестанцев с турецким султаном, выступавшим как глава мусульман-суннитов. Религиозная принадлежность аварцев и чеченцев сыграет важную роль в их борьбе против русских.

Часть первая. Расстановка сил

Следует упомянуть и о некоторых свойствах горцев, вытекающих из их культуры и общественной жизни, которые тоже имели важное значение в их борьбе с русскими. Во-первых, об их предельной чувствительности к посягательствам на свою свободу и о ненависти ко всякой власти за пределами своего племени или клана. Даже черкесы, общество которых, в отличие от чеченцев, имело большее социальное расслоение, по описанию жившего среди них около года англичанина, «быстро устают от власти в руках другого человека». Далее он добавляет: «И настолько ревниво этот суеверный народ относится к соблюдению собственных прав, что никто ни на один миг не поступится

малейшей долей их, даже формально не станет передавать их отдельному лицу или группе представителей»⁹. Во-вторых, о кровной мести (*канлы*), порой охватывавшей несколько поколений и приводившей к истреблению целых аулов и общин¹⁰. В-третьих, о том, что в XIX в. получило название «расы воителей», потому что с детского возраста мужчин здесь воспитывали как воинов. Их отвага, искусство наездника, мастерское владение кинжалом, шашкой и ружьем, умение маскироваться и действовать скрытно вызывали романтическое восхищение русских¹¹, сильно им в этом уступавших.

Скорость, с какой горцы умели передвигаться, будь то на коне или пешком, стала легендарной. В отличие от регулярных русских войск горцы не обременяли себя обозами. Скучно питаясь и ведя суровый образ жизни, горец все необходимое имел при себе, а когда припасы кончались, он держался чем придется, рассчитывая либо на помощь соплеменников, либо устраивая набег на врага.

Больше всего восхищала в горцах их гибкость. Русская армия, как все западные армии, имея дело с менее цивилизованным противником, применяла тактику, основанную на жесткой дисциплине и огневом превосходстве, стараясь добиться победы в генеральном

сражении. В оборонительном бою регулярное каре русской пехоты* было практически неодолимым для горцев, а штыковой атаки русских противник обычно не выдерживал; причем в обоих случаях победа обеспечивалась огнем артиллерии, стрелявшей шрапнелью¹².

Горцы же генеральных сражений не вели. Их главным методом ведения войны был не огонь по врагу, а быстрый маневр, главным образом в виде стремительного набега на противника и рейда возмездия, с захватом пленных, лошадей и скота. Очень скоро они приноровились к тактике русских, разглядели их слабые стороны и

стали умело их использовать. Таким образом, русские войска на северо-востоке Кавказа оказались лицом к лицу с 200-тысячным населением, из которого 40—50 тысяч были превосходными воинами, готовыми в любой момент нанести удар.

*Каре (*фр.*) — (воен.) неприменяемый теперь тактический прием построения пехоты четырехугольником для отражения атак кавалерии. — *Прим. пер.*

Глава третья

Русские

Русское войско во всех отношениях было полной противоположностью горским военным объединениям. Оно было

громоздким и неповоротливым; оно не могло обойтись без больших обозов, которые связывали его по рукам и ногам (тыловое обеспечение никогда не было сильной стороной русской армии, а в чрезвычайно тяжелых условиях Кавказа оно часто просто разваливалось). Главную силу русской армии составляли пехота и огневая мощь (артиллерия), а также жесткая дисциплина, требующая беспрекословного исполнения приказов и связывающая личную инициативу.

В русской армии использовались следующие образцы артиллерийских орудий (см. табл. 1).

Самым распространенным орудием, совершенно очевидно, была 1/4-пудовая горная пушка, которая чаще всего использовалась для стрельбы шрапнелью. В таком случае она была малоэффективной при дистанции стрельбы более 150—200 м, а по существу ее применяли для стрельбы на 50 и менее метров, когда горцы могли своим ружейным огнем поражать артиллерийскую прислугу. Тут надо иметь в виду, что горцы, даже используя русские ружья, стреляли очень метко и на большее расстояние. Иногда они заряжали ружья двойным зарядом пороха, что не разрешалось русскими наставлениями, и значительно увеличивали дистанцию огня на поражение. Таким образом, дальность прицельного огня у горцев составляла 60—80 м, и практически все пули попадали в цель.

Русские войска на Кавказе, называвшиеся сначала

Таблица 1

Класс орудия	Тип орудия	Вес в кг	Вес снаряда в кг	Вес заряда в кг	Дальность стрельбы в м
ПОЛЕВЫЕ					
12-фунт.	средн.	802,62	6,04	1,64	1920
12-фунт.	облегч.	532,35	4,50	1,13	1979
6-фунт.	легкое	352,17	2,86	0,82	1066

1/2-пуд.	дл/ств. ор.	806,75	8,90	1,64	1279
1/4-пуд.	дл/ств. ор.	368,55	4,50	0,82	1066
1/4-пуд.	дл/ств. горн. орудие	106,47	4,50* 1,50**	0,31	640
ОСАДНЫЕ					
24-фунт. пушка		2784,6	12,08	3,28	2773
18-фунт. пушка		2031,12	8,80	2,46	2773
1-пуд. пушка	дл/ств.	2278,21	18,42	2,87	2346
5-пуд. мортира		1082,08	94,18	2,87	2069
2-пуд. мортира		589,68	36,45	2,05	2432
1/2-пуд. мортира		94,18	8,74	2,05	960

Кавказским корпусом¹, а затем Кавказской армией, включали три составляющих:

1. Костяк Кавказского корпуса, несший основное бремя боевых действий, составляли **части регулярной армии**. Это была преимущественно пехота (егеря и стрелки) и артиллерия, а на более поздней стадии

*Шрапнель.

**Снаряд.

в операциях принимали также участие и драгуны. Солдатами этих войск были российские крестьяне, служившие в армии 25 лет. То был храбрый воин, верный присяге и послушный командирам, «в бой он шел, как в церковь»². Сам по себе русский солдат был сметлив и находчив. Каждый за долгую службу овладевал каким-нибудь ремеслом (портняжничал, шил сапоги и пр.). Эти ремесла в жизни солдат играли большую роль. Солдату шинель выдавалась на три года,

мундир на четыре года, пара шерстяных брюк на два года, пара сапог, пара холщовых брюк и полотна на две рубахи раз в год. Так что острая потребность в портных и сапожниках ощущалась всегда. Качество тканей и кожи было низким, и солдатское обмундирование быстро изнашивалось даже в мирные дни. Форма солдат во время военных кампаний нуждалась в постоянных штопке и ремонте. Внутри и в окрестностях своих крепостей солдаты разбивали сады, сажали огороды, заводили коров, овец и коз. Это имело такое же большое значение, как обмундирование. «Кормежка и питье для русского солдата одинаково важны в физическом и психологическом плане: приготовление пищи и еда означали для него отдых, а чем наполнить желудок, для него всегда составляло проблему»³, солдатский рацион, состоящий из 907 г муки (716 г сухарей на марше), 161 г масла, 94 г мяса, 2,2 г соли в день и чарки водки (или пива) три раза в неделю, делал эти сады и отары горцев важным источником добавки к рациону солдат — фруктов, овощей, мяса. Это служило дополнительным стимулом для участия в походах на горцев. Походы не только разнообразили тяжелую повседневную гарнизонную работу солдат, из походов они возвращались с грузом свежих овощей и фруктов, с коровами и овцами, с другими трофеями, которые служили предметами обмена. Таким образом, во многих отношениях, хотя и не во

всем, Кавказская армия находилась на самообеспечении. Но самое главное, ее солдаты освоили методы кавказской войны и знали, как вести себя в бою с горцами.

2. Линейные батальоны, несшие гарнизонную службу в крепостях на редутах линий. В своем большинстве они не годились для боевых действий и выполняли вспомогательные задачи. Их

редко использовали на поле боя, русские командиры на них особенно и не полагались⁴.

3. Казаки воевали, как местные горцы. Но ни сам казак, ни его конь не могли тягаться с горцем. Даже на своей земле казаки могли противостоять набегам горцев лишь при поддержке артиллерии, которая входила в состав казацких частей. Донские казаки имели «вьючную артиллерию», состоявшую из легких малокалиберных орудий. Они стреляли шрапнелью на дистанцию не более 50—100 м. Казаков также привлекали к вспомогательным работам; русские офицеры смотрели на них с пренебрежением, и казаки платили им тем же⁵.

Дополнительную вспомогательную силу составляла милиция из местного населения. Русское командование ей тоже не слишком доверяло, и к боевым операциям местную милицию обычно не привлекали, а использовали главным образом как орудие политики «разделяй и властвуй».

Общая численность русских войск постепенно увеличивалась и с 30 тысяч в 1820—1830 гг. выросла до 200 тысяч в 50-е гг. Регулярные части составляли подавляющую часть этих сил (80—85%).

Армия Николая 1 страдала рядом недостатков. Некоторые из них вообще были присущи российскому воинству во все времена. Другие были связаны или, по

крайней мере, обострены персональными свойствами царя, особенностями его политики и личных взглядов. Три порока были тесно взаимосвязаны: низкий профессиональный уровень офицерского и унтер-офицерского состава; слишком глубокий (по европейским меркам) разрыв между командирами и низшими чинами; чрезмерно строгая дисциплина и концентрация внимания не на боеготовности, а на парадной выправке войска. Успешно

выслужиться в русской армии, как писал Карл Маркс, мог лишь «офицер-палочник, все достоинство которого состояло в беспрекословном послушании и угодливости да в умении заметить на мундире оторванную или расстегнутую пуговицу».

Так же низко оценивала русскую армию в 1854 г. и американская пресса: «Вот такие солдафоны и ветераны армейской лямки», а вовсе «не настоящие военные специалисты, не лучшие умы, не молодость, не живость и не военный талант» скорее продвигались по службе. «Таким образом, армией командовали в основном дряхлые старики и малограмотные капралы, которые могли управиться со взводом, но не умели и не знали, как правильно и быстро провести сложный маневр в ходе кампании»⁶.

Кавказский корпус во многих отношениях представлял собой исключение в русской армии. Ведя постоянные бои, он был менее подвержен казенщине и «плац-парадной» муштре, от чего страдали большинство частей российского войска. Дисциплина в нем была не такой палочной, отношения командиров и подчиненных — более тесными. Но общие для всей армии недуги, хотя и не в такой сильной форме, проявлялись и на Кавказе.

Несмотря на боевое товарищество, дистанция между офицерским и рядовым составом оставалась большой. Русский офицер, обычно выходец из дворян-землевладельцев, и солдат из крепостных крестьян были разного поля ягодами. Посему «с самого начала кавказской

войны рядовой солдат для командиров был просто рабочей скотиной, не заслуживающей особого внимания»⁷, — писал Н. А. Волконский.

К солдатам так и относились: командиры использовали их в качестве рабочей силы в личном хозяйстве, и это нашло широкое

распространение среди российского генералитета. К примеру, когда в 1854 г. на Кавказ приехал Муравьев*, ему, по его собственному признанию, удалось «задействовать на работах в собственных владениях 16 000 солдат, которые одновременно числились на активной военной службе». Дурное отношение к солдату со стороны офицеров и тяжкий физический труд в сочетании со скудным питанием и плохим обмундированием (во многих случаях связанных с воровством в армии), тяжелые природные условия, несоблюдение требований санитарии и гигиены, а также отсутствие необходимого медицинского ухода и обслуживания из-за нехватки врачей — все это приводило к тому, что из одиннадцати смертей только одна происходила в бою. Личный врач Воронцова писал по этому поводу: «В России уже начали понимать, что генерал должен обладать если не приобретенным умением, то по крайней мере природной сметливостью и талантом, но касательно военного врача по-прежнему бытует мнение, будто никаких знаний и способностей от него вовсе не требуется»⁹.

Профессиональный уровень офицеров на Кавказе был, возможно, выше, чем в остальных гарнизонах, но все же оставался недостаточным. Мало кто из них избирал службу в Кавказском корпусе как средство построения военной карьеры. Большинство офицеров и унтер-офицеров направлялись туда либо как ссыльные (при Николае I Кавказ стал «теплой Сибирью» для

* Муравьев (Карский) Ник. Ник. (1794—1856) — рус. генерал от инфантерии (1856). В Крымскую войну, в 1854—1856 гг. был заместителем на Кавказе и главнокомандующим Кавказским корпусом, руководил взятием Карса (1855). — *Прим. пер.*

оппозиционеров царскому режиму), либо ехали «фазанами» за наградами (молодые офицеры приезжали туда из России на несколько месяцев, чтобы получить знак отличия и поскорее уехать домой)¹⁰. Совершенно естественно, что мало кто (особенно это относится к полякам, большими партиями отправлявшимся в Кавказский корпус после восстания 1831 г.) проявлял служебное

рвение.

Тех же, кто действительно был способным командиром и хотел честно служить, связывали путы слепого подчинения: всякая личная инициатива, независимо от успеха или неуспеха начинания, была наказуема (если, конечно, у такого выскочки не было в Петербурге влиятельных покровителей), и очень быстро все русские офицеры убеждались в справедливости сентенции Фомы Кемпийского*: куда спокойнее быть под началом, чем командовать другими¹¹. Таким образом, в корпусе получило широкое распространение правило, которое можно свести к формуле «разумное ничегонеделанье».

Другим недугом российской армии, проявившемся и на Кавказе, были «интриги и подсиживание... моральная зараза, сгубившая немало блистательных имен в верхних эшелонах Кавказской армии»¹².

Обозревая эту историю с позиций сегодняшнего дня, можно утверждать, что главная проблема России в завоевании Кавказа носила психологический характер и заключалась в пренебрежительном отношении к горцам как «басурманам», «азиатам» и «татарам» (в самом отрицательном смысле последнего слова, бранного у русских). Это исходило из самых верхов, а в низах его усиливало дополнительные факторы: уязвленность рус-

* Фома Кемпийский (1380—1471) — католический мыслитель, монах. Его считают автором трактата «О подражании Христу» (ок. 1418), который получил всеевропейское признание и был переведен на все европейские языки. (Русский перевод был выполнен в 1898 г. К. П. Победоносцевым.) Сочинение это проникнуто духом аскетизма; целью жизни христианина Фома Кемпийский считает служение ближним. Вряд ли русские офицеры на Кавказе читали Фому Кемпийского. — *Прим. пер.*

Глава третья. Русские

ских от неприязни со стороны Запада¹³; гордость своей военной мощью, проявленной в ходе войны с Наполеоном (и усилившейся в ходе войн с Турцией и Персией); свойственное русским предпочтение количества перед качеством, много раз приводившее к заблуждению, будто численное превосходство приводит противника в трепет; наконец, беспечность русских, которую они сами в себе знают.

Все это мешало русскому командованию признать горцев серьезным противником, не говоря уже о том, чтобы как следует познакомиться с ними и извлечь для себя нечто полезное из их тактики, социальной структуры и политических вейний. Не учитывая всего этого⁴, русское командование часто повторяло собственные ошибки и приходило к результатам, обратным намечавшимся целям.

Такова цена гордыни, так приходится платить за алчность.
Сеющий в благодушном невежестве ветер пожинает бурю!

15

Эти слова двух современных бардов хорошо выражают поведение русских на Кавказе. Особенно точно они аттестуют первого русского генерала, начавшего широкое наступление против Чечни и Дагестана, — Алексея Петровича Ермолова.

**ФОН
БОЕВЫХ
ДЕЙСТВИЙ**

53

**Глава четвертая
Генерал Ермолов**

Некоторые горские племена Кавказа были подчинены еще в ходе и в результате первого раунда войны с Каджарами и Османами. Это были грузинские племена — тушинцы, пшавы и хевсуры, а также осетины-христиане, жившие вдоль Военно-Грузинской дороги¹. Но начало широкого наступления русских в горы связано с именем генерала Ермолова². В 1816 г. он был назначен губернатором Грузии, командующим Отдельным грузинским армейским корпусом и чрезвычайным послом в Персии, где правил тогда Фет Али-шах. Пользуясь абсолютным доверием и поддержкой Александра I, Ермолов имел на Кавказе полную свободу действий, и скоро его даже стали называть «кавказский проконсул»³. Алексей Петрович Ермолов, которому ко времени назначения на Кавказ было всего сорок лет, уже успел сделать блестящую военную карьеру. Еще юношей он отличился на поле брани и получил свою первую награду из рук Суворова; в двадцать лет уже имел чин полковника. При вступлении в Париж в 1814 г. он командовал русской и прусской гвардиями, а после смерти Кутузова и Багратиона стал самым ярким и знаменитым военачальником Российской империи⁴.

На всех, кто встречался с ним, он производил впечатление человека, рожденного вести полки. Он был гигантского роста и редкой физической силы, в его фигуре с круглой головой на могучих плечах в обрамлении курчавых вихров было что-то львиное, рисовав-

шее невиданное существо сказочной отваги и мужества, чем он, но мнению Дж. Бадди, расчетливо пользовался, чтобы вызвать восхищение солдат и заставить трепетать от ужаса своих

полудиких врагов. Неподкупно честный, простой и даже грубый в обращении, он вел спартанский образ жизни, всегда был при шпаге, дома и в поле спал, завернувшись в свою шинель, и вставал с восходом солнца⁵.

Ермолов придерживался твердого убеждения, что весь Кавказ должен стать и неизбежно станет неотделимой частью Российской империи, что существование в этих краях независимых и полунезависимых государств и обществ любого вида и вероисповедания, будь то христианство, мусульманство или язычество, в горах или на равнине, просто несовместимо с честью и достоинством Российского императора, с безопасностью и благополучием его подданных⁶.

Поэтому Ермолов «сделал себе целью ликвидацию всех нерусских народов края»⁷.

Своей первой и самой важной задачей Ермолов поставил успех миссии в Тегеране, состоявшей в том, чтобы уклониться от исполнения обещания Александра I, данного им Фет Али-шаху, вернуть часть территорий, отошедших к России вследствие Гюлистанского договора⁸. Ведя себя в высшей мере заносчиво и сочетая «грубую лесть шаху с прямым запугиванием его министров», Ермолов своего добился. «Мой грозный вид, — писал Ермолов, — хорошо выражал мои чувства, а когда речь шла о войне, со стороны казалось, что я готов перегрызть им горло. К их несчастью, я заметил, что это им очень не нравилось, и когда мне нужны были более убедительные аргументы, я полагался на свою звериную рожу, огромную и устрашающую фигуру и громкую глотку; ибо они понимали, если кто так свирепо орет, у него на то есть хорошие и веские резоны»⁹. Однако надменность и высокомерие Ермолова в об-

ращении с Каджарами, прежде всего с Аббас-мирзой (наследником престола), немало поспособствовали новой русско-персидской войне 1826—1828 гг.¹⁰

Вернувшись из Тегерана, Ермолов сразу приступил к завоеванию гор. В ноябре 1817 г. и в мае 1818 г. он направляет императору Александру I детальный план военной кампании.¹¹ Прежде всего предлагалось заняться чеченцами — «народом дерзким и опасным»¹². В план Ермолова входило строительство новой оборонительной линии вдоль нижнего течения Сунжи, а между ней и Тереком он предлагал поселить казаков. «Таким путем, — объяснял он царю, — мы приблизимся к Дагестану и улучшим наши пути в богатую область Кубах и далее в Грузию»¹³.

Когда новую Линию возвели, Ермолов сообщил Александру I:

«Мужикам, проживающим между Тереком и Сунжой и прозванным мирными, я установил правила и службу, которые дадут им ясно понять, что они подданные Вашего Императорского величества, а не союзники, на что они рассчитывали. Если они будут покорными, я нарежу им земельные наделы по ртам, а остальные земли раздам живущим в тесноте казакам и кара-ногайцам*; если же они ослушаются, я предложу им покинуть эти места и стать обычными бродягами, от коих они отличны только своим прозвищем, а земли останутся в нашем полном распоряжении»¹⁴.

Таким путем «мы вытесним чеченцев в горы», рассчитывал генерал, «а без пашни и пастбищ, где зимует их скот в период жестоких в горах холодов», им не

* Ногайцы — народ, проживавший на территории Дагестана и Чечено-Ингушетии, язык — тюркский (кыпчакская группа). — *Прим. пер.*

останется ничего другого, как только смириться с правлением России¹⁵.

Ермолов намеревался осуществить этот план к 1819 г., для чего предлагал вступить в Дагестан, продлить новую оборонительную линию по Сулаку, разместить войска во владениях шамхала и овладеть «богатыми солью озерами, которые снабжают этим продуктом горские народы, включая чеченцев»¹⁶. Это дало бы русским еще одно средство подчинения горцев. Покончив с Дагестаном, Ермолов собирался в 1820 г. двинуться на Кабарду и Правый фланг.

Это было первым выражением доктрины, которую русские авторы впоследствии ошибочно назовут «системой Ермолова». Хотя Ермолов и начал проводить ее в жизнь, окончательно она была сформулирована в 1828 г. Вельяминовым (и совершенно несправедливо приписана потом Ермолову):

«Кавказ может быть приравнен к мощной цитадели, великолепно укрепленной природой, надежно защищенной инженерными сооружениями и обороняемой многочисленным гарнизоном. Хороший командир не преминет употребить здесь все военное искусство, проложит фортификационные параллели, устроит подкопы, заложит мины и таким образом станет полным хозяином положения. Я считаю, что подход к Кавказу должен быть именно таковым, и если ранее сия метода действий не была предпринята, дабы служить опорой и постоянным ориентиром, сама природа вещей толкнет на такие действия. Но в этом случае успех их будет достижим куда как нескоро из-за частых отклонений от верного курса»¹⁷.

Будучи всего на год моложе Ермолова, Вельяминов, как писал Дж. Бадли, не добился и десятой доли его

блистательной, а заслуги были в чем-то и большими. Причину того отыскать нетрудно. Он был человеком больших и усердно развиваемых способностей, много преуспевший в изучении военной истории; уроки прошлого он умел прикладывать к задачам настоящего, притом всегда учитывал особенности текущего момента и прибегал к тактике и стратегии, всего более им отвечающим; быстрый в принятии решений и скорый в нанесении удара, он обладал железной волей и несокрушимой решительностью; хороший организатор; совершенно бесстрашный в баталии и не менее щедро одаренный нравственным мужеством, он обладал всеми мыслимыми качествами, которые внушают уважение солдатам, и многими свойствами, что побуждают людей смело идти за этим человеком, и совсем ничем, за что его можно было бы полюбить. Спокойный, выдержанный, молчаливый, скрытный, он был неумолимо безжалостным в отношении своих солдат и беспощаден к врагу; его боялись, превозносили и ненавидели как те, так и другие¹⁸.

Вельяминов был сослуживцем Ермолова во время наполеоновских войн, и они тесно дружили. Когда Ермолова послали на Кавказ, он добился назначения Вельяминова на должность начальника штаба Грузинского корпуса¹⁹. Здесь, в Тифлисе, аналитический ум и организаторский талант Вельяминова, видимо, внесли решающий вклад в успехи старшего товарища. Осадная стратегия военных операций на Кавказе и реорганизация Кавказского корпуса обычно связываются с именем Ермолова, но разрабатывалось то и другое, а может, и предложено было именно Вельяминовым.

При Вельяминове Кавказский корпус получил организацию, просуществовавшую еще четверть века. Среди прочего полки и их штабы получили постоянное место

дислокации, были включены в систему осадных параллелей и

превращены в хозяйственно-производственные единицы, отчасти способные к самообеспечению.

Получив от царя одобрение своего плана, Ермолов тут же отправился в Чечню²⁰. 22 июня 1819 г. была заложена крепость Грозная. Попытка чеченцев сопротивляться была подавлена артиллерией. На следующий год Ермолов заложил крепость напротив Эндери, которую назвали Внезапная, и в 1821 г. возведением возле Тарки крепости Бурная сооружение оборонительной Линии было завершено.

«Появление Грозной и ставшие известными намерения Ермолова», как указывает Дж. Бадли, обеспокоили не только чеченцев; их соседи на юге и юго-западе тоже встревожились. Правители Аваристана, Казикумуха, Мехтули, Каракайтака, Табасарани и сообщества Акуши сформировали против русских союз²¹.

«Получив известие об этом событии, Ермолов приказал полковнику Пестелю (он командовал войсками в Дагестане) с двумя батальонами и небольшим отрядом местных всадников занять Каракайтак... что стало первой операцией русских в Нагорном Дагестане, который отличается от менее гористой местности в его восточной части и узкой равнинной полосой, составляющей Каспийское побережье.

(Пестель) занял Башли, главный город Каракайтака, но там был окружен многочисленным войском союзников, и ему грозил разгром на узеньких улицах города, где артиллерия не могла действовать. Лишь благодаря храбрости и находчивости полковника Мищенко русским удалось вырваться из окружения и отступить в Дербент, потеряв при этом 12 офицеров и 500 рядовых солдат. Весь Дагестан чуть с ума не сошел от радости. Эту

победу праздновали и в далеком Тебризе*: Аббас-мирза устроил по этому поводу пир и пальбу из пушек»²², —

сообщает Бадли.

Но скоро в соседнее с Каракайтаком ханство Мехтули пожаловал сам Ермолов с пятью батальонами пехоты, 300 казаками и 14 орудиями. Он штурмом взял два главных селения — Параул и Дженгутай. В это же время Мищенко по приказу Ермолова захватил и разрушил Башли²³. Мехтулинский хан Гасан бежал, а ханство было ликвидировано. Часть его территории была отдана Тарковскому шамхалу, а другая перешла в собственность Российской империи. Однако союзники не были разбиты. Следующей весной они нанесли удар по двум направлениям. На юге они перерезали дороги, ведущие в Дербент, и стали угрожать Кураху и Кубаху.

Заменивший Пестеля Мадатов был «хорошим рубакой... требования дисциплины он толковал довольно широко»²⁴. По своей инициативе он повел на Табасарань 2 батальона, 300 казаков и 8 орудий и вынудил ханство подчиниться.

На севере Аварский султан Ахмад-хан во главе 6000 бойцов в середине сентября атаковал русские войска, занятые на строительстве крепости Внезапная. Русские разбили аварское войско, самого хана низложили, на его место посадили его сына — джанку Сухая²⁵.

В октябре Мадатов вновь двинулся на Каракайтак и штурмом взял Башлыкент и Янгикент, резиденцию правителя — уцми. Правитель бежал, его власть была свергнута, а владение вошло в состав Российской империи. В то же самое время Черкей выразил покорность и его простили²⁶.

В середине ноября, завершив возведение Внезапной, Ермолов с девятью батальонами и «множеством пушек» двинулся на Акушу²⁷. 31 декабря под Левашаи он разбил

* Город на северо-западе Персии. — *При. пер.*

горцев²⁸ и назначил в Акуше нового кадия, ставшего, по его словам, «нашим союзником в полном смысле этого слова, а 24 заложника из самых влиятельных семей, которых мы держим в Дербенте, — лучшая гарантия его покорности»²⁹.

В июне 1820 г. Мадатов завоевал Казикумух. Сухай-хан бежал, и на его место русскими был посажен курахский хан Аслан, о чем уже упоминалось. «Начатое в прошлом году покорение Дагестана, — докладывал Ермолов императору, — нынче завершено; и эта страна, гордая, воинственная и доселе никем не покоренная, пала к священным ногам Вашего Императорского величества»³⁰.

Ермолов был уверен, что покорение других частей Кавказа путем экономической блокады или «осады» пройдет без особого труда³¹. Однако, думая так, он вместе со всеми своими единомышленниками сильно ошибался. «Ему было неизвестно, — отмечал один русский историк, — что хотя кратер вулкана был заглушен, его внутреннее пламя было далеко не погашено»³².

Но в тот момент все, казалось, шло хорошо. Завершив в 1821 г. строительство крепости Бурная, Ермолов обратился к Кавказской линии. В 1822 г. он протянул Линию в центре к Кабарде, а в 1825 г. начал делать то же на Правом фланге.

Некоторые сведения о Ермолове содержат иностранные источники, зафиксировавшие слухи о нем: «Ермолов никому и ничему не подвластен (так высказался о нем начальник тайной полиции Николая II), кроме своего тщеславия»³³. Бадли приводит заявление Ермолова: «Я желаю, чтобы ужас пред моим именем охранял наши границы надежнее цепи крепостей, чтобы мое слово было законом более непререкаемым, чем сама смерть»³⁴.

Добиваясь этого, Ермолов был беспощаден. «В своей жестокости он не уступал даже горцам»³⁵, — сообщал

один русский автор, которого цитирует Бадли. Не только не уступал, а был намного более безжалостным, за что его упрекали оба императора — и Николай, и Александр. «Доброта в глазах азиатов — признак слабости, ~ возражал им Ермолов, — и я поступаю с жестокой суровостью из чисто гуманных соображений. Казнь одного уберегает сотни русских от гибели и тысячи мусульман — от измены»³⁶.

Но казни не ограничивались единичными случаями, и казнил Ермолов не только виновных. Был, по крайней мере, один случай, когда с согласия Ермолова был взорван дом подозреваемого, где погибла вся его семья³⁷. Когда он решил вытеснить чеченцев на юг, он напал на одно село и убил там всех жителей — мужчин, женщин и детей³⁸. Известен другой случай, когда захваченных в плен женщин он продал в рабство и раздал своим подчиненным, чтобы на зимних квартирах «по крайней мере офицеры, по примеру своего главнокомандующего, достаточно приятно проводили время в обществе жен-горянок»³⁹.

В этом свете довольно цинично звучит утверждение русских, будто одной из их целей покорения Кавказа было прекращение там работорговли.

Дж. Бадли удивляется, почему русские авторы до сих пор не могут разглядеть прямой связи между хваленой «системой Ермолова» и войной мюридов⁴⁰. Дело заключалось в том, что, как заметил один австрийский дипломат, «все искусство правления в России состоит в применении насилия»⁴¹. Это было справедливо по отношению к самой России и тем более по отношению к Кавказу. Большинство русских военных (Бадли называет их «школой Суворова») были твердо убеждены, что «азиаты» понимают только силу, а те немногие, кто пытались высказывать иной взгляд, кто считал «невозможным добиться принуждением и грубой силой того, что можно сделать путем любви и доверия к челове-

ку»⁴², вызывали презрение, их всячески осуждали и «поносили как малодушных слабаков»⁴³.

Правление русских на Кавказе с самого начала строилось на следующей предпосылке: «всем, что там происходит, движут страх и корысть», и «вся политика этих народов (т. е. горцев) заключена в силе»⁴⁴. Таким образом в этом отношении Ермолов нисколько не выходил за рамки существовавших тогда общих представлений. А если и выходил, то суровостью своих мер, количеством затраченных сил, жестокостью и беспощадностью. В самом деле, если в очень редких случаях дореволюционные авторы и критикуют его⁴⁵, то только за упомянутые эксцессы и совершенно частные действия, признаваемые ошибочными.

Главный изъян опоры исключительно на силу, если перефразировать Авраама Линкольна, заключается в том, что можно терроризировать целый народ какое-то время или часть народа — все время, но нельзя терроризировать весь народ все время. Ермолов не преуспел ни в том, ни в другом, но имя его на века осталось в памяти горских народов⁴⁶. Благодаря широкому применению артиллерии, которой до того горцы не знали, он ненадолго покорил Дагестан. «Я не мог воспользоваться столь убедительным доказательством наших прав, — писал Ермолов Давыдову (в феврале 1819 г.) о применении артиллерии. — Было весьма любопытно наблюдать за первым впечатлением у людей от этого невинного приема, и я сразу понял, какое удобство он представляет, когда кого-то надо подчинить»⁴⁷. Но в Чечне все происходило иначе. Там Ермолов увидел, что подчинить горцев свыше его сил и возможностей.

Все, на что он оказался там способен, это проводить опустошительные «карательные экспедиции», в ходе которых уничтожались сады, посевы и целые селения. В отличие от построенных из камня дагестанских аулов,

напоминавших крепость и представлявших для захватчика крепкий орешек, села предгорной Чечни строились из дерева. Их было нетрудно разрушить, а значит, и восстанавливались они легко. Их проще было захватывать, потому что чеченцы обычно их не обороняли, они просто покидали свои дома и вместе со скарбом и скотом уходили в леса и в горы. Результатом русских экспедиций редко было что-то большее, чем простые солдатские трофеи. Но ожесточение чеченцев эти экспедиции усиливали многократно. Однако Ермолова это нисколько не беспокоило, его войска новой Линии по Сунже продолжили свои экспедиции.

Николай Васильевич Греков⁴⁹ по тщеславию, суровости и жестокости превзошел своего предшественника. Он «смотрел на чеченцев с точки зрения, которую мало назвать презрительной, и в своей речи и официальных бумагах называл их не иначе, как негодьями, а их представителей на переговорах — либо разбойниками, либо мошенниками»⁵⁰. Греков «отдал всего себя проведению политики Ермолова и выполнению его предписаний»⁵¹, то есть уничтожать аулы, вешать заложников, убивать женщин и детей.

«Каких бы грехов ни водилось за чеченцами, — писал Дж. Бадли, никто из беспристрастных читателей русских описаний этого периода, а других мы не знаем, не высказывал сомнений в том, что чеченцы подвергались жестоким преследованиям»⁵². Вскоре сопротивление чеченцев приобрело характер религиозной войны, чему особенно способствовал приезд в 1824 г. из Дагестана в Майртуп Кази-Муллы (будущий первый имам Дагестана Гази Магомед), который объявил некоего Авко из Герменчука долгожданным избранником Аллаха⁵³ для джихада (священной войны) против русских. Но руководить военными действиями чеченцев стал Бейбулат Таймазгул (Таймазов), очень влиятельный человек в Большой Чечне и прославленный воена-

чальник, питавший личную ненависть к Грекову⁵⁴, и ставший для русских на долгие пять лет костью поперек горла.

Очень скоро восстание распространилось по всей Чечне, к восставшим примкнули ингуши, кабардинцы, аксайские кумыки, а также осетины и несколько сот дагестанцев⁵⁵. Греков, поначалу игнорировавший восстание, скоро был вынужден действовать. Он «прибегнул к своим обычным мерам, но они ничего не дали. Видных руководителей восстания схватили и подвергли публичной порке, некоторых забили до смерти. Но никакие, даже самые изощренные наказания, не оказывали на противника серьезного воздействия; скорее, наоборот, его лютость только более их ожесточала... — пишет Бадли. - Греков шел походом то на одних, то на других, но чеченцы от него ускользали или терпели лишь незначительные поражения»⁵⁶, и это было только прелюдией к тому, что стало постоянной картиной на протяжении следующих 15 лет.

В ночь на 20 июля 1825 г. горцы под водительством упомянутого Авко и Кази-Муллы штурмом взяли редут Амир-Хаджи Юрт и разрушили его. Из 181 защитника форта 98 были убиты, а 13 взяты в плен. В качестве богатого трофея чеченцы захватили пушку. В тот же день они осадили редут Гурзуль (аул Герзель) и держали осаду семь дней. 27 июля 1825 г. Греков и его непосредственный начальник Лисанович отбросили осаждавших. На следующий день русские генералы, задумав наказать чеченцев, пригласили в редут 300 мужчин из Аксая, намереваясь их арестовать. Лисанович стал их ругать по-чеченски и оскорблять, а под конец, угрожая наказать за измену, приказал им сдать свои кинжалы. Один из чеченцев по имени Хаджи Учар Якуб отказался сделать это. Греков вышел из себя и ударил его по лицу. В мгновение ока чеченец сразил кинжалом Грекова, еще двух офицеров и смертельно ранил Лисановича.

Умирая, тот командовал солдатам перебить всех 300 чеченцев.

Получив донесение, Ермолов тут же выехал во Владикавказ. Здесь он пробыл до конца года, занимаясь перестройкой Линии, снося одни редуты и возводя другие. А восстание тем временем все разрасталось, чеченцы нападали на русские редуты и станицы, некоторые из них были захвачены. Наконец, в январе 1826 г. Ермолов вышел в поход. В январе-феврале, а потом еще раз в апреле и мае он прошелся по восставшей Чечне вдоль и поперек, по словам Бадли, «наказывая взбунтовавшихся чеченцев, сжигая деревни, вырубая лес, истребляя повстанцев в перестрелках, которые ни разу не переросли в сражение, а порой пытался склонить их на свою сторону, проявляя не свойственную ему снисходительность»⁵⁷.

Внимательный анализ хода этих событий убеждает, что действия Ермолова имели самый минимальный результат. Строго говоря, восстание потерпело неудачу по внутренним причинам, главным образом из-за его плохой организации. Это наглядно видно из того, что его вожди спокойно поживали в обществах, мирно уживавшихся с русскими, что в то время осталось незамеченным. Поскольку, как пишет Бадли, «все выглядело так, будто успех был полным»⁵⁸, Ермолов вернулся в Тифлис. Но это было его последним триумфом. Скоро успешная карьера генерала внезапно прервалась.

31 июля 1826 г. в поход на Кавказ двинулся персидский мирза Аббас. Вопреки многократным предостережениям о возможности войны с Персией, нападение застало Ермолова врасплох, и действия его оказались на удивление нерешительными. Вопреки предупреждениям о возможности войны с персами (оставив в стороне его вклад в развязывание этой войны) Ермолов, по-видимому, так уверовал в то, что держит их в страхе, что нападение персов было для него полной неожиданностью —

тью. Николай I, уже давно недолюбливавший Ермолова, послал графа (а потом князя)* Паскевича**⁵⁹ принять командование Кавказским фронтом. Как и следовало ожидать, за этим назначением последовали шесть месяцев интриг и взаимных обвинений. В конце концов под предлогом выяснения того, что происходит между двумя военачальниками, царь послал на Кавказ графа Дибича с заданием сместить Ермолова⁶⁰.

9 апреля 1827 г. Ермолов покинул Тифлис, а его место занял Паскевич, но гигантская фигура Ермолова продолжала бросать тень на Кавказ, и все его преемники были вынуждены состязаться с ней. Одно из его наследий в сфере отношений с горцами, которое во всех русских источниках обойдено молчанием, стало особенно пагубным для его преемников: исключительная жестокость Ермолова дала противоположные ожидавшимся результаты и привила горцам иммунитет к террору. Испытав на себе все, они перестали бояться русских.

Войны с персидскими Каджарами и турецкими Османами отвлекали Россию от Кавказа вплоть до 1829 г. Когда в 1830 г. Петербург снова обратил внимание на горцев, то скоро обнаружилось, что картина там сильно изменилась, и в решаемом русскими уравнении появилась новая неизвестная величина.

* Титул ~ почетное владетельное, родовое или пожалованное звание. Титул, пожалованный за военные или другие заслуги перед государством, не сменялся на более высокий, а добавлялся к предыдущему, Например: А.В.Суворов — граф Римникский (1789 г. — за победу при Римнике в русско-турецкой войне), князь Итальянский (за Итальянский и Швейцарский походы). — *Прим. пер.*

*Паскевич Иван Федорович (1782—1856), граф Эриванский (1828), светлейший князь Варшавский (1831), генерал-фельдмаршал, наместник на Кавказе в 1827—1830 гг., главнокомандующий на Кавказе во время русско-персидской и русско-турецкой войн, с 1831 г. - наместник Царства Польского. — *Прим. пер.*

Накшбандийа - халидийа

Накшбандийа — одно из главных течений суфийских *тарикатов* и *тауфатов*¹. Изначально оно называлось *тарикат аль-хваджаган* (букв.: *путь учителей*), родоначальником его считают Абу Якуба аль-Хамадани (ум. 1140 г.). Но в дальнейшем течение стало называться по имени Мухаммеда Баха аль-Дина аль-Накшбанди (1318—1389), который придал ему существующую ныне форму². Накшбандийа с самого начала носило «строгое» ортодоксальный характер³ и сыграло «исключительно важную роль в привитии тюркским народам суннитских традиций»⁴.

Из своей колыбели в Центральной Азии* Накшбандийа распространилась на все части исламского мира. В Индии исламский просветитель аль-Шейх Ахмад Фаруки Сирхинди (1564—1624) трансформировал течение в «авангард возрожденного исламского правоверия»⁵. Из Индии «воинствующее возрожденчество»⁶ накшбандийа-муджаддидийа, как оно стало называться после Сирхинди, носившего звание *муджаддид-и алф-и тхани* (букв.: *реформатор второго тысячелетия*), распространилось на Средний Восток и оттуда перекочевало на Кавказ.

Согласно местным преданиям⁷, первым накшбандийским лидером на Кавказе был шейх Мансур, ставший во многих отношениях предвестником распространения этого течения в XIX столетии⁸. Он начал «пер-

* Накшбанд почти всю жизнь прожил в Бухаре и ее окрестностях, лишь два раза покидая ее, чтобы совершить хаджж. — *Прим. пер.*

вым проповедовать и вести... священную войну против неверных русских на Кавказе», и хотя потерпел неудачу в попытке «объединить... дикие племена гор и лесов, он был первым, кто внушил им, что без реформированного исламского вероучения им не видать свободы и независимости, которыми они так дорожат»⁹.

Хотя шейх Мансур и был истинным накшбандийцем, но укоренение этого суфийского ордена на Кавказе произошло без него. Там утвердилось побочное течение Накшбандийа-Халидийа, названное по имени шейха Дийя аль-Дин Халид аль-Шахразури (1776— 1827)¹⁰. Один из его последователей шейх Исмаил аль-Курдумири несколько лет в конце десятих годов XIX в. вел активную деятельность в Ширванском ханстве* в качестве халифа шейха Халида¹¹. После аннексии ханства в 1820 г. русские власти стали преследовать сторонников этого течения. Двух последователей шейха Исмаила сослали в Сибирь, а ему самому русский губернатор вежливо намекнул, что лучше ему убраться в Турцию, куда он и вернулся.

После его отъезда деятельность ордена в Ширване была приостановлена. Но семена, посеянные шейхом Исмаилом, нашли благодатную почву в Дагестане, куда движение было привнесено еще одним его последователем шейхом Хас Мухаммедом аль-Ширвани. Он посвятил в духовный сан шейха Мухаммеда аль-Яраги**,

*Ширван — историческая область на территории современного Азербайджана, принадлежавшая Персии. С 1748 г. самостоятельное ханство, с 1805 г. присоединено к России. — *Прим. пер.*

** Автор книги находит целесообразным давать собственные имена и географические названия в их арабском звучании, поскольку Шамиль и его сподвижники пользовались арабской письменностью. Мы сохранили эту форму за исключением совершенно хрестоматийных имен. Впрочем, самый обычный читатель легко разберется с арабизированной формой имени, если учтет, что имя, идущее за словом «ибн» (сын), означает имя отца, а последняя часть имени, присоединенная через артикль «аль-», обычно означает местность или название города (поселения), из которого происходит носитель имени. Так, упоминавшийся шейх Исмаил аль-Курдумири происходил из Курдистана, а Мухаммед аль-Яраги в русскоязычной литературе именуется Магомед Ярагский или Магомет из Яраги (по названию аула). — *Прим. пер.*

а тот в свою очередь — шейха Сайда Джамала аль-Дина аль-Казикумуки¹².

Русские¹³, а затем и советские¹⁴ источники называли движение Накшбандийа-халидийа *мюридизмом*¹⁵. За очень редким исключением¹⁶ они считали мюридизм отдельным, полностью самостоятельным течением суфизма, даже противостоящим самому суфизму, откуда мюридизм, собственно говоря, вышел¹⁷. В соответствии с этими взглядами, Мухаммеда аль-Яраги Бадли, например, считал основателем политико-религиозного движения, под названием мюридизм, объединившим на время великой борьбы за свободу большинство дагестанцев-мусульман, но который никогда не брал на себя роль настоящего лидера, и поэтому не может считаться первым имамом, как его некоторые ошибочно называют¹⁸.

На земле Дагестана, где в конце 10-х и начале 20-х гг. XIX в. начало распространяться это движение, происходили бурные события. Русское господство разрушило традиционный образ жизни, политический, экономический и общественный строи не только на оккупированной территории, но и во многих обществах, еще не попавших под управление России. Хозяйство пока свободных, или «немирных», обществ сильнейшим образом пострадало от экономической войны русских. Блокада одних горских обществ, лишение пахотных земель других, изгнание горцев с зимних пастбищ в предгорьях нарушили традиционные формы товарообмена и производства продуктов питания, а жители гор не могли обеспечить себя сами всем необходимым и в большой степени зависели от этих хозяйственных связей и существовавшей системы производства.

«Карательные экспедиции» русских, сметавшие все на своем пути, повлекли за собой дальнейший подрыв экономической жизни этих обществ. Свою роль тут сыграли традиционные на Кавказе разбойничьи набеги

на соседей, которые всегда служили дополнительным средством добычи средств существования, а русские просто толкали горцев на это. Большой удар был нанесен по экономике Чарталаха, когда русские власти запретили работорговлю местных обществ с Османской империей, куда продавались грузинские и армянские пленники, захваченные во время набегов.

Покоренные, или «мирные», общества Дагестана, помимо нарушения торговых связей, несли и другое тяжкое бремя. Кроме поборов со стороны своих собственных правителей, которые во многих случаях были увеличены, горцы теперь обязаны были снабжать русские войска по первому требованию и за бесценок продовольствием, дровами, конной тягой и двухколесными телегами-арбами. Никакой компенсации за падеж лошадей и поломку телег их владельцы не получали. Более того, на горцев еще возлагалась и трудовая повинность, главным образом по сооружению дорог и поддержанию их в исправном состоянии. «Все хозяйственные тяготы, — писал один русский генерал в 1841 г., — по обеспечению и поддержке нашего завоевания Дагестана лежали на маленьких усмирённых обществах, которые к тому же давали нам еще и милицию»¹⁹.

В Чечне положение было еще хуже. Кроме экономической войны и «карательных экспедиций» против чеченцев, русские старались вытеснить их с плодородных земель в междуречье Терека и Сунжи в горы на юг и селить на их месте казаков. Потрясение значительно усиливалось длительным, растянувшимся не менее чем на столетие процессом встречной миграции чеченцев на север и северо-восток²⁰. Волна беженцев на юг, столкнувшись с давно определившимся влечением чеченцев на север, создала настоящий хаос. Это изгнание и крайняя жестокость, с которой оно осуществлялось, следует рассматривать как главную причину того, что

чеченцы ненавидели русских еще больше, чем дагестанцы.

Установление связей с Россией в свою очередь принесло перемены, повлекшие за собой разрушение традиций и самих основ общества. Одно из самых губительных новшеств, привнесенных сознательно или случайно, — широкое распространение спиртных напитков. Внедрение в быт потребления алкогольных напитков, по видимому, не было запланированным, во всяком случае, со стороны властей. Но и случайным это назвать тоже нельзя, если иметь в виду роль, какую играет в России водка, и по существу чисто европейский уклад жизни. Позднее «мюридизм» наложил на водку запрет, что вызвало у русских сильное возмущение²¹. Это сказалось очень быстро. Например, в 1819 г. Ермолов, воздавая хвалу жителям Акуши «за их высокую мораль, добрый характер и работоспособность», все же писал:

«Но уже в народе следом за привычкой к водке появилось распутство». За это горцы, конечно, должны благодарить российскую «цивилизацию»²².

Кроме того, антиисламская политика России, а она, вопреки обратным утверждениям, была именно антиисламской, грозила кавказским народам потерей своей самобытности. В политической сфере все местные владетели, даже те из них, кто поначалу были к русским расположены, обнаружили, что российская власть была куда более ограничительной, нежели традиционные местные формы господства. Правители, выступавшие против России, были все изгнаны, но даже те, кто принял условия русских, лишились большей части своих властных прерогатив, а их владения в конечном счете были аннексированы²³.

В этой ситуации царило настроение: «после нас хоть потоп». По слабости характера, от отчаяния или по другим причинам одни пустились в пьянство, другие — в картежную игру и всякий другой разгул²⁴. Чтобы добыть на это деньги или набить ими чемоданы перед

бегством, прежде чем русские выбросят их вон голыми, местные владыки выжимали из подданных последние соки. Поскольку власть их была уже подорвана, они прибегали к жестокости и силе.

Одним из таких князьков, пользовавшимся большим уважением у русских, был Агалар-бек, формальный правитель Казикумуха в 40—50-х годах. Он прославился тем, что все время проводил в бесконечных пьяных застольях. Стоило слуге чуть замешкаться с поднесением новой бутылки, как хозяин тут же вонзал в него вилку, нож или все, что подвернется ему под руку. «Внушая народу почтение к русским, он безжалостно избивал и порол своих подданных, невзирая на лица. Все ханство трепетало пред ним от страха»²⁵.

Народ этих княжеств с каждым днем все более утверждался в мнении о незаконности и несправедливости власти таких правителей. Одного того, что эти правители были посажены русскими вопреки местным правилам и обычаям, было достаточно, чтобы их легитимность была поставлена под сомнение. К тому же их поведение противоречило как *адату*, так и *шариату*, а потому расценивалось как *зулм* и еще более дискредитировало их власть.

Так у кавказцев появилось ощущение, что вожди бросили их в самый критический момент, когда физические и моральные силы народа были совершенно истощены. Именно в то время на арене появилось суфийское учение Накшбандийа-халидийа и предложило казавшийся правильным ответ на все вопросы²⁶. Приверженцы Накшбандийа, и в их числе шейх Халид, полагали, что *умма* сбилась с праведного пути. Они считали своим долгом убедить и заставить народ следовать путем пророка Мухаммада и его сподвижников. Поэтому приверженцы Накшбандийа должны были жить согласно суннам пророка, строго соблюдать предписания шариата и уклоняться от *бида*.

Но следовать правилам шариата в личной жизни, по мнению проповедников, было мало. Шариат должен регулировать всю общественную жизнь, и правление властителей должно осуществляться тоже в соответствии с шариатом. В том, что умма сбилась с праведного пути, виноваты были, прежде всего, властители, не соблюдавшие правила шариата. Поэтому первостепенная задача Накшбандийи заключалась в том, чтобы сначала направить на путь истины кавказских князьков. Послушание подданных, считали накшбандийцы, кончается там, где владетель вступал в противоречие с предписаниями шариата. Ученики шейха Халида развили это положение далее. Известно, что Мухаммед аль-Яраги говорил: «Мусульманин не может быть рабом кого бы то ни было и не должен платить налоги даже мусульманскому правителю. Мусульманин должен быть свободным человеком, и у мусульман должно быть равенство»²⁷.

Надо заметить, что шейх Халид был исключительно взыскателен в отношении тех, кто не примыкал к течению *ал аль-сунна*, и наставлял своих сторонников «молиться во здравие высокого Османского государства, от которого зависит победа ислама над его врагами — проклятыми христианами и презренными персами»²⁸.

Не удивительно, что новый взгляд на вещи, привнесенный проповедниками Накшбандийа-халидийа, получил в Чечне и Дагестане ошеломляющий успех. Вот как об этом пишет Дж. Бадли:

«В то время как круг русских сверкающих штыков сужался, влияние муллы Мухаммеда аль-Яраги год от года ширилось. Неощутимое, не имеющее материальной формы это влияние просачивалось сквозь стальное кольцо окружения, как в мираже корабль невредимо проходит грозные скалы или скрытый огонь горящего торфяника распространя-

ется против ветра. Движение двух концентрических стихий, материальной и духовной, происходило в одинаковом темпе, но в противоположных направлениях, и, когда со стороны казалось, что последняя искорка свободы Дагестана потухнет под сапогами царских солдат, священный огонь был готов распространиться по всей земле и запылать в самых удаленных уголках страны»²⁹.

Сразу и в один голос все русские источники стали утверждать, что Мухаммед аль-Яраги и его сторонники призывают к *джихаду*. Возмущаться этим вообще-то не стоило. В данном случае русские были захватчиками, а, согласно шариату, мусульмане обязаны вести джихад для защиты земель ислама³⁰. Еще в 1819 г. объявил русским джихад и призвал народ и правителей Дагестана включиться в священную войну Сайд аль-Харакани, виднейший *алим*, а позднее противник На-кшбандийи. Мало того, при этом подчеркивалась роль *суфийского тауфата* и прежде всего движения Накшбандийи в джихаде всего исламского мира³¹. Русские источники вину за беспорядки в Дагестане в 1829 г. и восстания 1825—1826 гг. в Чечне и Кабарде прямо возлагают на Мухаммеда аль-Яраги с его проповедями³².

Но если внимательно отнестись к документам, то становится совершенно ясно, что призыв к джихаду носил чисто теоретический, символический характер. На практике священной войне отводилось второстепенное место в неопределенном будущем. На первое место Мухаммед аль-Яраги и его последователи ставили утверждение шариата и искоренение адатов. «О люди! — взывал к горцам почтенный шейх с упреком, — вы ни мусульмане, ни христиане, ни язычники... Пророк говорит: истинный мусульманин тот, кто чтит Коран и распространяет шариат. Кто следует моим наставлениям, займет места на небесах выше святых, бывших до

греха. Денно и ночью молитесь в мечети. Не уставайте молиться Аллаху. Плачьте и молитесь о прощении³³.

Лишь установив шариат и вновь став на праведный путь, обретут мусульмане добродетель и силы, необходимые для джихада и своего освобождения. А пока не настанет пора «вернуть оружие против неверных»³⁴ или пока «кто-то из могущественных правителей Востока не покорит русских во славу Корана», горским народам «не возбраняется подчиняться русским» и даже «оказывать им гостеприимство»³⁵.

Таким образом, кавказские лидеры Накшбандийи-халидийи проявили похвальный прагматизм, их никак нельзя обвинить в безоглядном поклонении русским. При соответствующем подходе они могли, хотя и не обязательно, пойти на соглашение с русскими. Но подход русских с самого начала был сугубо враждебным³⁶, и если преследования не были систематическими, то лишь потому, что, с одной стороны, русских какое-то время занимали другие проблемы, а с другой — по причине удаленности и труднодоступности отдельных районов Дагестана.

Такое отношение к мюридизму объясняется традиционной неприязнью русских к исламу и, вообще говоря, ко всем другим вероисповеданиям, исключая поддерживаемую государством православную церковь: с Кавказа были выдворены миссионеры капуцинов и шотландцев. Бесчисленные декларации русских в отношении инородцев равным счетом ничего не значили, политика России всегда была антиисламской. Лучшей демонстрацией этой политики было стремление обратить горцев в православие³⁷. Эта политика подкреплялась запретом на отправление мусульманских религиозных обрядов, а самое большое возмущение и негодование мусульман вызывала невозможность совершать *хаджж*,

паломничества в Мекку и Медину³⁸. Всему этому есть неоспоримые свидетельства. В одном документе, например, прямо и без обиняков говорится:

«Полное восстановление с ними дружественных отношений можно ожидать, лишь когда Крест будет воздвигнут над горами и долинами, когда мечети будут заменены храмами Спасителя. До тех пор наше правление на Кавказе может покоиться только на силе оружия»³⁹.

В результате этой ксенофобии, сопровождаемой обычными для русских подозрительностью и нетерпимостью ко всяким движениям и видам деятельности, неподконтрольным власти⁴⁰, они с самого начала рассматривали мюридизм как движение «фанатиков» и ярых ненавистников. Эта нетерпимость русских помешала им использовать против Шамиля кадирийский орден суфистов. Когда он впервые начал распространяться на Кавказе (русские называли его *зикризм*), сторонники этого ордена были очень миролюбивы и призывали договариваться с русскими. Но те все-таки подвергли зикризм гонениям⁴¹. Точно так же призыв к соблюдению шариата для них звучал синонимом объявления джихада, даже если за шариат агитировал кто-то из местных союзников⁴².

Во время войн 1826-1829 гг. Дагестан и в какой-то мере Чечня вели себя довольно мирно. Небольшие беспорядки, беспокоившие русских, были инспирированы турецкой и персидской агентурой⁴³:

«Персы и турки поочередно засылали своих эмиссаров, чтобы поднять горцев на борьбу с русскими в надежде оттянуть часть их кавказской армии с арены боевых действий. Персы действовали путем подкупа, рассчитывая на жадность горцев к деньгам. Турки оказались более расчетливыми или даль-

новидными и больше напирали на религиозные чувства и, к чести дагестанцев будь сказано, моральная сторона дела оказала на них большее влияние, нежели материальная»⁴⁴, — писал Дж. Бадли.

Пассивность накшбандийских лидеров частично объясняется еще тем, что им не хотелось объявлять джихад в поддержку Османской Турции. (Во всяком случае джихад в поддержку персов-шиитов не объявлялся по религиозно-этическим соображениям.) Мотивы такого поведения могли быть самыми разными: одни понимали реальное соотношение сил обеих сторон, другие надеялись, что турки осият русских и вытеснят их из Дагестана. Однако Россия из этих войн вышла победительницей, и Дагестан оказался перед лицом двух последствий этого:

1. Теперь русские решили окончательно усмирить все горные районы, которые доселе им не покорились. Первый удар по дагестанским обществам Паскевич решил нанести в Чарталахе, что он сделал 8—15 марта 1830 г.⁴⁵ Наблюдая военные приготовления⁴⁶, горцы хорошо поняли намерения русских, да те их и не скрывали⁴⁷.

2. Поражение Османов стало для всего населения Дагестана настоящим шоком, и потрясенные горцы утратили былую решимость отбить наступление русских. В аулах открыто говорили: если русские разбили персидского шаха и турецкого султана, разве мы выстоим против них? Они придут сюда — и помоги нам Аллах! Это будет для нас конец света⁴⁸.

Некоторые из накшбандийских активистов считали положение критическим. «Мы плохо оценили силы безбожного врага, — говорил один из них, — и просмот-

рели его приготовления, когда русские захватывали Акушу, Тарки, Мехтули и Хунзах, когда они разгромили Османов и Каджаров. Теперь наш враг вошел в Чарталах. Во всем Дагестане только в Хинадале, Кубуте... Аваристане и Гартолу [?] народ еще сохраняет свободу. Но и здесь правители Аваристана... намерены замириться с русскими»⁴⁹.

Они поняли: чтобы отразить наступление русских, горцам необходимо срочно объединиться, и они начали действовать. В конце 1829 г. собрание горцев объявило самого видного из своей среды человека имамом Дагестана.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДВА ПЕРВЫХ ИМАМА

Глава шестая

Первый имам

Гази Магомед Ибн Исмаил аль-Джимрави аль-Дагистани (в русских источниках Кази-Мулла, Гази Магомед), родился в начале девяностых годов XVIII столетия¹ в ауле Гимры, втором по величине селении в Хиндальском обществе (называемом также Койсубу). С ранних лет Гази Магомед проявил склонность к религии. Он учился у самых известных *улама* Дагестана, а завершил образование у Сайда аль-Харакани, *кади* своего аула Гимры, очевидно, самого мудрого из них.

Свое обучение Гази Магомед закончил в 1820 г., после чего направился к шейху Сайду Джамалу аль-Дину аль-Кази-Кумуки, который ввел его в братство Накшбандийа-халидийа. Затем Джамал аль-Дин направил Гази Магомеда к своему учителю-муршиду шейху Мухаммеду аль-Яраги, «чтобы завершить изучение шариата. Передав ему все свои знания *тариката*, эфенди Мухаммед благословил Гази распространять учение по Дагестану и отдал ему в жены свою дочь»².

Таким образом, Гази Магомед стал одним из *халифов* Джамала аль-Дина и энергично начал свою просветительскую деятельность. «Он обладал редким даром сочетать серебро речи с золотом молчания. Шамиль называл его «молчаливым голубем», другие же говорили, что сердца людей льнут к его губам, и что одним вздохом он мог поднять бурю в душах людей»³. В 1827 г. он уже имел широкую известность, и шамхал Мехти-хан позвал его «прийти к нему и обучить шариату его самого и народ». Гази Магомед откликнулся на эту просьбу только в 1829 г. и после повторных приглашений шамхала⁴. К тому времени у него уже были свои

последователи, некоторые из них уже практиковали с ним *рабиту*⁵.

К концу 1829 г. за Гази Магомедом уже шли «почти все подданные шамхала, значительная часть аварцев, жители Кунбута [Гумбета], Салатау и кумыки. Ему были послушны священнослужители Хиндала, и народ Чирхана полностью ему доверял»⁶. Именно в конце 1829 г. Гази Магомед почувствовал, что время не ждет. До того момента он проповедовал идею, которую можно назвать «пассивным сопротивлением» русским. Теперь перед лицом надвигавшегося нашествия он решил, что шариат должен вводиться силой и таким путем объединить горцев для отпора русским посягательствам.

В конце 1829 г., а потом еще раз на более широком собрании улама и старейшин его объявили имамом (здесь в обычном значении «вождь») Дагестана как наиболее выдающегося деятеля Накшбандийа-халидийа. После этого Гази Магомед обнародовал воззвание к правителям и народам Дагестана внедрить шариат в жизнь, угрожая наказанием тем, кто этого не станет делать⁷. Вскоре он объявил русским джихад.

Часть накшбандийских лидеров воспротивилась его шагам. Первым и самым главным противником этих мер стал Сайд Джамал аль-Дин. Чтобы преодолеть сопротивление своего муршида, имам через его голову обратился к самому Мухаммеду аль-Яраги⁸.

С благословения Мухаммеда аль-Яраги Гази Магомед собрал своих сторонников и начал «обходить аул за аулом, чтобы (силой) вернуть грешников на праведный путь, наставить заблудших и сокрушить преступное начальство аулов»⁹. Первым имам вошел в аул Аракани, где он разрушил дом своего учителя Сайда и повелел хранящееся в доме и во всем ауле вино вылить на землю¹⁰. Сайд аль-Харакани был одним из самых выдающихся улама в Дагестане и зачинщик бунта 1819 г. Впоследствии он примирился с правлением русских (по некоторым источникам в результате длившегося ночь напролет разговора с Ермоловым¹¹) и стал одним из главных противников

Накшбандийа-халидийа. Среди прочего он упрекал накшбандийцев в том, что те вводят шариат и отменяют адаты. Он возражал также против запрета табака и водки, истолковывая коранический запрет вина как не относящийся ко всем спиртным напиткам.

В середине февраля 1830 г. Гази Магомед был в Анди, где вступил в переписку с правившей там вместо своего малолетнего сына Паху-Бике¹². Имам обратился к ханше с призывом присоединиться к его войску и порвать отношения с русскими. Не получив от нее вразумительного ответа, он вступил в Аваристан и осадил Хунзах, но 24 февраля был разбит¹³. Русские источники справедливо объясняют его поражение тем, что действия имама в преддверии нападения русских на Чарталах были преждевременными¹⁴.

Но это был временный сбой в реализации планов имама. Захват русскими Чарталаха (март 1830 г.) возмутил весь Дагестан, и это сыграло ему на руку. Чарталахские общества обратились за помощью к дагестанским братьям, те сразу на это откликнулись, и с мая по декабрь 1830 г. несколько больших отрядов горцев, предводимых сподвижниками Гази Магомеда, спустились с гор в Алазанскую долину и вступили в стычки с русскими¹⁵. В самом Дагестане развернулось широкое движение за объединение всех горцев против русских¹⁶. Было важным и то, что шейх Мухаммед аль-Яраги в сентябре 1830 г. от молчаливой поддержки перешел к открытому содействию Гази Магомеду и тоже объявил русским джихад¹⁷.

Влияние Гази Магомеда росло и ширилось. Уже в апреле 1830 г. это ощущалось среди чеченцев и кумыков¹⁸. В Чечне он с самого начала пользовался поддержкой вождей восстания 1825—1826 гг. Авко, Мухаммеда аль-Маюртупи и Бейбулата¹⁹. В мае 1830 г. имам направил в Чечню своего помощника шейха Абдаллаха аль-Ашалти. Этот порученец оказался очень деятельным, он успешно провел мобилизацию бойцов и стал во главе войска²⁰. Своим визитом в Чечню в сентябре-

октябре 1830 г. имам еще больше упрочил там свое влияние²¹.

Что касается Дагестана, то как писал А. Л. Зиссерман:

«1830 год стал годом распространения в обществах горцев мюридизма, годом их набегов на подчиненные деревни, годом перетягивания жителей предгорий на свою сторону. А тем временем наши малочисленные колонны мотались то туда, то сюда, вступали с горцами в перестрелку, изгоняли из одного селения, чтобы на следующий день делать то же в другом... Издавались воззвания, которые никого не волновали, заключались договора, которые никто не выполнял, и все писались и писались доклады высокому начальству и всевозможные указания»²².

Это самокритичное и карикатурное описание, по существу, верно отражает тогдашнюю обстановку. Ответные действия русских оказывались на руку Гази Магомеду и содействовали его движению²³. Прежде всего, как это часто случалось и ранее, русские не восприняли деятельность имама всерьез. Когда в ходе подготовки генерального наступления на горцев Паскевич заинтересовался этим явлением, местные командиры, исходя из собственных соображений, стали присылать ему самые противоречивые сведения²⁴.

Чтобы прояснить обстановку, Паскевич послал в Дагестан своего протеже майора Ивана Корганова с заданием все досконально выяснить и определить, что и как следует делать²⁵. Однако Корганов, которого впоследствии прозвали «Ванька Каин, предоставленные ему полномочия использовал в своих корыстных интересах, вмешался в интриги внутри и вокруг аварского правящего дома и еще больше запутал и усложнил ситуацию²⁶. Арестовав Абу Муслима, брата шамхала, пользовавшегося у местного населения большим влиянием, он фактически подтолкнул горцев на грань бунта. И лишь разразившаяся в это время эпидемия холеры помешала началу восстания.

Здесь русские перепробовали все: они вели переговоры с Гази Магомедом²⁷, использовали силу и экономическое давление, пытались арестовать обоих муршидов²⁸, хотели захватить имама живым или мертвым и даже планировали его убийство. Но ни одно из этих мероприятий не было доведено до конца, и все они дали обратный результат. Говоря точнее, все эти действия проводились одновременно или в быстрой последовательности, внося путаницу и нейтрализуя результат друг друга. Например, попытки начать переговоры с имамом предпринимались в тот момент, когда другой командир вел подготовку к его убийству²⁹. В конце 1830 г. Паскевич послал Гази Магомеду в подарок платье и 50 голландских гульденов. Но командир, через которого передавался этот подарок, решил иначе и передал то, что предназначалось имаму, одному из местных князьков³⁰.

В конце мая 1830 г. к аулу Гимры подошла колонна русских численностью в 6000 штыков с 23 пушками и 6 мортирами. Командовавший этим войском генерал-майор Р. Ф. Розен³¹ счел свои силы недостаточными и от штурма аула отказался. Вместо этого он захватил скот хиндальцев, содержавшийся в то время на зимних пастбищах предгорий, рассчитывая таким образом вынудить Хиндал сдаться или изгнать имама. Но план полностью провалился и ударил по самим русским, и не последним в неудаче было то обстоятельство, что в результате пропало много скота³².

Провал кампании Розена означал победу горцев, но потеря скота была для них тяжелым ударом. Это вынудило Гази Магомеда в начале марта 1831 г. «занять позиции в Агач-Кале» (Чумкескент)³³. С этих позиций он мог оборонять Хиндал и в то же время нападать на русских в предгорье.

Ответные действия русских командиров оказались еще более путанными и бездарными, чем в предыдущие годы³⁴: командующий войсками в Дагестане Бекович-Черкасский 19 апреля попытался выбить горцев оттуда, но безуспешно. Он уехал в Дербент, оставив войска под

командование полковника Мищенко. Тот 1 мая опять предпринял попытку штурмом взять позиции горцев, но и ему это не удалось.

16 мая имам перешел на позиции у Алти-Буюна. 20 мая командующий Левым флангом русских Таубе попытался выбить горцев с новых позиций, и снова неудачно. Восемь дней спустя Таубе поспешил отступить, «оставив Дагестан в худшем положении чем то, в котором он его увидел сначала»³⁵. Из этих событий имам и его последователи извлекли важный урок, который они использовали впоследствии: укрепив свои оборонительные позиции, они получают шанс отразить атаки русских, несмотря на всю их артиллерию.

В 1831 г. положение в России значительно осложнилось из-за восстания в Польском королевстве и смежных с ним провинциях, до раздела Польши входивших в ее состав. Император распорядился часть войск с Кавказа направить туда. Кроме того, и это было существенным, командование войсками, направленными против восставших поляков, он возложил на Паскевича. 10 мая Паскевич покинул Тифлис. Вместо себя на Кавказе он оставил генерала Эмануэля командовать Кавказской линией и генерала Панкратьева — в Закавказье, приказав обоим воздерживаться от наступательных операций.

Это не ускользнуло от внимания Гази Магомеда, и он решил воспользоваться случаем. Он сыграл на неповоротливости русской армии в действиях против подвижных отрядов горцев и провел серию внезапных нападений, в которых порой ему удавалось разгромить русские соединения, отчего авторитет его еще более вырос³⁶.

В начале июня имам выманил Каханова в тщетную погоню за собой в Алти-Буюн, Параул и Агач-Кале. А сам тем временем овладел Тарки и обложил Бурную и Низовое. Стоило Каханову подойти туда, как горцы сразу отошли. Но свои силы имам не разбрасывал. Он наносил русским беспокоящие удары, пока те не переставали «испытывать судьбу» в наступательных операциях³⁷.

26 июня Гази Магомед уехал на другой фронт, и

крупномасштабные операции горцев здесь остановились. Но набеги свои они не прекращали ни на миг, так что гарнизон Бурной «и носа не показывал на крепостные стены»³⁸.

А тем временем Абдаллах аль-Ашалти собрал под знамена имама большие силы чеченцев и кумыков. Объясняется этот успех зимней кампанией Вельяминова, когда было разрушено от 30 до 35 аулов³⁹. Это и толкнуло разъяренных и мстительных чеченцев в объятия имама. Начав свою работу в середине мая, уже 7 июня 1831 г. Абдаллах вышел в окрестности Внезапной с внушительным войском. К 17 июня он перерезал все дороги, ведущие в крепость, и к нему присоединились кумыки и кара-ногайцы. 26 июня Абдаллах приступил к осаде крепости. Через три дня подошел имам, усилил осаду крепости и послал небольшой отряд на Кизляр⁴⁰.

Ответные действия русских опять были замедленными и нерешительными. Командующий Кавказской линией Эмануэль «был поражен бездействием Ковалева и невозмутимостью Сорочяна... но сам все это время даже не пошевелился»⁴¹. Лишь 10 июля, собрав значительные силы, русские двинулись на помощь Внезапной. На следующий день Гази Магомед отошел. Теперь Эмануэль решил преследовать имама и рассеять его силы. 13 июля в густом лесу под Акташ Авком русские подверглись нападению и были разгромлены. Они потеряли 400 человек убитыми и ранеными (из 2500) и одну пушку (из десяти), которую захватили чеченцы⁴².

Эта победа придала делу имама сильный импульс, в течение следующих двух месяцев его эмиссары провели успешную работу среди карабулаков, ингушей-полуязычников, не имевших с шариатом ничего общего⁴³, и кабардинцев. А ингуши даже сформировали отряд в 500 бойцов и перерезали русские коммуникации вдоль Военно-Грузинской дороги⁴⁴.

Гази Магомед во второй половине июля оставил Чечню, но на этом не успокоился. Его последователи довольно долго действовали в Кайтаке и Табасарани, уже в

конце июня большими силами заняли Большент и на четыре дня остановили колонну русских, шедшую на подкрепление Каханова, который застрял в Бурной⁴⁵.

В середине августа имам был в Эрпели и Губдене, 24 августа — в Башли. Четыре дня спустя его разведчики появились возле Дербента⁴⁶. 29 августа Гази Магомед направил в Дербент две прокламации. В одной он предлагал русскому командованию сдаться и со всем войском принять ислам. Другая была обращена к местному населению с призывом перейти на его сторону и с обещанием, что «никому из мусульман, будь он шиит или приверженец других сект, никакого зла не причинят, если он подчиняется правилам шариата»⁴⁷. 31 августа Дербент был полностью блокирован, и началась его восьмидневная осада.

8 сентября, когда к городу подошел Хаканов, имам ушел в горы. Десять дней он оставался в Кайтаке и Табасарани, организуя их оборону и давая указания на будущее. Оттуда он направился в Тарки и Гимры, где проделал то же самое. Затем он выехал в Салатау, который мог стать объектом контрнаступления русских⁴⁸.

16 сентября в Шемахе прибыл Панкратьев, считавший «наступательную операцию полностью исключенной»⁴⁹, и провел там целый месяц, рассылая горцам свои прокламации. В конце концов 16 октября он вступил в горы⁵⁰ и провел там два сражения. Во втором из них, по свидетельству русского участника, «противник проявил такое упорство, действовал так решительно, что, хотя баталия длилась с 6 часов утра до 11 вечера, наш небольшой отряд так и не смог одержать над ним верх и сражение закончилось не столько благодаря нашему успеху, сколько наступлением темноты»⁵¹. Однако русские разрушили сразу 20 аулов, и 23 октября Кайтак и Табасарань были вынуждены сдаться, но шариат, на отмене которого настаивали русские, был там сохранен⁵².

На этом этапе Панкратьев и сменивший в сентябре

Эмануэля Вельяминов, «по чистой случайности угадавшие планы друг друга»⁵³, с двух сторон одновременно вторглись на Салатау⁵⁴. Воспользовавшись тем, что оба военачальника оказались в одном месте, имам переправился через Сунжу и вышел в междуречье, угрожая Грозной⁵⁵. Вельяминов поспешил туда, но это и было нужно имаму. 12 ноября со своей конницей он ушел в горы, а пехоту оставил оборонять Ачихи. На следующий день, пока Вельяминов разворачивался под Ачихи, Гази Магомед совершил опустошительный набег на Кизляр.

Эта «страшная катастрофа»⁵⁶ опрокинула все планы Вельяминова, который «рассчитывал на хорошие результаты своей победы»⁵⁷ в Салатау. В результате набега 134 человека (из них 126 гражданских лиц) были убиты и 45 (38 гражданских) ранены. Полностью сожжены тридцать домов и три церкви. Нанесенный ущерб был оценен в 200 000 рублей. Но самое главное — горцы увели с собой 168 человек, в основном женщин, выкуп за которых «дал Гази Магомеду и его сторонникам хороший куш»⁵⁸. Слава имама разнеслась по всему Кавказу, набег на русскую Линию еще более участились.

В начале декабря 1831 г. имам с 6000 бойцов занял позиции в Агач-Кале⁵⁹. Памятуя поворот событий предыдущего боя на этих позициях, он решил еще раз заманить туда русских, чтобы они его атаковали. И действительно, 6 декабря они атаковали позиции горцев и снова были отбиты. Но повторная атака русских 13 декабря была для них успешной. Почти все защитники аула были перебиты, потому что пощады они не просили, да и вряд ли ее и получили бы, если бы просили. Однако самому имаму и еще нескольким горцам удалось уйти. Но эта победа обошлась русским очень дорого: 96 солдат были убиты, 296 ранены. Панкратьев после этого сражения решил, «что с восстанием в Дагестане, поднятым предателем гази Магомедом покончено»⁶⁰, и 22 декабря приказал своим войскам отправиться на зимние квартиры.

Но уже через несколько дней стало ясно, что мнение Панкратьева... было лишь приятным заблуждением... Не только приверженцы Гази Магомеда... но даже те, кто его покинул... истолковали сражение под Агач-Кале совершенно иначе... Все расценили агач-калинскую резню как славу имама, а наши ужасные потери... как свидетельство поражения⁶¹.

Остаток зимы в Дагестане прошел относительно тихо, кроме небольших стычек и мелких набегов ничего не происходило. Русские решили организовать убийство имама, и больше их ничто не занимало⁶². В Чечне Вельяминов провел две карательные экспедиции против Авка и Салатау и третью — по левому берегу Сунжи, где уничтожил около 15 селений⁶³.

20 октября 1831 г. в Тифлис прибыл новый главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом, главный управитель Грузии и Кавказа барон Григорий Владимирович Розен, начавший военную карьеру в 1789 г. и довольно долго служивший под началом Паскевича⁶⁴. Новый командующий не был знаком с Кавказом и его проблемами, поэтому начал с того, что стал пересматривать и переформулировать российскую (прежде всего, связанную с именем своего непосредственного предшественника) политику и планы, а также идеи, на которых они строились⁶⁵.

Касательно Гази Магомеда Розен скоро пришел к заключению, что «наши действия, не доведенные до конца или завершившиеся неудачей, возвели на пьедестал этого лжепророка»⁶⁶. Поэтому он решил прежде всего «как можно скорее восстановить мир и унять раздражение горцев»⁶⁷. Вскоре была предпринята крупномасштабная кампания с целью покончить с имамом раз и навсегда⁶⁸.

Но Гази Магомед предпочел перехватить инициативу. В конце марта 1832 г. он объявился в районе Владикавказа и попытался атаковать Назрань⁶⁹. Однако не сумев наладить взаимодействие с ингушами и осетинами и не

имея возможности перекрыть Военно-Грузинскую дорогу, он ушел из этого района так же внезапно, как пришел⁷⁰. 8 апреля на обратном пути имам вышел в окрестности Грозной⁷¹. Как проницательно заметил один русский автор, «остановившись под Грозной и не понеся никаких потерь, он посеял панику в близлежащих аулах и вдоль всей линии, а также видел, как русские стали поспешно запираяться в своих крепостях. Одними этими маневрами и безо всякого риска он добивался послушания чеченцев, приучал их быстро собираться и совершать марши, упрочивал их связи с имамом и получал обширный материал для обдумывания на будущее⁷²».

Накануне генеральной кампании русских имам выступил опять. На протяжении всего 1831 г. в Чарталахе было относительно спокойно⁷³, и это дало русским возможность спроектировать и начать сооружение лезгинской линии⁷⁴. Гази Магомед направил туда одного из своих командиров Гамзу-бека, который действовал там между 20 июля и 12 августа. Уход его из Чарталаха следует объяснить не перестрелкой 12 августа, как это поняли русские⁷⁵, а собиравшимися северными грозowymi тучами.

1 июля сам имам захватил укрепленную позицию под Йол-Суставом неподалеку от Эрпили⁷⁶. Он уже предпринимал подобные действия 27 мая, когда в том же районе занял позицию под Каланчаром. Местный русский командир считал эту позицию неприступной, но Гази Магомед сам впоследствии ее оставил. Однако в этот раз новый командир полковник Клюге фон Клюгенау, точно следуя данному ему приказу⁷⁷, два дня подряд (2 и 3 июля) безуспешно штурмовал позицию имама. Следующие три месяца здесь прошли относительно спокойно⁷⁸.

Тем временем Розен двигался по Военно-Грузинской дороге и по пути подчинял себе окрестные племена. Покончив с этим, он 24 июля—5 августа провел операцию против ингушского племени галгеев, а Вельями-

нов 25 июля—9 августа осуществил аналогичную операцию против карабулаков и галашцев. Вместе генералы разрушили 25 аулов⁷⁹.

15 августа группировки двух генералов соединились. Мы не располагаем точными данными о составе обоих отрядов, но известно, что Розен повел войско в 15—20 тысяч штыков в Малую Чечню⁸⁰. С того дня и до 6 октября русские отряды колесили по Малой и Большой Чечне, по Ичкерии, разоряя на своем пути и уничтожая сады, поля и аулы. Уничтожение жилищ и посевов Вельяминов считал сильнейшим средством заставить чеченцев подчиниться⁸¹. Здесь они встретили упорное сопротивление. Особенно ожесточенные сражения прошли в лесах под Гойты (27 и 30 августа) и при захвате Герменчука (4 сентября). Имам пришел на помощь чеченцам лично. 22 августа он совершил демонстративный рейд на Внезапную, а 31 августа в его засаду попал отряд казаков в 500 сабель, потерявший там 155 человек и 2 пушки. (Одну из этих пушек русские отбили обратно 22 сентября 1832 г.) Но понимая, что русских ему все равно не остановить, 10 сентября Гази Магомед вернулся в Гимры.

Перед лицом массированного наступления русских войск имам изменил свою тактику. Если в предыдущем году он стремился к тому, что можно было бы назвать стратегией шейха Мансура, заключающейся в объединении горцев-мусульман, чтобы изгнать русских с Кавказа или по крайней мере воспрепятствовать их продвижению, ныне, продемонстрировав русским, сколь беспокоящими могут быть его действия, имам стал искать с ними соглашения. Вступить с русскими в переговоры Гази Магомед пытался еще в июле 1832 г. перед выездом в Чечню. В то время когда Клюгенау призывал аншальцев подчиниться России, аншальский кадий Шабан был согласен выступить в качестве посредника между русскими, шамхалом, Аварским ханом и имамом⁸².

Теперь, в конце сентября, Гази Магомед через

пленного русского солдата послал Клюгенау письмо, где предлагал заключить перемирие, «если вы не станете, вопреки нашим законам, вводить свои налоги», и направить к нему представителей для переговоров⁸³. Ответ Клюгенау был категорическим: «Скажите Гази Магомеду... явиться к главнокомандующему (Розену) лично со всеми своими абреками и сдаться на милость нашему повелителю... милостивому и великодушному, который может разрешить Гази Магомеду отправиться в Мекку»⁸⁴. На второе письмо ответ пришел в тех же выражениях⁸⁵ и не оставил имаму ничего иного, как сражаться до конца. Он поспешил с фортификационными работами, которые начал, еще ведя переписку с русским генералом⁸⁶.

Между тем Розен продолжал свою кампанию. 10 октября он принял сдачу Салатау. 29 октября его войска вошли в Темир-Хан-Шуру и русские стали готовиться к последнему штурму Гимры, где имам собрался устроить свой лагерь⁸⁷. 29 октября русские овладели укреплением, защищавшим подступы к аулу. Стена, закрывавшая проход была разрушена, и имам с 50 своими соратниками оказался окруженным в одной из саклей. Все они, кроме двух человек, были убиты. (Один из этих двух уцелевших станет третьим имамом Дагестана. Это был Шамиль.) На следующий день русские вступили в Гимры, не встретив сопротивления.

Русские были уверены, что с гибелью имама их трудности закончатся, а руководимое имамом движение развалится. Тут их ждало разочарование. Через несколько дней был провозглашен новый имам Дагестана.

Глава седьмая

Второй имам

1 Гамзат-бек ибн Али Искандер-бек аль-Гуцали (Гамзат-бек) родился в 1789 г. в одном из самых больших селений Аваристана — Гоцатле¹. Он был джанка. Его отец, приближенный султана Ахмет-хана, «был уважаем среди аварцев за отвагу и деловые способности»². Детские годы Гамза провел в султанском доме, где Паху-Бике, вдова Ахмет-хана, занималась его образованием. Молодым человеком Гамза предался пьяному разгулу, но встреча с Гази Магомедом перевернула его жизнь³. Он стал примерным мусульманином, верным последователем Гази Магомеда, и вступил в накшбандийское братство. Когда Гази Магомед стал имамом и объявил джихад русским, Гамзат-бек пошел за ним и во всем поддерживал. Собственно говоря, включившись в 1826 г. в борьбу с русскими⁴, он был среди тех, кто помогал Гази Магомеду организовывать антирусское движение.

В нем Гамза занял видное положение и в 1830 г. руководил контрнаступлением в Чарталахе. В другой раз вместе с шейхом Шабаном аль-Бухунди, еще одним из руководителей движения, он отправился для переговоров в стан русских, был там арестован и несколько месяцев провел в тифлисской тюрьме⁵. Надеясь привлечь его на свою сторону, русские отпустили Гамзу на свободу, но он снова ушел к имаму и стал его заместителем. В 1831 г. его подпись появилась, по крайней мере, на одном документе рядом с подписью Гази Магомеда⁶.

В сражении под Йол-Сус-Тавом (2—3 июля 1832 г.)

Гамзат-бек был ранен⁷, но продолжал руководить кампанией в Чарталахе в июле-августе того же года. Во время наступления русских на Гимры Гамза был в Гоцатле. Он поспешил к Гази Магомеду с подкреплением, но не успел и лишь наблюдал издали за штурмом русских и последним боем Гази.

После гибели первого имама высшее духовенство-улама избрало Гамзат-бека на его место⁸. Собрание уламы и избрание нового имама состоялось по инициативе шейха Мухаммеда аль-Яраги. Он же и предложил кандидатуру Гамзат-бека как преемника Гази Магомеда. Этим поспешным шагом муршид спас незавершенную программу первого имама в самый критический момент, когда гибель Гази Магомеда могла вызвать разброд и шатание. Мухаммед аль-Яраги хорошо понимал тяжесть последствий гибели духовного руководителя и постарался их предотвратить быстрым избранием нового имама.

«Поначалу власть нового имама признали только Гоцатль, Ашальты, Гимры, Тилетль и Мочох... Он приложил немало усилий, чтобы убедить жителей других мест признать его и установить соответствующий порядок. Но его власть не признавали и стали оказывать ему сопротивление»⁹. Тогда Гамзат-бек взялся за саблю и силой подчинил себе все общества, одно селение за другим¹⁰. К осени 1833 г. власть нового имама возросла настолько, что он уже мог досаждал русским¹¹.

Одним из его первых шагов была попытка наладить сношения с русскими¹². Для этого из Гимры к ним были посланы парламентареры. Каханов «предложил Гамзат-беку лично приехать в Темир-Хан-Шуру для разговора один на один... но осторожный и недоверчивый имам (и кто его мог упрекнуть за это после событий 1830 г.?) ограничился перепиской»¹³. Одно письмо было составлено в самых общих выражениях. Во втором он сообщал, что «согласен пойти на примирение с вами, если это не пойдет во вред шариату»¹⁴. Более того,

Гамзат-бек четко заявил, что намерен упрочить шариат и ожидает, что русские не станут этому препятствовать.

Не получив на это послание ответа, Гамзат-бек попросил шамхала выступить посредником в его сношениях с русскими. Видимо, он не подозревал, что именно шамхал подговаривал русских не церемониться с новым имамом. Те и сами не слишком доверяли Гамзат-беку. Но все же Розен попросил шамхала передать имаму, «что если он действительно желает перемирия и хочет отправиться в Мекку, пусть пришлет в заложники своего сына». Имам дал согласие, но поставил условием, что шамхал, в свою очередь, отдаст ему в заложники своего сына. На это Розен в резкой форме возразил, что «слова русского офицера должно быть достаточно»¹⁵. На этой ноте переговоры были прерваны, и Гамзат-бек их больше не возобновлял. Вряд ли была надежда на успех этих переговоров — каждая сторона добивалась собственных, противоположных целей.

Не добившись подчинения имама таким путем, что было главной целью русских на всех переговорах, Розен стал уговаривать аварского хана арестовать имама и выдать его русским. По мнению Розена, тот мог это сделать, потому что Гоцатль (где размещалась резиденция Гамзат-бека) находился на территории Аварского ханства. Но хан не согласился, да вряд ли это было ему и по силам: положение имама было слишком высоким, к тому же его связывали крепкие узы с владетельными родами Аваристана¹⁶.

Несмотря на это, русские не оставляли попыток объединить всех местных правителей, включая Аварского хана, против Гамзат-бека. Когда в октябре 1833 г. имам пошел против Гергебиля, на помощь гергебильцам выступили Тарковский шамхал, Мехтулийский хан и конфедерация Акуша. Но союзники потерпели поражение, и Гергебилю пришлось признать власть имама¹⁷.

Теперь, когда подчиненные имаму земли с трех сторон окружали Аваристан, стало очевидным, что

следующей его целью будет Хунзах. Неудивительно, что в этих условиях отношения между имамом и владельцами Хунзаха накалились, тем более что русские прилагали все свои силы, включая прекращение материальной помощи, чтобы хан и его мать активно выступили против имама¹⁸. Это противостояние зашло так далеко, что в марте 1834 г. Паху-Бике предприняла тайные шаги с целью отравить Гамзат-бека¹⁹.

В конце концов в начале августа имам вступил в Аваристан и захватил Хунзах. Через две недели противники заключили соглашение, по которому Паху-Бике в качестве гарантии выполнения его условий отдала в заложники имаму двух своих сыновей. 25 августа на новые переговоры с имамом приехал третий брат заложников. Во время переговоров произошла перестрелка, в результате которой старшие братья Нусал-хан и Омар-хан, все их спутники, а также брат имама и некоторые из его спутников были убиты. В тот же день по приказу имама Паху-Бике и всех остальных женщин аварского владетельного дома убили. Оставили в живых только одну из жен Нусал-хана, которая была беременна²⁰.

Потом русские в один голос стали утверждать, что это смертоубийство было умышленно подстроено Гамзат-беком по наущению Аслан-хана, правителя Кази-кумыха и Кураха, имевшего на Паху-Бике зуб за отказ отдать ему в жены одну из своих дочерей. Эту версию против Гамзат-бека и его соратников русские использовали настолько успешно, что большое число горских племен поверили в это²¹. Однако первые русские донесения говорят совершенно о другом. Там сообщается, что ссору двух сторон затеяли самые младшие участники. Один схватился за кинжал, другой взял пистолет, и в одно мгновение вся сцена превратилась в кровавую бойню²².

Истребление дома аварских властителей, умышленное или случайное, стало переломным для правления

Гамзат-бека, а может быть, и для истории всего движения, потому что с этого момента в Дагестане нарушился существовавший там баланс сил: со сцены ушла единственная в этом крае группа, способная противостоять власти имама и ее распространению на весь Нагорный Дагестан. Это событие лишило русских важного союзника в Дагестане; исчез столь важный амортизатор в отношениях с имамом, и открытая схватка с ним стала неизбежной. Наконец, в результате всего этого ускорился ход событий, потому что образовался вакуум власти, и русские окончательно вышли из себя.

Захватив Хунзах, Гамзат-бек распустил свое измученное войско по домам, к тому же у него кончились все припасы²³. Но уже в начале сентября он снова его собрал и двинулся на Цудахар, но его остановили воины Акуши, входившие в общий союз²⁴.

Несмотря на это, русские отнесли к имаму как к возрастающей угрозе, особенно после того, как к нему примкнул и признал верховенство имама индирийский кумык Хаджи-Ташо, видный военачальник у чеченцев²⁵. Русские начали готовиться к военной кампании против нового имама²⁶. Но надобность в ней скоро отпала. 19 сентября Гамзат-бек был убит в Хунзахе при входе в мечеть, куда направлялся, чтобы справить пятничную полуденную службу²⁷. Убийство было вызвано скорее личными, чем политическими мотивами: руководил убийцами молочный брат Аварского хана, и его целью была кровная месть.

Трудно переоценить значение и место двух первых имамов. Первый из них, Гази Магомед, разработал практически все основы политики, практики, стратегии и тактики, которым потом следовали оба его преемника. Он, к примеру; первым применил против русских двоякую стратегию всеобщей войны горцев, с одной стороны, и ведение переговоров с позиции «беспокоя-

щих набегов» — с другой. Он первым также увидел слабые стороны русских и показал на практике, как их использовать путем быстрых маневров и внезапных нападений, а также укреплением оборонительных позиций. И еще более важное: он показал своим преемникам, как важно удерживать в руках инициативу.

Но этим заслуги Гази Магомеда не ограничиваются. Он сознательно готовил горцев к затяжной войне, для чего «старался объединить в сплоченное целое разрозненный сырой материал... и приучить горцев к действиям ради единой цели»²⁸. В своих кампаниях он приучил их к длительным походам далеко за пределы мест своей дислокации. Имам придумал остроумный способ вводить русских в заблуждение, сохраняя в тайне свои намерения и распространяя ложные слухи²⁹.

А кроме всего прочего, Гази Магомед научил чеченцев жить в лесах и выращивать кукурузу вместо пшеницы³⁰.

«Этот урок имел особо большое значение... С тех пор чеченцы стали строить свои жилища в непроходимых для войска лесах и быстро их восстанавливать после разрушений... Лес надежно укрывал людей, скот и то малое имущество, что они уносили с собой... Переход с пшеницы на кукурузу был осуществлен в целях сделать народ неуязвимым для таких репрессивных мер, как изъятие у него посевных площадей. Урожайная кукуруза... служила хорошей пищей для населения и возмещала отсутствие хлеба».

«Все это делалось для того, — пишет русский автор, — чтобы сделать чеченцев бдительными, всегда готовыми к бою или отступлению, мало чувствительными к потерям... Против нас применялась хорошо продуманная схема ведения народной войны, как

нельзя лучше подходящая к местным условиям и примитивному образу жизни чеченских племен»³¹.

Даже если, как утверждали некоторые исследователи, не все это было введено Гази Магомедом, или не все выходило так, как он рассчитывал³², первый имам, безусловно, представляет собой весьма значительную фигуру. Менее чем за три года он решил многие из поставленных им перед собой задач. Он заложил правила игры для своих преемников и последователей, которые впоследствии мало в чем изменились.

И все же в день его смерти задуманное им было далеко от завершения. Все его действия выглядели разрозненными, и очень многое зависело от него лично: имам оставался осью, на которой вращалось все остальное. Его гибель могла означать развал всего им сделанного. Этого не случилось по двум причинам: благодаря быстрым действиям шейха Мухаммеда аль-Яраги, в результате которых новым имамом был провозглашен Гамзат-бек, а также из-за чувства вины, испытанного жителями Гимры и других хиндальских селений, не вставшими рядом со своим имамом в его последнем сражении. Подобно жителям Куфы и Басры, тяжело пережившим смерть Али и Хусайна, люди из Гимры в дальнейшем стали твердыми сторонниками нового имама.

В отличие от своего предшественника, Гамзат-бек не вызвал со стороны русских и дагестанских источников того внимания, которого он заслуживает, хотя всеми признан как «ученый и мудрец, кому не было равных в Дагестане по отваге и мужеству»³³. Его краткое правление остается в двойной тени предшественника и преемника. Кроме того, на все правление Гамзат-бека легло позорное пятно истребления правящего рода Аваристана, куда добавила черной краски русская пропаганда, сумевшая навязать мнение о нем, как об обычном убийце.

Тем не менее его деятельность и то, что Гамзат-бек

был преемником Гази Магомеда, остаются важными фактами, на которых следует особо остановиться. Второй имам не был нерешительным, и его вклад нельзя недооценивать. Конечно, трудно предположить, что Гамзат-бек оказывал серьезное влияние на действия Гази Магомеда, но совсем нетрудно догадаться, что такое влияние существовало. Как духовный руководитель, имам Гамзат-бек продолжил и углубил повсеместное введение шариата, начатое его предшественником. Нет прямых свидетельств, но можно найти множество косвенных доказательств, указывающих на то, что второй имам начал формирование административной структуры государства, находившегося в его время в зачаточном состоянии.

Деятельность Гамзат-бека послужила созданию более твердой и широкой базы, на которой мог развернуть свою деятельность его преемник. И такой преемник встал у кормила власти через несколько дней после убийства второго имама.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Глава восьмая

Третий имам

Третий имам родился в 1212 г. хиджры (1796 или 1797 г. н. э.). Его отец Денгау Магомед был узденем*, а мать происходила из боковой ветви казикумухского правящего рода, проживавшего в Ашальты¹. При рождении будущего имама назвали Али. Рос он болезненным, и ему, в соответствии с распространенным местным поверьем, что смена имени влечет изменение судьбы, поменяли имя на Самуил, которое на Кавказе произносится «Шамиль». Из-за этого произношения многие, исключая самого Шамиля, это имя выговаривали как Шамиль. Позднее, находясь в плену, Шамиль объяснял две версии своего имени тем, что якобы, следуя примеру пророка Мухаммада, дважды менял свое имя. Но его объяснение следует отклонить, потому что сам он себя называл Шамуил.

Из болезненного младенца вырос очень высокий (выше шести футов), крепкий, атлетически сложенный юноша. Он был сильнее, быстрее и упорнее большинства своих сверстников, а непрерывными упражнениями добился того, что стал непревзойденным наездником и не имел себе равных в орудовании саблей, ружьем и кинжалом. Рассказы и предания о его невероятной силе, выдержке, везучести и подвигах, несомненно, прибавили ему славы и выдвинули в лидеры. Но не только этим объясняется его выход на первые роли. Шамиль был явно наделен талантом вести за собой

*Узденъ (*тюрк.*) — свободный крестьянин-общинник на Кавказе, с XVI в. также служилый феодал. — *Прим. пер.*

людей, к тому же обладал большим умом, железной волей,

самодисциплиной, хорошо владел собой и проявлял удивительную стойкость.

С ранних лет Шамиль был дружен с Гази Магомедом, который был старше его на четыре-пять лет и состоял с семьей Шамя в родстве по браку². Дружба эта продолжалась до самой гибели первого имама. Именно от Гази Магомеда Шамиль получил первые религиозные знания. Потом Шамиль последовал за своим

старшим другом на учебу к Саиду аль-Харакани; потом шейх аль-Саид Джамал аль-Дин ввел его в накшбандийское братство, а шейх Мухаммед аль-Яраги посвятил его в халифы³.

Когда Гази Магомед начал свою деятельность и стал первым имамом Дагестана, Шамиль сначала примкнул к своему муршиду Джамалу аль-Дину, но вскоре последовал за имамом и стал его активным помощником. (Необязательно его правой рукой, как утверждает официальный биограф Шамиля и что опровергают все без исключения остальные источники.) Но он был рядом с Гази Магомедом в его последнем сражении в Гимрах в 1832 г. и оказался одним из двух оставшихся в живых. Признанию Шамиля имамом способствовали многие обстоятельства⁴. Чудесное спасение и исцеление после смертельного ранения, которое не было ни первым, ни последним⁵, добавили к его славе лавры хранимого самими небесами⁶.

Выздоровев, Шамиль пребывал в том же качестве при втором имаме и, не считая краткого периода размолвки между ними, пользовался полным доверием Гамзат-бека. Официальный биограф Шамиля даже утверждает, что Гамзат-бек назвал Шамиля своим преемником⁷. Однако с полным доверием к этим словам относиться нельзя, потому что, по другим свидетельствам, он был лишь одним среди равных, таких, как Сайд аль-Ихали, Газийо аль-Карати, Кибид Мухаммед аль-Тилики и Абд аль-Рахман аль-Карахи⁸. Все они, как оказывается, были *наибами* (хотя в то время это звание еще не использовалось) своих родных областей, Шамиль же отвечал за одну второстепенную Хиндалу⁹.

Известие о гибели Гамзат-бека застало Шамиля в ауле Гимры. Он немедленно собрал отряд и двинулся в Гоцатль. Там он «завладел казной и принудил дядю Гамзат-бека сдать ему мальчика-наследника Булач-хана (оставшегося в живых представителя аварского правящего рода)»¹⁰. Затем неподалеку от родного селения

Ашальты Шамиль спешно созвал самых почтенных лиц и улама для избрания нового имама. Когда Шамилю еще не исполнилось и 25 лет, «народ уже был готов к его избранию, будучи наслышан о его подвигах и хорошо зная его как выдающуюся личность... Поэтому все, что Шамилю нужно было сделать, это просто напомнить о себе, что он и сделал...»¹¹.

Съехавшиеся единодушно высказались за его избрание. Шамиль же стал предлагать других, более достойных, по его словам, кандидатов, но они все отказались, называя самым достойным на этот пост одного Шамиля. Не менее чем сама личность и обстоятельства этого события, на решении избрать Шамиля сказалось веское слово Сайда Джамала аль-Дина, последнего после смерти Мухаммеда аль-Яраги дагестанского муршида, решительно поддержавшего кандидатуру Шамиля¹². Много лет спустя Шамиль вспоминал, что когда его уговаривали стать имамом, а он отказывался, все вместе плакали¹³. В конце концов после «упрямого сопротивления», которое «почти убедило всех»¹⁴, Шамиль согласился со своим избранием. Его согласие было принято с радостью, и все тут же дали ему клятву верности (*байя*).

Назначение Шамиля имамом очень напоминает избрание Темучина (Чингиз-хана) монгольским ханом, как это описывает Майкл Проудин¹⁵. Шамиль, конечно, не может претендовать на оригинальность в том, как он вел себя на церемонии избрания. Многие предводители до и после него, а равно и нынешние политики, «уступали воле народа» и «неохотно» принимали назначение, получения которого они заблаговременно добивались всеми возможными средствами. Тут, впрочем, не стоит усматривать что-то циничное. Во-первых, действиями Шамиля руководили не одни честолюбивые мотивы. Как во многих случаях до и после него, преданность делу и общим интересам была не

меньшей движущей силой. Во-вторых, и это самое главное, назначение — это не просто приложение печати. Оно по-своему выражает общественное сознание, и сам факт провозглашения имамом очертил Шамилю пределы власти и влияния. К тому же следует помнить, что такая церемония во многих случаях была и остается формой этикета и политической культуры.

Первым делом новый имам казнил своего заложника - мальчика Булач-хана, затем двинулся на Хунзах. Это было обязательной мезью за смерть Гамзат-бека. Тем самым он декларировал установление в Аваристане собственной непререкаемой власти и устранил единственного человека, от кого могла исходить угроза этой власти. Жену Нусал-хана пощадили, потому что она была беременна. У нее родился сын, который в то время остался последним представителем правящего рода, то есть был опасен не столько сам по себе, сколько потенциальной способностью оказаться центром всевозможных придворных интриг. По пути к Хунзаху Шамиль получил известие, что русские атаквали Гимры.

По данным русских источников, селение было взято 26 сентября отрядом под командованием генерал-майора Ланского, нового коменданта Северного Дагестана, который заступил на должность командующего в начале сентября и оставался на этом посту чуть больше месяца. Во время экспедиции в Гимры он заразился желтухой и умер через несколько дней после возвращения в Хан-Шуру¹⁶. На следующий день русские полностью разрушили селение, уничтожив посеы и виноградники, так что, прискакав в Гимры, Шамиль обнаружил одни развалины. Узнав, что один из жителей селения был осведомителем русских, Шамиль казнил его в пример «всем изменникам»¹⁷. Согласно дагестанским источникам, сведения которых, на наш взгляд, выглядят более достоверными, имам атаковал русских с обоих флангов, «убил старшего офицера» и «штурмом отбил Гимры, заставив Ланского бежать»¹⁸.

Примерно через две недели из Темир-Хан-Шуры в Хунзах двинулась давно запланированная русская военная экспедиция, которую возглавлял местный комендант, командир Апшеронского пехотного полка полковник Клюге фон Клюгенау. (Предполагалось, что экспедицией будет командовать Ланской, но он умер, а Ройт был болен.) Целью экспедиции было «пресечь всякие посягательства нового имама», а выражаясь точнее — «рассеять мюридов и вынудить аварцев признать своим правителем нашего назначенца [казикумухского Аслан-хана] и усмирить Аваристан, а равно другие горские общества»¹⁹.

Все эти цели были достигнуты и, как казалось, без особого труда. Выйдя из Темир-Хан-Шуры 14 октября, Клюгенау 17-го занял Акушу и 23 октября беспрепятственно вступил в Гергебиль. 27 октября он вышел из Гергебиля с отрядом численностью 3500 человек и под Мочохом разбил отряд Шамиля, состоявший из тысячи человек.

30 октября Клюгенау штурмом взял Гоцатль и там 1 и 2 ноября «принимал старейшин Хунзаха и всех тех, кто участвовал в убийстве Гамзат-бека». Представители горцев «просили его от имени всего народа» поставить в правление над ними казикумухского и курахского правителя Аслан-хана, пока не подрастет новорожденный сын Нусал-хана. Аслан-хан был провозглашен временным правителем Аваристана, а депутации присягнули на верность российскому царю и ему. Клюгенау вернулся в Темир-Хан-Шуру, разрушив по пути Гоцатль и Джалду²⁰.

Довольные результатом кампании, русские полтора года и даже дольше в эти края не являлись, что позволило Шамилю без всяких помех установить там и расширить свою власть. Дроздов, единственный из русских авторов, кто писал о ранних годах деятельности Шамиля, объясняет бездеятельность русского командования тремя причинами. Первой он называет пассив-

ность и слабость Шамиля в 1835 г. Второй — хроническую нехватку у русских живой силы, в результате чего Клюгенау имел всего 2500 солдат, тогда как он запрашивал 4000, причем 400 человек еще находились на лечении в госпиталях. Если принимать во внимание рабочую силу, необходимую для строительства укреплений в Темир-Хан-Шуре и Низовой, для боевых операций Клюгенау мог выделить не более 1500 штыков. Третьей причиной называется тот факт, что русские в это время сконцентрировали свое внимание на Северном Кавказе. Понять это нетрудно, учитывая обстоятельства и веяния того периода.

Сетования Дроздова на упущенные возможности в Дагестане, потому что «главное внимание уделялось Черноморской линии, где наши военные силы расходовались в ущерб другим более важным частям Кавказа», оставляют без внимания реальности и потребности того времени²¹.

Русские претензии на этот край, мягко говоря, были необоснованными²², и великие державы, прежде всего Англия и Франция, не желали их признавать. Поэтому задача утвердиться, так сказать, на правом фланге для Российской империи имела первостепенное значение. Дагестан и Чечня на этом фоне были не столь важны. «Усмирение» этих владений, окруженных русскими территориями и официально перешедших к России по Гюлистанскому и Туркманчайскому договорам с Персидской империей, не казалось международной проблемой и могло считаться чисто внутренним делом.

К тому же обстановка в Дагестане была относительно спокойной, и дело там шло к полному подчинению русскому царю, тогда как на «правом фланге» все было совершенно иначе. Местные племена, населявшие этот район, были более многочисленными, более сильными и оказывали еще более ожесточенное сопротивление, а их географическое положение, прежде всего протяженное побережье Черного моря, позволяло им поддержи-

вать тесные связи с Османской империей и другими иностранцами, главными из которых были англичане. Эти связи укрепляли проживавшие там народы как в военном, так и в моральном отношении и позволяли им более упорно сопротивляться вторжению русских.

Поскольку Кавказский корпус не мог осуществлять одновременно несколько крупных операций, решение сконцентрировать силы на правом фланге означало прекращение всех ранее запланированных, даже скромных действий в Дагестане²³. Поэтому Клюгенау «был вынужден закрыть глаза на действия Шамиля и даже говорить ему про себя «спасибо» за то, что оставил наши границы в покое»²⁴.

Но считать, что Клюгенау совсем отрешился от дагестанских дел, было бы ошибкой. Выходец из дворянской семьи в Богемии, Франц Карлович Клюге фон Клюгенау сначала служил в австрийской армии, которую покинул в 1818 г. в чине лейтенанта. Поступив в том же году на службу в русскую армию, он в 1820 г. попал на Кавказ, где и прошла вся его служба до выхода в отставку²⁵. Так что, когда в 1833 г. его произвели в генерал-майоры, назначили командовать Апшеронским полком и поручили укрепить редутами расположение штаб-квартиры в Темир-Хан-Шуре, Клюгенау не был новичком на Кавказе или в Дагестане. В Кавказском корпусе все знали его горячий характер, честность, легендарную храбрость и отвагу, он считался самым лучшим боевым командиром²⁶. Но вся его служба проходила в полевых условиях, в политике Клюгенау не был особенно искушен. Выражаясь словами одного из его начальников, а впоследствии и комментатора действий Клюгенау²⁷, его способности на стезе стратега, политика и администратора не внушали доверия.

Однако это мнение могло быть в какой-то степени продиктовано и идейными расхождениями. Судя по всему, Клюгенау относился к тому меньшинству русского офицерства и чиновничества, которое отдавало предпочтение невоенным методам покорения Кавказа. И в этом

он шел чуть-чуть дальше своих коллег чисто русского воспитания: он не сбрасывал со счетов возможность достигнуть с Шамилем какой-то договоренности.

По мнению Клюгенау, усмирение Дагестана могло идти двумя путями: «либо убеждением Шамиля жить в мире, либо нанесением горцам сокрушительного удара»²⁸. Сам он, исходя из нехватки сил для нанесения такого удара, предпочитал и рекомендовал первый вариант действий. При этом Клюгенау считал, выражаясь его словами, что «шариат для нас безвреден» и что «Шамиль со своими мюридами причиняет нам меньше хлопот, чем многие усмирённые горцы и, прежде всего, аншальцы»²⁹.

Этим и можно объяснить, что между Шамилем и русским генералом возникло некое подобие взаимопонимания. Благодаря посредничеству двух местных князьков (шейха Мухаммеда, кадия в Гимрах, и Юсуф-бенда, старшины из Карапая, который состоял на русской службе), в конце 1834 - начале 1835 г. Шамиль и шамхал Сулейман-хан пришли к соглашению. В качестве гарантии выполнения его условий Шамиль отдал шамхалу в заложники своего двоюродного брата³⁰. Клюгенау, по-видимому, не был официальным участником заключения этого соглашения, поэтому его никак нельзя упрекнуть в нечестности, когда он позже отвергал обвинения в том, что якобы пошел на сговор с Шамилем³¹. Но, без сомнения, он знал об этом соглашении, как нет сомнений и в том, что его начальство тоже было полностью в курсе этих дел. Иосиф Антонович Ройт³² был кавказским ветераном; на Кавказе прошла вся его военная служба сразу после выпуска из кадетского корпуса. Он был слишком искушен в местной политике и слишком хорошо знал Клюгенау, долго ходившего у него в подчинении, чтобы не знать об этой договоренности даже без письма Шамиля этому генералу.

По всей видимости, и Клюгенау, и его начальники не были знакомы с деталями соглашения и не совсем

отчетливо представляли, к чему оно может привести. Если Клюгенау понимал эти обстоятельства, это может указывать на то, что соглашение с Шамилем было для него всего-навсего первым шагом на пути вовлечения имама в орбиту России. Это вполне согласуется с той точкой зрения, что русским было бы лучше иметь дело с сильным вождем, способным успокоить и контролировать положение на всей территории, нежели со множеством воинственных и никого не признающих племен. Шамиль был самым подходящим кандидатом на роль такого вождя, поскольку он был не столь «фанатичным», как его остальные коллеги, или, говоря иначе, он был более прагматичным человеком и скорее других пошел бы на договоренность с русскими. А последствия соглашения оказались очень серьезными. Обязательства возлагались, конечно, на обе стороны, но в доступных нам источниках называются только те, которые вменялись Шамилю. Их было три:

1. Шамиль формально признавал верховенство России, хотя, возможно, это выражалось и не столь определенно, как это утверждается в русских отчетах, и вовсе не следует из перевода писем Шамиля.
2. Шамиль обязывался не делать набегов на равнинные земли сам и удерживать от этого других.
3. В горах имам обещал «ни с кем не иметь дела»³³, что означало не начинать войны с другими. И это обязательство подкреплялось ссылкой на «исполнение» [*танфид*] шариата³⁴.

Совершенно определенно, выгода от этого соглашения была в пользу Шамиля. Начать с того, что снималась угроза начала военных действий со стороны русских и их вассалов, и таким образом, Шамиль получал достаточно времени для упрочения и распространения

своей власти в Дагестане. Кроме того, сам факт существования такого соглашения с русскими (а Шамиль всегда исходил из того, что этот факт широко известен) давал ему основание рассчитывать на их поддержку и, стало быть, укреплял престиж и власть имама, практически исключая всякую легитимную возможность лишения его власти. Во всяком случае, его положению не был нанесен особый ущерб. Как-никак Шамиль пользовался поддержкой Сайда Джамала аль-Дина, в чем он просто следовал курсом своих предшественников. А кроме того, его власть покоилась на распространении и внедрении не столько джихада, сколько шариата. Но все же некоторый урон его положению это соглашение могло бы нанести. Во-вторых, соглашение было равносильно безоговорочному признанию правления Шамиля и означало признание его полноправной стороной переговоров. Более того, ссылка в соглашении на шариат не могла расцениваться иначе, как его узаконение. В-третьих, упоминание равнинных земель как владений русских наделяло Шамиля соответствующими правами в горах. Наконец, признание за Шамилем права исполнять требование шариата фактически давало ему почти полную свободу в установлении шариата и упрочении своей власти в горах.

Эти выгоды, как, видимо, считал Шамиль, ему удалось получить самой недорогой ценой. Признание верховенства России было простым жестом, никаких серьезных последствий для него отсюда не вытекало. Стало быть, этот пункт соглашения Шамиль мог сохранить в тайне от своих соратников, что он и сделал. Что касается обязательства имама «ни с кем не иметь дела», то оно было довольно неопределенным, а право опираться на шариат давало ему возможность легко это положение обходить.

Но самым важным было то, что это соглашение пришлось Шамилю как нельзя более кстати. На пост имама Шамиля избрали, точнее, утвердили большинство участников освободительного движения, представ-

ленных на том собрании, но далеко не все. Среди других, равных ему ближайших сподвижников прежнего имама, Шамиль никакого особого авторитета не имел. По крайней мере один из них, Хаджи-Ташо аль-Индири, открыто отказывался считать его имамом и признавать за ним власть³⁵. Другие, как Кибид Мухаммед аль-Телетли³⁶, Сайд аль-Ихали, Газио аль-Карати и Абд аль-Рахман аль-Карахи, просто не обращали на Шамиля внимания и занимались своими делами в районах своей ответственности. Бывали случаи, когда Шамилю приходилось отбиваться от нападения врагов силами всего десятка-двух соратников³⁷.

Первыми напали на Шамиля аншалъцы, давно враждовавшие с жителями Гимры. В данном случае явно с ведома, если не по прямому указанию Ключенау, вмешался шамхал, остановивший столкновение и помогший уладить конфликт³⁸. Но мир сохранялся недолго, и скоро аншалъцы с другими обществами снова напали на Шамиля. В 1835 г. Шамиль был вынужден оставить Гимры и осесть в своем родном ауле Ашалъты. Но и там он не был в полной безопасности, и какое-то время имам жил в ауле Иш³⁹.

В такой ситуации соглашение с русскими и следующее из него содействие Ключенау в том, чтобы предостерегать противников имама от вооруженной борьбы с ним, имело для Шамиля неоценимое значение, и он, ни минуты не колеблясь, широко известил всех об этом⁴⁰. Здесь Шамиль впервые продемонстрировал свое редкое умение обратить себе на пользу неблагоприятные обстоятельства, слабую сторону сделать сильной, поражение — победой, и эту способность он потом показывал не раз. Не располагая пока достаточными силами, чтобы подчинить себе других, Шамиль повел затворническую жизнь. На протяжении всего 1835 г. имам «погрузился в чтение и толкование Корана, молился, рассылал по обществам Дагестана свои проповеди и предстал благочестивым и скромным имамом,

отдавшим себя постам и молитвам за грешников, уклоняющихся от исполнения законов шариата»⁴¹.

Такое поведение давало Шамилю сразу несколько козырей. Во-первых, он укреплял у горцев мнение о себе как о набожном и правоверном мусульманине. Во-вторых, и Ключену, и многие местные общества убеждались в его мирном характере и отсутствии у него каких-либо агрессивных намерений. В-третьих, его противники выглядели нападающей стороной, а он — жертвой, что Шамиль не забывал своевременно довести до сведения Ключену и Ройта⁴². Поэтому имам мог рассчитывать на поддержку Ключену, и эту поддержку когда надо получал. Власть имама укрепилась, и он уже смог вступить в открытую борьбу за ее распространение, не боясь обвинений в нарушении обязательства «ни с кем не иметь дела».

В начале 1836 г. обстановка резко переменилась. Хаджи-Ташо обратился к Шамилю, Кибид Мухаммеду и другим дагестанским вождям с посланием, в котором упрекал их в забвении своего долга утверждать шариат и вести джихад против русских, что могло быть расценено как прямой вызов имаму. Автор послания напоминал, что обладает большой военной силой, и грозил покарать клятвоотступников⁴³.

Хаджи-Ташо был кумык из села Индири и входил в число последователей чеченского шейха Абдаллаха аль-Ашильти. Благодаря своей храбрости и командирским способностям он скоро стал видным чеченским военачальником. Хаджи-Ташо считал, что имамом должен стать он сам, и в этом его кое-кто поддерживал. Когда же чалму имама надел Шамиль, Хаджи-Ташо отказался признать его власть⁴⁴. В начале 1835 г. он укрепился в ауле Мичик неподалеку от Зандага и оттуда контролировал значительную часть территории Чечни⁴⁵.

Шамилю и его обширной правовой базе Хаджи-Ташо мог противопоставить лишь свое боевое мастерство, верность шариату и твердость в ведении джихада. Этого

оказалось недостаточно, чтобы поднять на войну кумыков, которые не забыли, во что им обошлась поддержка первого имама: их земли лишены таких естественных заслонов, как леса в Чечне и горы в Дагестане, и они оказались беззащитными перед жестоким возмездием русских, и Хаджи-Ташо не осталось ничего другого, как беспокоить русскую Линию частыми набегами.

Шамиль быстро отреагировал на действия Хаджи-Ташо. Через несколько дней он собрал в Чиркату своих сторонников и повелел Хаджи-Ташо и Кибид Мухаммеду явиться туда. Это был первый акт нового имама по распространению своей власти на всех местных вождей и все горские общества. В Чиркате Шамилю удалось наладить отношения с обоими военачальниками, и все трое решили впредь действовать вместе⁴⁶. Так начался процесс, превративший отдельных горских военачальников в подчиненных Шамилю командиров⁴⁷, которые довольно скоро будут именовать себя «вазирами имама»⁴⁸.

Выйдя из Чиркаты, объединенное войско числом в 150 сабель подчинило Игали и Ороту⁴⁹. После этого имам вернулся в Аш альты, где оставался до июля 1836 г. Все это время он укреплял свое влияние, практически не прибегая к оружию. Когда же в нескольких случаях за него брался, то делал это по просьбе горцев. Даже русские источники, беспрестанно твердящие о терроре мюридов⁵⁰, вынуждены признать, что «почти весь Дагестан и многие общества Чечни подчинились имаму добровольно»⁵¹. По письмам Шамиля русским генералам хорошо видно, как крепла его власть. Если в начале письма содержатся жалобы на вражеские нападки и уверения, что ему ничего не надо, лишь бы его оставили в покое, то в апреле 1836 г. имам уже чувствует себя настолько уверенно, что просит Клюгенау «не мешать нашим сражениям между собой. Самый храбрый из нас, конечно, возьмет верх, кто не подчиняется, будет подчинен, власть и порядок

победят, и тогда, если будет угодно Аллаху, наступит всеобщий мир»⁵². Примерно в то же время Шамиль открыто говорит, что шариат должен быть введен если не добром, так силой⁵³. В июле он уже в состоянии сообщить Клюгенау, что «сейчас... больше никто не смеет мне перечить»⁵⁴. То же самое можно наблюдать в его обращениях к местным обществам, где от мягких упреков своим адресатам и напоминаний о гневе Божиим за грехи он переходит к прямым угрозам личной расправы за непослушание⁵⁵.

К середине 1836 г. Шамиля окружали преданные ему *наибы* из числа друзей, такие, как Сурхай аль-Кулави, Али-бек аль-Хунзахи и Ахбирди Мухаммед аль-Хунзахи, готовые исполнить всякое распоряжение имама и наказать за любое ему непослушание. Теперь в его распоряжении было сильное войско, численность которого все время росла. Шамиль набрался сил, упрочил свое положение, поддержка духовного лидера Сайд Джамала ад-Дина была на его стороне, противникам Шамиля никаких шансов на успех не осталось.

Установив контроль над значительной частью Дагестана и Чечни, Шамиль приступил к организации своего царства. Он сохранил старое деление на общества, но в каждое назначил своего *наиба*. (Обычно, хотя не всегда, *наибы* назначались из мужчин самой большой и уважаемой семьи.) Были введены подати на содержание имама и *наибов*. Методично формировалась регулярная армия, беспрекословно подчинявшаяся командирам имама. Армия Шамиля состояла из пехотных сотен (*миятов*) и кавалерии. Ударную основу конницы составляли *муртазиги*⁵⁶ — полностью экипированные всадники, готовые в любой момент к боевым действиям и освобожденные от всяких других повинностей⁵⁷. Один такой *муртазиг* выставлялся от каждых десяти дворов и был целиком на их содержании. Так начали вырисовываться главные устои имамата.

Глава девятая

Телетль

Летом 1836 г. генерал Розен, поглощенный делами в Черкесии, вынужден был обратить внимание на Чечню и Дагестан. Не исключая совсем возможность мирного покорения горцев, он, однако, «не разделял оптимизма Клюгенау»¹, другими словами, не желал и слышать о каком-то соглашении с Шамилем. Розен требовал от имама безоговорочного повиновения². Быстрое установление власти Шамиля и расширение его влияния не могли не беспокоить генерала. Ситуация еще больше обострилась, когда в результате смерти шамхала³ и казикумыхского хана⁴ в этих обществах образовался вакуум власти. Летом Шамиль был уже на грани овладения Аваристаном, и положение становилось критическим.

Ситуация в Чечне тоже быстро осложнялась, и вот-вот должен был произойти взрыв. Частые набеги Хаджи-Ташо на Кавказскую линию приняли такие масштабы, что, как пишет Дроздов, «ежедневные тревоги, вызванные проникновением маленьких отрядов горцев через кордоны по реке Терек, вынуждали стоявшие там войска все время находиться в седле и не выпускать из рук ружье. Положение в станицах было еще хуже: ожидая набега каждую минуту, станичники не могли работать на своих полях»⁵.

Ответ русских был совершенно неадекватным:

«Чтобы сдержать чеченцев, наши войска были вынуждены сами совершать рейды на их территорию. Для устрашения этих дикарей мы жгли их

села, угоняли баранов, уводили с собой пленных, а чтобы удерживать в покорности, брали заложников, но, так и не добившись ничего существенного, возвращались на Сунжу с обозами, полными убитых и раненых офицеров и нижних чинов. Сожженные деревни снова отстраивались, и следом за нами в них снова появлялся Хаджи-Ташо»⁶.

Таким образом, летом 1836 г. Розен пришел к заключению, что Шамиля, Ташо и мюридизм вообще следует уничтожить раз и навсегда. Сначала была предпринята попытка развенчать Шамиля, послав к горцам лояльного к русскому правительству *алима*, который бы убедил их договориться с властями. Для этого обратились к ученому богослову Тазу аль-Дину ибн Мустафе [Тазадину Мустафину] из Казани, который согласился выполнить эту миссию. Однако все подвластные Шамилю общества не пустили его к себе, а некоторые даже пригрозили его убить⁷.

Потерпев эту неудачу и желая остановить дальнейшее продвижение мюридизма, Розен «счел необходимым начать наступление на Чечню и Дагестан и силой оружия проучить легковерных горцев»⁸. Наступление было решено провести сразу в двух направлениях. Пулло должен был разгромить Хаджи-Ташо в Зандаге, а Ройту ставилась задача в то же время вступить в Дагестан, захватить Иргинай и таким образом подорвать власть Шамиля⁹.

2 сентября Пулло выступил из Грозной и через два дня захватил Зандаг. Упорное сопротивление всех его жителей, включая детей и женщин, закончилось страшной резней. Соседние с Зандагом села капитулировали перед Пулло, но «он сам и сдавшиеся ему знали... стоит русским войскам уйти, как власть Шамиля будет тут же восстановлена»¹⁰.

Так и произошло на самом деле, и власть Шамиля сразу после ухода русских была восстановлена¹¹.

Ройт, который еще в начале августа проводил реког-

носцировку Иргиняя, чтобы помешать Шамилю напасть на Аваристан¹², решил двинуться туда. Шамиль, собравший к тому времени трехтысячное войско, внезапно распустил его и вернулся в Ашальты, поэтому Ройт добрался до мест, не встретив сопротивления. Он назначил мехтулинского Ахмад-хана временным правителем Аваристана вместо Мухаммеда Мирзы-хана и вернулся в Темир-Хан-Шуру¹³.

По мнению самих русских, эти действия 1836 г. дали противоположные результаты и вместо «дискредитации власти Шамиля привели к тому, что уважение горцев к Шамилю и почтение к нему только возросли»¹⁴. Шамиль эти действия русских расценил как нарушение договоренностей, по поводу чего тут же заявил протест Клюгенау и Ройту¹⁵. Если договор с русскими был для Шамиля тактическим ходом с целью не допустить их в горы, пока он не соберется с силами для войны, то действия русских он был вправе расценить как вероломство и отказаться от дальнейших переговоров с ними. Если же он заключал эти соглашения с полным доверием к другой стороне, то эти события могли нанести первый удар по его вере в возможность договориться с русскими. Как бы то ни было, но если еще несколько месяцев назад он говорил соплеменникам, что с русскими есть договоренность¹⁶, то теперь он звал горцев на борьбу с неверными¹⁷.

Однако контакты с русскими Шамиль полностью не прервал. В начале ноября 1836 г. он обратился с письмами к Ройту, Клюгенау и другим русским командирам с предложением вступить в переговоры с ним как правителем и уполномоченным всех горских народов, обещая строго соблюдать соглашение¹⁸. Но русские командиры имели приказ¹⁹ самостоятельно в сношения с Шамилем не вступать, и все его письма были переданы Розену. Главнокомандующий был непреклонен; запретив вести переговоры с имамом, Розен дал такое указание:

«Если Шамиль действительно намерен оставаться мирным и дает слово не распространять шариат, тогда он должен обратиться с прошением об оказании ему милости к командующему корпусом прямо или через генерала Ройта и послать в Тифлис своего сына заложником»²⁰.

В апреле следующего года Шамиль предпринял еще одну попытку договориться и послал к Розену гонцов²¹. Результат был тот же — полный ноль. Русские не оставляли места для компромисса. Шамя грубо загоняли в угол, добиваясь его безоговорочной сдачи, если не добровольно, так силой.

Планы Розена, утвержденные в Петербурге, как и в прошлые годы, сосредоточивались на Западном Кавказе. Для Чечни и Дагестана были предусмотрены лишь оборонительные действия²². Однако некоторые из подчиненных Розена рвались в бой и при всяком удобном случае оборонительные акции превращали в полномасштабное наступление против Шамя.

Главным запевалой в этом деле был К. К. Фези. Швейцарец по происхождению, Карл Карлович Фези вступил в русскую армию в ноябре 1816 г. и служил под началом Розена, вместе с которым прибыл на Кавказ. В 1837 г. его назначили командиром 20-й пехотной дивизии и Левого фланга Кавказской линии²³. Генерал-майор Фези, как писал Бадли, был «большим мастером пера»²⁴. К тому же он, по словам Вельяминова, «принадлежал к сорту людей, про которых говорят, что, не сносив и пары башмаков, они могут служить семи королям»²⁵.

Вскоре после прибытия в Грозную в январе 1837 г. Фези провел две экспедиции в Малую (4—12 февраля) и Большую (16 февраля—11 апреля) Чечню²⁶. Если внимательно присмотреться к материалам этих во всем остальном малозначительных операций, можно увидеть, как складывался характер поведения Фези, кото-

рый четко проявился в его дальнейших, более серьезных кампаниях. На этом этапе он с готовностью шел на переговоры с противником, если это позволяло ему без потерь отступить и потом доложить начальству, что противник повержен и покорен. В данном случае вину за отсутствие успеха Фези возложил на Ключегенау²⁷.

«Незапланированные экспедиции в Чечню все продолжались, — писал Юров, — в то время как обстановка требовала внезапных действий нашей армии в Нагорном Дагестане, ибо Аварскому ханству угрожала опасность»²⁸. Бадли утверждает, что «Аварская экспедиция 1837 г. явилась результатом интриг со стороны мехтулинского Ахмад-хана, временного правителя Аваристана, а с другой стороны, из официальных источников явствует, что и русских трудно оправдать в преднамеренном вероломстве»²⁹. В самом деле, невозможно снять с Фези обвинение в соучастии в интригах Ахмат-хана, а с Розена в том, что он воспользовался ими.

Ахмат-хан, который «по просьбе народа» заменил непопулярного Мухаммеда Мирзу-хана, бывший в 1836 г. временным правителем Аваристана, тайно от народа попросил Фези ввести в Хунзах русский гарнизон. Одновременно Ахмад-хан обратился к аварцам с предложением оказать им помощь в противостоянии Шамилю. Затем он собрал старейшин всех селений и устроил инсценировку приглашения русских войск, притворившись, будто сам этого не одобряет³⁰.

6 февраля Розен получает сообщение о происходящем и официальную просьбу поставить в Хунзахе военный гарнизон. Несмотря на то что командующий корпусом «считал страхи Ахмат-хана преувеличенными, а действия — преждевременными», он все же решил «воспользоваться удобным случаем и твердой ногой стать в Аваристане»³¹. Не прошло и двух недель, как в Темир-Хан-Шуру поступило указание готовиться к экспедиции с двойной целью: 1. Уничтожить влияние

Шамиля как необходимое условие для поддержания мира между усмирёнными и полуусмирёнными племенами... Наилучшим способом достижения этой цели барон Розен считает разрушение Ашальты, штаб-квартиры мюридов. 2. Утвердиться в Аваристане.

Ставя достижение первой цели в зависимость от благоприятных условий, Розен прямо говорит, что «экспедицию в Аваристан надо провести всеми правдами и неправдами»³².

Возглавить экспедицию было поручено Фези. Изначально экспедицией должен был командовать Клюгенау, но его политические взгляды не устраивали Розена. Между прочим, Клюгенау предлагал по вступлении в Хунзах объяснить жителям, что оккупация «предпринята в ответ на пожелание самого населения, потому что русское правительство, не считаясь с расходами и трудностями, всегда готово выступить на защиту своих верноподданных, и что, наконец, наши войска будут находиться в Хунзахе лишь ограниченный период времени, пока не будет восстановлен мир и правление Ахмад-хана»³³. Поэтому Розен решил начальником экспедиции назначить Фези. Клюгенау, чтобы «не ходить под началом Фези, сказался больным и взял летний отпуск»³⁴.

13 мая Фези прибыл в Темир-Хан-Шуру, а 19-го двинулся в горы, ведя с собой 4899 пехотинцев, 343 казака, 18 пушек и 4 мортиры. «Двигаясь с большими трудностями обходными путями и по дороге, которую приходилось специально прокладывать», 10 июня войско вступило в Хунзах³⁵. Здесь русские пробыли шесть дней, превратив старое ханское гнездовье в «цитадель»³⁶.

В Хунзахе Фези получил сообщение, что Шамиль, Кибид Мухаммед и Хаджи-Ташо находятся в Телетле, где их осадили Ахмад-хан и Мухаммед Мирза-хан. Фези немедленно выслал на подмогу ханам батальон пехоты с тремя горными орудиями и отряд казаков, а

сам 17 июня направился к Ашальты. 18 июня он вступил в Ансал, а его авангард достиг плато Бетл напротив Ашальты.

Чтобы собрать все части, понадобилось два дня, и, наконец, 21 июня русское войско, сократившееся до 3000, двинулось на Ашальты. Примерно в четырех километрах от селения русских встретили хиндальские и кунбутские рекруты Шамиля. Завязалось долгое и жестокое сражение, переходившее с террасы на террасу и от сакли к сакле³⁷. Как в остальных сражениях с участием Фези (и других русских генералов тоже), «пленных тут не брали, что объясняется ожесточенным сопротивлением противника и озлоблением наших солдат»³⁸. После этого Фези двинулся на Ахульго и 24 июня штурмом взял этот аул³⁹.

27 июня на обратном пути колонну Фези атаковали свежие отряды Али-бека аль-Хунзахи и Сухая аль-Кулави. Целые сутки продолжалось сражение, и от разгрома русских спасли три свежие пехотные роты, направленные на Гимры и спешно отозванные обратно⁴⁰. Фези отступил в Ансал зализывать раны. 1 июля он вернулся на плато Бетл, откуда 5 июля вышел к Телетлю, где уже месяц как был осажден имам.

Фези подошел к Телетлю 8 июля, в тот момент, когда горские рекруты из Караха и Анцуха попытались вызволить имама из окружения. 9 июля из Хунзаха подошла артиллерия и начала обстрел селения. На следующий день русским удалось захватить несколько строений на окраине села. 17 июля Фези проводит общую атаку. После целого дня ожесточенных схваток русские овладевают верхней частью аула.

В этот момент Шамиль посылает парламентаря, чтобы объявить перемирие. 18 июля Фези выводит свои части из селения и сосредоточивает их на высотах вокруг аула. Переговоры велись весь тот день и завершились к вечеру. Согласно русским источникам, Шамиль [и другие] предложили отказаться от сопротивле-

ния и клятвенно в присутствии назначенных Фези свидетелей подтвердили это, Тюставили свои подписи [значит, был составлен какой-то документ] и дали заложников, в том числе племянника Шамиля. Кроме того, имам обратился к генералу с личным письмом. Фези так не понравились выражения этого письма, что он, уже находясь на марше из Телетля, вернул туда Мухаммеда Мирзу-хана, ведшего от имени генерала переговоры с Шамилем, дабы заменить письмо новым, тон которого более подходил бы к отношениям русского генерала с вожаком толпы дикарей... Исправленное письмо от имама, полученное уже на обратном пути, впрочем, мало отличалось от первого...

19 июля вследствие подсказок Мухаммеда Мирзы-хана, что мюриды не могут решиться покинуть Телетль, находясь под дулами русских пушек, колонна вернулась в Хунзах [обходным] путем через Куабское дефиле и Курудский мост⁴¹.

24 июля Фези доносил о завершении компании и достижении всех ее целей⁴². Перемирие с Шамилем, или его «подчинение», как выражался Фези, было представлено в донесении несколько противоречиво — и как большая победа, и как временная мера, позволившая соорудить дорогу из Темир-Хан-Шуры в Хунзах и завезти туда необходимые припасы⁴³.

В действительности же все обстояло несколько иначе. На самом деле, говорится в одном русском источнике, [Фези] был вынужден отступить из-за материальной неорганизованности экспедиционного корпуса, огромных потерь личного состава и нехватки боеприпасов. С начала операции его потери составили убитыми, ранеными, больными и умершими от болезней 4 старших и 26 младших офицеров (включая 14 командиров роты) и около тысячи низших чинов. Потери лошадей также были большими, а половина из оставшихся в строю едва передвигали ноги. Из 10 горных орудий пять были выведены из строя. Повозок, и особенно тех, что

используются местным населением для перевозок в горах, совершенно не хватало. Солдаты так пообносились, что одеты были во всякое тряпье⁴⁴.

Насколько отчаянным оказалось положение Фези и сколь желанным было для него заключение перемирия, чтобы спасти свое лицо, можно было бы увидеть из подписанного им соглашения с Шамилем. Но этот документ никогда не публиковался и, по-видимому, не сохранился. Поэтому его содержание можно восстановить лишь по донесению Фези, согласно которому имам снова пообещал «ни с кем не иметь дела»⁴⁵. А что касается адресованного ему письма Шамиля, которое Фези так не понравилось, то оно звучит так:

«От Шамиля, Хаджи-Ташо, Кибиди Мухаммеда, Абд аль-Рахмана аль-Карахи, Мухаммеда Омар-оглу и других почтенных и ученых мужей Дагестана. Давая заложников Мухаммеду Мирзахану, мы заключаем мир с российским императором, который никто из нас не нарушит при условии, если ни одна из сторон не нанесет другой ни малейшего вреда. Если кто-либо нарушит свое обещание, это будет считаться изменой, а изменники несут на себе проклятие Бога и людей. Своим письмом мы ручаемся за точность и честность своих намерений»⁴⁶.

Второе, «подправленное» письмо звучит так:

«Настоящим письмом свидетельствуется заключение мира между российским правителем и Шамилем. Мир в знак его прочности подтверждается передачей Мухаммеду Мурзехану в заложники от Шамиля его двоюродного брата, которого потом заменит племянник; от Кибиди Мухаммеда — двоюродного брата; от Абд аль-Рахмана аль-Карахи — сына при условии, если ни одна из сторон не

нанесет другой стороне ни малейшего ущерба и не изменит, ибо изменники несут на себе проклятие Бога и людей»⁴⁷.

Сходство между условиями обоих документов и соглашением двухлетней давности налицо и никаких пояснений не требует. А единственное различие состоит в том, что данное соглашение заключено между имамом и русским генералом открыто и официально, что равносильно полному признанию власти имама⁴⁸. Оно дает Шамилю наглядный урок: чем он сильнее и ожесточеннее сопротивляется, тем скорее русские идут с ним на переговоры.

После отступления Фези Шамиль обратился ко всем подчиненным обществам со следующим воззванием:

«Славные воины Дагестана! Когда вождь русских своим обращением в месяце шаввал [январь-февраль] совратил вас от веры в мою миссию, среди вас поднялся ропот; многие из вас утратили веру и покинули меня... Но с горсткой тех, кто остался мне верен, я выступил против неверных, сразил их предводителя и обратил в бегство... Вы видели, как мало было моих воинов в сравнении с полчищами врага, но они очистили наш путь, ибо сила на стороне веры. Русские взяли Ахульго и возвели там стены. Аллах допустил это в наказание за ваше безверие, ибо Ему известны все ваши помыслы и мысли. А я осмеял силу вашего врага, изгнал его из Ашальты и наголову разбил под Телетлем, обратив его дела в его позор. Когда паша [Фези] с большим войском потом подошел к Телетлю, чтобы отомстить за кровь, и несмотря на наше мужественное сопротивление сумел овладеть половиной аула, и когда мы стали день за днем ожидать решительного сражения, Аллах подбил его руку и затемнил глаза, так что он не разгля-

дел своих преимуществ и поспешил туда, откуда пришел... воистину Аллах с теми, кто следует Его воле! Вы видите, как сильны числом неверные, но каждый раз они вынуждены терпеть поражение. Когда они слали гонцов к Гамзат-беку и звали его сдаваться, они говорили: «Сложи оружие, сопротивляться бесполезно, войск, что мы шлем против тебя, как песок на морском берегу, его не счесть». Но я от его имени отвечал им: «Наше войско — что волны морские, они накатываются на песок и пожирают его!⁴⁹» Вы видите, что мои слова сбылись. Но русские коварны, слова их лживы. Мы должны разрушить, что они возводят, разить их всюду, где ни встретите, в доме и на поле, силой или хитростью, чтобы смести их стаи с лица земли. Они множатся, как вши, и ядовиты, как змеи, что ползают в пустыне Мухан... Посему всем сердцем воспримите, что я вам говорю, будьте сильными и станьте плечом к плечу, как вершины гор, что высятся над вашими головами...»⁵⁰

Этот шедевр ораторского искусства, умело играющий на струнах души слушателей, ясно показывает, как Шамиль формировал восприятие горцами экспедиции Фези, падения Ашальты и Ахульго; а их очевидные неудачи с лихвой возмещал безоговорочными победами у Ашальтского моста (14 марта), на плато Бетл (27 июня) и в Телетле (19—20 июня). Отступление Фези из Телетля, когда его полки одерживали верх, Шамиль объяснял вмешательством небесных сил и оценивал как очередное свидетельство особой Божьей милости к своему избраннику и его народу⁵¹.

Самым важным следует признать то, что послание Шамиля, а равно оба его письма Фези ясно показывают опасение имама, что русские нарушат свои обещания. И Фези сам очень скоро подтвердил подозрения Шамиля. Весь август и часть сентября он был занят

тем, что мостил дорогу от Темир-Хан-Шуры до Хунзаха, завозил туда припасы и усмирял аварские селения, не признававшие власть Ахмад-хана. Покончив с этим, он пишет Розену:

«Даже если Шамиль оставался бы совершенно смирным, я считаю, что нам нужно под каким-нибудь предлогом вернуть ему заложников и тем самым показать, что у нас нет к нему ни доверия, ни нужды в его послушании, потому что пока на Кавказе или в Закавказье есть хоть одна мусульманская деревушка, он не прекратит тайно или открыто распространять свой шариат»⁵².

5 сентября Фези разослал по разным обществам извещение, в котором задним числом отрицал, что Шамиль признавался русскими как правитель горцев и в качестве такового они взяли у него заложников за них всех. Генерал потребовал, чтобы каждое общество заявило о своем подчинении по отдельности и послало собственных заложников⁵³. 9 сентября Фези направил Шамилю копию этого извещения и предупредил имама, что «если он не перестанет отговаривать» общества от подчинения России, в отношении его племянника будут приняты соответствующие меры. Не дожидаясь ответа имама, два дня спустя Фези распорядился, чтобы Мухаммед Мирза-хан «направил к нему заложника Шамиля. Я сделал это не для того, чтобы наказать его, — уверял он свое начальство, — а чтобы припугнуть и показать нашу решительность»⁵⁴. Нет нужды говорить, какие выводы сделал из этого Шамиль.

Доклад Розена «о взятии укрепленного селения Телетль, после чего дагестанский фанатик Шамиль сдался, присягнул на верность России и дал своих заложников»⁵⁵, произвел в Петербурге большое впечатление. Император пожелал, чтобы Шамиля и его сообщников — Хаджи-Ташо, Кибид Мухаммеда и Абд аль-

Рахмана аль-Карахи «убедили воспользоваться приездом Его Императорского Величества на Кавказ, чтобы просить об аудиенции Его Величества, дабы испросить высочайшей милости о прощении, заявить о глубочайшем раскаянии в прошлых деяниях и выразить чувства преданности как верноподданных».

Розену и Фези предписывалось, чтобы они ни в коем случае не ссылались на желание царя, а сделали это предложение от себя. Аудиенцию предлагалось назначить в любом месте, предпочтительнее всего в Тифлисе. В случае, если такую встречу организовать не удастся, потребовать от Шамиля «согласия быть направленным к Его Императорскому Величеству в знак искренности и чистосердечия принятия им присяги»⁵⁶.

Розен сообщил об этом приказе Фези⁵⁷, а тот переадресовал его Клюгенау, что было, конечно, большой личной и политической победой Клюгенау. Последний приступил к его исполнению, не дожидаясь письменных инструкций, поступивших 26 сентября. Уже 25-го он послал Шамилю письмо. Напомнив имаму, что он «всегда давал хорошие советы, направленные на его благо и на благо горцев», Клюгенау писал далее:

«Теперь я хотел бы навсегда закрепить Ваше благополучие; но, как сделать это, я могу сообщить только лично Вам». Он предложил Шамилю встретиться 29 сентября вблизи Чиркаты, закончив свое послание заверением: «Вы знаете, что я никогда не нарушал своего слова, а потому Вы можете полностью быть уверены в своей безопасности»⁵⁸.

Поскольку дело касалось также Хаджи-Ташо, Кибид Мухаммеда и Абд аль-Рахмана аль-Карахи, Клюгенау просил Шамиля уведомить их, приложив пропуски, обеспечивающие свободный проезд гонцов Шамиля по Аваристану. Шамиль принял приглашение, но в свою очередь предложил перенести встречу на один день⁵⁹. Клюгенау согласился на это.

Во время встречи Клюгенау говорил «долго и с жа-

ром», «применив всю силу убеждения, отражая самые веские возражения собеседника еще более вескими аргументами, пока его красноречие, как тогда казалось, не привело к нужному эффекту». Шамиль, «явно тронутый», сказал генералу, что «полностью понимает справедливость и весомость его слов», но не может сейчас «дать положительного ответа, потому что с Хаджи-Ташо, Кибид Мухаммедом и Абд аль-Рахманом аль-Карахи у него скрепленная клятвой договоренность ничего серьезного не предпринимать без общего согласия»⁶⁰.

Несмотря на инцидент в конце встречи, когда все едва не закончилось кровопролитием⁶¹, Клюгенау «не терял надежды на успех, потому что лицо Шамиля ясно выражало его готовность воспользоваться соблазнительным предложением русских»⁶².

И все же, торопясь поспеть с этим делом к приезду императора, Клюгенау 1 октября шлет Шамилю новое письмо. Он выражает уверенность, что имам, «конечно, от всей души пожелает воспользоваться счастливым случаем, который так милостиво предлагается». Он уговаривает Шамиля не слушать недоброжелателей: «если вам не удастся убедить других... приезжайте ко мне один. Если не сможете приехать открыто, приезжайте тайком»⁶³. -

Ответ Шамиля Клюгенау получил 6 октября. Имам писал, что совещался «со всем своим *улама* и старейшинами» и старался всеми силами убедить их, «как хорошо мне будет поехать в Тифлис». Но «они не соглашались, выражали свое неудовольствие, а под конец поклялись мне, что если я поеду в Тифлис, они меня убьют». Поэтому, сообщал он Клюгенау, ни открыто, ни тайком он приехать не может. Однако, «за исключением данного дела, пользуясь нашим взаимным доверием, я исполню любую вашу волю». Шамиль просил генерала не винить его за невозможность участвовать в таком деле, предлагал «отложить его и повелеть ему сделать что-нибудь еще ради своего блага»⁶⁴.

Гонцы, принесшие этот ответ, подтвердили, что Шамиль очень старался переубедить своих коллег, но это ему не удалось. В то самое время, когда шли переговоры, Шамиль неожиданно получает письмо от Пулло с требованием «в случае, если имам не сможет приехать сам, прислать в Грозную двух своих людей, чтобы представить их Императору»⁶⁵.

Этот новый поворот, по словам посыльных, дал дополнительные аргументы советникам Шамиля и возбудил у имама подозрения. Вместе с тем это привело Шамиля к окончательному решению, и гонцы выразили полную уверенность, что имам, скорее всего, сам в Грозную не поедет, но пошлет своих представителей.

Между тем 4 октября император начал свою поездку, намереваясь после краткого пребывания в Крыму 10 октября посетить Кавказ⁶⁶, и Клюгенау предпринимает еще одну отчаянную попытку. Он шлет Шамилю письмо, «составленное в том же духе, что и предыдущее, и указывает своим посыльным передать ему на словах просьбу не обращать внимания на угрозы незначительных людей, а поторопиться и выполнить волю [Розена], потому что непослушание вызовет недовольство власти, и тогда все последователи не спасут его от сурового наказания»⁶⁷.

Ответ на это пришел скоро. 10 октября Шамиль прислал следующее письмо:

«От жалкого автора этих срок, Шамиля, отдающего все свои дела на суд Аллаха... Сим ставлю вас в известность, что окончательно решил в Тифлис не ехать, даже если меня изрежут на куски, поскольку я не раз убеждался в вашем вероломстве, которое всем хорошо известно»⁶⁸.

Этот эпизод наглядно показал политическое и дипломатическое мастерство Шамиля, в котором он намного превзошел Клюгенау. У Шамиля было предоста-

точно оснований отказаться от поездки в Тифлис. Во-первых, имелось немало примеров того, что русские генералы вероломны, последним свидетельством чему служила передача его племянника в распоряжение Фези⁶⁹. Во-вторых, ему предлагалось много меньше его минимальных требований. Ни в одном из письменных документов нет даже намека на то, что Шамилю предлагалось что-то более его личного помилования. Наоборот, слова Клюгенау, что ему «обещано высочайшее помилование нашего Императора и разрешение жить, где он пожелает», что ему не потребуется «искать себе прибежище у народа, не подчиненного нашему Правительству»⁷⁰, явно говорят, что помилование распространялось на него как на личность, а не как на имама. В-третьих, даже если его ожидало помилование и признание как правителя, Шамиль не мог принять это. Нетрудно было признать верховенство царской власти тайно, в секретной и частной переписке; совсем другое — признать это прилюдно. Власть имама в глазах горцев утратила бы вес, а его самого сочли бы изменником. Не спасла бы и секретность встречи с императором: такую тайну долго сохранять невозможно.

Не имея возможности принять предложение русских, Шамиль также не мог позволить себе отвергнуть его с порога. Он избрал путь, каким всегда и везде следуют подлинные политики. Сделав вид, что предложение его заинтересовало, он говорит, что должен посоветоваться с коллегами. Затем, убедившись, что коллеги единодушно отклоняют предложение, он приносит извинения за то, что не в силах принять предложение, хотя желал бы и намеревался это сделать.

А слова из доклада Клюгенау о том, что лицо Шамиля якобы «выражало готовность» принять предложение, говорят лишь о том, как хорошо умел Шамиль вести переговоры и каким хорошим был актером. То, что Клюгенау неудачу приписывал вмешательству Пулло, совершенно естественно. Начальство Клюгенау, как

и Юрков впоследствии, приняли версию генерала, и это свидетельствует лишь о том, насколько грубо русские ошибались в оценке положения на Кавказе и сколь велико у них было непонимание этого положения.

Строго говоря, письмо Пулло могло привести к успеху миссии Клюгенау, поскольку предлагало известное решение стоявшей перед Шамилем дилеммы. Скорее всего, последнее письмо Клюгенау, а точнее, сопровождавшие его прямые угрозы привели к окончательному и резкому отказу Шамиля явиться на встречу с царем.

А тем временем император почти весь октябрь посвятил инспекционной поездке по Кавказу. В итоге последовали решения, которые непосредственно коснулись Шамиля: во-первых, 12 декабря Розен был смещен с поста командующего на Кавказе и на его место назначен Головин; во-вторых, главным и самым срочным делом теперь считалось усмирение Дагестана и Чечни. Оскорбленный «предательством» имама и его отказом встретиться, царь решил уничтожить его одним сокрушительным ударом.

Глава десятая

Ахульго

Выпускник Московского университета Евгений Александрович Головин, начав службу в 1797 г., обладал большим опытом деятельности как на военном, так и на гражданском поприщах. Человек не первой молодости, но еще бодрый и работоспособный, Головин три месяца провел в петербургских архивах, где поднял все папки с кавказскими делами. Приехав 31 марта 1838 г. в Тифлис, он очень скоро обнаружил, что на Кавказских территориях «внутренний мир и покой не нарушался лишь в его христианской части»². К числу главных проблем на востоке Кавказа для него относились: война в Южном Дагестане, вспыхнувшая следом за восстанием 1837 г. в Кубахе³; постоянные стычки, вызванные столкновением в 1836 г. между осетинами-мусульманами и их православными соплеменниками⁴, и последствия шиитского восстания 1837 г. под водительством некоего Мухаммеда Садика [Мамеда Садыка], представлявшегося «посланником двенадцатого скрытого имама»* и объявившего джихад «неверным», в частности — русским⁵.

В Нагорном Дагестане и Чечне, наоборот, сохранялось относительное спокойствие, что ставилось русски-

* Скрытый имам (араб. аль-имам аль-Гаиб), у мусульман-шиитов — вера в невидимое существование имама. Согласно имамитской традиции около 874 г. таинственно «исчез» в малолетнем возрасте признанный шиитами двенадцатый имам. Исчезнувший имам был провозглашен «скрытым», но продолжающим руководить общиной через своих уполномоченных. Некоторые шиитские религиозные авторитеты претендовали на мистическое общение со скрытым имамом, от чьего лица обычно и выступали. — *Прим. пер.*

ми в заслугу экспедиции Фези⁶. Поэтому приоритет был отдан планированию кампании на юге. Лишь обеспечив успех военных операций там, русские могли думать о наступлении на Шамиля⁷.

Но Южный Дагестан сковал силы русских на целый год. Экспедиция Фези в Самурскую долину в июне проводилась по схеме его операций в Чечне и Нагорном Дагестане⁸. Он столь успешно справился с подавлением местных племен, что в сентябре его отозвали подавить новый мятеж в Дагестане, теперь охвативший также и Нухву⁹.

Таким образом, если не считать одной стычки с Фези в Карате¹⁰ и небольшой русской экспедиции в Чечню¹¹, Шамиля никто не беспокоил, и он спокойно предался, как пишет Бадли, «двойкой созидательной работе, духовной и физической, требовавшей всех его сил, большого внимания и каждого часа времени»¹².

События 1837 г. — осада Телетля, разрушение Ашальты и больше всего размещение в Хунзахе русского гарнизона — были для Шамиля и его сподвижников настоящим потрясением. Таким образом, угроза нового наступления Фези, результаты переговоров с Ключенау (и их исход) привели горцев к выводу, что новая большая кампания русских неизбежна. Это дало основание многим сподвижникам Шамиля настаивать на уходе-«хиджре» в Чечню, откуда им было бы удобнее проводить свои операции. Такая мысль, возможно, посещала и самого Шамиля, но на собрании своих наибов и авторитетного духовенства он стал резко возражать против этого. В конце концов было принято решение оставаться в Дагестане и укрепиться в Ахульго¹³.

Избрание для этого Ахульго объясняется несколькими причинами. Это было идеальное место для возведения укреплений и давно использовалось хиндальцами как надежное укрытие. Оно находилось примерно на одинаковом расстоянии от владений шамхала и Мехтулийского хана, Хунзаха и Кумыкского предгорья. Ины-

ми словами, Ахульго мог стать базой для операций в любом направлении. Наконец, он находился «в самом сердце Хиндали, население которой начало уступать врагу»¹⁴.

Укрепляя Ахульго, как и в других приготовлениях, Шамиль учел все уроки предыдущих кампаний. (Насколько хорошо он усваивал эти уроки, станет видно во время кампании 1839 г.). Разрушенные Фези укрепления были восстановлены и расширены. К основному редуту в Старом Ахульго был добавлен Новый Ахульго на высокой горе. Вместо высоких башен, легко разрушавшихся под артиллерийским огнем русских, были возведены низкие прочные укрытия, замаскированные и защищенные скальными глыбами. В окрестных аулах были созданы склады боеприпасов и продовольствия в расчете на длительную осаду.

Укреплялись и другие пункты, прежде всего Иргинай, занимавший командную высоту на подступах к Ахульго со стороны Грозной и Темир-Хан-Шуры. Все дороги, ведущие вглубь страны, систематически приводились в непригодное состояние. Наконец, большое внимание было уделено увеличению численности войска под командованием имама.

За пределами своей территории Шамиль вел усиленную агитацию. Это делалось в двух целях: упрочить и расширить свою власть и активизировать общества, которые по разным причинам не входили в зону контроля имама, чтобы не давать передышки русским и тем самым выиграть время для подготовки.

Для этого в конце 1837 г. он разослал письма старейшинам основных махалов Кубаха, призывая «взяться за оружие и пойти на врага наших традиций и веры»¹⁵. В 1838 г. он присвоил звание наиба Али-беку аль-Ратули, самому видному вождю в долине верховья Самура¹⁶. В одном из своих воззваний, предназначенных для внутреннего пользования, Шамиль похвастался тем, что после «разгрома» русского войска под Ашальты

и Телетлем он вынудил русских «собрать против меня все свои силы... А я поднял все народы Дагестана, даже те, что живут за Самуром [sic!] и далее до самого моря»¹⁷. Однако его влияние на события 1837—1838 гг. в Южном Дагестане в действительности было лишь частичным.

В это время Шамиль стремился также заручиться поддержкой исламских монархов. Тогда он и обратился впервые за помощью к турецкому султану Махмуду II и египетскому паше Мехмету Али, к чему мы еще вернемся.

Приготовления Шамиля и упрочение его власти русские власти не могли не заметить. Его «растущая мощь» вызывала тревогу, и они пришли к заключению, что «против него наконец следует принять самые эффективные меры»¹⁸. Невозможность добраться до имама приводила русских в отчаяние, и Головин дал указание Пулло попытаться найти «храбрецов, кто за соответствующее вознаграждение (3000 руб.) возьмись бы доставить нам голову бунтовщика»¹⁹.

При планировании действий на 1839 г. впервые за долгий период приоритет был отдан Левому флангу: в Дагестане намечалось провести две операции, и только одну небольшую — на Правом фланге. Головин должен был самолично возглавить экспедицию в долину Самура, чтобы «окончательно покорить» тамошнее население, «возвести цепь крепостей» и, как писал Юров, «таким путем раз и навсегда поставить барьер распространению беспорядков из Дагестана на наши мусульманские провинции и открыть себе дорогу к свободным действиям в самом Дагестане»²⁰.

Другая, более крупная экспедиция, по словам того же Юрова, была спланирована с целью «парализовать правление и власть Шамиля в Северном Дагестане» путем «нанесения по его бандам сильного удара, уничтожения его главного опорного пункта Ахульго и создания по крайней мере одного своего опорного пункта

на р. Андийское Койсу, чтобы... держать в страхе Кунбут и Анди»²¹.

Эта операция была поручена новому командующему Кавказской и Черноморской линиями генерал-лейтенанту барону Павлу Христофоровичу Граббе. Прослужив большую часть времени в Петербурге²², Граббе был новичком на Кавказе и пороху там не нюхал. Но у него были исключительно высокие связи в столице, и, что самое важное, он пользовался доверием царя.

Как писал Граббе в своих распоряжениях, захват Ахульго должен был стать для правления Шамиля «ударом милосердия»*. Этому должно было предшествовать «повсеместное истребление горских банд, каких бы потерь это нашим войскам не стоило». Таким путем предполагалось «воздействовать на психику горцев, поколебать их веру в непобедимость и мощь Шамиля, и подорвать основы его власти в горах». Поэтому Граббе решил «искать встречи с горцами лицом к лицу»²³.

13 мая 1839 г. войска были готовы выступить в поход. Однако русские власти предприняли попытку «избежать страданий войны». Несколько «верных горцев» были направлены к Шамилю, чтобы «убедить его смириться», иначе говоря, сдаться. Неудивительно, что имам их арестовал, впрочем, затем отпустив с предупреждением, что впредь «повесит всякого, кто придет к нему с таким предложением»²⁴. Как видим, Шамиль таким образом получил предупреждение.

Но и без того Шамиль прекрасно сознавал, что надвигается военная кампания, и принимал контрмеры. Он во всеуслышание заявил, что вступление русских «в долину р. Андийское Койсу станет для них гибельным, что их колонны будут окружены, рассечены и лишены подвоза всякого снабжения»²⁵.

Своими последующими действиями Шамиль показал, что его заявление не было пустым бахвальством.

* Смертельный удар поверженному врагу, чтобы прекратить его страдания. —

Прим. пер.

Во-первых, он решил применить тактику «выжженной земли». Предполагалось, что все селения на пути русских войск будут безлюдны и все продовольствие там уничтожено²⁶. Далее, находившемуся в Чечне Хаджи-Ташо он послал подкрепление и дал указание нападать на русские колонны с флангов и тыла, отрезая их от баз снабжения и одновременно захватывая Кумыкскую равнину²⁷. Таким образом, русские войска оказались бы привязаны к своим базам снабжения, а эти связи можно было бы прерывать и всячески затруднять.

Оценив эту угрозу, Граббе был вынужден изменить планы и сначала двинуться на Хаджи-Ташо. Целая неделя (21—27 мая) ушла на «поиски Хаджи-Ташо»²⁸, но результатов они не дали, и 2 июня Граббе начал кампанию против Шамиля²⁹, не имея никаких сведений о силах, против которых выступил³⁰.

5 июня неподалеку от Буртунай русские обнаружили Шамиля с его войском, занимавшим «фланговую позицию, что в случае дальнейшего продвижения русских войск создавало угрозу удара с тыла. Не посчитавшись с такой возможностью противника... генерал Граббе, не колеблясь, решил с ходу нанести по неприятелю фронтальный удар: воздержаться от наступления при первой встрече с горцами означало бы выглядеть нерешительным, ободрить их и оставить Буртунай безнаказанным»³¹. Русские ворвались в село, но нашли его сожженным и пустым.

Последующие шесть дней войско продвигалось очень медленно, буквально прогрызая себе путь в скалах. Для обеспечения дальнейших операций соорудили небольшую крепость и назвали ее Удачная. 11 июня русские подошли к Ирганаю, где Шамиль поджидал их с большими силами³².

Русские «должны были взять аул любой ценой, потому что возвращаться обратно по горам, вершины которых занимали толпы горцев, представлялось невозможным»³³. Граббе снова попытался захватить селение с

ходу, то есть 11 июня к вечеру, но был отбит. «В [его] донесении эта атака была названа простой рекогносцировкой»³⁴ — эвфемизм, широко используемый генералами. Сражение почти без перерыва продолжалось еще двое суток, пока селение не было полностью взято. Бой был тяжелый и ожесточенный, обе стороны понесли немалые потери³⁵.

Первый этап экспедиции был завершен. Граббе сломил сопротивление Шамиля, и путь на Ахульго был открыт. Имам отошел в Ахульго, но без нескольких своих наибов. Однако скоро выяснилось, что этот успех Граббе (как, впрочем, и вся экспедиция) был Пирровой победой. Русские оказались теперь отрезанными как от Внезапной, так и от Удачной, они также не имели возможности двинуться навстречу своим обозам, вышедшим в сопровождении эскорта из Темир-Хан-Шуры. Следующие десять дней они опять были вынуждены продираться к Андийскому Койсу и там строить мост. Когда наконец дорогу проложили и обоз прибыл, войско сидело «на последнем сухаре»³⁶.

24 июня русские перешли Андийское Койсу, и началась 80-дневная осада Ахульго. «Скоро [Граббе] убедился, что захватить последнее убежище Шамиля будет чрезвычайно трудно, тем более что в предыдущих акциях войска понесли существенные потери в живой силе; но отступить, не взяв позиции [Ахульго], означало бы лишиться плодов с таким трудом полученного успеха»³⁷, — пишет Головин.

По сути дела, обе стороны оказались в частичной осаде; с одной стороны, Граббе, у которого не хватало сил сделать осаду сплошной, вывел части с левого (западного) берега Андийского Койсу, что позволило Шамилю проложить через речку мостки и наладить связь со своими наибами в горах. С другой стороны, единственный путь, по которому шло снабжение русского войска, нужно было все время поддерживать в рабочем состоянии и охранять от частых набегов. Скоро

в лагере Граббе стала ощущаться нехватка боеприпасов. Особенно острой была нужда в порохе и снарядах у артиллерии, потому что мощные укрепления Ахульго вынуждали русских подвергать их массированному обстрелу, без чего нельзя было ни на что рассчитывать.

Шамиль тоже не сидел сложа руки. После падения Иргиния он послал трех наибов собирать свежие силы. Командовать новым отрядом численностью 1560 бойцов был поставлен Ахбирди Мухаммед. Во взаимодействии с имамом³⁸ в ночь на 1 июля этот наиб совершил нападение на русский лагерь. Накануне он прошел «почти под носом» у шамхала и укрепился в Ашальты. Таким образом, наиб «внезапно объявился в тылу осаждавших войск именно с той стороны, откуда меньше всего ожидалось»³⁹.

Напади Ахбирди Мухаммед на русских сразу, «возможно, он нанес бы им очень серьезное, если не сказать фатальное, поражение», потому что «в это время проводилась разведка боем укрепленных позиций Шамиля, и весь штаб оставался почти незащищенным»⁴⁰. Но вышло так, что его атака пришлась под утро, и его отбросили к Сугурскому мосту.

Оттуда он постоянно грозил русским, и Граббе был вынужден 4 июля отвлечь от осады почти половину своих сил и оттеснить его на другой берег Андийского Койсу. А в ту роковую ночь, еще до возвращения Граббе с разведывательной акции, Шамиль совершил вылазку и разрушил некоторые инженерные сооружения осаждавших.

Горный утес Ахульго представляет собой квадратное образование, которое с трех сторон огибает река Андийское Койсу. Речка Ашальты делит его на две части — малый Старый Ахульго и большой Новый Ахульго, возвышающийся над первым. В Старый Ахульго можно попасть только из аула Ашальты «по тропе, идущей по острому гребню хребта, тогда как все другие подступы преграждены, и над всем этим выступом

безраздельно господствует»⁴¹ гора Шулатл уль-Гух, прозванная русскими Башней Сурхая. Ее обороняли 100 лучших бойцов Шамиля под командой Али-бека аль-Хунзаки.

Потерпев неудачу в попытке взять штурмом старый Ахульго, Граббе все свои силы нацелил на Шулатл уль-Гух. Первая атака 11 июля была отбита с большими потерями для русских, но вторая, 16-го, после ожесточенного боя увенчалась их успехом. Теперь Граббе смог стянуть кольцо осады, хотя на левый берег Андийского Койсу выйти ему не удалось. У Шамиля оставалось свободное сообщение со своими отрядами внешней обороны, он мог эвакуировать раненых и получать снабжение и свежие силы. Это позволяло ему делать ночные вылазки в лагерь осаждающих, а его наибы нападали на русские обозы.

24 июля прибыли три свежих батальона, присланных Головиным. Это довело численность экспедиционного корпуса Граббе до 10 092 человек, не считая милиции⁴². «Вместо того чтобы овладеть позициями на левом берегу» Андийского Койсу и таким путем «отрезать противника от внешнего мира, как он первоначально предлагал, Граббе бросил 28 июля свежие силы на штурм отвесной скалы... Это предприятие, рассчитанное исключительно на дикий случай везения, обернулось полным торжеством врага...»⁴³.

Через несколько дней после неудачной атаки, когда Граббе сам «успокоился» и войско «забыло о поражении», генерал решил, наконец, полностью окружить Ахульго. 15 августа через Андийское Койсу была наведена переправа, и на следующий день русские войска заняли позиции напротив Ахульго. «С того момента в Ахульго не осталось практически места, недосягаемого для русских батарей: не осталось укрытия для женщин и детей. Даже спуски к реке за водой были под огнем». Со временем положение осажденных становилось все хуже, особенно с наступлением жары. Состояние рус-

ских солдат было не многим лучше. Войско было настолько ослаблено болезнями и нехваткой продовольствия, что казаков и милицию пришлось распустить по домам⁴⁴.

Полное окружение Ахульго ознаменовало начало последнего этапа осады, когда схватки перемежались с переговорами. Первую попытку переговоров Шамиль предпринял 9 июля, через несколько дней после своей вылазки и налета Ахбирди Мухаммеда на русский лагерь. Граббе отмахнулся от предложения договориться. Новую попытку имам предпринял 5 августа после неудачного штурма русских. На этот раз Граббе ответил, предложив следующие условия:

1. Шамиль без разговоров отдает в заложники своего сына.
2. Шамиль и все его наибы в Ахульго сдаются русскому правительству; их жизни, имущество и семьи останутся в неприкосновенности; правительство укажет им место проживания и способ существования; все остальное отдается на великодушную волю российского императора.
3. Все вооружение в Ахульго сдается военному командованию.
4. Обе части Ахульго становятся навсегда землей русского царя, и горцы не должны тут селиться без его разрешения⁴⁵.

8 августа прибыл парламентар Шамиля с ответом имама, но Граббе его «вышвырнул», так как тот «говорил с ним в неподобающей для уха русского генерала манере»⁴⁶. Что же касается ответа Шамиля, то у него были контрпредложения. В заложники он соглашался прислать не сына, а одного из своих родственников или даже двух. Кроме того, он предлагал заложников от каждой группы жителей Ашальты и Чирки, находившихся в Ахульго. А самое главное, он требовал свобод-

ного выхода из Ахульго всех до единого людей⁴⁷. Парламентер Шамиля на следующий день явился снова, но Граббе его не принял. Генерал требовал «безоговорочной капитуляции и именно сына в заложники как гарантии полного подчинения»⁴⁸. На этом переговоры прервались.

19 августа, три недели спустя после неудачного штурма горской твердыни, Шамиль вновь вступил в переговоры. Ответом Граббе было требование, чтобы имам сдался «как военнопленный». Но на сей раз переговоры продолжились. Следующие несколько дней стали свидетелями чередования перестрелок с периодами прекращения огня и переговоров, использовавшимися обеими сторонами для усиления своих позиций. Но никто на компромисс не шел. Причиной несогласия был отказ Шамиля «стать военнопленным» и дать «приказ гарнизону сложить оружие». В конце концов, видя, что «переговоры ведутся по-азиатски, то есть впустую»⁴⁹, Граббе перешел к решительным действиям. 28 августа он объявляет Шамилю ультиматум: если до вечера сын Шамиля не явится к нему в лагерь, с рассветом следующего дня русские начинают штурм Ахульго⁵⁰.

Утром 29 августа началось второе генеральное наступление на Ахульго. Через несколько часов ожесточенного боя Шамиль попросил прекратить огонь. Тогда, «...принимая во внимание, что передовые части... были истощены... что подкрепить их было нечем, а впереди еще стояли огромные трудности... что, наконец, продолжение атаки... стоило бы чрезмерных потерь»⁵¹, Граббе согласился.

Шамиль послал в заложники своего старшего сына Джамала ал-Дина, и переговоры продолжились. 30 августа Шамиль встретился с Пулло. Один из присутствовавших на этой встрече офицеров вспоминал 11 лет спустя:

«Генерал Пулло предлагал Шамилю временно поселиться в России — в Ставрополе или, в конце концов, в одном из четырех селений, старосты которых были нам верны. Но Шамиль наотрез отказывался и просил разрешения жить в Ашальты... Гимрах... или Автири... Конечно, согласиться с этим было нельзя, потому что это не было бы концом бунта, но повторением совершенной в 1836 г. ошибки Клюгенау [sic!]»⁵².

Затем Шамиль стал пространно объяснять, надо сказать, весьма убедительно, сколь велики у горцев возможности продолжать начатую борьбу, какие нас ожидают впереди трудности, несмотря на наши победы, и насколько было бы удобнее для нас иметь дело с одним человеком, а не с разнузданной толпой. Но отдавать себя в наши руки он никак не желал»⁵³.

Шамиль отказался спуститься в лагерь противника, чтобы официально сдаться русскому генералу. Относительно же сына стал настаивать, чтобы его содержали у Джамала, правителя Чирки. Эти вопросы и место будущего обитания Шамиля оставалось предметом споров на протяжении следующих двух дней.

31 августа имам послал русскому генералу два письма⁵⁴. В одном он просил Граббе «не принуждать» его сдаваться сейчас и таким образом избавить имама от унижения делать это в присутствии мусульман из окружения генерала, по его словам, «люто его ненавидевших». Он обещал сдаться, «когда мы все начнем расходиться». В другом письме он просил разрешения поселиться с семьей в Гимрах, где обещал быть «обычным жителем и вести существование со всеми наравне». Под конец он просил позволения еще месяц провести в Ахульго.

Граббе был неумолим. На «азиатское» письмо Шамиля он ответил требованием сдаться в течение трех дней

и заявил, что содержать Шамиля будут в Грозной. «Играть в эти детские забавы, чтобы ни к чему не придти, нам никакого удовольствия не доставляло», — писал он в своем дневнике⁵⁵.

Как последнее средство, Граббе вызвал наиба Юнуса, пришедшего вместе с Джамалем аль-Дином, и просил его уговорить Шамиля сдаться⁵⁶. Но и на эти уговоры Шамиль не поддался. Тогда Граббе, «боясь наступления холодной дождливой осени, решил более не тратить драгоценное время и разделаться с Ахульго любой ценой»⁵⁷.

Воспользовавшись временным перемирием, русские произвели перегруппировку, и Граббе приказал готовиться к новому штурму. 2 сентября его войско ринулось на третий и последний штурм Ахульго, и за два дня ожесточенного сражения захватило селение.

Кампания 1839 г. стала ярким свидетельством того, как хорошо учитывал Шамиль итоги всех предыдущих кампаний. Вместе с тем она стала моделью для всех последующих, особенно кампаний 45-го и 47—49 гг. До самого последнего момента Шамиль не выпускал из своих рук инициативу. Уже в самом начале он вынудил противника изменить свои планы и пойти сперва против Хаджи-Ташо. Все другие бои проходили там и тогда, где и когда это было выгодно имаму. Заранее подготовив арену действий, Шамиль, по существу, диктовал Граббе маршруты движения, причем такие, где русские встречали наибольшие трудности и несли тяжелые потери. Обороной Иргиния он, хотя и не остановил продвижения Граббе, заставил того дорого заплатить за победу и замедлить темпы продвижения. В дальнейшем русская армия оказалась на грани голодной смерти, ибо большую часть осады Ахульго сама пребывала в осаде, мало отличавшейся от той, в которой оказались защитники Ахульго.

В стратегии Шамиля важная роль принадлежит дипломатии. По расчетам имама, переговоры могли приве-

сти к соглашению в духе тех, что заключались ранее. С другой стороны, если русские войска не были ослаблены, переговоры давали Шамилю возможность выиграть время, а это всегда было выгодно. Чем дольше русские находились в горах, тем больше были их трудности и потери, и задержись Граббе в этой кампании до осени, ему пришлось бы отступить, ничего не добившись. Вот почему Шамиль несколько раз сам начинал переговоры, хотя дагестанские источники и утверждают, что они якобы велись по инициативе Граббе⁵⁸. И характерно, что каждое предложение имама о перемирии делалось после того, как русские терпели неудачу.

Поражение Шамиля в этой кампании обусловили четыре фактора. Во-первых, он сам находился в осажденном пункте. Он учтет это и в дальнейшем будет избегать этого. Во-вторых, чрезвычайно жаркое лето сделало положение осажденных невыносимым. В-третьих, русские пришли к заключению, что им надо добиться полной капитуляции Шамиля, потому что все остальное, как это уже случалось, будет его победой и трамплином к усилению и дальнейшему расширению его влияния. Четвертым фактором выступили личные качества Граббе, его сила воли, решительность и упорство, намерение добиваться своей цели любой ценой, невзирая на гибель своих солдат, а также отсутствие у него опыта кавказских войн, что лишало его, хотя и не полностью, понимания всех связанных с этой войной угроз и опасностей. Граббе действовал как бульдог с мертвой хваткой, ему даже в голову не приходило отступить от Ахульго⁵⁹.

Излишне подтверждать правоту дагестанских источников, утверждающих, что Граббе на переговорах вел себя вероломно, выдвигая требования по частям и с каждым разом их ужесточая⁶⁰. Шамиль знал, чего добиваются русские. С ним такое, начиная с конца 1836 г., случалось не раз. Понимая все это и помня о судьбе своего племянника, имам долго отказывался отдать в

заложники своего сына. Он уступил и послал в лагерь русских Джамала ал-Дина лишь тогда, когда ему стало невозможно далее сдерживать напор противника.

Это был момент, когда положение Шамиля было отчаянным и он уже подумывал о том, чтобы совсем отказаться от своего дела, когда русские находились почти у самой цели, почти добившись того, чего они ранее никогда не добивались и долго еще не добьются, а именно — полной победы. Но преградой на пути к победе для них на сей раз стало то самое упорство, которое привело Граббе к успеху, и его тщеславие. Прояви он такт, сделай самую малую, незначительную уступку, и Шамиль бы сдался. Но упрямство Граббе привело к тому, что Шамиль продолжил сопротивление.

Ворвавшись в Ахульго, русские еще восемь дней сражались в пещерах, где укрылись горцы. 11 сентября, когда сражение закончилось и тела погибших были опознаны и сосчитаны⁶¹, выяснилось, что Шамиль исчез. В ночь со второго на третье, когда шел штурм, он вместе с семьей и несколькими нукерами перебрался через реку и скрылся в Ичкерии⁶².

Несмотря на это, русские торжествовали и поздравляли друг друга с победой. Граббе посчитал «дело сделанным»:

«Если мятежнику, вопреки всему, и удалось бежать, он утратил всякое уважение горцев, у него больше нет места, где можно укрыться... нигде ему больше не найти такого неприступного гнезда, как Ахульго, и таких храбрых последователей, какие сложили за него там свои головы. Его партия окончательно разгромлена; его мюриды, брошенные своим вождем, разбежались»⁶³.

Огромные жертвы⁶⁴ были не в счет. Не упрекнули Граббе и за то, что не сумел осуществить свое наме-

рение — построить на Андийском Койсу редут⁶⁴. Никто не обратил внимания на то, что русские войска в Чирке подверглись внезапному нападению, в результате чего Граббе «оказался не в состоянии продолжать наступление из-за полной материальной дезорганизации войска», смог только «наложить на жителей Чирки штраф, который так и не был уплачен», и потом «увел войска на зимние квартиры»⁶⁵.

Подчинение Граббе горских племен пошло широким потоком, и в «верхних слоях местной администрации» уже стали обсуждать, «как лучше разделить племена, как повсюду рассадить своих губернаторов, как ввести ежегодную подать оружием с целью разоружить население»⁶⁶. Но эти дискуссии, а с ними и поздравления, как скоро выяснилось, были преждевременными.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ФЕНИКСА

Глава одиннадцатая

Чечня

О конце 1839 г. Шамиль был «словно выброшенный хлам; никто не глянул в его сторону, он никому не был нужен»¹. Но через год «все племена между Сунжой и Аварским Койсу подчинялись его железной воле, признавали его абсолютным правителем и по мановению его руки были готовы ринуться куда угодно»². В своем возвращении к власти, напомиравшем возрождение птицы Феникс, Шамиль блестяще воспользовался рядом обстоятельств, среди которых не последнее место занимали ошибки русских. «Мы сами шли рука об руку с Шамилем, словно верные друзья», — с горькой иронией пишет Юров³.

В 1839 г. русским казалось, что дух горцев сломлен. Осуществление планов 40-го года, писал Граббе, «не встретит сопротивления... Ни серьезных волнений, ни общего восстания ждать не приходится»⁴. Складывалось впечатление, что настало время установить прямое правление в Чечне. В горские общества назначались приставы, причем в основном из местных жителей, верно служивших русским⁵. Они селились непосредственно в общинах и «строго следили за поведением подведомственных селений»⁶.

Довольно быстро чеченцы узнали «прелести» русского правления:

«Все лучшее у них отбиралось под предлогом взимания налогов и податей; случалось, что по доносу и просто злему навету арестовывались

совершенно безвинные люди; с арестантами и даже заложниками обращение было бесчеловечным... во время военных экспедиций допускалась реквизиция скота и продовольствия»⁷.

Эти акты произвола, по-видимому не сильно отличавшиеся от норм жизни в остальных частях империи, казались свободолюбивым чеченцам, не привыкшим ни к какому правлению, невыносимыми. Но самым большим просчетом русских стала конфискация огнестрельного оружия. 22 года спустя Шамиль будет вспоминать, как «не без удовлетворения» следил за попыткой Пулло разоружить чеченцев и в любой момент ждал отделения Чечни, которое он предвидел⁸.

Оружие у горцев было больше чем необходимая вещь обихода; это был предмет их гордости, атрибут мужественности и свободы. Оружие переходило из поколения в поколение, передавалось от отца сыну и считалось самым ценным достоянием. Разоружить горца значило его страшно унижить⁹. Как чудовищно заблуждались русские в психологии горцев, можно судить по хвастливому заявлению Пулло, что конфискация ружей «позволяет впервые внушить горцам мысль, что правительство вправе лишить оружия тех, кто использует его не по правилам»¹⁰. Когда дело зашло так далеко, чеченцы уже не знали, чего им и ожидать. Скоро по всему краю поползли слухи, что разоруженное население русские власти собираются превратить в крепостных, мужчин забирать в солдаты, а женщин делать дворовой прислугой¹¹. Особенно сильно будоражили «неосторожно брошенные» слова, приписывавшиеся Пулло: «Теперь, отняв у них оружие, нам остается снять с женщин шаровары»¹².

Не стоило удивляться тому, что в горах Верхней Чечни, труднодоступной для русской армии, аулы отказывались подчиняться и не пускали к себе приставов. Чтобы прижать непокорных, их изолировали от внеш-

него мира, запрещали им продавать зерно и пользоваться пастбищами. Из-за плохого в эти годы урожая на всем Кавказе это было очень эффективным средством воздействия¹³.

Вину за ухудшение обстановки впоследствии стали возлагать на «крайне грубого, бесцеремонного и часто несправедливого» Пулло и его «драконовское правление»¹⁴. Но совершенно очевидно, что для Граббе Пулло стал козлом отпущения. Одесский грек по происхождению, выходец из мелкопоместной дворянской семьи, Пулло начал военную службу в 1805 г. и в 1834-м был назначен командующим Сунженской линией. Он считал, что покорение чеченцев «мирными способами невозможно, и применение оружия необходимо как единственное средство их усмирить»¹⁵. Впрочем, в этом он не особенно отличался от своих начальников. Более того, в своих действиях он следовал планам и указаниям сверху, прежде всего исходившим от самого Граббе, хотя нельзя отрицать, что исполнял он эти указания с особым рвением. Вина Пулло, таким образом, состояла в том, что он был ниже по чину и не столь благородного происхождения, как Граббе, а главное — не обладал такими, как тот, связями в Петербурге.

«К марту 1840 г. обстановка в Чечне накалилась до предела, и достаточно было искры, чтобы произошел взрыв»¹⁶. Этой искрой послужили два внешнеполитических события. Первое было связано с Восточным кризисом 1839—1841 гг., непосредственными участниками которого стали турецкий султан Махмуд II и египетский паша Мухаммед Али. В апреле 1839 г. султан бросил свою армию против номинального, но непокорного вассала*, чтобы отнять обратно Сирию и отомстить за унижительное поражение 1831 г.¹⁷. Но 24 июня сын египетского паши Ибрагим наголову разбил турецкую армию. 30 июня султан Махмуд скончался. Неделю

* С начала XVI и по конец XIX вв. Египет входил в состав Османской империи.
— *Прим. пер.*

спустя командующий турецким флотом увел корабли, составлявшие основу морских сил, Турции, в Александрию и перешел на сторону египетского паши. Стамбул без армии и флота, с шестнадцатилетним мальчиком на султанском троне, оказался перед Ибрагимом беззащитным. Кризис, в который включились главные европейские державы, разрешился только в июне 1841 г.¹⁸

Вести об этих событиях, часто в чудовищно искаженном виде, не могли не проникнуть на Кавказ и не взволновать его обитателей. У кавказских мусульман, как и у других их единоверцев на всем Ближнем Востоке, никогда не живших под правлением египетского паши, Мухаммед Али получил необыкновенную популярность, стал легендарным героем, обрел масштабы почти мессианские¹⁹. Во всем мусульманском мире во всех его слоях настолько уверовали в непобедимость Мухаммеда Али, что «когда в Персии получили известие о падении Акры, даже шах этому не поверил. Как свидетельствует русский генеральный консул в Эрзеруме, шах призвал русского посланника и попросил его «по-дружески дать честное слово, что это правда»²⁰. Среди кавказских мусульман усилились слухи о грядущей «победе полумесяца над крестом», а русские власти были сильно обеспокоены тем, что «наши мусульманские провинции, граничащие с Турцией», подобно «всей азиатской Турции, готовы поднять восстание в пользу египетского паши при первом же движении его сына Ибрагима»²¹.

К тому же вскоре на Кавказе появились «агенты» Мухаммеда Али, настоящие или самозванцы, с письменными и устными посланиями паши²². С двумя такими посланиями ознакомили читателей русские газеты. В одном из них, адресованном «всем улама» и влиятельным лицам Дагестана, говорилось:

«Я только что вел войны с семью монархами — английским, германским [очевидно, австрийским], греческим, французским, султаном [Абд

аль] Маджидом [Абдул Мечидом] и другими, которые милостью Аллаха полностью мне подчинились. Теперь я повернул оружие против России, а посему назначаю Шамиля-эфенди вашим шахом [*sic!*] и посылаю ему две печати. Повелеваю вам во всем ему повиноваться и помогать мне в моем деле. Обещаю также послать к вам часть своих войск. Кто не будет выполнять мое повеление, лишится головы вместе со всеми неверными»²³.

Другое письмо якобы от Ибрагима «всем чеченским и дагестанским у лама и старейшинам» гласило:

«Поскольку земли, на которых вы обитаете, принадлежат мне по праву наследования, я, веруя в нашего единого и единственного Аллаха, иду утвердить свои права. Под моим началом неисчислимое войско, и когда я в конце зимы или в начале весны вступлю с ним на Кавказ, вы все должны собраться в верховье Терека. Мы объединимся и вместе завоюем земли Дагестана, возьмем Астрахань, Дербент и Анапу, мы изгоним неверных с земель Ислама»²⁴.

Считать ли эти и другие подобные письма настоящими или фальшивками, действительно ли египетский паша намеревался завоевывать Кавказ — тема для дискуссий российских чиновников и ученых, для нас это принципиального значения не имеет. В предмете нашего рассмотрения существенным является то, что у Мухаммеда Али была мотивировка²⁵ и возможность привести Кавказ в волнение; для нас важно то, что он использовал эту возможность в сделках с Блистательной Портой* и европейскими державами²⁶, что русские власти, прежде всего в Тифлисе, были обеспокоены

* Одно из названий Османской империи (Большой Порты). — *Прим. пер.*

такими перспективами; а главное, что эти послания произвели огромное впечатление на чеченцев и черкесов и таким образом подлили масла в огонь кавказских событий.

Другая череда происшествий, послуживших искрой для взрыва в Чечне, имела место в западной части Кавказа. Черкесов пугало безостановочное продвижение русских на их земли, к тому же они терпели большие лишения вследствие неурожая и экономической блокады со стороны русских; это толкнуло их на массированные набеги на русские линии. Иностранная агентура, конечно, не преминула воспользоваться взрывоопасной ситуацией.

В Англии, которая никогда не признавала за Россией права на восточное побережье Черного моря, попытки усмирения черкесов «открыли широкие возможности для антирусской пропаганды». Русский царь «кажется, вновь, как он сделал это в Польше, намерен подавить народ, борющийся за свободу. Между тем он укрепляет свои позиции на Кавказе, следовательно, возникает угроза того, что у него появится возможность напасть на Османскую империю, двинуться в Персию и даже в Индию»²⁷. «В действительности в большинстве случаев политика Великобритании в этот период [1815—1841] в сравнении с Россией была более провокационной. На Балканах, на Кавказе, в Афганистане и в Персии, а также в Константинополе, в Сирии и Египте англичане трудились куда как действеннее, нежели их русские партнеры, а если говорить о сфере влияния, то она расширялась у Англии, а не у России. Английские государственные деятели утверждали, что их цели оборонные, но возьмись Россия судить об этом не по словам, а по делам, как это делают англичане по отношению к русским, то беспристрастный судья скорее всего правой признает Россию»²⁸.

В 1834 г. Дэвид Уркварт, тогда секретарь английского

посольства в Стамбуле²⁹, посетив Кавказ и с тех пор став активным поборником английской и вообще европейской поддержки кавказцев, стремился даже организовать английскую интервенцию на Кавказе. Вместе со своими агентами, главными из которых были Белл, Лонгворт и Спенсер³⁰, он побуждал черкесов стать на пути продвижения русских, обещая им скорую английскую интервенцию, и наладил контрабандные поставки оружия и боеприпасов³¹.

В конце 1839 г. к английским агентам присоединились агенты Мухаммеда Али с обещанием скорой войны египетского паши с Россией и призывами к горским народам Кавказа поднять общее восстание³². Тогда английские агенты уже обещали Мухаммеду Али, что на несколько лет вмешательство Англии в кавказские дела гарантировано³³. Вот еще одна усмешка истории: в то время, когда английская агентура рука об руку с агентами Мухаммеда Али трудилась среди черкесов, английское правительство пошло противоположным курсом, возглавляя европейские державы в борьбе против Мухаммеда Али и за его вытеснение из Ливана. Не менее ироничной кажется причина этого курса, состоявшая в том, что некоторые правящие круги Англии и их агенты боялись, как бы египетский паша вместе с русскими не завоевали и не поделили между собой Месопотамию и Персию³⁴. Все это, хотя и не было главной причиной, привело к драматическим событиям.

19 февраля 1840 г. черкесы захватили и разрушили на Черноморском побережье русский редут Лазарев. Следом подверглись нападению другие редуты и крепости: Вельяминовское (12 марта), Михайловское (2 апреля), Николаевское (15 апреля) и Навагинский. Последний был частично захвачен (6 мая), но впоследствии отбит. Последнее нападение на редут Абин (7 июня) было отражено³⁵. Русские были застигнуты врасплох, но после

краткого замешательства перешли к решительным действиям: из Крыма пришло подкрепление, и к ноябрю 1840 г. все редуты и крепости были восстановлены и укреплены сильнее прежнего³⁶.

И все же действия черкесов стали серьезной помехой в покорении Кавказа, и последствия этого сказывались на протяжении долгих лет. Известие о падении Лазаревского редута и последующие события наэлектризовали обстановку в Чечне. Это и послужило искрой, от которой запылал весь край. Чеченцам нужно было только получить вождя, а такой человек уже полгода находился среди них.

Приехав в Ичкерия с семьей своими сподвижниками, Шамиль поселился в ауле шубутского общества Гарашкити. Сразу после штурма Ахульго и бегства Шамиля кое-кто из его наивов вознамерился было занять место имама³⁷. Но как только выяснилось, что Шамиль собирается оставаться имамом, трое — Шуайб аль-Цунутури, Хаджи-Ташо и Джавад-хан аль-Дарги — вернулись к нему и продолжали ему верно служить³⁸. С их помощью Шамиль стал постепенно, как пишет Юров, «приручать жителей Гарашкити. Незаметная деятельность имама увенчалась поразительным результатом... По всей округе пошли разговоры о его прозорливости, мудрости и умении справедливо разрешать споры и конфликты. Местные жители толпами стали стекаться к нему, прося научить их жить по законам веры и правды. Слава имама росла и быстро распространилась среди чеченцев, находившихся под властью русских приставов, и чеченцы вольно или невольно стали сравнивать то, как вел себя Шамиль, с деятельностью наших чиновников, и сравнение это было далеко не в пользу последних. И тогда, доведенные нашим скудоумием и оскорблениями до отчаяния, чеченцы решили просить имама... возглавить их вооруженное восстание»³⁹.

С такой просьбой к нему шли делегации из Нижней Чечни одна за другой, и Шамиль сперва отнекивался, но потом с неохотой уступил. Но, дав свое согласие, он не забыл взять с чеченцев торжественную клятву в беспрекословном ему повиновении и велел дать ему заложников из самых уважаемых семей⁴⁰.

Но прежде чем возглавить чеченцев, Шамилю пришлось оттеснить одного серьезного соперника. Хаджи-Мухаммед происходил из влиятельного аксайского рода и был сыном знаменитого Хаджи-Учара Якуба, убившего генералов Лисановича и Грекова. Укрепив свой авторитет званием хаджи (в 1837—1838 гг. он совершил хаджж — паломничество в Мекку) и уже упоминавшимися письмами Уркварта и Ибрагима-паши, он решил было утвердить собственную власть и вытеснить Шамиля из Аргунского ущелья⁴¹. Но будучи моложе Шамиля, уступая ему в легитимности, влиянии и власти, Хаджи-Мухаммед был вынужден пойти с ним на соглашение. В итоге, если верить русскому переводу одного письма, Хаджи-Мухаммед якобы получил звание второго, или вторичного, имама⁴². Но скоро он вообще исчез со сцены. В последнем о нем известии упоминалось его намерение вернуться в Стамбул⁴³.

В сопровождении сильного отряда шубутцев Шамиль стал объезжать селения Нижней Чечни, всюду встречая восторженный прием⁴⁴. Пулло дважды покидал Грозную, чтобы «держать чеченцев в покорности», но меры, которые он предпринимал, «благоприятных результатов не дали»⁴⁵.

Скоро Шамиль со своими соратниками продемонстрировал, что хорошо усвоил уроки прошлого и многому научился. Отказавшись от попыток строить и оборонять укрепления, он перешел к классической тактике партизанской войны. Вот как описывает это Бадли:

«Он угрожал противнику с севера, востока, запада и юга, постоянно находился в движении,

распускал своих лихих бойцов по домам, потом снова их собирал, словно волшебник; обладая невероятной подвижностью горских всадников, не нуждавшихся ни в каком снаряжении и снабжении, все необходимое имевших при себе, он постоянно налетал на русских там, где они меньше всего ожидали»⁴⁶.

«Его отряды, приняв этот новый способ действий, которым они неизменно стали пользоваться в будущем, благодаря своей поразительной подвижности практически всегда успешно избегали генеральных сражений с нашими войсками. Наши же колонны, пытаясь их преследовать, доходили до полного изнеможения»⁴⁷, — сообщает Юров.

Если говорить о стратегии имама и его наибов, то они действовали в манере, свойственной горцам во все времена, той, что И. Бер называет «оборонительно-наступательной»⁴⁸. Она состоит в том, чтобы сдерживать наступающего противника на своей территории, где удобнее всего действовать самим, измотать его силы и затем контратаковать. Итак, для описываемого периода характерно чередование этапов сдерживания и наступательных операций, или, пользуясь образным выражением Шамиля, поведение горных потоков с их «то большой, то малой водой». Эти этапы, или фазы, краткие вначале, в дальнейшем становились продолжительнее и масштабнее. В период с марта по ноябрь 40-го г. таких этапов было тринадцать. Но их подробное описание не входит в задачу этой книги.

В апреле Шамиль поделил Чечню на сектора своих четырех наибов — Ахбирди Мухаммеда, Джавад-хана, Шуяба и Хаджи-Мухаммеда, — и приказал им действовать по разным направлениям. К примеру, 17 апреля Ахбирди Мухаммед и Шуяб провели боевые операции один в Назрани, другой в Гурзуле. 26 апреля сам

Шамиль был в Авке, Ахбирди Мухаммед грозил напасть на Грозную, а Хаджи-Ташо — на Внезапную⁴⁹.

Не вняв предостережениям Пулло, Граббе ускорил отъезд в Грозную генерал-лейтенанта Галафеева⁵⁰, которого прочили на место командующего Левым флангом русских линий, приказав ему начать строительство редута Гурзул ранее намеченного срока⁵¹. Галафеев прибыл в Грозную 22 апреля и следующие шесть месяцев разрывался между строительством редута и пятью экспедициями, в которых «он прошел всю Чечню, понеся большие потери и ничего не добившись»⁵². Одно из его сражений на реке Валерик, где он потерял 346 человек, обессмертил в своей поэме Лермонтов⁵³.

В дальнейшем Головин обвинял Галафеева и своего начальника Граббе в том, что они сосредоточили усилия на возведении редута Гурзул, когда «остро требовалось принять энергичные меры, чтобы прекратить беспорядки в Чечне». Эта проволочка, пишет он, дала Шамилю бесценное время упрочить свою власть, так что когда Галафеев взялся за это, было уже слишком поздно⁵⁴. В некоторых случаях Галафеев, действительно, проявил удивительную нерасторопность, но его пассивность не всегда была русским во вред. Если учитывать, что русские были плохо оснащены материально и не имели четкой концепции, более активные действия, которые им в общем-то были не по силам, могли бы повлечь за собой куда большие потери и беды⁵⁵.

Завлекая Галафеева в бессмысленные походы, весь результат которых сводился к тому, что «сжигались хижины и вытаптывались поля»⁵⁶, Шамиль сам наносил удар за ударом. 6 июня Ахбирди Мухаммед и Джавад-хан разбили отряд русских под Назранью. В результате этих побед «полностью отделились галашцы и карабулакцы... и начались волнения среди ингушей»⁵⁷. Шамиль не сумел своевременно закрепить этот успех, потому что на него было совершено покушение и он на двадцать дней был прикован к постели⁵⁸.

В июле Шамиль обратился к Северному Дагестану. 22 и 23 июля он нанес сокрушительное поражение Ключегану под Ишкарти и Эрпели, после чего до конца сентября играл с генералом в «кошки-мышки»⁵⁹.

11 октября Ахбирди Мухаммед совершил набег на Моздок, убил там 22 солдата и 6 гражданских, 19 солдат и 9 гражданских были ранены, 11 женщин и детей он увел с собой⁶⁰. «Известие об этом набеге... поразило в самое сердце генерал-адъютанта Граббе»⁶¹. Он сам приехал на Левый фланг линий и взял командование в свои руки. С 8 ноября и до конца месяца он провел две экспедиции в Малую и Большую Чечню, но «так же неудачно, как и ранее». Все, что Граббе удалось сделать, это «разрушить те деревушки, которые не сжег Галафеев», и «потерять много людей»⁶². 30 ноября Граббе вошел в Гурзул и развел войска по зимним квартирам. Наступление осени и полное истощение личного состава после восьмимесячных маршей не позволяло и думать о новых кампаниях.

Крутые перемены, произошедшие в поведении Шамиля в 1840 г., видны из следующих двух фактов. В сентябре 1839 г. он обратился к Граббе с предложением изъявить покорность русским властям вместе с Хаджи-Ташо, Шуябом и народом Ичкерии. Граббе выдвинул те же условия, что и в Ахульго, и переговоры на этом закончились⁶³. В октябре 1840 г. с предложением начать переговоры выступил Головин. Он послал в Темир-Хан-Шуру своего адъютанта подполковника Мелик-Беглиарова с заданием вступить в тайные переговоры с Шамилем. Суть предложений имаму была прежней;

Головин надеялся «не просто уговорить его установить мир, а даже участвовать в осуществлении планов правительства»⁶⁴.

Шамиль ответил неопределенно: «Если слова русских правдивы... пусть они сначала снесут свои редуты в Аваристане, Зырянах и Мятлах... вот тогда мы поговорим о мире». А до той поры, добавил он, всякому, кто

придет к нему с подобным предложением, он велит в наказание отрезать нос⁶⁵.

Больше Головин не пытался договориться с Шамилем. К середине 1841 года он пришел к заключению, что «пока Шамиль жив, у нас нет надежды на добровольное подчинение России поработенных им племен, сопротивление будет продолжаться до последнего... У нас еще не было на Кавказе такого ярого и опасного врага, как Шамиль. Благодаря стечению обстоятельств, его власть приобрела религиозно-военный характер, какой в начале распространения исламизма позволил мусульманскому мечу потрясти три четверти вселенной. Шамиль окружил себя слепыми исполнителями своей воли, и неминуемая смерть ожидает всякого, кто навлечет на себя малейшее подозрение в умысле посягнуть на его власть. Заложники, в случае измены семейств, их давших, подвергаются безжалостной казни; а правители, посаженные им в разные кавказские племена, — его покорнейшие рабы, причем наделенные правом казнить и миловать. Наша первейшая задача состоит в том, чтобы ликвидировать это страшное правление»⁶⁶.

Глава двенадцатая

Дагестан

Уход русских войск на зимние квартиры оставил арену действий за Шамилем, и он не преминул этим воспользоваться. «На протяжении всей зимы 1840—1841 г. банды из Чиркея и Чечни прорывались через Сулак и доходили до Тарки; они угоняли овец и грабили окрестности Темир-Хан-Шуры; связь между крепостью и линиями могла осуществляться только в сопровождении сильного конвоя»¹.

Самые известные и опустошительные набеги горцев на русские поселения и позиции были: 8 января под водительством Ахбирди Мухаммеда, Шуайба и Джавад-хана на казацкую станицу Порбачеву, когда потери русских составили 93 человека; 21—22 февраля рейд Ахбирди Мухаммеда в район Владикавказа, вызвавший «страшную панику среди карабулакцев и ингушей»². 13—19 апреля поход имама в район Назрани. Но самый знаменитый набег, вызвавший у русских такой ужас и потрясение, что царь распорядился провести его расследование, осуществил 10 мая Ахбирди Мухаммед на военное поселение Александровское на Военно-Грузинской дороге. В результате, по словам Юрова, «наше лучшее, начавшее процветать военное поселение было почти полностью уничтожено, а его жители и скот погублены»². Горцы «изрубили или увели с собой» 119 мужчин, женщин и детей, угнали 1126 коз, 769 овец, 125 коней, захватили 77 ружей, 58 топоров, сожгли десятки скирд пшеницы и ячменя. Ахбирди Мухаммед оказался столь опасным, что Головин приказал Граббе подстроить его убийство³.

Между тем в Дагестане происходили куда более значительные события, существенно изменившие там обстановку. Важнейшим был переход на сторону Шамиля Хаджи-Мурата аль-Хунзаки. Горец благородного происхождения и молочный брат аварских ханов⁴, убитых Гамзой-беком, Хаджи-Мурат оказался в компании убийц второго имама. Из-за этого был убит его брат Отман, что добавило страсти в его кровную вражду с мюридами.

Великолепный боец и наездник, храбрый и мужественный, но вспыльчивый, Хаджи-Мурат был признанным военачальником, с чьим тактическим мастерством мог поспорить разве только Ахбирди Мухаммед, и едва ли не самым популярным предводителем в Аварском ханстве. Ему принадлежала решающая роль в удержании Аваристана в сфере влияния России и в защите его от посягательств Шамиля. Дважды на короткое время он становился правителем края и дважды был вынужден передавать власть другим русским ставленникам — Мухаммеду Мурзе-хану в 1834 г. и Ахмад-хану в 1836 г. При всей своей гордости Хаджи-Мурат глотал это унижение, проклиная русских, но оставался им верен, скорее всего потому, что кровная месть с «накшбандийцами» просто не оставляла ему ничего другого. Но в 1840 г. дело приняло иной оборот.

С назначением Ахмад-хана временным правителем Аваристана между ним и Хаджи-Муратом сложились отношения соперничества, которые переросли во вражду. 13 ноября Ахмад-хан убедил русского коменданта Хунзаха арестовать Хаджи-Мурата по подозрению в ведении тайных переговоров с Шамилем. Получив такое сообщение, Клюгенау приказал доставить Хаджи-Мурата в Темир-Хан-Шуру для допроса. 22 ноября на глазах у 40 солдат и 4 русских офицеров гордый аварец сумел бежать в горы и направился в свой аул Целмес. Там он увидел, что по приказу хунзахского коменданта его дом разрушен, а имущество и скот разграблены⁵.

«Шесть лет, — писал Хаджи-Мурат Ключенау, — я преданно служил русскому правительству. Более того, я привел вас в Хунзах. А вы, забыв мою службу, позволяете себе поступать со мной, как вам заблагорассудится»⁶. Эти строки хорошо передают настроение тех горцев, которые сотрудничали с русскими⁷.

Русские, подобно всем бесчисленным владькам в подобных случаях во всей истории, охотно заигрывали с внутренней оппозицией. Они осыпали ее представителей подарками, милостями и титулами. В то же время те, кто служил властям, чувствовали себя «мальчиками на побегушках», которыми часто пренебрегали. Вместе с тем от них требовалось, чтобы они несли тяготы оккупационного режима и участвовали в управлении страной. И за все это они порой не могли рассчитывать даже на защиту русских. Таким образом, горцы, как усмиренные, так и свободные, ясно видели, что сопротивление русским приносит вознаграждение, а верность им оказывается наказуема.

В случае с Хаджи-Муратом он был «вознагражден» арестом и хуже того — «унижением со стороны младшего чина из гарнизонной комендатуры Хунзаха, который (как писал Хаджи-Мурат) сильно избивал, да еще плевал на меня». (При таких обстоятельствах Шамиль, конечно, мог подумать, что русские задумали снять с него голову. Действия коменданта Хунзаха ясно на это указывали.) Понятно горькое замечание в письме к Ключенау: «Я больше вам не верю и твердо знаю, что вы не любите храброго человека».

Если арест Хаджи-Мурата можно объяснить ошибкой или недоразумением, следующие события были чередой просчетов, показывающих, что русские во взаимоотношениях с горцами ничему так и не научились. «Чрезвычайно обеспокоенный предательством Хаджи-Мурата», Ключенау попытался заманить его обратно в лагерь русских и завел с ним переписку⁸. Но было уже поздно. Словесные обещания помочь не могли, а загладить

причиненное зло делом русские не захотели. Мало того, письма Ключегенау были переполнены угрозами наказания, если Хаджи-Мурат не явится в Темир-Хан-Шуру, что, как это было и с Шамилем, возымело обратное действие и вызвало у Хаджи-Мурата негодование.

В этот-то момент Шамиль нанес русским очень чувствительный удар. Он предложил Хаджи-Мурату, все простив и забыв прошлое, объединиться для борьбы с русскими и их ставленником — Ахмад-ханом. Для аварского вождя, оказавшегося в отчаянном положении, предложение имама стало лучом надежды. Он приехал в Чечню, присягнул на верность имаму, получил титул наиба Аваристана и в январе 1841 г. вернулся в Целмес, чтобы поднять народ в своем ханстве⁹.

Узнав о случившемся, Головин решил «безусловно схватить Хаджи-Мурата или [по крайней мере] вытеснить его из Аваристана»¹⁰. Командование этой акцией принял на себя генерал-майор Бакунин, командир Императорского артиллерийского корпуса в Петербурге, совершавший инспекционную поездку по Кавказу. «Сочтя, что мой опыт здесь будет не лишним, — докладывал он, — 17 февраля я решил лично повести войска на штурм Целмеса»¹¹. Наступавшие «встретили упорное сопротивление и понесли большие потери» (убитых было 48 чел., в том числе и сам Бакунин, раненых — 142 чел., что составило треть всего отряда), «не добившись существенного успеха»¹². 9 апреля русские все же захватили Целмес, после чего Хаджи-Мурат перебрался в Тлок и развил там такую деятельность, что в том же месяце Головин должен был послать на усиление дагестанской группы четыре батальона.

Теперь Головин дал Ключегенау и Шварцу, командующему Лезгинской линией, указание начать с Хаджи-Муратом переговоры. Поскольку все это происходило вскоре после Целмеса, идея переговоров стала признанием русскими своего бессилия и провала и не принес-

ла ничего, кроме позора и новых неудач. Ответ нового наиба Аваристана на письмо Шварца был уклончивым¹³. Пришло письмо и от Клюгенау. Его письмо и известие, что Ахмад-хан казнил троих родственников нового наиба, которых русские держали в Хунзахе как заложников, убедили Хаджи-Мурата, что русские хотят его погубить, и это только раздуло пламя его ненависти. Таким образом, последняя возможность уговорить Хаджи-Мурата оказалась упущенной. «Больше нет ничего, что могло бы привлечь Хаджи-Мурата на вашу [русских] сторону, разве только желание расстаться с жизнью», — сказал он гонцу от Клюгенау¹⁴.

Результаты перехода Хаджи-Мурата на сторону Шамиля дали себя знать очень быстро: «К апрелю 1841 г. Шамиль уже властвовал на территории втрое большей, чем в 1840 г.», — свидетельствует Юров. — В Дагестане «все племена, за исключением Койсубу и Аварского ханства, были к нам (русским) враждебны». На Левом фланге, «если не считать селения под дулами русских бастионных пушек, одни кумыки да несколько чеченских аулов остались у нас в подчинении»¹⁵.

Но худшее ожидало русских впереди. Примеру Хаджи-Мурата вскоре последовал Хаджи-Яхья, племянник Казикумухского и Курахского хана Аслана и сын Тахир-бека. Он сотрудничал ранее с Хаджи-Муратом и дважды назначался регентом Аваристана при Аслан-хане и Мухаммеде Мирзе-хане. Значимость Хаджи-Яхьи заключалась в том, что он принадлежал к владетельному роду Кумуха, и два его брата, Гарун-бек и Махмуд-бек, были регентами Кураха и Казикумуха при вдове Мухаммеда Мирзы-хана по имени Умм Культум [Уми Гюльсум] Бике. Таким образом Шамиль мог использовать Хаджи-Яхью как для связи с его влиятельными братьями, так и в качестве будущего властителя обоих ханств. Поэтому Шамиль произвел Хаджи-Яхью в наибы, и тот, будучи хорошим военачальником, скоро отличился на поле брани.

К этим двум новым наибам скоро присоединился еще один — Кибид Мухаммед. Выходец из богатого дома Телетля, Кибид Мухаммед организовал убийство семьи своего соперника из столь же знатного и богатого рода — факт, который советские историки приводили как доказательство того, что мюридизм был «проявлением классовой борьбы». В свое время Кибид Мухаммед пошел за Гази-Магомедом и был одним из командиров Гамзат-бека. Он признавал и Шамиля, только его готовность беспрекословно подчиняться третьему имаму оставляла желать лучшего. Теперь, возобновив поддержку Шамиля, Кибид Мухаммед летом 1840 г. открыто перешел на сторону имама, что почти сразу привлекло внимание Евг. Головина. В июле 1841 г. русский главнокомандующий попытался переманить наиба на свою сторону, но безуспешно¹⁶.

Учтя все эти события, Головин вынужден был изменить свои планы¹⁷. В течение зимы он добился усиления Кавказского корпуса силами 14-й пехотной дивизии (16 батальонов)¹⁸. Теперь, в конце мая, для операций в Чечне и Дагестане он собрал внушительные силы — 25—30 тысяч солдат и 70 орудий — и двинулся на Чирках. Проявляя типично русскую любовь ко всему большому, Головин пишет, что «очень примечательное впечатление произвело это на горцев, они еще никогда не видели такого мощного войска... и никогда их еще не охватывал такой ужас»¹⁹.

Здесь, на противоположном (правом) берегу реки, за лето он построил редут. Этот редут по желанию царя был назван 10 октября в честь Головина Евгеньевское²⁰. Тем временем Граббе, после выхода отрядов Головина, возвел два редута в Казак Кичу и Закан-Юрте на Сунже. С 27 октября и до 13 ноября «он снова совершил марш по Чечне с большими потерями и без всякого успеха»²¹. Лето ушло у Головина на возведение редута Евгеньевское, и он забыл и думать о Дагестане²². Наибы

ханство подвергалось непрерывным набегам Хаджи-Мурата²³, горские общества вдоль Лезгинской линии признали правление Шамиля и, в свою очередь, стали совершать набеги на селения грузин — тушинов и хевсуров²⁴. А самое главное, Кибид Мухаммед подчинил себе андальское общество, занимающее стратегически важное положение²⁵. Причем добился он этого политическими средствами, каждый раз используя грубые просчеты русских. Это означало, что Аваристан с трех сторон теперь окружали владения имама и он стал ареной его новых действий.

8 октября Шамиль созвал в Дарго своих наибов и наметил с ними дальнейшие планы. В конце октября Кибид Мухаммед и Джавад-хан каруселью закружили по обществам Андал и Карак. Пройдя Курудагским мостом реку Аварское Койсу, они вошли в Аваристан с востока. Хаджи-Мурат вступил в Аваристан с запада и взял противника в клещи. Ключенау, чьи силы из-за болезней и гибели личного состава сократились до 1500 штыков, был заперт в Темир-Хан-Шуре силами Олубея и Абу Бакра Абукера. Их действия «иначе, как отвлекающими, назвать было нельзя». Юров писал:

«Из этих действий стал понятен, во-первых, план Шамиля, а во-вторых, они ярко высветили его военный талант, а также умение и мастерство тех, кому он поручил претворить этот план в жизнь. Отвлекающий маневр преследовал одновременно несколько целей. Он отвлекал наши силы и вводил в заблуждение самого Ключенау относительно главной арены боевых действий; он расстроил наши замыслы удержать в покорности недавно покоренный Салатау; а самое главное, в сочетании с действиями Кибид Мухаммеда и Хаджи-Мурата, этот маневр вынудил остановить операции в Чечне»²⁶.

Хотя «наше положение... было хуже некуда»²⁷, угроза захвата Аваристана не была осуществлена, и оба наиба повернули обратно. Поверив, что опасность миновала, русские войска ушли на зимние квартиры. Ключенау в октябре даже вывел пополнение из Аваристана. Но и этот относительно спокойный период не обошелся без происшествий. Ахмад-хан захотел снова подчинить себе Голотль. Чтобы помочь ему в этом, «было решено принудить жителей аула сдаться одним обстрелом из пушек без использования войск»²⁸. После двух дней обстрела (14 и 15 ноября) в аул был направлен парламентар с предложением сдаться, но его туда не пустили. Не имея возможности захватить аул силой, русское командование и Ахмад-хан решили отступить. Но «чтобы жители аула не сочли наше отступление своей победой, им направили прокламацию за подписью Ахмад-хана»²⁹.

Но у Шамиля, оказывается, был другой план. В конце ноября имам приехал в Дагестан. 23 ноября Шуяб осуществил набег на Кизляр. «Во время этого набега, помимо богатой добычи, горцы захватили пушку и на обратном пути взяли верх над генерал-майором Ольшевским, который попытался перерезать им путь отступления»³⁰. Через шесть дней горцы начали новое наступление на Аваристан. На этот раз они ударили сразу по трем направлениям: Кибид Мухаммед снова действовал с востока, Хаджи-Мурат и Джавад-хан — с запада, а Абу Бакр аль-Иргини, Газио аль-Анди и Тонтил аль-Карати — с севера³¹. Растерянность русских была полной. «Мы ничего не знали, что творится вокруг нас, до той самой минуты, когда грянула буря», — свидетельствовал очевидец.

Ключенау оказался в положении футбольного вратаря, отражающего пенальти, и «ему не оставалось ничего другого, как только быстро двинуться вперед... рассчитывая лишь на везение в попытке точно угадать направление и момент удара». Выйдя из Темир-Хан-

Шуры 4 декабря, Клюгенау сразу встретился с чрезвычайными трудностями:

«Покрытая ледяной коркой земля не давала возможности двигаться, и колонны останавливались в изнеможении; люди едва передвигали ноги, кони были покалечены; повозки с боеприпасами постоянно ломались, пушки и зарядные ящики нужно было тащить на руках»³².

Лишь 7 декабря Клюгенау подошел к Мочсоху и там узнал, что горцев и след простыл. Перестроив походные порядки, он вернулся в свое расположение, практически ничего не добившись. «Аваристан и Хиндал оставались точно в таком же положении, как до начала экспедиции»³³, — констатировал Головин. Пытаясь понять, почему в обеих кампаниях Шамиль оставлял поле боя, русские приводят ряд причин: кампанию Граббе в Чечне; пост Рамадан; необычно сильные декабрьские морозы; серьезную болезнь Шамиля. Но ни одна из них не выглядит вполне убедительной.

Скорее всего оба эти наступления горцев были беспокоящими действиями, а не штурмом русской твердыни. Об этом ясно говорит численность привлеченных имамом войск, которая не идет ни в какое сравнение с тем, что мы увидим в 1843 г. Шамиль, должно быть, чувствовал, что время для завоевания Аваристана еще не пришло, что его сил недостаточно, чтобы сразиться с русскими за ханство. Следовательно, его намерением было не давать противнику покоя, вымотать его силы, а самому выжидать подходящий момент.

Всю зиму 1841—1842 гг. его командиры досаждали русским по всем направлениям. Дагестан был их главным объектом и находился «в постоянной блокаде». Сообщение между Хунзахом и Темир-Хан-Шурой, а также между этим русским гарнизоном и Кизляром было «чрезвычайно опасным» и могло осуществляться

только при наличии сильного конвоя. Передвижение по этим маршрутам мелких групп людей было исключено³⁴. «Такое отсутствие в стране порядка, постоянные сигналы тревоги и нападения были тяжелее генерального сражения, ибо держали нас в постоянном напряжении и в предчувствии угрозы, в таком положении мы не могли ни в чем поручиться за собственную безопасность»³⁵.

В последний день 1841 г. Клюгенау докладывал: «Всё, что я в силах был сделать, это обеспечить физическое управление горцами, но в моральном отношении мы их потеряли»³⁶.

И более того:

«При всем моем желании управлять положением на вверенной мне территории я не могу поручиться за успех, особенно ранней весной, до прибытия выделенных для кампании войск, когда бунтовщики, пользуясь благоприятными для них обстоятельствами, постараются нанести нам как можно больший ущерб... В этих условиях я не могу взять на себя ответственность за все нежелательные последствия, с которыми нам придется столкнуться»³⁷.

Ичкерия и Казикумух

«Результаты кампании 1841 года, — писал Головин, — были несравненно более благоприятными, нежели последствия экспедиции предыдущего, 1840 года»¹. Насколько «благоприятны» оказались эти результаты, видно из перепалки, вспыхнувшей между Головиным и Граббе летом, то есть в самый разгар кампании того же, 1841 г.². С ухудшением обстановки зимой 1841—1842 гг. взаимные обвинения переросли в крупную ссору. В Петербурге царь не видел результатов, «которые соответствовали бы чрезвычайным средствам, выделенным Кавказскому корпусу»³. Царю не терпелось получить быстрый результат, и он отклонил предложенный Головиным план кампании⁴. Царь хотел, чтобы против даргинских обществ, где находился Шамиль, была направлена экспедиция, а в ущелье реки Андийское Койсу построена крепость. К тому времени у русских были основания считать, что прибытие в Анди сильного войска повлечет организованное подчинение местных обществ⁵.

В начале 1842 г. Граббе приехал в Петербург и согласился возглавить такую экспедицию. Он получил полную свободу распоряжаться военными силами, которые включали в себя гарнизоны Кавказской линии и Северного Дагестана. Его действия были подотчетны только самому военному министру князю Чернышеву⁶.

Пока Граббе отсутствовал, Головин сместил Клюгенау и командующим в Северный Дагестан назначил Фези. Все, включая самого Фези, восприняли это

назначение как возможность славной карьеры на Кавказе⁷, хотя Головин это решительно отрицал. Отставке Клюгенау предшествовали следующие обстоятельства: к тому времени отношения четырех генералов - Головина, Граббе, Фези и Клюгенау — смешалась и перепуталась. Головин и Фези объединились против Граббе и Клюгенау. Похоже, что главной причиной, почему Головин сместил Клюгенау, было его раздражение от мрачных и тревожных рапортов последнего, от его постоянных просьб о подкреплении и расширении его полномочий. Головин требовал от Клюгенау «энергичных действий», т. е. проведения экспедиции против Кибид Мухаммеда, штурма Телетля и «наказания» обществ Хиндала, Андала и Караха. Клюгенау в ответ сообщал о невозможности выполнить задания с имеющимися и убывающими силами, о чем свидетельствует его докладная от 31 декабря 1841 г., и тогда Головин решил отправить его в отставку⁸. Вернувшись, Граббе немедленно восстановил Клюгенау в должности.

Но пока, получив 18 февраля высокое назначение, Фези два месяца совершал марши в разные концы Аваристана. Он захватил несколько аулов, которые, впрочем, потом снова занимались Шамилем. Фези явно избегал серьезного столкновения с имамом. Это было для него слишком рискованно и могло отразиться на послужном списке совсем не так, как легкий захват нескольких центральных селений⁹.

Тем временем Шамиль напал на Кумух, 2 апреля занял его, на следующий день захватил ханскую сокровищницу и взял заложников из ханского дома. Имеется редкий документ, передающий официальный взгляд Шамиля на это событие, о котором в то время много говорилось.

«С верой в Аллаха [Его] раб Шамиль к храброму чеченскому народу, мир и благословение Аллаха вам, аминь!

совершить в Казикумухе. С Божьей помощью безо всякого труда я взял город Кумух, мать всех селений Казикумуха. Трофеями моей победы стали пятьсот пленных, неверные и вероотступники, ханская сокровищница и все местные ценности.

Все Казикумухское ханство и соседствующие общества вплоть до Дербента без сопротивления перешли под мое правление. Народ Акуши пришел в согласие со мной и прислал ко мне для переговоров с поклоном и повинной своих кади и старейшин. Словом, этот поход исполнился столь чудесными событиями, что все правоверные могут радоваться, а неверные гяуры терзаться в горе.

От правителей Казикумуха я взял 35 заложников. Все, что здесь сказано, истинно, как язык, на котором вы говорите»¹⁰.

Нападение на Казикумух, похоже, не было плановой кампанией Шамиля, а скорее его реакцией на развитие внутренних событий в ханстве. Интриги местной знати и ошибки русских властей вызвали еще одно бегство в лагерь имама. Здесь распространились слухи, что вдова хана намерена сместить Махмуд-бека и передать регентство его племяннику, а русские собираются возводить в Кумухе редут. Это побудило Махмуд-бека и его брата Гаруна со своими сторонниками просить у Шамиля помощи. Обратились они к имаму через своего брата Хаджи-Яхью и шейха Джамал аль-Дина, с которым поддерживали связь через своего племянника¹¹.

В ответ на их просьбу Шамиль вступил с войском в ханство, беспрепятственно занял его и назначил Хаджи-Яхью наибом. Через несколько дней Шамиль двинулся в Аваристан, который занимал его больше всего,

и где находился Фези, угрожая тылам имама. Стало быть, мнение русских источников, что «внезапное завоевание Шамилем Казикумухского ханства... создавало большую опасность не только для Центрального и Южного Дагестана, но и для всей Прикаспийской области»¹², есть не что иное как большое преувеличение.

Но тогда это выглядело несколько иначе. Все, чем русские в то время располагали, это 800 штыков и две пушки. 8 апреля эти силы под командованием коменданта Южного Дагестана полковника Заливкина были выдвинуты на позиции южной границы Курахского ханства. Ободренный тем, что горцы не проявляют активности, да еще получив в подкрепление 700 штыков и еще две пушки, 24 апреля Заливкин вступил в пределы Курахского ханства, а 28 апреля достиг главного города Кураха, где простоял еще пару недель. Когда же он попытался продвинуться к границам Казикумыха, возле Ричи его остановили Абд аль-Рахман аль-Караки, Кибид Мухаммед и Хаджи-Мурат, пришедшие на подмогу Хаджи-Яхью¹³.

Лишь 22 мая, спустя семь недель после захвата Шамилем Кумуха, русские стянули достаточно сил — 2500 штыков и восемь орудий, — чтобы начать свое контрнаступление¹⁴. Командовал операцией «хитрый, изворотливый и малообразованный» армянский князь, полковник Моисей Захарьевич Аргутинский-Долгорукий¹⁵. Он был замечен Ермоловым, отправлен в 1818 г. на учебу в Петербург, откуда вернулся на Кавказ в 1827 г. В 1840-м его назначили фактически командовать Самурской линией.

Аргутинский ступил на землю ханства 24 мая и после перестрелки у Шавкра на следующий день вошел в Кумух¹⁶. Но через несколько дней подошли Ахбирди Мухаммед и Хаджи-Мурат с подкреплением, а за ними в первых числах июня с новыми силами пришел Шамиль.

Аргутинский оказался в очень трудном положении. Он был отрезан от Кубаха и Дербента и зажат между Ахбирди Мухаммедом спереди и Хаджи-Муратом с тыла¹⁷. 13 и 14-го произошли два боя, сначала с Ахбирди, потом с Хаджи-Муратом, которые, вопреки хвастливым реляциям Аргутинского, закончились ничем. А той ночью

«Шамиль, под покровом темноты, снялся со своих позиций и быстро двинулся к городу, за стенами которого находилась всего одна рота и весь обоз... Его бросок был таким стремительным, что в семь утра он уже оказался на подступах и внезапно атаковал Кумух»¹⁸.

15 июня Шамиль покинул территорию ханства и ушел на север. Хотя русские источники его уход подают как большую победу русского оружия, это далеко не так: этот наскок Шамиля, в сущности, был его ответом на экспедицию Граббе в Чечню¹⁹. И все же положение Аргутинского оставалось опасным, особенно в свете печального исхода кампании Граббе²⁰.

Кумухская операция для Шамиля была делом второстепенным, все его действия ясно показывают, что цель имама состояла в отвлечении внимания противника от основного театра военных действий. Опасность положения в более поздних оценках русских сильно преувеличена, потому что Шамиль не мог долго оставаться на второстепенном направлении, когда позиции русских в Аваристане угрожали отрезать Шамиля от его главной базы. С другой стороны, эта операция еще раз демонстрирует слабости русской армии: ее действия сдерживались замедленной реакцией, отсутствием инициативы и соперничеством в рядах командования. Она также показала, что у русской обороны Дагестана имеется «мягкое подбрюшие», и не одно. Особенно наглядно это проявилось в 1843 г.

Пока Шамиль занимался Кумухом, Граббе начал свою плановую экспедицию в Дарго. Головин это описывает так:

«Граббе... 11 июня двинулся из Гурзула Аксайским ущельем по левому берегу реки в направлении селений Шуани и Дарго, имея под началом 10 000 штыков и 24 пушки...

Он намеревался быстро достичь Дарго, уничтожить это селение, затем перевалить через хребет, отделяющий Чечню от Северного Дагестана, и покорить Кунбут и Анди. Надо заметить, что этот поход он предпринял, зная, что Шамиль все свои силы направил в Кумух, притом он мог ясно видеть, что, лишив Дагестан прикрытия и оставив малочисленную дивизию князя Аргутинского лишь с тем, что у нее было, он ставит весь край под величайшую угрозу²¹.

В то же время внушительность собранных для марша сил отрицательно сказывалась на их эффективности. Им пришлось везти с собой провиант и амуницию, большое число повозок и 3000 лошадей. На марше обозы из-за плохих дорог растянулись на несколько верст, и для защиты их даже редкой цепью солдат потребовалась едва ли не половина всей колонны. С парой батальонов в авангарде и с таким же составом арьергарда, с остальными частями, разбитыми на защитные линии по обеим сторонам обоза или на вспомогательные команды, вся группа оказалась чрезвычайно слабой, в ней не было резерва для поддержки той или иной части; помимо сего войску пришлось преодолевать очень большие трудности, вызванные не только природой, но и действиями горцев, хорошо понимавших, что движение в густых лесах Ичкерии дает им единственный шанс

на успех, ибо, когда колонна выйдет из тяжелого дефиле, они с ней уже ничего не сделают.

11 июня было пройдено всего 7 верст, хотя противник не появлялся. Всю ночь шел проливной дождь, сделавший дороги еще хуже и настолько замедливший продвижение, что к вечеру 12-го после 15 часов марша и непрерывных стычек было пройдено еще лишь 12 верст, а бивуак на ночь пришлось разбивать в безводной долине.

На следующий день численность противника возросла, хотя по достоверным данным она не превышала 2000 чел., поскольку основные силы находились с Шамилем в Казикумухе; дороги стали еще хуже, баррикады стали встречаться чаще, а войско второй день шло без воды. Раненых было уже несколько сот, и с каждым часом росло замешательство.

Таким путем колонна за три дня прошла всего 25 верст, и генерал Граббе увидел, что дальнейшее продвижение невозможно. В ночь на 13 июня, отказавшись от этого предприятия, он приказал отступать по тому же пути.

Если наступление было неудачно, то отход неизмеримо более неудачен.

Войско утратило... силу духа; замешательство и отсутствие управления стало полным; никаких надлежащих диспозиций не давалось, и никаких попыток собрать колонну не делалось. Отступление, повлекшее оставление и, лишь когда позволяло время, уничтожение всего, что мешало продвижению, только бы спасти раненых, орудия и хоть немного амуниции, приняло черты разгрома; были случаи, когда батальоны обращались в бегство от одного лая собак. В такой обстановке потери, конечно, стали чрезмерными.

Картина сия, сколь она ни печальна, представляет собой чистую правду безо всякого преувеличения... Наконец, 16 июня «чеченская колонна» вернулась в Гурзул, потеряв убитыми, ранеными и пропавшими без вести 66 офицеров и 1700 нижних чинов, а кроме того одно полевое орудие и весь запас провианта»²².

Потрясение от разгрома Граббе было усилено еще тем обстоятельством, что он столкнулся всего лишь с новобранцами двух местных наибов — Шуайба и Олу-бея²³.

В конце июня Граббе решил провести «небольшую кампанию, дабы знали, что события в Чечне нам не помеха»²⁴. Он двинулся на Игали

«с целью захватить пункт, построить укрепленный редут и таким образом командовать на обоих берегах Андийского Койсу. Само селение Игали, сожженное его жителями, было занято 8 июля без сопротивления; но, простояв в нем четыре дня и поняв, что наладить переправу... с одного только берега невозможно, Граббе в ночь на 11 июля повернул обратно и добрался до Цатаниха, потеряв в этой бесполезной операции, которая с самого начала не сулила успеха, 11 офицеров и 275 нижних чинов. Ночное отступление из Игали сопровождалось такой же неразберихой, как и операция в Ичкерии, в то время как неприятеля в данном случае, согласно мехтулийскому хану Ахмаду, было не более 300 человек»²⁵.

Вскоре после этого Граббе по собственной просьбе был освобожден от занимаемой должности, а Северный Дагестан и Кавказская линия были снова переданы под командование Головина²⁶. Но не надолго: 1 декабря

1842 г. Головин был смещен. Он получил отпуск для лечения в Германии, после чего, в 1845 г. был назначен губернатором Балтийской губернии с резиденцией в Риге. Это смещение означало среди прочего изменение политики.

196

ЧАСТЬ
ШЕСТАЯ
К ЗЕНИТУ
СЛАВЫ
И
МОГУЩЕСТВА

197

Глава четырнадцатая

Аваристан

Во время инспекционной поездки по Кавказу Чернышев выяснил, что «в командовании не было согласия, а потому и действия не были согласованы»¹. Граббе получил свободу действовать независимо от Головина, командующий Черноморской линией Раевский «освободил себя от прямого подчинения обоим», и так поступали многие командиры местных гарнизонов. Соответственно каждый гарнизонный начальник проводил свою политику и вел собственную войну. Военный министр князь Чернышев [а можно сказать, и сам царь], конечно, считал, что держит в своих руках все нити кавказских дел и направляет их к определенной цели; но кто не знает, что значит руководить военными операциями на удалении 5000 верст?

Более того, «система раздела территории этим не ограничивалась. Каждый командир, пользующийся доверием своего начальника, вел войну как ему заблагорассудится». В результате многие офицеры «предались прихотям и превратили войну с горцами в своего рода развлечение, бессмысленное и не имеющее связи с общей обстановкой»².

Это «развлечение» — рейды по горам — «в конечном счете обернулись нашим позором», потому что «они изматывали наше войско в зимних маршах и приводили в ярость противника жестокостями и грабежами», которые их «неминуемо сопровождали»³.

Поражение Граббе в Чечне, произошедшее во время инспекции Чернышева⁴, сильно подорвало, хотя и не

окончательно (по крайней мере в глазах царя) идею достижения победы одним ударом:

«Операции против горского населения с применением большой массы войск не достигают правительственных целей усмирения; наоборот, почти непрерывная цепь неудач воодушевляет горцев и одновременно дезорганизует, изнуряет и деморализует наши войска»⁵, — констатировал Чернышев.

Более того, эти ежегодные кампании стали «главной причиной опасного единодушия и сплоченности горцев, столь не характерных для них»⁶. Отсюда возник новый взгляд на кавказскую политику. Как заявляет Чернышев,

«система наших действий, будучи основанной исключительно на применении силы оружия, оставила политические средства совершенно не испробованными. Сумели же англичане упрочить свое положение в Индии политическими средствами. Тем самым они сберегли силы и выиграли время для подчинения страны. Не следует ли и нам испробовать эту систему?»⁷

Под политическими средствами Чернышев подразумевал «умелое и осторожное установление тайных связей, подкрепленных деньгами», с разными горскими обществами, находящимися под властью Шамиля, и прежде всего с его помощниками⁸.

Император, и сам в начале года думавший о невоенных методах кавказской кампании⁹, согласился с мнением Чернышева «о необходимости проявлять достоинство» в отношениях с горцами «всеми имеющимися у нас средствами». Стало быть, политические средства рассматривались как важнейший инструмент в

достижении целей, и применение их могло «значительно облегчить успех всех будущих предприятий»¹⁰.

Осуществлять новую политику царь поручил Александру Ивановичу Нейдгардту, временно занимавшему пост московского генерал-губернатора. Начав службу в 1798 г., Нейдгардт обладал опытом как в военной, так и в гражданской областях. А главное, он умел подобрать должные способы «обращения с иностранцами», поскольку на одном из этапов своей карьеры он командовал Отдельным армейским корпусом в Оренбурге¹¹.

Перед отъездом Нейдгардта в Тифлис Николай I лично его проинструктировал. В подробном разговоре было указано «денег не жалеть», постараться «привлечь на свою сторону кое-кого из шамилевых братьев по оружию», «посеять среди других разногласия и ссоры» и «убеждать и подбадривать усмиренные и колеблющиеся племена»¹².

Дабы способствовать проведению новой политики и предотвратить новые катастрофы, подобные случившейся с Граббе, был введен двухлетний запрет на всякие кампании и походы. Командирам на местах было строго указано, чтобы ни под каким видом не смели проявлять инициативу без предварительного разрешения из Тифлиса и Петербурга¹³. Русские намеревались использовать период прекращения боевых действий, чтобы провести широкомасштабную реорганизацию и передислокацию своих войск. Сюда входило укрепление многих редутов, возведение новых укреплений и прокладка дорог¹⁴.

Что касается невоенных мероприятий, то были предприняты попытки связаться с шейхом Джамал аль-Дином и некоторыми наибами Шамиля, такими, как Хаджи-Мурат и Кибид Мухамед¹⁵. Но самым обещающим в этом направлении казался вновь возникший контакт с самим Шамилем. Дело обстояло так: в конце 1842 или начале 1843, когда Граббе и Головин

уже покинули Тифлис, Шамиль обратился к Клюгенау с требованием вернуть ему сына Джамала аль-Дина, переданного генералу Граббе в заложники в 1839 г. Клюгенау ответил, что не может этого сделать. Тогда Шамиль обратился к Нейдгардту. Последний сообщил об этом в Петербург и получил указание передать Шамилю, что его сын находится в Петербурге на личном попечении императора и что имам может послать кого-нибудь в столицу для свидания с ним.

В Тифлисе и Петербурге зародилась надежда «убедить Шамиля подчиниться добровольно»¹⁶. Но поскольку русские ни в личном плане (вернуть сына), ни в политическом (признать его правление в Дагестане и Чечне) ничего Шамилю не обещали, то он дальнейшее общение прекратил.

Надо сказать, что остановка боевых действий была и для имама как нельзя более кстати: он тоже занимался реорганизацией сил. Пока не было непосредственной угрозы новых походов русских, он мог сосредоточиться на создании регулярной армии, в том числе отрядов кавалеристов-муртазиков и, что самое важное, - собственной артиллерии.

Поглощенный этими делами, Шамиль тоже сидел тихо, если не считать нескольких набегов наивов. Самым примечательным из них было нападение 24 июня на главное хевсурское селение Шатели, в котором был смертельно ранен Ахбирди Мухамед¹⁷. Как показало дальнейшее, гибель наиба оказалась для Шамиля тяжелой утратой. Период с августа 1842 по август 1843 в Чечне и Дагестане прошел, таким образом, очень спокойно. Но спокойствие это не было безмятежным, поскольку русских заставляли нервничать частые и широкие мобилизационные кампании Шамиля, сопровождавшиеся противоречивыми слухами о его намерениях¹⁸.

В конце августа Шамиль был уже готов к выступле-

нию. Все приготовления были завершены, войско собрано в единый кулак, тогда как силы русских в Дагестане «раздроблены на мелкие части, поставлены на квартиры во множестве слабо укрепленных пунктов, разбросанных по обширной площади исключительно трудной территории с обильными всходами вражды»¹⁹. Такая диспозиция русских частично объясняется беспрестанными набегами Шамиля и его командиров, происходивших в 1840—1842 гг. Намеренно он распылял силы русских или нет, но в 1843 г. он сполна это использовал. На руку оказалось Шамилю и то, что, привыкнув к частым мобилизационным мероприятиям имама и распространяемым слухам, русские не обратили внимание на его передвижения.

В начале сентября Шамиль собрал основные силы в Дылыме и пустил слух, что собирается напасть на Кумыкскую равнину. Тем временем Хаджи-Мурат и Кибид Мухамед сконцентрировали свои отряды соответственно у Караты и Телетля. 8 сентября, пройдя менее чем за один день 70 километров, Шамиль внезапно напал на Ансал. Туда же устремились Хаджи-Мурат и Кибид Мухамед. Аул, в марте 1842 г. предавший имама и выдавший русским 79 его бойцов²⁰, сопротивлялся отчаянно, поскольку пощады его население не ждало²¹. Но силы были слишком неравны. Шамиль имел в своем распоряжении 1040 пехотинцев, 1500 конников, 1025 рекрутов и три пушки (две из них он захватил у русских во время боя). 12 сентября Шамиль занял и аул, и близстоящий русский редут²².

10 сентября в ходе боя воины Шамиля полностью уничтожили русский гарнизон, защищавший Ансал. Из 489 человек спасся один-единственный солдат, который и принес Клюгенау эту весть²³. 13 сентября, получив сообщение о падении Ансала, комендант редута в Харачи майор Косович отошел в Балахани, вопреки полученному за два дня перед тем приказу стоять до

последнего. Люди Шамиля немедленно заняли селение, а попытка русских на следующий день отбить Харачи не увенчалась успехом, причем потери составили 191 человек из 600, принимавших участие в контратаке²⁴.

В это время Клюгенау прибыл в Цатаних, где в его распоряжении было 1100 штыков. После потери Харачи сообщение с Темир-Хан-Шурой оказалось под угрозой. Клюгенау пришлось выбирать между отступлением и походом в Аваристан, и генерал решил предпринять последнее, рассчитывая удерживать Хунзах до прибытия подмоги и таким образом сохранить там русское правление. 14 сентября его отряды вышли из Цатаниха и на следующий день были в Хунзахе. Там он просидел в осаде до 26 сентября, когда Шамиль завершил захват и разрушение русских укреплений по всему Аваристану:

18 сентября — Тануси и Окода, 18—19 сентября — Цатаних, 19 сентября — Ахалчи, 21 сентября — Мочох и Сиух и 22—24 сентября — Гоцатль²⁵.

За отсутствием Клюгенау командование в Темир-Хан-Шуре принял генерал-лейтенант Рененкампф²⁶. Но ни ему, ни Гурко, ни Фрейтагу не удалось серьезно помочь Клюгенау²⁷. Вся надежда была на Аргутинского. Но тот уклонился от прямой помощи, обратившись к «попыткам отвлечь Шамиля». Только после строго приказа Нейдгардта он двинулся на выручку Клюгенау. 26 сентября после боя с Хаджи-Муратом у Гоцатля Аргутинский вступил в Хунзах²⁸.

Объединенные силы русских (4008 пехотинцев, 2066 кавалерии и 17 пушек) под командованием Клюгенау двинулись на Тануси, где основательно укрепился Шамиль, располагавший 1500 пехотинцев, 1900 всадников и пятью пушками. Из-за споров между Клюгенау и Аргутинским действия русских свелись к артиллерийской дуэли, из которой победителями, благодаря более удобной позиции, вышли канониры Шамиля. В конце концов 29 сентября Клюге-

нау вернулся в Хунзах²⁹. С 1 по 3 октября Шамиль эвакуировал население, сжег селение и покинул Аваристан³⁰. В ночь на 12 октября он совершил налет на Эндери и крепость Внезапную, после чего распустил воинов по домам, приказав им быть готовыми к новому походу 1 ноября³¹.

Так закончился этот раунд военных действий. За 24 дня Шамиль захватил и разрушил все русские укрепления в Аваристане, за исключением Хунзаха. Потери русских составили 2064 человека, в том числе 65 офицеров и 14 орудий³². 10 октября Ключегенау возвратился в Темир-Хан-Шуру, а 15 октября Аргутинский вернулся в Кумух.

Русским предстояло решить, что делать с Аваристаном, который после Шамиля стал выжженной пустыней. Гурко, сменивший Граббе на должности командующего Кавказской линией, считал, что оставлять гарнизон в обезлюдившем ханстве, где не было ни жилья, ни продовольствия, означало бы чрезмерное напряжение для личного состава и ресурсов Северного Дагестана. «Образованный и одаренный, лично далеко не трусливый», Владимир Осипович Гурко «страшился ответственности»³³. Ключегенау разделял мнение своего начальника штаба подполковника Пассека, что Хунзах следует удерживать. Если продержаться там до весны, считали оба, когда подойдет подкрепление для следующих операций, то русская власть в Аваристане легко восстановится³⁴.

Нейдгардт склонялся к точке зрения Гурко, но Петербург поддержал Ключегенау³⁵. На пополнение частей Ключегенау направили 3600 солдат; дополнительно прибыли шесть свежих батальонов, 300 казаков и шесть орудий. Все эти силы были распределены по разным пунктам, куда в течение октября спешно завозились зимние припасы и снаряжение³⁶. «Таким образом, все необходимое для обороны Дагестана было сделано; но,

к несчастью, упустили из виду Гергебиль и совсем забыли про Бурундук-Кале»³⁷.

Всем было ясно, что Шамиль готовит новое наступление. Серьезным предупреждением было ультимативное требование различных горских обществ (даже тех, что считались «мирными») к русским покинуть Дагестан³⁸. Но где Шамиль нанесет первый удар, никто не знал. И он опять показал умение вводить противника в заблуждение. Сосредоточив силы под Дылымом, имам снова убедил русских, что собирается вступить в Кумыкскую равнину, и 3 ноября Гурко выехал из Темир-Хан-Шуры на левый фланг Линии. Но рейд Шуайба в ночь на 7 ноября заставил его и Фрейтага кинуться к Внезапной³⁹.

9 ноября Гурко прибыл во Внезапную, а Шамиль был уже под Гергебилем и обложил этот редут. Гурко повернул обратно в Темир-Хан-Шуру, откуда вместе с Клюгенау поспешил на помощь осажденному редуту.

16 ноября Гурко вышел на хребет в окрестностях Гергебиля, но не решился на виду у сильного неприятеля спускаться по крутому склону, что «обрекло бы войско на тяжелые потери безо всякой пользы для осажденного редута»⁴⁰. Гурко собрал совет старших офицеров (верный прием избежать ответственности), на котором решили не рисковать, а подождать подхода Аргутинского и, возможно, Пассека⁴¹.

Последующие дни сохранялась патовая ситуация: «Мы не мешали Шамилю громить редут, а он не мешал нам любоваться своим успехом»⁴². 17-го ноября Гурко получил от Аргутинского сообщение, что подойти он не может. В этот день горцы наконец овладели редутом. Ночью Гурко решил отступить в Темир-Хан-Шуру. Его части были вконец деморализованы, и очень скоро их ночное отступление превратилось в паническое бегство⁴⁴.

Падение Гергебиля было равносильно прорыву плотины. Население этого предгорного района, пребывав-

шее в брожении со времени успешного захвата Шамилем Аваристана в сентябре, теперь открыто восстало и примкнуло к имаму⁴⁵. 20 ноября передовые части Шамиля достигли Тарки, а через три дня имам вступил в шамхальский дворец в Казанище, где оставался следующие три недели. С памятного 23 ноября «все до последнего русского солдата в Северном Дагестане были заперты в блиндажах четырех редутов» — Темир-Хан-Шура, Низовое, Евгеньевское и Хунзах — «и без помощи извне катастрофа была неизбежной, включая потерю всего Северного Дагестана»⁴⁶.

Такую помощь можно было ждать только от Аргутинского и Фрейтага. Аргутинский, как обычно, хитрил и подошел слишком поздно, так что повлиять на обстановку не смог. Фрейтаг же не мог оставить Линию из-за активных действий Шуайба. Но как только Шуайб был отозван Шамилем в Казаниш⁴⁷, Фрейтаг двинулся к Султан-Янги-Юрту и 1—2 декабря быстрым маневром разблокировал гарнизон Низового⁴⁸.

Карл Робертович Фрейтаг, один из самых блестящих генералов Кавказской войны, начал службу в 1820 г. В 1838 г. его перевели на Кавказ, где он руководил сооружением Лезгинской оборонительной линии; потом был назначен командиром Кюринского полка (1840), а затем Левым флангом кавказской группировки (1842)⁴⁹. Теперь он ждал подкрепления. Как только подкрепление прибыло, 19 декабря он выступил из Султан-Янги-Юрты и 26-го снял блокаду с Темир-Хан-Шуры⁵⁰. Это были только первые операции в длинном перечне сражений, в которых Фрейтаг спасал русские Кавказские войска от разгрома.

28 декабря русское соединение под командованием Гурко выступило из Темир-Хан-Шуры, освободило осажденный Пассек, и в последний день уходящего года все войско вернулось в Темир-Хан-Шуру⁵¹. Обе спасательные операции не встретили сильного сопротивления, потому что Шамиль и его бойцы, «уоставшие

от долгого стояния на одном месте»⁵², увели все население в горы и сожгли оставленные аулы.

Кампания завершилась. Менее чем за четыре месяца русские потеряли 2620 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен (в том числе 92 офицера), 27 пушек, 2152 винтовки, 13 816 зарядов (из них 6000 попали в руки Шамиля), 35 000 снарядов, 819 килограммов* пороха, 368 складов оружия, сотни лошадей, различные инструменты и оборудование для артиллерии, инженерных войск и интендантской службы. Оставили 12 (по другим подсчетам, 15) укрепленных пунктов, которые потом горцы полностью разрушили, а самое главное, потеряли контроль над большей частью Северного Дагестана⁵³.

Две осенние кампании 1843 г. Шамиля были для него самыми успешными, в них имам проявил себя как прекрасный военачальник: он мастерски обманывал противника, четко управлял сложнейшими маневрами войск, реалистично оценивал соотношение сил, умел видеть преимущества и слабости как свои, так и противника; проявляя твердость и решительность, в то же время был гибок в подготовке и реализации планов и тотчас обращал себе на пользу ошибки противника.

Тщательно готовясь к кампаниям, Шамиль предпринимал все возможное, чтобы наверняка добиться успеха. При этом ряд тактических приемов Шамиля и боевых качеств его войск оказались для русских полной неожиданностью. Во-первых, выбор направления главного удара: Шамиль дважды внушал противнику, что намеревается завоевать Кумыкскую равнину, тогда как его целью был Дагестан. Во-вторых, стремительность атаки и выхода на последующие рубежи. В-третьих, концентрация в обеих кампаниях крупных сил. Правилом Шамиля было «двигаться по отдельности, атако-

*Здесь, вероятно, ошибка. В дореволюционной России килограмм не был принятой мерой веса. – *Прим.Пер*

вать вместе»; горские отряды скапливались в разных районах (тем самым еще больше запутывая русских относительно своих намерений) и одновременно выходили на рубеж атаки. В-четвертых, дисциплинированность и умение отрядов Шамиля грамотно вести наступательные операции, что достигалось, несомненно, предварительной подготовкой и учениями. Так, по признанию русских военных, осаду Гергебиля горцы вели «почти правильно»⁵⁴. В-пятых, применение артиллерии, к чему русские были совершенно не готовы.

Эти просчеты русских объясняются психологическими факторами. История знает множество подобных случаев. Их главная причина — неумение анализировать факты. Численность войск Шамиля, их организация, создание артиллерийского корпуса и даже попытки своими силами отлить пушки — все это было известно русским, но устоявшийся взгляд на Шамиля и горцев помешал им сделать верные выводы⁵⁵. Стало быть, их неудачи объясняются не ошибочной тактикой и стратегией, а причинами концептуального характера. Способ, каким Шамиль вел войну, оказался для них полной неожиданностью.

Все это, и особенно появление у горцев артиллерийских орудий, было потрясением для русских войск и командования, в результате — упадок боевого духа, замешательство и паралич. Самым болезненным для русских была утрата полного превосходства на поле боя за счет применения артиллерии, именно это лишило их уверенности в своих силах. Русские генералы Клюгенау под Тануси и Гурко под Гергебилем не решились повести части в атаку, потому что были ошеломлены численностью горцев, их успехами, неожиданными тактическими маневрами и главное — применением артиллерии.

Шамиль хорошо понимал роль психологического фактора победы над противником в первом бою и в осаде Ансала и Гергебиля проявил упорство и реши-

тельность, стремясь взять их любой ценой. Если же говорить вообще, то в разработке и осуществлении планов Шамиль проявил большую гибкость. Можно с большой долей уверенности предположить: не попадись русские в ловушку Шамиля и не поверь, что он якобы намерен вторгнуться на Кумыкскую равнину, он именно сюда и ударил бы, или распустил свои отряды, как уже не раз это делал.

Одержав первую победу, имам воспользовался ее плодами, равно как и ошибками русских. Не давая противнику опомниться, он снова предпринял неожиданный маневр, сполна используя инерцию хода событий. Когда же русские собрались с силами и вышли на помощь осажденным частям, Шамиль уже выполнил поставленную задачу, эвакуировал население и оставил после себя «выжженную землю».

Уход Шамиля не означал автоматического восстановления русской власти во владениях шамхала и Мехтулийского хана. В сущности, русские войска были заперты в Темир-Хан-Шуре и еще нескольких фортах, чувствуя себя на полуосадном положении. Сообщение с Дербентом, Внезапной и другими редутами осуществлялось только под сильной охраной. Даже в селении Темир-Хан-Шура русским солдатам разрешалось появляться только группами⁵⁶.

В январе из Дербента выступил Рененкампф, чтобы безуспешно попытаться усмирить прилегающие районы⁵⁷. Это стало делом уже не недель, а лет.

Дарго

События в Дагестане рассердили императора в Петербурге. Николай I был нетерпелив и не понимал необходимость сдержанности и неторопливости, долгосрочные мероприятия в интересах победы на Кавказе его не устраивали. Успешные операции Шамиля покончили с надеждами подчинить его с помощью «политических средств», и терпение Николая лопнуло. Еще в сентябре, после первой успешной кампании имама, царь решил, что пора нанести ему решительный удар. Для этого предстояло послать на пополнение Кавказского корпуса 22 000 опытных солдат-ветеранов и хорошо обученных рекрутов. Кроме того, на Кавказ из района своей дислокации в Новороссии* направлялся Пятый пехотный корпус¹.

Вторая кампания Шамиля укрепила решимость царя сделать 1844 год «годом расплаты с врагом за аварскую катастрофу». Николай считал, что нужно «нанести Шамилю несколько сильнейших ударов», чтобы одновременно «восстановить честь нашего оружия» и «подорвать его [Шамиля] значимость и влияние в горах»².

Поэтому, инструктируя Нейдгардта, царь выразался совершенно определенно: «вступить в сердце гор», «разгромить и рассеять банды Шамиля, уничтожить все его военные заведения, овладеть в горах важнейшими пунктами и укрепить те из них, удержание которых сочтется необходимым»³.

*Так со второй половины XVIII и до начала нашего века называли юг России и Украины с их Черноморским побережьем. — *Прим. пер.*

исключал параллельного использования политических средств, поэтому царь обратил внимание Нейдгардта на необходимость «привлечь на нашу сторону сторонников Шамиля, не считаясь с расходами»⁴. На эти цели из бюджета специально выделялось 45 000 руб., которыми Нейдгардт мог распоряжаться по своему усмотрению⁵.

«Военный министр, — писал император генералу, — сообщит все детали порученных Вам операций. Полностью Вас не стесняя, они объяснят наш взгляд на обстановку и предписанные нами средства достижения желаемого результата. Вам самому решать, принимать их целиком или частично, но в любом случае следует иметь в виду, (1) что эти гигантские средства должны принести соответствующие результаты; (2) что операции должны проводиться решительно и точно по замыслу, ни в коем случае не отвлекаясь на второстепенные дела; и (3) что мы ни под каким видом не будем держать на Кавказе войска, посланные для подкрепления вверенного Вам корпуса, долее декабря 1844 года»⁶.

Вопреки выраженному тут царскому доверию, разработка и исполнение плана 1844 г. шла под очень строгим надзором Петербурга⁷. Хотя Нейдгардт и был против намерения «все решить одним ударом»⁸, ему оставалось только повиноваться.

План предусматривал два этапа действий. На первом этапе проводилось сложное комбинированное наступления по трем направлениям — из Чечни, из Северного и из Южного Дагестана при поддержке двух вспомогательных соединений из Назрани и с Лезгинской линии. Командование всем этим было поручено соответственно Гурко, Люберсу (командиру Пятого пехотного корпуса), Аргутинскому, Нестерову и Шварцу. Целью наступления был захват Анди и сооружение там редута. На втором этапе войска должны были «построить редуты и крепости во всех пунктах, необходимых для

охраны территорий — как уже принадлежащих Российской короне, так и тех, на обретение которых Император возлагает большие

надежды»⁹.

Царь был уверен, что «появление в Чечне и Дагестане армии, невиданной тут по численности», быстро «перенесет горцев из мира снов и фантазий к горькой правде». Чтобы усилить это впечатление, царь приказал распространить прокламации, где бы говорилось, что пришедшие на Кавказ войска — лишь малая толика императорской армии, что русские войска не посягают на веру, обычаи и имущество горских народов, и что Россия намеревается «только наказать Шамиля и сторонников этого изменника, который из личных побуждений, жадности и стремления к власти смутил горские общества, обрек их на ужасы войны и обложил тяжелыми податями». В прокламации далее следовал призыв к горцам сделать выбор между тем, чтобы разделить с Шамилем «примерное наказание», и подчинением властям, что принесет «царское прощение и милость»¹⁰.

Трудности, связанные с концентрацией такой массы войск и их снабжением, усугублялись действиями Шамиля по перемещению населения и его тактикой «выжженной земли».

Такая тактика, видимо, диктовалась необходимостью пополнения своих рядов и религиозной догмой, запрещающей жить под правлением неверных*, которой придерживались имамы. Эти выселения начались при Гази Магомед¹¹ и в незначительных масштабах стали практиковаться Шамилем в 30-х годах. Лишь в 40-х годах Шамиль начал то, что Пинсон назвал «демографической войной»¹². Осуществлявшееся Шамилем массовое переселение людей из пограничных районов во внутренние области имамата образовало кольцо выжженной земли, которое «стало весьма существенным пре-

* Подобной догмы, или «доктринального запрета», как сказано у автора, нигде и никогда не существовало, подобная догма или запрет абсолютно нереальны. — *Прим. пер.*

пятствием на пути нашего продвижения к цели», как писал Головин¹³. По этой причине наступление русских началось на

месяц позднее намечавшейся даты. Пока же проводились небольшие марши, «чтобы занять войска»¹⁴.

Со своей стороны, Шамиль тоже не сидел без дела¹⁵. 18 марта он собрал в Дагестане своих наибов и объявил о намерении упредить русскую кампанию наступлением в Казикумухе¹⁶. Сам Шамиль не смог выступить в этот поход из-за гибели Шуайба¹⁷, но его наибы совсем лишили Аргутинского покоя¹⁸.

Когда все приготовления были завершены, «чеченская группа» под командованием Нейдгардта 18 июня вышла из Внезапной. 25 июня она достигла высот Кубара. Шамиль, занимавший здесь крепкие позиции, отошел, и русские заняли Кубар. 27 июня группа вступила в Гертме, где соединилась с «дагестанской группой» под командованием Людерса¹⁹. 28 июня объединенные войска пошли на штурм позиций Шамиля под Гертме, но выяснилось, что Шамиля там уже нет.

Шамиль и не собирался вступать с русскими в сражение. Он сказал своим набам: «У русских провизии только на три недели. Здесь они не найдут ничего, кроме травы. Дольше этого срока задержаться они не смогут, тогда все вернется к прежнему положению»²⁰.

И в самом деле, нехватка провизии заставила Нейдгардта признать, что захват Анди в данный момент невозможен. Поэтому он изменил план действий. Получив согласие Петербурга, он решил по двум направлениям идти на Хунзах²¹.

Точно так же 12 июня группы Людерса и Аргутинского объединились в Акуше и сразу пошли в атаку на позиции Шамиля. И здесь имам отступил без боя²². «Наши войска, вместо того чтобы теснить разгромленного Шамиля²³, остановились на отдых... а когда после трехдневного бивуака двинулись вновь, то натолкнулись на сильно укрепленный противником мост через Койсу, так что им пришлось снова встать и устроить

отдых»²⁴. Как видим, от первоначального плана пришлось совсем отказаться. Первый этап наступления завершился ничем, и Гурко,

колонна которого должна была взять Хунзах в клещи, был отозван²⁵.

Таким образом, кроме частей Аргутинского и Шварца, проводивших бесцельные операции²⁶, большинство войск в Северном Дагестане и «чеченской группировки» были заняты на фортификационных работах. В конечном счете самым важным результатом русских действий 1844 г. было сооружение редута Воздвиженское в Чах-Кери. Это сделали в период 3 сентября — 1 декабря части под командованием Фрейтага и владикавказского коменданта Нестерова при сильном противодействии чеченцев. Чтобы остановить продвижение Фрейтага, чеченцы, между прочим, прибегли к поджогу сухой травы 31 августа, а 1 сентября отвели русло ручья, чтобы лишить его солдат питьевой воды²⁷.

Отсутствие результатов кампании 1844 г. сильно расстраивало Петербург. Не умея понять трудности Кавказской войны, столичные официальные лица и дилетанты-наблюдатели были склонны винить в этом тамошних генералов за их нерешительность и пассивность, насмехаясь над их трусостью:

«Нейдгардт, Людерс и Гурко стоят перед кавказцами, как дети толпятся перед входом в темную комнату, говоря друг дружке: «Ты иди вперед, а я за тобой». А за дверью с хлопущей в руках стоит Шамиль, который щелкает по носу первого храбреца; тот в страхе летит вон, роняя наземь остальных»²⁸.

Судя по всему, Нейдгардту не удалось убедить императора, что поставленные им цели недостижимы, что победы не добиться одним ударом, что для этого требуется затяжная война на истощение и что большинство находившихся на Кавказе генералов (в отличие от

командования Пятого пехотного корпуса) разделяют эту точку зрения²⁹. Тут надо еще учитывать, что Людерс и Гурко старались

всю вину за неудачу свалить на Нейдгардта, стало быть, задача переубедить Николая была для последнего неразрешимой³⁰.

В этих обстоятельствах, не желая отказываться от цели, поставленной в 1844 г.³¹, царь делает два вывода и выносит два решения: во-первых, кампанией нельзя руководить из Петербурга, значит, главнокомандующему войсками на Кавказе следует дать больше полномочий; во-вторых, Нейдгардт не способен провести такую кампанию, как потому, что предпочитает иную политику, так и потому, что слишком «мягок» и не может заставить подчиненных слушаться.

И вот 8 января 1845 г. Николай заменяет Нейдгардта Воронцовым, дав тому титул «кавказский наместник и главнокомандующий всеми войсками на Кавказе». Граф Михаил Семенович Воронцов, будучи сыном русского посла, учился в Англии и был образован по-европейски, что было редкостью среди высшего чиновничества России того времени. Он был честолюбив, вежлив и добр с подчиненными, предельно галантен с теми, кто наверху. В его понимании все живое делилось на тех, кто властвует, и тех, кто служит. Он сам добился самых высоких чинов и наград, его считали толковым командиром и даже победителем Наполеона под Красным³².

Но громкую славу ему принесла гражданская служба. Как губернатор Новороссии (Южной Украины) он был одним из тех, кто внес наибольший вклад в хозяйственное и культурное развитие этого края. Он сделал его наиболее развитой частью империи и превратил Одессу в «третью столицу, где во многих отношениях жизнь была приятнее, чем в прежних двух»³³.

Однако Воронцов после наполеоновских войн не занимался военным делом, а по войне на Кавказе ни опыта, ни знаний у него не было вообще. Так что он

взял обязательства, которые оказались намного тяжелее, чем он предполагал.

Новый главнокомандующий приехал в Тифлис 6 апреля. Здесь он первым делом отбросил план, разработанный Нейдгардтом, и решил действовать по одному направлению³⁴. 8 апреля, прежде чем начать кампанию, он отправился в инспекционную поездку на Левый фланг и в Северный Дагестан³⁵.

Между тем у Шамиля был забот полон рот. Сооружение редута Воздвиженское мешало местным чеченским жителям работать на своих полях. Кроме того, командир редута генерал-майор Паттон вел активные действия и совершал рейды по соседним с крепостью обществам. В результате этого около 400 чеченских семей перешли к русским и расселились в усмирённых селениях. Соседние общества тоже стали вступать в сношение с Паттоном, даже некоторые из наибов начали заводить разговоры, что пора с русскими договариваться. Лишь к апрелю Шамилю удалось тут все уладить³⁶.

Кампанию Воронцов начал 15 июня, находясь в Гертме и имея в своем распоряжении 21 000 войск, 42 артиллерийских орудия и ракетную батарею³⁷. В тот же день русские заняли укрепленные позиции Теренгол, оставленные Шамилем. Имам отошел к Мичикалу и блокировал дорогу на Кунбут. Но Воронцов предпочел двинуться более трудным путем через перевал Кирк, который был слабо защищен, потому что горцы полагали, что русские там не пройдут. 17 июня авангард Воронцова занял перевал и Анчимер³⁸.

18 июня Пассек, не получив соответствующего приказа Воронцова, вышел на позицию у Зунумира, отстоявшую на 15 километров от лагеря главных сил. (Этот шаг Пассека в русской дореволюционной историографии был истолкован противоречиво, но даже друзья Пассека признавали, что он действовал не столько по приказу, сколько по совету Воронцова.) Следующие

пять дней он был отрезан разыгравшейся в горах снежной бурей, тогда как его солдаты оказались без пищи, без крыши над головой и в летнем обмундировании. Когда отряд освободили от снежного плена, 12 человек замерзли насмерть, у 400 были обморожены руки и ноги.

26* июня Воронцов возобновил марш соединения, сократившегося на 4000 человек и 10 пушек, оставленных в тылу для охраны путей подвоза. Перевал Бустрах, называемый «Андийскими воротами», оказался оставленным. Вопреки донесениям разведки о намерении Шамиля оборонять эти ворота, тот отошел, уведя с собой жителей и спалив селения. В тот же день авангард Воронцова под командованием Клюгенау вступил в разрушенный Анди.

Три недели Воронцов просидел в Анди почти без движения, что никто из русских аналитиков объяснить не смог. Все это время русские войска испытывали острую нехватку провианта. Причиной тому были: плохие дороги и скверная погода, вызвавшие падеж половины вьючных лошадей; дезертирство большого числа погонщиков и кучеров из местных³⁹; и самое главное — беспомощность интендантской службы воронцовского штаба.

Наконец 17 июля Воронцов вышел из Анди и сделал это за несколько дней до прибытия туда большого обоза со снабжением, за что потом его много ругали. 18 июля он ввел 11 500 солдат⁴⁰ и 16 орудий в дымящиеся развалины Дарго. Но перед этим ему пришлось преодолеть ожесточенное сопротивление горцев на лесной дороге за несколько километров до селения, где русские потеряли 35 убитыми и 117 ранеными.

«Таким образом, цель, поставленная кабинетными стратегами в столице, казалось, была достигнута. Так называемая столица Шамиля была занята.

*Так в оригинале. — *Прим. пер.*

Но после всего того, что пришлось пережить в этот день, все задавали себе один и тот же вопрос:

что же теперь с нами будет? Шамиль не замедлил показать, как он разозлен тем, что его столица захвачена. Как только лагерь обнесли окопами, вражеские снаряды стали падать один за другим и вынудили нас изменить расположение»⁴¹.

Чтобы прекратить обстрел, 20 июля Лобинцев штурмовал горы за рекой, где были расположены позиции Шамиля. Горцы рассеялись, но стоило русским начать отход по разбитым дорогам и кукурузным полям, они стали нападать на колонны со всех сторон.

«Момент, когда войска, которые только что славно разогнали горские банды, стали отходить, стал поворотным пунктом нашей кампании. Мы это почувствовали инстинктивно, всю армию охватила какая-то подавленность.

Нужно было видеть, как лица, еще несколько минут назад светившиеся радостью, делались серьезными и грустными.

Вовсе не вид двух сотен трупов и раненых вызывал эту подавленность, к такого рода картинам мы уже привыкли, убивала бессмысленность этих потерь»⁴².

21 июля с другой стороны к лесам, через которые русские пробивали себе путь к Дарго, подошли обозы. Воронцов, которого обвинят впоследствии, что он не занял лес, решил, что каждый отряд половину солдат пошлет к обозам, чтобы доставить провиант. Это стало вторым пунктом, за который потом его критиковали. 22 июля под командой Клюгенау эти солдаты вошли в лес и стали пробиваться к обозам. Под прикрытием леса горцы со всех сторон обстреливали колонны, русское войско несло тяжелейшие потери убитыми и ранеными.

23-го колонна двинулась в обратный путь, и все повторилось.

«Сухарная экспедиция», как прозвали потом эту операцию, никакого провианта так и не доставила. Зато ее потери составили 556 убитыми (включая двух генералов), 858 ранеными и три орудия. Положение Воронцова оказалось критическим. Теперь у него на руках было 1362 раненых; боевой дух войска пал как никогда, а горцы хвастались, что выхода у «неверных» нет и теперь они все будут перебиты⁴³. Воронцову не оставалось ничего другого, как только пробиваться через леса Ичкерии в Гурзул.

Уничтожив все, что нельзя было унести с собой, 25 июля русские оставили Дарго. Им пришлось пробиваться через леса, где сцены «сухарной экспедиции» (и злосчастной кампании Граббе) повторялись вновь и вновь, каждый раз со все более ужасными последствиями. В первый день войско прошло 5 км, потеряв 6 убитыми и 72 ранеными; 26-го прошло 8 км, потеряв 71 убитого, 215 раненых и 8 пропавших без вести; 27-го продвинулось всего на 4 км, получив 15 убитых, 66 раненых и 2 пропавших без вести; на следующий день — снова 5 км и 109 убитых, 365 раненых и 15 пропавших без вести. Вечером этого же дня войско дошло до Шамхал Бирди, что находится в 15 км от Гурзула, «похожим на ободранного волками мерина»⁴⁴.

Будучи не в состоянии двигаться далее, Воронцов остановился и стал ждать, когда на помощь придет Фрейтаг, посыльные к которому были отправлены еще до того, как Воронцов оставил Дарго. Стоять пришлось почти без продовольствия и боеприпасов под непрерывным обстрелом противника. В таком положении застал Фрейтаг своего начальника, когда перед наступлением сумерек 30 июля вышел на противоположный хребет. На следующий день Воронцов соединился с Фрейта-ом, но при этом снова потерял 94 человека убитыми, 216 ранеными и 23 пропавшими без вести. 1 августа они

добрались до Гурзула, а через два дня части, вернее, их остатки, были разведены по зимним квартирам.

В этой кампании Воронцов потерял 984 убитыми (в том числе трех генералов), 2753 ранеными, 173 пропавшими без вести, 3 пушки, бывшую при нем большую сумму денег звонкой монетой и всю поклажу. Все войска, дислоцированные для охраны маршрута снабжения между редутом Евгеньевское и Анди, вернулись в казармы. Операции Аргутинского и Шварца, задуманные как отвлекающий маневр, «существенных результатов не дали, хотя в помпезных рапортах им приписывалось большое значение»⁴⁵. На этом военные действия прекратились. Вторая половина 1845 г. прошла почти спокойно, и это спокойствие лишь изредка нарушали малозначительные рейды в Чечню и Южный Дагестан⁴⁶.

Русская печать, особенно после смерти Воронцова, подвергла острой критике то, как он провел эту кампанию. Некоторые моменты мы уже упомянули выше. Среди других объектов критики был тот факт, что Воронцов совершенно игнорировал особенности войны на Кавказе, не терпел замечаний в свой адрес на этот счет, даже не выслушивал советов. Это видно из того, как холодно он принял Фрейтага, решившего выступить с осуждением всего замысла кампании, а также из реакции на замечание Бенкендорфа о нарушениях порядка во время движения колонны⁴⁷. В результате многие опытные генералы от участия в кампании были отстранены или назначались не туда, где от них была бы наибольшая польза. Так, Клюгенау, провоевавший 12 лет в горах Дагестана, был послан руководить «сухарной экспедицией», где требовался командир, знакомый с условиями боя в лесу, тогда как Лабынцев, имевший такой опыт боев в Чечне, был направлен на штурм высот напротив Дарго. Так же неудачно использовались строевые части кавказского корпуса: те, что воевали в горах Дагестана, посылались в операции в лесах, а те, что дислоцировались в Чечне и умели вести

бой в лесу, бросались в наступление в горы. Если Воронцов с кем-то и советовался, то это чаще были неопытные адъютанты, прибывшие вместе с ним, а не настоящие кавказские ветераны. А сверх всего, он был слишком «мягок» с подчиненными, очень часто старшие офицеры его просто не слушались. (Примером могут служить хотя бы бросок Пассека в Холодные горы и наступление Барятинского в Анди.)

Воронцов привез с собой целую свиту. В ней было много молодых людей знатных фамилий Петербурга и Москвы, приехавших участвовать в заключительном этапе завоевания Кавказа и получить за то награды. (Среди них были князь Александр фон Гессен-Дармштадт (шурина царя), князь Виттгенштейн, князь Паскевич-младший, князь Барятинский и граф Бенкендорф.) Эта публика с огромным багажом бытовой роскоши и домашней челядью неимоверно увеличила бесполезный небоевой состав войска; она первой поддавалась панике в бою, вносила неразбериху и до предела перегружала и без того с напряжением работавшие тыловые службы. Этих обозников так и прозвали «l'arme de Хегхех — Ксерксово воинство»⁴⁸. Мало того, между этими пришельцами и кадровым составом корпуса возник антагонизм, что еще больше расшатывало дисциплину.

Большинству критиков Воронцова было невдомек, что военные цели были только одной стороной экспедиции, а вся кампания обладала другими, более важными параметрами. Это, разумеется, ничуть не ослабляет тех или иных пунктов обвинения Воронцова, как не служит оправданием его невнимательности к военным вопросам, все это может объяснить поведение наместника, но оправданием ему, по нашему мнению, служить не может. Как указывалось выше, император, склонившись к решению проблемы одним ударом, вовсе не отказался от «политических средств». Более того, такие средства были стержнем стратегии. Как гласит один документ 1844 г., главная цель генерально-

го наступления состоит в том, чтобы оказать содействие ближайшим к нам племенам, которые по имеющейся информации уже изъявили согласие восстать против Шамиля, восстановить ушедшие в горы общества на их прежних местах обитания и таким образом ослабить размах общего восстания⁴⁹.

По официальной версии, кампания 1845 г. имела ту же цель: «Дать возможность туземцам, насильно угнанным Шамилем, перейти на нашу сторону»⁵⁰.

С 1840 г., когда чеченцы с воодушевлением приветствовали Шамиля, прошло несколько лет, и многие стали недовольны его правлением. Сотрудничавшие с русскими туземцы преподносили это русским властям в преувеличенном виде. Среди недовольных правлением Шамиля первым было общество Анди.

«Местные жители хотели нашего прихода и даже требовали его — это известный факт. Со своей стороны, мы возмечтали, что переход к нам андийцев мог бы побудить отвернуться от Шамиля и другие народности Дагестана, которые привыкли следовать примеру Анди»⁵¹, — писал Бенкендорф.

Это послужило причиной того, что император в 1844 и 1845 гг. настаивал на продвижении в Анди и установлении там русского правления. Намеченная кампания казалась Николаю и его окружению кратчайшим путем к усмирению Кавказа и была ему по душе. По его мнению, если рискнуть ее провести, даже если она не удастся, то большого вреда от того не будет; в случае же неудачи можно вернуться к постепенным действиям. Воронцов разделял это мнение⁵². Поэтому он и взялся осуществить этот отчаянный поход.

Во время инспекционной поездки Воронцова в редуте Внезапная к нему явились несколько чеченских старейшин и среди них урусмартанский кадий. Они

выразили готовность принять русское подданство, если к ним направят войско. Чтобы проверить искренность высказанного намерения, к чеченцам был послан Людерс с небольшим отрядом, который натолкнулся там на сопротивление⁵³. Причиной тому, видимо, в то время русским неизвестной, был некий человек, сообщивший Шамилю о заговоре, что позволило имаму принять контрмеры⁵⁴.

Ни это происшествие, ни предупреждения бывалых генералов, прежде всего Фрейтага, не убавили самоуверенности Воронцова. Его убеждение, что попытка такой экспедиции не помешает и большого вреда не принесет, тоже серьезно не поколебалось⁵⁵.

Шамиль знал о плане русских, хотя, может быть, и не представлял, как далеко зашли контакты с чеченцами, и предупредил об этом общество Анди⁵⁶. Готовя оборону, имам учел уроки Ахульго и сражений 1842 и 1844 гг. Он занял выгодную позицию на перевале Мичикал, предвидя три исхода сражения: сорвать наступление русских, как он это сделал в 1844 г.; отбить их атаку; задержать их продвижение. Когда русские обошли его через Кирк, он просто быстро покинул Анди.

Сначала Шамиль собирался укрепиться на Буцрахском перевале, имея в виду те же цели. Но либо передумал, либо ему стало известно о сношениях андийцев с русскими, и это заставило его поступить по-другому. Он решил уступить Анди русским, предварительно спалив все аулы, уведя всех людей и увезя продовольствие. Очевидно, имам с самого начала не доверял андийцам и, прежде чем начать кампанию, взял от наибов и всего общества клятвенное обещание повиноваться его приказам⁵⁷. Тем самым он убивал сразу двух зайцев: русские придут к своей цели, но сделают это впустую, а их коммуникации окажутся уязвимыми; андийцы будут наказаны за предательство. Сколь болезненным оказался этот удар по жителям

Анди, видно из того факта, что они пытались сопротивляться

сожжению своих аулов⁵⁸. Следует также обратить внимание на замечание Шамиля: «Для вероотступников, думающих, что целостность Ислама нарушена, перестрелка как чума. Их души понять нетрудно»⁵⁹.

Таким образом, когда русские пришли в Анди, вместо дружественного населения они «оказались среди голых скал, покрытых дымящимися развалинами людских жилищ»⁶⁰. «Андийцы ускользнули от нас, — писал один участник этих событий с запоздалым предвидением, — и только местные обитатели да двое из русских... понимали смысл события... Все другие ничего в нем не усматривали, либо не желали видеть»⁶¹.

Возможно, именно в этот момент Шамиль пытался вступить в сношения с Воронцовым, но натолкнулся на отказ⁶². (Совершенно логично дагестанские источники утверждают, что к Шамилю обратился Воронцов, а тот отклонил просьбу. Однако вся логика событий диктует противоположное направление действий.) Объяснить отказ можно следующим: во-первых, Воронцов и русские власти к тому времени считали судьбу Шамиля решенной, его тем или иным способом должны были убрать, и переговоры с ним исключались. Во-вторых, у Воронцова и его штаба сохранялась надежда добиться своих целей. К Воронцову приходили не только те из местных, кому удалось избежать Шамилевой эвакуации⁶³, в его лагерь потянулась вереница «местных гонцов с заверениями, что со дня на день придет народ с разных сторон»⁶⁴. Среди них были люди некоторых наибов из Чечни. В том числе два наиба якобы просили Шамиля замириться с русскими⁶⁵. Такие соображения могли быть вызваны «патрулем» Воронцова 2—3 июля. Одной из целей операции, о которых говорил Воронцов, было «внезапным появлением наших войск дать соседним горским племенам возможность перехода на нашу сторону». К русским, впрочем, перешло только одно семейство⁶⁶.

Когда Воронцов находился в Анди, Шамиль отправился в Чечню и заставил тамошних наибов и новобранцев поклясться на Коране, что они не станут вступать с русскими в сепаратные переговоры. Вернувшись, Шамиль приказал андийскому наибу Рамадану пресечь всякие контакты отдельных жителей Анди с Воронцовым. Рамадан поймал за этим делом троих, отрубил им головы и выставил их напоказ с предупреждением, что такая казнь ждет каждого, кто решится сотрудничать с русскими⁶⁷.

Эти головы были обнаружены 13 июля, но значения этого события в штабе Воронцова не поняли⁶⁸. Там все еще надеялись, что удастся добиться мирного подчинения некоторых племен⁶⁹. Один Бенкендорф проявил прозорливость, заметив, что 13 июля стал поворотным пунктом. С того дня, писал он, «у нас не только не стало сочувствующих, не осталось и лазутчиков»⁷⁰. Дважды жизнь подтвердила его правоту. Когда Воронцов решил двинуться на Дарго, его местные лазутчики указали совершенно неверные дороги⁷¹; а потом, за час до выхода колонны, один из этих лазутчиков бежал, причем на лучшем скакуне из конюшни Воронцова, и предупредил Шамиля⁷². Этого конокрада русские схватили через два года во время осады Салты⁷³.

Репрессивные меры Шамиля положили конец всяким контактам горцев с Воронцовым, и они как бы поменялись ролями: теперь Шамиль получил широкое поле деятельности для тайных происков и шпионажа. В русский лагерь пошли агенты, предположительно от некоторых наибов, которые «обещали повиновение при условии, что русские войска войдут в их селения», и утверждали, что одно появление русских в Дарго станет сигналом к всеобщему восстанию против Шамиля; то, с каким пиететом они отзывались о святости имама, делало честь их профессионализму, потому что они всерьез заводили разговор об условиях сохранения ему

жизни и свободы и не раз возвращались к уточнению путей, какими он может безопасно уехать в Египет⁷⁴.

Последнее требование русским представлялось, видимо, особенно достоверным, поскольку они знали о контактах Шамиля с Мухаммедом Али. Эти разговоры и были главной причиной, почему Воронцов решил наступать на Дарго. И там он еще продолжал ожидать гонцов от Шамиля. Подтверждением тому служит приказ часовым пропустить двух горцев, которые должны подойти с правой стороны и помахать своими шапками⁷⁵. Только после «сухарной экспедиции» Воронцов и его штаб поняли, что их провели. Но было уже поздно. Шамиль сделал с русскими то, что ему хотелось.

Несмотря на общее превосходство сил, только случай спас Воронцова от полного разгрома; если бы Левым флангом командовал кто-то другой и Фрейтаг действовал бы не так решительно, вся кампания могла бы кончиться полной катастрофой. Даже помощь Фрейтага не спасла кампанию от поражения, какого еще не терпело русское войско. Таким образом, в конце 1845 г. Шамиль находился в зените славы и власти, а русские — на самом дне. Больше того, их силы весной 1846 г. должны были ослабнуть еще больше, поскольку Пятый армейский корпус возвращался в Россию. Царь хотел вывести Пятый корпус с Кавказа в декабре 1845 г., но Воронцов убедил его отложить вывод до весны. Именно этот момент выбрал имам, чтобы осуществить свой самый дерзновенный план.

Глава шестнадцатая

Кабарда

Зима 1846 г. оказалась тревожной. Дагестанские наибы Шамиля постоянно угрожали Алазанской долине и Акушской конфедерации. Чеченские наибы беспрестанно совершали набеги на Кумыкскую равнину и Линию. Русские на 1846 г. никаких наступательных операций не планировали. Таким образом, все их действия сводились к ответам на инициативы горцев¹.

Держа русских на этом крючке, Шамиль вел подготовку большой операции. Во второй половине апреля в Шали и Шубуте по его приказу собрались большие силы горцев². Русским это стало известно, но в каком направлении имам намеревался нанести удар, они не знали. Аргутинский и Воронцов были убеждены, что главной целью Шамиля станет Акуша в Центральном Дагестане, и так был уверен главнокомандующий в этом, что, находясь в шамхальстве на юге, он в грозном приказе запретил Фрейтагу задерживать отправку батальонов Пятого армейского корпуса к месту их постоянной дислокации³.

В результате Шамилю удалось застать русских почти врасплох, когда он двинулся на запад, в Кабарду. В обстановке перед Левым и Правым флангами Кавказской линии существовала тесная связь и взаимозависимость. Так, успешные действия черкесов вдохновили чеченцев на восстание 1840 г., а слухи о том, что Шамиль снова захватил Ахульго и призывает черкесов к восстанию, повлекли за собой их набеги на русские

редуты⁴. Успешные действия соседних народов на западе и на востоке привели в волнение кабардинцев и осетин, так что в 1840—1841 гг. русские имели с ними немало хлопот⁵.

В конце 1840 г. «в Большой Кабарде было спокойно, но... появившись имам со своими бандами на Военно-Грузинской дороге, ему не составило бы большого труда привлечь кабардинцев на свою сторону»⁶, — писал Юров. 11 октября 1840 г. Ахбирди Мухамед совершил набег на Моздок, и, как показало последовавшее за этим расследование, ему в этом деле большую помощь оказали кабардинцы⁷.

В это время Шамиль стал задумываться над вопросами, которые возвращали его к стратегии, проводившейся до него Гази Магомедом и шейхом Мансуром, а именно — к объединению всех кавказских народов против России. После разгрома Граббе в 1842 г. имам посылает Ахбирди Мухамеда к кабардинцам, а Хаджи Мухамеда — к черкесам. Цель их миссии была двойкой: во-первых, мобилизовать в ряды Шамиля как можно больше воинов, и во-вторых, договориться с этими народами о совместных действиях, в ходе которых они у себя поднимают восстание, а имам с войском идет к ним на подмогу. Объединенными усилиями горцы могли бы одолеть Кавказскую линию и отрезать Грузию от России⁸. В 1843 г. эти намерения Шамиля стали известны русским, а также французскому консулу в Тифлисе⁹.

Ни Ахбирди, ни Хаджи-Мухамед с заданием не справились: первый стал вводить, там пошлины, а второго вскоре после приезда черкесы просто убили¹⁰. Но отдельные лица к Шамилю примкнули, как, например, кабардинский князь Аслан-бек Мисистов¹¹ и черкес Хаджи-Исмаил, который был убит в ноябре 1844 г. на обратном пути с посланием Шамиля в кармане¹².

В 1843—1844 гг. Шамиль поддерживал связи с пле-

более интенсивными, направив к черкесам гонцов во главе с Сулейманом-Эфенди, который, однако, ничего сделать там не смог¹³.

После кампании Воронцова несколько самых видных князей Кабарды, включая кабардинцев-христиан, попросили Шамиля вступить в их владения. Имам, все с ними обговорив, решил совершить этот смелый маневр весной, во время или сразу после вывода с Кавказа Пятого корпуса.

Сообщив о своем плане лишь самым верным наибам, он 25 апреля вышел из Шали. По русским данным, он вел 14 тысяч горцев, среди которых пехотинцев было всего 1000 человек, и 8 пушек¹⁴. Остальная пехота Шамиля, насчитывавшая около 8000 человек, под командованием Нур Али была направлена на другое задание. Вечером того же дня имам переправился через Аргун и, чтобы замаскировать следы колес артиллерийских орудий, следом за ними пустил главные силы своей конницы. 26 апреля он переправился через Фортангу и 27-го, сделав обманное движение в сторону Казак Кичу, переправился через Сунжу вблизи казацкой станицы Сунженская. 28 апреля Шамиль у реки Купра вступил «в сердце Малой Кабарды». Ночь он провел в ауле Ахлов, а на следующий день отправил трех наибов — Сайда Абдалаха, Дубу и Атабайя -вывести жителей из селений в горы.

Сам Шамиль переправился через Терек неподалеку от Минаретского брода и хорошо укрепился. Эта позиция, с которой он «мог наблюдать за всей Кабардинской равниной», и была его целью, потому что, используя ее как «стратегическую базу своей операции», Шамиль «мог командовать в Кабарде, в соседней Осетии и воздействовать на сообщение между Северным Кавказом и Грузией»¹⁵. Отсюда имам обратился к кабардинцам и черкесам с призывом к восстанию, но, как

потом сам говорил, ему ответили, что он пришел к ним «слишком поздно»¹⁶.

Причина заключалась в том, что действия Шамиля не для всех русских были совсем неожиданными. В отличие от многих своих коллег. Фрейтаг (а с ним и Нестеров) был начеку. Обладая хорошей разведкой¹⁷, этот блестящий генерал уже сыграл тревогу, как только узнал, что Шамиль собирает войско. 23 апреля он отправил командиру 15 дивизии (5 корпуса) Гасфорту прошение, в котором просил его, невзирая на твердый приказ из Петербурга, недавно подтвержденный распоряжением Воронцова, не просто отменить отправку из Моздока домой двух пехотных батальонов 5-го армейского корпуса, а направить их в станицу Николаевская на реке Терек, в 30 километрах северо-западнее Владикавказа. Это было очень непросто, основываясь на ощущении, чуть большем, чем догадка, нарушить указания такого правителя, как Николай I, который... твердо приказал вывести 5-й корпус. Князь Воронцов не посмел взять на себя такую ответственность, что позволяет измерить моральную отвагу его подчиненного¹⁸.

24 апреля, получив сообщение, что Шамиль находится в Шали, Фрейтаг повторил свою просьбу Гасфорту. Кроме того, он задержал еще один батальон Гасфорта в Кизляре и привел в боеготовность свои части и части Нестерова. Узнав, что Шамиль переправился через Аргун, Фрейтаг 26 апреля выступил в Закан-Юрт. 27 апреля он двинулся на Казак Кичу.

Далее генерал все время преследовал Шамиля по пятам, хотя тот и пытался делать обманные маневры.

28 апреля он миновал Николаевскую, дошел до Ачалука и там узнал, что Шамиль проследовал мимо три часа назад. 29 апреля Фрейтаг достиг р.Купра, где у Шамиля был ночной бивуак. На следующий день Фрейтаг поспешил к Тереку и в шести километрах от брода

столкнулся с тремя наибами, которых Шамиль послал уводить население в горы. Наибы бросили свою охрану и ускакали через реку к Шамилю. Таким образом, генерал настиг Шамиля.

Фрейтаг перечеркнул весь план Шамиля:

«Сделка имама с кабардинцами заключалась в том, что он обязался выместить русские редуты и поселения с берегов Терека и с его верховья, а кабардинцы должны были в этом ему помочь; но увидев, что русские уже за спиной Шамиля, и ведет их командир, о доблести которого они были наслышаны и которого боялись, они не решились взяться за оружие, хотя зависимость от России они с себя скинули. Обе стороны, таким образом, говорили: «Ты выполни свое, а мы тогда сделаем свое», что, конечно, привело к тому, что никто ничего делать не стал»¹⁹.

Но Шамиль не сдавался. Он попытался «стряхнуть» Фрейтага и в ночь на 1 мая незамеченным снялся со своих позиций. Поднявшись вверх по течению Уруха, он разослал к кабардинцам, балкарцам и черкесам гонцов с призывом к восстанию. В тот день он разбил лагерь в ауле князя Казиева, и оставался там три дня.

«Не зная местности, не имея ни проводников, ни карт», Фрейтаг потратил целый день на поиски Шамиля. 2 мая он вступил в редут Черекское. На этом этапе «мы фактически управляли только редутами и станицами в нижней части Военно-Грузинской дороги; нормальное сообщение по ней было прервано». Поэтому Фрейтаг решил оставаться в Черекском. Дальнейшее преследование Шамиля «было бы бесполезным и утомительным», потому что имам всегда мог «избежать встречи с нашим войском» или «отвлечь его в одну сторону и ударить внезапно с противоположной сторо-

ны». У Фрейтага «оставалась одна задача — сохранить то, что удалось удержать в руках, и восстанавливать сообщение»²⁰.

Положение Фрейтага было незавидным. Угроза Левому флангу в случае, если Шамиль надумает повернуть назад, была как никогда опасной. Кроме того, русские части совершили марш налегке; уже стала ощущаться нехватка провианта и боеприпасов; командующий Центральной линией князь Голицын был совершенно несведущ в военном деле: находившиеся в его ведении склады оказались пусты. Противник по численности был намного сильнее, а кабардинцы, народ храбрый и воинственный, могли быть втянуты в военные действия²¹.

В этом случае «восстание в Кабарде могло бы распространиться на Кумыкскую равнину» в то время, когда «Линия была оголена, а на Левом фланге не было ни войск, ни командира»²².

Несмотря на все трудности и заботы, Фрейтаг думал об одном — как поймать Шамиля в ловушку и нанести ему решающий удар. Поэтому 3 мая он направляет к Минаретскому броду полковника Меллер-Закомельского с отрядом в 2300 штыков, 500 всадников и шестью пушками с задачей преградить Шамилю пути отступления. А сам с 5700 пехоты, 500 всадниками и шестью пушками удерживает Черекское и пытается наладить снабжение своих частей от Голицына из Нальчика.

5 мая Шамиль выдвигается к оставленному русскими редуту Урванское, угрожая перерезать дорогу в Нальчик. Фрейтаг перегруппировался, и, увидев этот маневр, Шамиль возвратился в свой лагерь. На следующий день Шамиль решил вернуться в Чечню. Кабардинцы никак не могли решиться на выступление против русских, а к ним с севера подходило подкрепление (два батальона

5-го корпуса), и еще три батальона двигались к Владикавказу из Тифлиса. В этих передвижениях заключалась угроза имаму быть отрезанным от своих владений — именно то, что не удалось сделать Нур Али в отношении русских.

Нур Али во главе восьмитысячного отряда пеших бойцов вышел из Шубута одновременно с Шамилем. Его целью был Дарьяльский проход. 27 апреля он вступил на территорию общества Аки и вошел в Цори. Там он простоял несколько дней, пытаясь поднять галгаев и кистов. Наконец, 2 мая Нур Али выдвинулся к Джеракскому ущелью, но тут же изменил решение и двинулся на Таре, откуда мог угрожать дороге на Балту. 4 мая Нур Али все бросил и вернулся в Чечню.

Судя по всему, Нур Али оказался в такой же ситуации, что и его начальник: он не мог атаковать русских без поддержки местного населения, а те не хотели ему помогать, пока он не поколотит русских. Шамиль как человек предприимчивый стал искать другие пути, а Нур Али сидел сложа руки и упустил момент. В конце концов, в виду приближения с юга свежих сил русских (три упомянутых выше батальона), он решил отступить.

Под вечер 7 мая Фрейтаг заметил, что в лагере Шамиля стало подозрительно тихо. Он выслал туда дозор, который доложил, что лагерь пуст: Шамиль ускользнул у русских из-под носа²³. Утром 8 мая имам вошел в соприкосновение с Меллер-Закомельским и выманил его с выгодных позиций, которые сам и подготовил 29 и 30 апреля. Имам занял их, приготовился и «при умелой поддержке Хаджи-Мурата быстро переправил все войско на правый берег реки с незначительными потерями от огня Меллер-Закомельского»²⁴. Донесение Меллера, что он преследует Шамиля «по пятам, не давая тому остановиться», даже русским автором воспринимается с большой иронией²⁵.

Ловким маневром и стокилометровым переходом по

безводной равнине Шамиль заставил русских отказаться даже от мысли преследовать его. 9 мая он переправился через Сунжу между Михайловской и Казак-Кичу, «загнал обратно в редут» отряд из 400 солдат, «решившийся на вылазку, чтобы его перехватить, и стал недосыгаем для преследования»²⁶. С Шамилем ушли некоторые кабардинцы. Самыми известными из них был клан Анзавра [Анзорова], глава которого, Мухамед-мирза, был поставлен наибом Геки²⁷. Другие кабардинские семейства, например, семья Омара Шаратлука [Шаратлокова], были репрессированы русскими властями²⁸.

Кампания Шамиля была хорошо спланирована и мастерски проведена, и, не будь Фрейтага, он бы крепко насолил русским. Как и в предыдущих кампаниях, он настолько успешно использовал обманные передвижения и ложные слухи, что даже когда вступил в Кабарду, русские военачальники, включая Воронцова, посчитали это его отвлекающим маневром. Генерал-майор Норденштам, заместитель главнокомандующего и старший начальник, остававшийся в Тифлисе, осознал «действительное положение»²⁹ только 29 апреля, а Воронцов и того позднее, 3 мая.

Как и в 1843 г., застигнутые врасплох русские генералы вели себя пассивно. Голицын, в зоне ответственности которого происходили события, «дал штабу о себе знать парой донесений». Командующий Кавказской и Черноморской линиями генерал-лейтенант Завадовский, все это время оставаясь в Ставрополе, «сидел в своей канцелярии, передвигал части, расположение которых ему было неизвестно, посылал подкрепления туда, где ничто не угрожало... и гонял большие обозы за несуществующим провиантом». Бывшему начальнику штаба Гурко, отправлявшемуся в то время в Россию, «было не позволено покидать Владикавказ»³⁰, чему он не мог не порадоваться. Все, что он за это время сделал полезного, были письма Норденштаму и Воронцову,

которые открыли им глаза на происходящее. Впрочем, вся пассивность Завадовского не помешала ему, благодаря Нестерову, получить награду.

На этом фоне тем более выгодно выглядит бдительность Фрейтага, самостоятельность его мышления, инициативность, чувство долга и ответственности. Чтобы полностью оценить все это, следует иметь в виду, что под его командованием оказался спешно сформированный, разношерстный отряд, с которым он двинулся в незнакомые края, имея дело с дезинформацией Шамиля. Во всей этой истории Фрейтаг проявил лишь одну личную слабину: он практически замолчал заслуги Нестерова, которые во многом и принесли успех.

Царь и Воронцов полностью оценили смелые и решительные действия Фрейтага. Но «настоящую» награду тот получил в 1848 г., когда его перевели в главную действующую армию, где Паскевич позаботился сделать его главным квартирмейстером — «казенная должность, на которой его способности были растрчены впустую»³¹. Можно с уверенностью сказать, что в русской армии, даже в Кавказском корпусе, не терпели самостоятельно мыслящих генералов, которые не заслонялись распоряжениями начальства, а проявляли инициативу и добивались победы.

А Фрейтаг сделал больше, он нередко многих просто спасал. Среди них был и Воронцов, который не забыл и не простил Фрейтагу, что дважды на протяжении десяти месяцев должен был выражать тому свою признательность. Дважды придя Воронцову на помощь, генерал не просто бросал тень на престиж наместника, а невольно показал его посредственность как военачальника. (Надо заметить, многие поговаривали, что «победа» Воронцова над Наполеоном под Краоном в 1814 г. состоялась только благодаря своевременной помощи Саакена)³². Этому Воронцов простить ему не мог, и как раз в этом, а вовсе не в немецкой фамилии генерала, как считал Дж. Бадли, кроется причина того,

что в конце нашего века «в памяти и признательности современных русских ему отведено такое незначительное место»³³.

В кабардинской кампании Шамиль снова продемонстрировал качества хорошего военачальника. Но тут сказались еще два обстоятельства. Во-первых, выяснилось, каким страшным ударом для Шамиля была потеря Ахбирди Мухамеда и Шуайба. Теперь ему пришлось выбирать между компетентностью Хаджи-Мурата в военном деле и верностью Нур Али, на которого всегда можно было положиться, хотя и к тому, и к другому у Шамиля могли быть серьезные претензии. Во-вторых, и это самое главное, в этой кампании стал очевиден гигантский дисбаланс сил между Шамилем и Россией, хотя в то время этого никто, кажется, не заметил. Разница в силах была настолько велика, что никакой надежды на окончательную победу у него быть не могло. Самое большее, чего Шамиль мог добиться, это одержать верх в частных случаях, и то лишь когда ему удавалось застать русских врасплох. Сумев сделать это, он выиграл кампанию в Дагестане, но когда на пути встретился бдительный генерал, его шансы на победу стали равны нулю.

Еще одна вещь, которую современники Шамиля (может быть, за исключением его самого) не заметили, состоит в том, что вторжение в Кабарду было вершиной достижений Шамиля, когда его власть достигла пределов. Эта кампания имела для него особый, если можно так выразиться, священный смысл; очевидцы отмечают, что в это время Шамиль пребывал в приподнятом, бодром и веселом настроении. Его дружины шли торжественным порядком. Имам строго-настрого запретил всякие грабежи и насилия над местным населением, приговаривая: «Я никого не принуждаю, они сами поступят так, как будет угодно Аллаху»³⁴. Соответственно, и неудачу он переживал тяжело, хотя спутники это неудачей и не считали, видя причину отсутствия успеха

в том, что кабардинцы проявили колебание. Шамиль, очевидно, предчувствовал, что больше таких кампаний провести ему не удастся, хотя и надеялся на обратное. Но другим он говорил, что кампанию он проведет еще раз³⁵, так что и русские, и кабардинцы ожидали его нового похода в Кабарду, особенно летом и осенью 1846 г.³⁶

Эти ожидания и слухи дали Шамилю возможность опять захватить русских врасплох, когда он пошел в новый поход в Дагестан. 20 октября имам занял Цухар, Акушу и Ходжалмахи. 25 октября он захватил Аймаки. И снова, как в Кабарде, ему сказали, что пришел он «слишком поздно»³⁷.

Как только стало известно о появлении Шамиля, из Темир-Хан-Шуры немедленно выступил командующий в Северном Дагестане Бебутов. Оставив Хаджи-Мурата оборонять Аймаки, имам с основными силами и одной пушкой выдвинулся к Кутиших, откуда он мог ударить по войску Бебутова с фланга и тыла, если тот атакует Аймаки. Но русский генерал хорошо знал расположение и планы Шамиля. Поэтому 27 октября он сам атаковал Шамиля у Кутишиха и наголову разгромил горцев, захватив при этом их единственную пушку и даже личное снаряжение Шамиля — его кинжал и бурку. При этом потери русских были небольшими — 28 убитых и 77 раненых.

Полный успех Бебутова объясняется тем, что для горцев оказались неожиданными две вещи: во-первых, благодаря хорошей разведке русским удалось напасть на них в месте и во время, для тех совсем неожиданных; во-вторых, здесь вступили в дело русские драгуны, только-только прибывшие в Дагестан. Вид наступающей в боевом порядке кавалерии так поразил горцев, что они дрогнули и обратились в бегство³⁸. Но поражение Шамиля здесь не было решительным и полным, как подумалось русским. В январе 1847 г. он снова действовал в Акуше.

Весь год, на который пришлись эти два события, был отмечен высокой активностью горцев. Они беспрестанно совершали набеги и все время заставляли русских держаться начеку. Русские же преимущественно оборонялись и лишь в Чечне действовали несколько активнее³⁹.

В ночь на 26 декабря Хаджи-Мурат сделал драматическую концовку 1846 г.: «С отрядом в 500 человек он ворвался в Дженгутай, главный город Мехтули», и «под носом у сильного гарнизона русских захватил вдову своего давнишнего врага Ахмад-хана»⁴⁰. Этот набег вызвал такое потрясение, что Николай лично приказал провести расследование⁴¹.

После всего этого, под занавес года Воронцов мог только вздохнуть и записать: «Мы сносно закончили этот год»⁴².

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ТАКТИКА ТОПОРА

Глава семнадцатая

Малая Чечня

Случай 1845 г., когда Воронцов был на волосок от гибели, убедил его, что «отныне мы должны придерживаться менее тактики нападения и более систематических действий, которые со временем исправят положение покуда менее красочным, зато более определенным манером»¹. В переписке и беседах с царем, с которым он встречался во второй половине сентября 1845 г. в Крыму², наместник сумел уговорить императора вернуться целиком к осадной стратегии.

Первым делом Воронцову нужно было закончить с имевшимися оборонительными линиями и дорогами, завершению строительства которых с начала 40-х гг. мешали постоянные требования Петербурга совершать все новые и новые экспедиции. На это ушел конец 45-го и весь 46 год. В тех же целях Кавказский корпус был пополнен, реорганизован, и была проведена передислокация его частей. Вторые батальоны каждого полка возвращавшегося в Россию 5-го армейского корпуса были оставлены на Кавказе и стали ядром вновь сформированных полков. Это, в свою очередь, потребовало изменения структуры самого корпуса, в состав которого теперь входили три пехотные дивизии³.

Два из вновь сформированных полков, Дагестанский и Самурский, были дислоцированы так, чтобы закрыть бреши в обороне Дагестана. Свои штаб-квартиры они разместили соответственно в Ишкарти в 1846 г. и Джедагоре в 1847г. Чтобы укрепить оборонительную линию Кумыкской равнины, в Чир-Юрте построили

редут, ставший штаб-квартирой Нижегородского драгунского полка, передислоцированного сюда из Грузии в 1846 г.⁵ В 1845—1846 гг. для обороны Военно-грузинской дороги и районов Владикавказа и Назрани была возведена Верхнесунженская линия. В нее вошли пять казачьих станиц, сведенных в Первый Сунженский казачий полк. (В 1848 г. было построено еще пять станиц, образовавших Второй Сунженский казачий полк.) Кроме того, большое внимание обращалось на усиление наличных укреплений, модернизацию казарм, на ремонт старых дорог и строительство новых. В частности, была построена очень важная в стратегическом отношении дорога из Грузии до Ахты в долине реки Самур⁶.

Чечня занимала важное стратегическое положение, и там больше думали о наступательной тактике. Долго воевавшие на Кавказе генералы считали Чечню одновременно бастионом Шамиля и его ахиллесовой пятой. На нее приходилась львиная доля поставлявшегося во владения Шамиля продовольствия, и оттуда же поступали лучшие бойцы армии имама. Кроме того, Чечня прикрывала «мягкое подбрюшье» Дагестана (хотя этот момент не был должным образом оценен русскими еще целое десятилетие). Лишить имама такой опоры означало больше чем наполовину обеспечить победу над ним.

Сделать это казалось нетрудно, потому что, по мнению самого Шамиля, чеченцы были менее надежны, чем дагестанцы. С другой стороны, если боевые действия в чеченских лесах русским давались труднее, то и обезопасить себя в них путем лесоповала было проще, нежели в горах. Таким образом, «на смену тактике штыка шла тактика топора»⁷.

Центральное место в планах Воронцова заняла Малая Чечня, где он в первую голову решил «упрочить пути сообщений между Воздвиженским, новыми станицами и старыми редутами на Сунже». Затем, весной 1846 г., он наметил продолжить сооружение «Передо-

вой чеченской линии» (начатое в 1844 г. возведением редута Воздвиженское), для чего лично подобрал место для редута вблизи Ачхоя и наблюдал за работами на его строительстве, «которые должны были закончиться к осени. Тогда вся Малая Чечня будет в наших руках. Можно надеяться, что она покорится, но даже если этого не произойдет, то и вреда никакого от нее уже не будет»⁸. Со свойственной ему уверенностью и оптимизмом Воронцов планировал в 1847 г. перенести военные действия на территорию Большой Чечни. Весной он собирался заложить редут у Майртупа, «откуда можно будет легко и быстро... подвигаться далее... к сердцу царства Шамиля»⁹.

Новая тактика, таким образом, была рассчитана на то, чтобы «дать возможность всем, кто того пожелает, спокойно переселяться с гор на нашу территорию»¹⁰, и лишить пашен и пастбищ на равнине непокорных, принуждая их покориться. Иначе говоря, тактику «выжженной земли», столь успешно применявшуюся Шамилем, русские теперь повернули против него самого.

Говоря современным языком, воронцовская стратегия включала в себя элементы экономического, демографического и психологического давления на противника с использованием военных, хозяйственных и прежде всего «политических» методов войны. (Примером психологического воздействия на Шамиля была передача ему письма от сына из Петербурга¹¹.) Печальный опыт Дарго не мешал Воронцову затевать переговоры с некоторыми из наибов Шамиля. Кульминацией этих контактов стало дезертирство Сулеймана-Эфенди, ездившего к черкесам и после возвращения поссорившегося с Шамилем¹².

Это отступничество наиба придало новый импульс идеологической борьбе. Некоторое время Воронцова занимала мысль использовать против Шамиля вероучительную критику со стороны (возможно, крымского?) *казиаскера* Аль-Саида-Эфенди¹³. Дезертирство Сулейма-

на-Эфенди, известного алима, предоставило для этого удобный случай. Очень кстати для Воронцова Сулейман-Эфенди обвинил Шамиля в отклонении от шариата по семи пунктам¹⁴.

Об отклонении Шамиля от шариата русские широко оповестили всех на своей территории без различия вероисповедания. Судя по всему, это не была единичная акция, потому что через несколько месяцев другой верный русским духовный наставник мусульман также обвинил Шамиля в искажении шариата, присовокупив к этому, что тот следует «путями кавариджей»¹⁵.

Такое осуждение имама Воронцов сочетал с другим важным шагом — с отказом от пренебрежительного отношения к местному мусульманскому руководству, свойственного его предшественникам. «То, как мусульмане мыслят и относятся к нам, — писал он царю, — зависит от нашего отношения к их вере не меньше, чем от событий в Дагестане». Таким образом, Воронцов взял курс на учет интересов мусульманского населения и прежде всего его высших сословий. Он просил у царя разрешения восстановить агаларам, бекам и улама определенные привилегии, отобранные у них в предыдущие годы, и такое разрешение получил¹⁶. По отношению к верноподданным мусульманам он проявлял внимание и чуткость, оказывал им почести, преподносил подарки, награждал званиями¹⁷. Целью Воронцова, похоже, стало превратить дружественную мусульманскую верхушку в послушное императору дворянство, что он успешно проделал с грузинской и армянской элитой¹⁸.

Реализуя новые планы наместника, зимой 1845— 1846 гг. Фрейтаг вырубил лес вдоль «Большой русской дороги» по берегам рек Гойта (16 декабря — 5 января) и Геки (27 января — 22 февраля)¹⁹. Расчистка леса по обе стороны пути, как и в других местах, проводилась с целью помешать чеченцам обстреливать войска, скрываясь за деревьями. Нестеров, проводивший такие же

работы на р. Геки, расчистил от леса сквозной путь до Ачхи. Летом Воронцов провел по этой дороге колонну войск и основал там 30 июня новый редут. Его строительство завершил 22 октября 1846 г. уже Лабинцев²⁰.

Следующей зимой, 20 января — 1 февраля, Нестеров свел леса вдоль реки Асса и проложил дорогу в Галашское общество. Перед этим 26 декабря ~ 6 января 1847 г., используя редут Ачхи, Фрейтаг провел большую кампанию и еще несколько мелких операций в окрестностях Алди²¹.

Операции по расчистке дорог и сведению леса, как правило, сопровождалась разрушением встречавшихся там селений, уничтожением урожая и запасов продовольствия, вытаптыванием полей и уводом скота. Это делалось «с целью заставить чеченцев свыкнуться с мыслью, что лучше перебраться на нашу территорию, где им никто не будет мешать заниматься мирным трудом; им следовало показать бессмысленность дальнейшего сопротивления»²².

Русские действовали из укрепленных лагерей, передвигались сильными колоннами с артиллерией и поэтому были для чеченцев неуязвимы. Все, что те могли предпринять, это беспокоить их снайперским и артиллерийским огнем, отводить в сторону ручьи, лишая их питьевой воды. Эти новшества привели к тому, что людские потери русских стали значительно меньше; урон при всех операциях по расчистке и вырубке лесов не шел ни в какое сравнение с потерями во время самых успешных рейдов в прошлом. К примеру, Нестеров в своей операции 1847 г. по зачистке потерял 5 убитыми и 59 ранеными, а Фрейтаг за свой поход потерял 13 убитыми и 137 ранеными.

Летом 1847 г. русские планировали возвести сторожевую вышку на р. Гойта, но эпидемия холеры в этих местах помешала им осуществить задуманное²³. Однако зимняя кампания уже шла по плану. Фрейтаг с отрядом численностью 7500 стрелков, 318 казаков, 200 драгун,

с 16 полевыми орудиями и шестью мортирами очистил от растительности дорогу по гойтским лесам (30 ноября – 11 декабря), проложенную им в 1845-1846 гг. Далее были сведены леса между Гойтой и Урус-Мартаном (15 декабря — 5 января), затем между Гойтой и р. Рошна (22 января — 7 февраля) и наконец между реками Шалаша и Нетки (14 февраля — 2 марта)²⁴. 18 декабря Фрейтаг осуществил рейд на аул Сайда Абдалы, мудира Малой Чечни, и разрушил его.

Завершив кампанию с потерей 62 человек убитыми и 548 ранеными, Фрейтаг вернулся в Грозную. Большая русская дорога стала безопасной, и к Урус-Мартану, где Воронцов намеревался летом поставить еще один редут, была проложена новая дорога. Кроме того, прямым следствием русских операций, начатых зимой 1845—1846 гг., стало переселение около 300 чеченских семей в окрестности русских крепостей²⁵. Воронцов писал Ермолову со свойственным ему оптимизмом:

«Можно сказать, что Малая Чечня в наших руках, а без нее Большая Чечня долго не продержится»²⁶.

Прелюдией летней кампании 1848 г. стал поход отряда Воронцова в составе 2500 человек, с которым он вышел из Грозной 19 июня 1848 г. Дойдя до Воздвиженской, он поставил на противоположном берегу Аргуна сторожевую башню для защиты построенного тут зимой моста²⁷. 13 августа Воронцов вышел из Воздвиженской с колонной, насчитывавшей 6600 человек пехоты, 800 казаков, 200 драгун, имея не менее 16 орудий, ракетные и саперные подразделения. Русские части в тот же день вышли к р. Урус-Мартан и 16 августа начали возводить новый редут. К 1 октября строительство было завершено.

Шамиль в то время находился в Дагестане, где русские начали боевые действия летней кампании. Он призвал чеченцев оказывать упорное сопротивление²⁸, а командование поручил кунбутскому наибу Абакару Дибиру. Для его операций в Малой Чечне со складов

имама в Новом Дарго было отправлено большое количество артиллерийских снарядов. Чеченцы, откликнувшись на призыв Шамиля, пытались всячески мешать строительству редута. Они постоянно обстреливали лагерь русских из пушек и ружей (причем русские тут, как и в Дагестане, постоянно отмечали удивительную меткость чеченских канониров), устраивали засады и нападали на обозы, отравляли источники, даже отводили воду Урус-Мартана и Рошны, чтобы лишить противника воды. Однако сорвать строительство дорог и укреплений они не смогли.

Но и русским всего задуманного осуществить не удалось. Ни завершение строительства редута, закрывшего разрыв между Воздвиженской и Ачхи, ни систематические вырубki леса и разрушение селений и аулов, ни уничтожение садов и полей, по признанию Воронцова, «не заставило покориться основную часть Малой Чечни». И хотя Воронцов полагал, что «почти все население желает этого»²⁹, результаты были для него огорчительными: большинство жителей лесных районов между русской линией и Сунжой предпочитало уходить на юг, за Черные горы.

В ходе зимней кампании 1848—1849 гг. Нестеров провел расчистку путей между Большой русской дорогой и Сунжой «без единого выстрела», что объяснялось в основном той причиной, что большая часть местного населения ушла именно на юг. Но некоторые жители под дулами русских пушек предпочли подчиниться³⁰. Хотя разрозненные стычки продолжались в течение всего года, проводя инспекционную поездку, Воронцов смог «пересечь всю Малую Чечню так, как если бы ехал по мирной земле»³¹.

Летом 1849 г. Нестеров возвел на берегу Аргуна вблизи Большого Чечана крепостную башню. Занимая командное положение на «лучшей и, возможно, единственной переправе, по которой могут проходить большие колонны с орудиями»³², эта башня сыграла важ-

ную роль в изоляции Малой Чечни от Большой и ее усмирении.

В период 2—30 декабря 1849 г. Нестеров с отрядом в 5000 пехотинцев и 600 конников и шестью пушками покорил общества Галаша и Карабулак³³. Однако их покорность была недолгой. Уже в январе—феврале следующего года командующему Верхнесунженской линией Слепцову пришлось дважды пресекать попытки — сначала Сайда Абдала³⁴, потом Хаджи-Мурата³⁵ — восстановить там правление Шамиля. После этого Слепцов принял ряд мер, чтобы упрочить русское правление в этих обществах и предотвратить просачивание туда «немирных» горцев. Эти меры включали в себя переселение из мелких аулов в крупные села, создание местной милиции и приведение дорог, ведущих на территорию Шамиля, в непроходимое состояние. Но все эти меры ни к чему не привели. «Окончательно усмирить Галашское общество удалось лишь после пленения Шамиля»³⁶.

Обстановка на равнине Малой Чечни была совсем иной. Чеченцы продолжали просачиваться в выселенные районы между Сунжой и Большой русской дорогой. Русские несколько раз проводили операции с целью вытеснить их оттуда³⁷. 13 октября 1850 г. они наконец переловили всех чеченцев и расселили их за Терек³⁸. Битва за равнинную часть Малой Чечни завершилась.

Шамиль прекрасно понимал смысл новой тактики русских. Много лет спустя он говорил, что зимой 1846 г. ему стало ясно: путем операций по зачистке «русские вступили на верный путь»³⁹. На тактическом уровне у Шамиля не нашлось чем нейтрализовать этот ход русских. В разные моменты он пробовал делать то одно, то другое, а поначалу просто запретил валить деревья (в случае необходимости это разрешалось делать лишь по его особому распоряжению⁴⁰) и стал чаще проводить набеги на Линию. В 1847-м и летом 1848-го гг. частота набегов возросла невероятно, «чеченцы не переставали подымать Линию в ружье»⁴¹. Но это были

всего лишь одномоментные удары, и проблемы в целом они не решали.

На стратегическом уровне Шамилю тоже все было ясно: без вмешательства извне со стороны какой-либо иностранной державы, предпочтительнее всего Османской империи, против России ему не устоять. В обозримом будущем он мог рассчитывать лишь на то, чтобы выиграть время, держа русских в постоянном напряжении путем прорывов за Линию и расширением своей территории или хотя бы организацией брожения за русскими кордонами. Это также отвлекало внимание русских, как и дагестанцев, от происходившего в Чечне. И в этом русские сами ему помогли.

Глава восемнадцатая

Центральный Дагестан

Нападение Шамиля в 1846 г. на Акушу и Цудакар заставили Воронцова присмотреться к Центральному Дагестану. Испытанное им некогда благодушие и убеждение, что «сражение под Кутишихом надолго отобьет у противника охоту еще раз попробовать крепость наших границ»¹, у наместника прошли, теперь он понял, что район этот совершенно не защищен от вторжения. Действия Абакара Хаджи в январе 1847 г. служили тому подтверждением. Воронцов решил все усилия в 1847 г. сосредоточить именно там, на строительстве оборонительной линии по реке Казикумухское Койсу. Николай I это решение одобрил.

В течение трех месяцев (май—июль) сверхсамонадеянный и сильно недооценивающий горцев Воронцов задумал захватить Гергебиль и построить там редут, снести Салты и Сугур, «по мере возможности и необходимости» разрушить Ириб. При благоприятных условиях Воронцов предполагал до конца июля «предпринять новый поход за реку Кара Койсу»².

Выбор Казикумухского Койсу Воронцов держал в секрете, что объясняется следующим: земли на правом (восточном) берегу считались самыми плодородными в крае, и отнять их у горцев означало усилить общую блокаду владений Шамиля³.

Другая тайна замысла, которую Воронцов, однако, про себя держать не стал, состояла в желании найти уголь; о признаках его присутствия было известно с 1843 г.⁴. Это потребовало размещения в Кумухе двух-

трех батальонов (вместо двух рот) и штаб-квартиры Самурского полка.

Русские держали все в строжайшей тайне⁵, но «шпионы Шамиля работали хорошо»⁶, имам это пронюхал и приказал усилить оборонительные сооружения всех своих владений и прежде всего — Гергебиля, Чоха и Салты. В середине февраля имам принародно сообщил, что «в нынешнем году не намерен проводить наступательные операции в самом Дагестане, что будет вести войну оборонительную, но защищаться будет всеми силами и до последнего вздоха»⁷.

Согласно первоначальным планам, штурмовать Гергебиль поручалось Бебутову. Вначале планировалось взять Гергебиль к 17 мая и начать строить там редут⁸. 22 мая Бебутов провел «разведку боем» и пришел к выводу, что «идти на штурм будет рискованно»⁹. Бебутов попросил у Аргутинского помощи, но тот под разными предлогами на подмогу товарищу по оружию не пошел¹⁰. Заставить Аргутинского двинуться на Гергебиль смог только Воронцов, прибывший 6 июня в Ходжалмахи. 13 июня Воронцов сам возглавил наступление на аул войска численностью 11—12 тысяч человек. В состав войска входили десять пехотных батальонов, рота снайперов, два драгунских эскадрона, три с половиной сотни казаков, 16 сотен милиции (пешей и конной), 12 пушек, две мортиры, ракетный взвод и взвод крепостной артиллерии.

Шамиль снова показал, как хорошо он усвоил уроки Ахульго. По данным русских, в его распоряжении было 11 тысяч бойцов. 700 человек он разместил в самом Гергебиле, 1000 — в окрестных садах, 2000 — в Салте, а 6000 пеших и 1000 конных бойцов развел по разным пунктам с целью нанесения ударов по коммуникациям русских. Сам Шамиль занял неприступную позицию вне стен Гергебиля, на противоположном берегу реки¹¹. Но скоро разразилась эпидемия холеры. Эта эпидемия свирепствовала и в 1848—1849 гг., мешая возвести

башню на р. Гойта, за строительство которой, как уже упоминалось, принимались несколько раз¹². В связи с эпидемией имам перегруппировал силы и увел своих воинов.

По прибытии на место русские ночью установили батареи и 14 июня начали обстрел аула, продолжавшийся весь день и всю ночь. Следующей ночью части Аргутинского беспрепятственно вошли в сады вокруг селения. Только позднее они узнали, что оборонявших сады горцев вытеснила эпидемия. Вечером 15 июня в стене, преграждавшей доступ в село, была пробита брешь, и Воронцов решил следующим утром начать штурм. Аргутинский, говорят, от такого решения пришел в уныние. «Скажу вам по чести, ломать комедию совсем не в моем вкусе»¹³, — жаловался он одному из своих офицеров, но Воронцову этого он не сказал.

В ходе боя выяснилось, что «все подробности фортификации, — как признался Волконский, — были хорошо известны нам давно, то есть еще в мае, но, к сожалению, не знали мы самого важного, что каждый дом представлял собой ловушку»¹⁴. «Плоские крыши ниже стоящих саклей были разобраны и покрыты тонким слоем хвороста, присыпанного землей»¹⁵, ~ сообщает Бадли. Редущие цепи штурмующих, к своему ужасу и под «дикий хохот» и брань горцев, падали в эти мышеловки.

Штурм стал, по словам Волконского, «провалом в буквальном смысле слова. Наш разгром был полным, потери — относительно невелики, но совершенно неожиданные и неслыханные»¹⁶. Два штурмовых батальона потеряли 125 убитыми и 432 ранеными, едва не половину своего состава, причем сразу всех офицеров. «Еще четыре дня делался вид, что штурм продолжается, но кроме беспорядочного артиллерийского огня ничего не предпринималось. Каждую ночь противник крадучись спускался с гор и изводил русские порядки до полного изнеможения»¹⁷. Наконец 20, июня Воронцов осуще-

ствил «наступательную передислокацию, а точнее сказать (как иронизировал Волконский), оборонительное отступление через Казикумухское Койсу»¹⁸. Горцы преследовали отступавших

русских по пятам, и те потеряли одного офицера убитым и 37 были ранены.

Главной причиной отступления Воронцов назвал заболевание в частях холерой, «проклятой болезнью, помешавшей нам разделаться с Гергебилем»¹⁹. Это, конечно, была чистая отговорка.

Уже 6 июня, приехав в Ходжалмахи, Воронцов узнал о заболевании холерой в частях Бебутова²⁰. Неделю спустя, когда подошел Аргутинский, эпидемия «сильно выкосила» части Бебутова²¹. К 15 июня были израсходованы почти все снаряды и бомбы (всего 1423), и «живая сила буквально таяла на глазах от холеры, других болезней и тягот». Но «оставить аул в целости и отступить означало бы показать горцам, что мы ослабели, это дурно подействовало бы на наши войска. Эту экспедицию потом в Петербурге не зачли бы князю Воронцову»²². Поэтому Воронцов, оценив редкий огонь со стороны аула как признак слабости противника, приказал идти на штурм. Еще до начала штурма выяснилось, что гарнизон в ауле значительно сильнее, чем казалось, пролом в стене горцы заделали и укрепили, но Воронцов все равно приказал штурмовать. Когда штурм был отбит, Воронцов «согласился, что повторный штурм невозможен. Тогда стояние под Гергебилем без боеприпасов стало бессмысленным, и решение об отходе оказалось неизбежным»²³.

Причиной отступления было то, что к тому времени у русских почти кончились боеприпасы и продовольствие, а доставить снабжение в горы раньше двух или трех недель было невозможно²⁴. Воронцов просто не мог не отступить.

Желая отметить год хоть каким-то успехом, Воронцов решил захватить Салту. На следующий день после возвращения из Гергебиля, 21 июня, он приказал

подготовить к 13 июля большие запасы продовольствия и боеприпасов, особенно артиллерийских снарядов и материалов для проведения осадных операций. На последующие пять недель соединения Бебутова и Аргутинского были разъединены и поставлены на отдых и пополнение. Между тем неподалеку от Улучара нашли уголь, а на Турчидаге — торф, что подсластило Воронцову горькую пилюлю Гергебиля²⁵.

6 августа наместник выступил на Салту, ведя 10 000 человек. В состав боевой группы входили восемь пехотных батальонов, две роты снайперов, драгунский эскадрон, две казачьи сотни, 1500 местных рекрутов (пеших и конных), 15 пушек (три тяжелых орудия), крепостные орудия, саперная рота и инженерный взвод. На следующий день русские подошли к селению. В ночь на 9-е они начали инженерные приготовления, а днем повели артиллерийский обстрел²⁶.

«Нет сомнения, что Шамиль каким-то образом узнал о наших намерениях, - писал русский летописец. - Одновременно с восстановительными работами в Гергебиле он усиленно укреплял Салту, куда скоро стали прибывать свежие силы горцев»²⁷. Всего, должно быть, у него набралось войск не меньше, чем в Гергебиле.

Шамиль занял позиции на командных высотах и беспрестанно вел по расположению русских ружейный и артиллерийский огонь. Защитники селения, а их было больше, чем в Гергебиле, сопротивлялись яростно. И те и другие по ночам совершали вылазки на позиции русских и разрушали инженерные сооружения. К удивлению русских, обороняющиеся «без особого труда ликвидировали угрозу минирования их укреплений». Они «были готовы к подземной войне и сумели выстоять», отразив все попытки заложить под стены взрывчатку²⁸.

Коцебу и Аргутинский затеяли спор относительно порядка дальнейших действий²⁹, втянули в него начальников, и те оказались в замешательстве, не зная,

что предпринять; генералам стало казаться, что сил для полного окружения противника недостаточно³⁰. Пути сообщения и снабжения постоянно находились под угрозой, и, как и под Ахульго, осаждающее русское войско само оказалось в положении осажденного. А гарнизон Салты тем временем сумел эвакуировать раненых и получить подкрепление и продовольствие из лагеря Шамиля. Так прошли четыре недели. Если инженерные работы еще как-то велись, то на всех других направлениях существенного продвижения не было. Состояние русских хорошо иллюстрирует такая картинка:

«...почти ежедневно... в определенный час противник... кидает по нашим позициям дюжину-другую снарядов и бомб; засим его музыканты, среди коих имеются наши дезертиры, играют нам отбой... Сей спектакль противник разыгрывал в тот момент, когда главнокомандующий Воронцов заканчивал свой обед»³¹.

Ситуация изменилась с прибытием 22 августа инженера Бюрно. Карл Иванович Бюрно, корсиканец по происхождению, начал службу в русской армии в 1820 г. в чине лейтенанта инженерной службы. Он участвовал во всех войнах и кампаниях того времени и приобрел богатый опыт. В 1844 г. он был переведен на Кавказ в чине генерал-майора³².

Воронцов надеялся, что «первый же обстрел аула внушит горцам благочестивую мысль о смирении и покорности»³³. Однако «надлежащая» бомбардировка селения 27 и 28 августа ничего подобного не принесла. Тогда генерал Бюрно предложил простую вещь — занять окружающие селение сады, чтобы отрезать осажденных от лагеря Шамиля. 3 сентября Бюрно повел 2000 человек на эти сады, занял их после трехдневных боев, в которых русские потеряли 143 убитыми и 212 ранеными, и укрепился на двух командных высотах³⁴.

Это круто изменило всю обстановку. Русские не только замкнули кольцо окружения, они вышли к ручью, снабжавшему селение водой. Бюрно предложил сливать в ручей нечистоты из отхожих мест, и сам руководил этой операцией 7 сентября, после чего пользоваться водой из ручья горцы уже не могли³⁵.

Подходы ко всем другим источникам находились под огнем русских, что и стало решающим фактором захвата Салты³⁶. Две следующие недели стали свидетелями тщетных попыток осажденных ночью пробраться за водой и провизией; выбить русских из садов им тоже не удалось.

Пополнив запасы пороха и снарядов, получив дополнительно несколько мортир и пушек, 18 сентября русские возобновили массированный обстрел селения, который продолжался три дня. 21-го русские бросились на штурм и после двенадцатичасового боя захватили несколько строений на южной окраине села. Но заплатить за это им пришлось дорогой ценой — 107 убитых и 323 раненых. Среди раненых был и Аргутинский. Воронцов, не ожидавший таких потерь, остановил штурм. Понадобилась еще неделя, чтобы подготовиться к новой атаке³⁷.

26 сентября начался новый штурм. Целый день длился ожесточенный бой, русские заняли половину аула. На этот раз они потеряли 246 убитыми и 943 ранеными. Ночью защитники аула пробились в лагерь Шамиля. На следующий день русские вошли в селение и приступили к его разрушению. 7 октября, сравняв Салту и Кудали с землей, Воронцов двинулся в обратный путь.

Еще во время летней кампании Воронцов принял решение объединить Северный и Южный Дагестан под одним командованием. Сразу по возвращении он назначил Аргутинского командующим нового района — Каспийской провинцией. Главой гражданской администрации он назначил Бебутова. Перед Аргутинским была поставлена задача в течение 1848 г. выполнить план

Воронцова: «овладеть Гергебилем и разрушить его», «на его месте или в окрестностях построить редут», «завершить сооружение защитной линии по реке Казикумухское Койсу (состоящей из намеченного к строительству форта в Гергебиле и уже строившихся редутов в Ходжалмахи и Цудакаре), возвести сторожевую башню на Сулаке у брода Мяртух и в случае любого посягательства противника на наши границы проводить наступательные операции всюду, где в том будет необходимость»³⁸.

План нового наступления на Гергебилю был уточнен во время инспекционной поездки Воронцова в Темир-Хан-Шуру 22—26 мая³⁹. Шамиль тем временем послал Хаджи-Мурата поправить укрепления Гергебиля и Чоха. Сделав это, наиб еще построил редут Улу-Кала около Уляба, что между Гергебилем и Кикуни. Завершив эти работы в середине апреля, Хаджи-Мурат пытался сорвать приготовления русских. Таким образом, всю весну в Дагестане, то в одном месте, то в другом, происходили тревожные события⁴⁰.

Аргутинский 17 июня вышел из Темир-Хан-Шуры⁴¹. 25-го подошел к Гергебилю, следом через два дня подошла его артиллерия. В этот раз под его командованием находилось 11—12 тысяч солдат, 52 орудия и пусковые установки ракет разного калибра. (Четырнадцать с половиной пехотных батальонов, два драгунских эскадрона, десять сотен конной и пять сотен пешей милиции.) Русские вышли на те же позиции, что занимали в предыдущем году, и 28 июня начали инженерную подготовку штурма⁴².

Шамиль тоже занял свои прежние позиции на той же вершине. Его войско с несколькими пушками (численность горцев едва ли достигала половины прошлогодней из-за летней кампании Воронцова в Чечне) рассредоточилось по окружающим высотам. Само селение обороняли 150 человек и два орудия.

Горцы действовали очень умело. В русских документах

постоянно встречаются указания на то, как метко стреляли их артиллеристы⁴³. Они занимали все командные высоты, могли «наблюдать всю местность, занятую нами», «так что поражать цели им не составляло труда». В среднем артиллерия горцев за день выпускала по противнику около 30 снарядов и бомб. Кроме того, горцы беспрестанно и «со всех сторон» обстреливали русских из стрелкового оружия. К тому же «значительные силы противника» занимали «с полной безнаказанностью окольные места и при всяком удобном случае атаковали наши коммуникации»⁴⁴.

Со своей стороны, Аргутинский, еще год назад критиковавший Воронцова и Коцебу за стремление начать штурм как можно скорее, ударился в другую крайность. Запись в дневнике одного русского офицера:

«Планы держатся в тайне даже от нас. Мы, кто должен приводить их в исполнение, редко знаем цель каждого шага и почти никогда не можем предвидеть действия следующего дня. Это ожидание и секретность... неизбежно порождают недовольство... Войска наши стоят без движения. Чего мы добились за шесть дней? Практически ничего»⁴⁵.

Только 5 июля Аргутинский предпринял действия, которые позволили бы занять сады на подступах к селению и окружающие его высоты. Операция проводилась обходным маневром и стоила «очень больших потерь»⁴⁶. Русские потеряли 55 убитыми, и 216 было ранено. «Селение теперь было окружено, но его защитники продолжали сопротивляться. Ночью... горцы переправились через Койсу, доставили в аул припасы и забрали раненых»⁴⁷. Каждый день русские теряли до 15 человек⁴⁸.

Следующие одиннадцать дней русские «не предпринимали никаких боевых действий, чтобы разбить или расстроить ряды врага, даже не вели обстрела аула»⁴⁹. У

Аргутинского «было свежо воспоминание прошлогоднего», бомбы он расходовал «бережливо»⁵⁰. Он «откладывал массированный обстрел аула, пока положение там не станет отчаянным»⁵¹. В действительности же ни у него, ни у других не было «ясного представления», «как закончить эту затею с Гергебилем»⁵².

Судьба аула решилась благодаря «чистой случайности»⁵³. Русские заметили, что резервуар с водой находился в одной из крепостных башен наружной стены. Аргутинский решил уничтожить резервуар и провел массированный обстрел селения. 18 июля 25 пушек и мортир за 18 часов обстрела выпустили по селению 5000 бомб, несколько снарядов попали в башню, и она рухнула.

Той же ночью горцы оставили Гергебиль. 19 июля русские вошли в аул, не встретив сопротивления, и за десять следующих дней сравняли его с землей. 26 июля части русских начали отступление, которое проходило в непрерывных стычках с горцами.

В 1848 г. Аргутинский «не смог провести наступление на Чох и Цугур, нужно было укреплять Аймаки». Воронцов ожидал, что он осуществит это в следующем году⁵⁴. По мнению наместника, «это особого труда не составит. Усиление тамошних гарнизонов также не требуется... Лучшие люди в Чохе — это наши переселенцы... они сумеют сами защитить себя. Что касается Цугура, тамошнее торговое общество сохранит нейтралитет и погодя... подчинится добровольно»⁵⁵.

Аргутинский этих надежд и планов явно не разделял. 17 июня он покинул Темир-Хан-Шуру с 9500 пехотинцев, 300 всадников, 2200 местных новобранцев и 38 орудиями⁵⁶. Чтобы выйти на ведущие к Чоху склоны Турчидага, ему потребовалось 12 дней. Еще столько же дней ушло на подтягивание артиллерии. Еще через десять дней, то есть спустя месяц после выхода из Темир-Хан-Шуры, стал он спускаться к Чоху. Такая медлительность Аргутинского объясняется накоплениям»

ем обязательных припасов и необходимостью мостить дороги для продвижения артиллерии, а также полным отсутствием у русских сведений об укреплениях Чоха. И не только этим. Аргутинский не испытывал никакого энтузиазма в проведении этой кампании, чем и объясняется все остальное.

Шамиль тоже не спешил к Чоху. Это обстоятельство русские истолковали так, что имам «считает фортификации Чоха и силы тамошнего гарнизона достаточными... и способными противостать нам самостоятельно». Сам Шамиль прибыл на место и стал лагерем за рекой 13 июля, и обе стороны еще целый месяц подтягивали свои силы. По данным русских, к середине августа в Чохе и окрестностях у Шамиля было около 10 тысяч бойцов⁵⁷.

17 июля, начав спуск к Чоху, русские встретили яростное сопротивление. Горцы «отступали медленно... прячась в высокой траве и за уступами террас, вели по нам прицельный огонь, поддержанный пушечным огнем из редута. В тот день мы потеряли человек 70, но противника почти не видели»⁵⁸.

Следующие 36 дней русскими велись только инженерные работы. Описание этого периода читается как копия донесений об осаде Гергебиля в предыдущем году: «Наш лагерь и наши позиции в целом были полностью открыты для пушек противника, а лагерь противника, большей частью скрытый горами, был досягаем только для ракетных снарядов». Окружить селение тоже было нельзя, «потому что Шамиль был на высотах за ним». Его «позиции со всех сторон были неприступны»⁵⁹. Как и в предыдущем году, горцы оборонялись очень активно, совершали рейды по тылам русских и вылазки.

«Но осаду необходимо было продолжать: во-первых, нельзя уходить, ничего не сделав; во-вторых, только осадой можно выяснить, возможно проведение штурма или нет»⁶⁰. Исходя из этого, Аргутинский решил «превратить Чох в руины, нанести по гарнизону

Шамилевых войск мощный удар смертоносным артиллерийским огнем и при благоприятном стечении обстоятельств овладеть редутом посредством штурма»⁶¹. 23 августа—3 сентября на аул было обрушено 22 тысячи снарядов и бомб, превратив его в груды развалин. Но сопротивление горцев оставалось по-прежнему упорным, и тогда Аргутинский решил вообще отказаться от штурма:

«Беря в соображение, что, с одной стороны, главная цель — разрушение редута — достигнута, а, с другой стороны, овладение окружающими высотами никаких преимуществ не дает и повлечет лишь большие потери, и что, наконец, банды Шамиля наказаны огромными потерями, я снял осаду Чоха»⁶².

4 октября Аргутинский вернулся на Турчидаг. Горцы преследовали его всю дорогу отступления, причем русские потеряли тут еще семь убитыми и 94 ранеными. За время всей кампании русские потеряли 104 убитыми и 581 ранеными.

Отступление от Чоха наложило на воронцовские планы в Центральном Дагестане печать поражения. Что касается результатов осады Чоха, то они «повторили бомбардировку Телетля в 1844 г.»⁶³ Но и успешную осаду Салты и Гергебиля никак нельзя приписать к успехам русских. Все эти операции показали другое: умение Шамиля использовать опыт Ахульго, высокую эффективность его оборонительных сооружений и решительность горцев.

После поражения под Гергебилем Воронцов это, по-видимому, осознал. Столь медленное, много медленнее против ожиданий, продвижение в Малой Чечне и кампания Даньяла в Чарталахе, очевидно, вынудили Воронцова обратиться к дипломатии. Муса Кундук [Кундуков], офицер русской армии из чеченцев, получил указание вступить в переговоры с Шамилем. Он

пишет: «Сначала переговоры шли успешно... Шамиль требовал независимости для горцев, находившихся тогда под его правлением. Князь Воронцов шел на это, исключая Малую Чечню». Но потом, вероятно, вследствие вето Петербурга на это условие, под каким-то предлогом переговоры были прерваны⁶⁴.

Неудача с переговорами не оставила наместнику ничего другого, как только вернуться на поле боя. Его престиж как военачальника был под вопросом, и он настоял на повторной осаде Гергебиля. Изначально, еще в 1847-м, Воронцов мечтал заставить Шамиля «с лихвой заплатить за скорбные события 1843 г., когда тот на глазах наших войск разгромил наш гергебильский гарнизон»⁶⁵. Его мучило желание вновь захватить этот аул. Даже «уничтожение Салты и всего гарнизона горцев на глазах Шамиля», представленное наместнику как «тяжелый удар по влиянию имама»⁶⁶, не служило ему утешением. Слова Воронцова о стратегическом значении Гергебиля⁶⁷ — чистая уловка. Еще во время осады Гергебиля 1847 г. было решено поставить редут Аймаки. Мало сказать, что захват Гергебиля вовсе не обуславливает строительства редута Аймаки, этот редут лучше блокировал проход на российскую территорию. Совершенно очевидно, что и сооружение редута вовсе не требовало захвата Гергебиля.

Таким образом, даже если бы Воронцов добился своей цели, три года (вместо трех месяцев) напряженных усилий, 4444 убитых и раненых только в ходе боевых действий, затрата большой суммы денег, военного снаряжения и припасов кажутся ценой слишком высокой. Ухлопать все это ради того, чтобы разрушить три аула, которые вскоре после ухода русских были восстановлены и снова укреплены, — значило пустить все по ветру⁶⁹. Более того, возвращаясь теперь к описанным событиям, можно назвать это двойной потерей; направь это все в Чечню, русские могли бы добиться куда лучших для себя результатов.

В своих донесениях и письмах Воронцов подчеркивает психологический эффект своих операций, которые «без единого исключения кончались поражением и позором» Шамиля⁷⁰. В частности, он утверждает, что падение Салты и Гергебиля повлекло за собой ссору Шамиля с Кибид Мухаммедом и разногласия между имамом и Даньялом⁷¹. По мнению наместника, поражение Шамиля ощущалось в робких попытках горских обществ, например Гимры и Харакани⁷², а также султана Даньяла⁷³, наладить сношения с русскими.

Однако эти контакты ни к чему не привели, а что касается Даньяла, то контакты с ним были ничуть не лучше всех других. Если вести речь о психологическом эффекте, то даже с учетом Чоха горцы не считали, что потерпели сокрушительное поражение, и были в том совершенно правы. Они, наоборот, полагали, что показали себя серьезным противником, столкновение с которым очень опасно. Кампании нисколько не поколебали положение Шамиля в горах. Его авторитет в глазах мусульманского населения края становился все выше и выше⁷⁴.

Таким образом, с позиции Шамиля, несмотря на Чох, все кампании Воронцова пришлось как нельзя более кстати. Они полностью отвлекли горские народы от собственных проблем и оставили на втором плане успехи русских в Чечне. Если подвести окончательный итог, то престиж Шамиля и моральный дух его сторонников повышались и крепились. Снова русские «действовали как лучшие друзья Шамиля»⁷⁵. К тому же имам не упускал случая наносить контрудары.

Глава девятнадцатая

На юге

Свои контрудары Шамиль нацеливал на Южный и Центральный Дагестан — «мягкое подбрюшье» обороны русских. Зимой 1847 г. его наибы особенно активно действовали в Кумухе и Акуше¹. Их вылазки в сочетании с ширящимися слухами о намерениях имама делали жизнь русских несносной:

«Дня не проходило, чтобы лазутчики не приносили из непокорных горских обществ сведений о воинственных намерениях Шамиля. Это все побуждало нас принимать превентивные меры и гонять батальоны с места на место»².

Но главные события того года разворачивались на юге. В начале 1847 г. положение вдоль Лезгинской линии и в Чарталахе во многих отношениях напоминало ситуацию в Чечне 1840 г. До 1844 г. «трех пехотных батальонов было достаточно для охраны кордона и для поддержания в области спокойствия и мира»³. Но в том году Даньял, султан Элису, перешел на сторону Шамиля, и все там круто переменилось.

Даньял, с 1831 г. правитель маленького княжества⁴, оседлавшего Главный Кавказский хребет⁵, пользовался авторитетом и влиянием, выходящими далеко за пределы его крошечного владения. Следуя примеру своего отца и старшего брата, из рук которого он получил владение, он был лоялен к русским властям, исполнял их просьбы и даже много раз направлял к ним на

службу милицию. И, подобно всем местным властителям, на всякий случай поддерживал тайные связи с Шамилем, контакты с которым начались в 1841 г., после ограничений власти Даньяла, что случилось в сентябре 1840 г.⁶

За верность русские присвоили Даньялу звание генерал-майора. Но в остальном, подобно другим местным правителям, сохранявшим верность русским, он испытывал унижение и даже терпел убытки⁷. В 1840 г. его подчинили командующему Чарталахского района, значительно урезав его права. Просьбы Даньяла вернуть их остались без ответа⁸.

Когда командовать в Чарталахе был прислан Шварц, Даньялу стало совсем плохо. Кавалерийский офицер Григорий Ефимович Шварц был одним из тех русских военных, для кого война на Кавказе была своего рода спортом. Поступив на армейскую службу в 1803 г., в 1840-м он был направлен на Кавказ и в 1842-м заменил Фрейтага на должности командующего Лезгинской линией. Очень скоро Шварц невзлюбил Даньяла, и эта неприязнь была не столько политической, сколько сугубо личной⁹.

С отъездом Головина Даньял лишился последнего покровителя. Русские власти на Кавказе явно стали искать предлог совсем избавиться от Даньяла и захватить его владения¹⁰. Летом 1844 г. произошло событие, которое Бадли приводит как «пример чудовищной русской спеси и глупости»¹¹: русские в Элису направили особого человека, чтобы вывести султана из себя и создать предлог для репрессий.

Дело пошло как по-писаному. По данным русских источников, 16 июня в главной мечети своего султаната Даньял присягнул на верность Шамилю¹². Однако содержание письма султана Даньяла на имя Нейдгардта¹³ этому явно противоречит. В своем письме султан перечисляет свои и своих предков заслуги перед русскими, жалуется на плохое обращение и предупреждает

генерала, что отныне согласен служить только при условии, если ему вернут отобранные у него права.

Но у Нейдгардта и Шварца, получивших желанный предлог, не было ни малейшего желания вступать с султаном в переговоры. Шварц решил арестовать султана и под предлогом решения вопроса об участии милиции Элису в предстоявшей операции вызвал 17 июня Даньяла в Закаталы.

Но султан к нему не поехал. Вместо этого он послал генералу письмо, в котором говорилось, что он отказывается оказывать услуги, пока не удовлетворят его просьбы. Только в таком случае, писал Даньял, «я, как раньше, буду верой и правдой служить правительству. Только тогда на моей земле все будет спокойно»¹⁴.

Уже на следующий день, 18 июня, Шварц вышел с отрядом из Закаталы, 20-го вступил в пределы султаната и завязал перестрелку с милицией Даньяла. На этом месте он простоял 5 дней в ожидании подкрепления. 25 июня он двинулся дальше и под Агатаем разбил трехтысячное войско Даньяла. Тут русские стали лагерем еще на 8 дней.

3 июля Шварц двинулся на Элису и взял город штурмом. Даньял яростно сопротивлялся, но вынужден был бежать в горы и стал наибом Шамиля. 8 августа в ауле Нах русские учредили свою администрацию. Элису полностью разрушили, городская мечеть осталась единственным нетронутым зданием. Маленький султанат стал административной частью области Чарталах.

Переход Даньяла к Шамилю, возможно, не нанес русским такого ущерба, как бегство Хаджи-Мурата, но все же принес известную пользу Шамилю хотя бы тем, что лишний раз подтвердил, как русские способны «отблагодарить» своих друзей. По отзывам самого Шамиля, Даньял «был плохим бойцом, но хорошим советником»¹⁵, в лагере имама никто лучше его не разбирался в русской, и международной политике. Хотя

очень скоро на Даньяла пало подозрение в связях с русскими, к его советам очень прислушивались.

В апреле 1845 г., по прибытии в Тифлис нового сардара, Даньял вышел на него и спросил, на каких условиях он мог бы снова перейти в русский лагерь. После консультации с Петербургом наместник ответил Даньялу, что ему обещана государственная пенсия и разрешение остаться жить на Кавказе. Но Даньялу отказывали в том, чего ему хотелось больше всего, — в восстановлении в правах в качестве султана Элису. Эти переговоры результатов не дали¹⁶. В дальнейшем Даньял время от времени вступал в переговоры с русскими властями, но безрезультатно. Как и в случае его связи с Шамилем в период до 1844 г., эти контакты, очевидно, не были рассчитаны на достижение каких-то целей, а служили скорее прощупыванием намерений России.

Самым большим вкладом Даньяла в дело Шамиля было то, что он «на долгие годы обеспечил Шамилю преданность всего Южного Дагестана»¹⁷. Связи султана со своими бывшими подданными обеспечивали имаму неиссякаемый резерв лазутчиков и гонцов¹⁸.

После бегства Даньяла «наше положение на Лезгинской линии стало значительно более трудным и угрожающим»¹⁹. За три года правления Шварца терпение местного населения оказалось исчерпанным, а частые рейды русских по горным аулам, не принося им какой-либо реальной пользы, только усиливали враждебность местных горских обществ. «Основные общества — Дидо, Анцух, Капуча и Джурмут — [до 1847 г.] признавали свою зависимость от нас, допуская к себе наших приставов. И хотя не упускали возможности выйти из этой зависимости, вели с нами тайную войну и совершали набеги, все же заверяли в своей дружбе и верности. После 47-го года мы потеряли даже их, вместо зависимых и, так сказать, усмиренных племен мы получили еще одного военного противника»²⁰, — писал Волконский.

Недовольство русскими в области росло, ширились

беспорядки. В крае множились «банды разбойников» из горцев и беглых равнинных крестьян. Они скрывались в лесах, часть

населения оказывала им помощь и поддержку. В конце 1846 г. из-за них «дороги края стали настолько опасными для передвижения, что русские могли ступать на них не иначе, как только группами по 30—40 человек»²¹.

В январе 1847 г. негодование горцев возросло до того, что жители Чара, Белоканы и Элису послали к Шамилю делегацию с просьбой о помощи. Они обещали имаму поднять восстание, как только он спустится с гор²². В ответ на это обращение Шамиль поручил Даньялу начать в этом направлении наступательную операцию. Здесь имам преследовал сразу несколько целей: отвлечь внимание русских (и своих людей тоже) от Чечни; сорвать приготовление русских к новой летней кампании в Дагестане; упрочить свое влияние среди дагестанских обществ в Алазанской долине; доставить приятное Даньялу, страстно мечтавшему вернуть свое владение.

13 мая горское войско под командованием Даньяла, Аддала Махмудшвили и Шабана сконцентрировалось против Лезгинской линии. 16 мая Даньял вступил в пределы Элису, Аддал взял Белоканы, Шабан навис над правым флангом Линии²³. Местная милиция либо переходила на сторону горцев, либо разбежалась. Несмотря на стремление русских все это держать в секрете, по словам Волконского, «даже в самых глухих селениях знали о происходившем и как никогда были готовы к выступлению». Весь край и область Нухва «колебался в преданности нам»²⁴.

Русские были застигнуты врасплох. Шварц и его заместитель Бюрно кинулись поднимать в ружье разбросанные по аулам части. Собрав их в кулак, они столкнулись с тактикой горцев, применявшейся в начале 40-х годов. «Мне надо было быть всюду и одновременно, — писал Шварц, — но непрерывное перемещение, схватки и поддержание боеготовности до того

измотали людей и коней, что едва ли не все оказались бессильными шевельнуть хотя бы одним членом». И далее:

«Я совершенно не в состоянии вытеснить противника из района Белоканы. Стоит мне двинуться, разбойники исчезают; перекрыть все горные тропы невозможно; это означало бы распыление своих сил безо всякой от того пользы; противник укроется в лесах, а местные не только будут его кормить, они вольются в его ряды»²⁵.

Пришло сообщение, что на помощь Даньялу идет Хаджи-Мурат, и положение еще больше осложнилось. Шварц прямо обратился к Аргутинскому с просьбой прислать ему подкрепление²⁶. Но тот считал (или просто сделал вид), что действия Даньяла — не что иное, как отвлекающий маневр перед намерением горцев нанести удар по Кумуху. Он нашел и другие отговорки, чтобы не идти на выручку Шварцу, и когда наконец отправился, наступление Даньяла было уже остановлено²⁷.

9 июня Даньял ушел за Кавказский хребет. Впоследствии он говорил, что «целью нашего похода в Грузию было не столько побить русских, сколько увести отары овец наших обществ, что нам полностью удалось»²⁸. Однако нет сомнения, что намерения Даньяла шли намного дальше.

Алазанская долина в 1847 г. как театр боевых действий, а также по характеру населения и своеобразию обстановки представляла собой нечто иное, чеченские события 1840—1841 гг. воспроизвестись там заново не могли. По части военного таланта Даньял, Аддал и Шабан тоже не шли ни в какое сравнение с Шамилем, Ахбирди Мухаммедом и Хаджи-Муратом. А главное, Чарталах, в отличие от Чечни, оставался для Шамиля (как и для русских) направлением второстепенным. Потому имам и не участвовал в этом походе лично.

Когда стало ясно, что этот поход не препятствует приготовлениям русских в Дагестане и проку от него мало, Шамиль потерял к нему всякий интерес и тут же отозвал Даньяла назад.

Но боевые действия на этом не кончились. Разрозненные стычки продолжались то в одном месте, то в другом до октября, пока выпавший в горах снег не перекрыл дороги. А в период 26 сентября — 3 октября горцы провели наступательную операцию сразу по трем направлениям²⁹.

В ноябре 1847-го г., после падения Салтаха, Шамиль намеревался провести боевые действия в Казикумухе. Он даже призывал население восстать³⁰ и захватить Цудакар. Но зимняя кампания русских вынудила его уйти из Чечни³¹. В 1848 г., после падения Гергебиля, Шамиль снова обратился к югу. 17 сентября Даньял «внезапно» напал на Калу.

Осада и оборона Ахты вошла в скрижали военной истории России. Эта героическая эпопея получила самую широкую огласку, на ней воспитывались поколения офицеров и солдат. Поэтому осаде Ахты и всей кампании в верховье Самура посвящены целые библиотеки. В противоположность русским, западные наблюдатели этому событию особого значения не придали³².

Следом за Даньялом три отряда горцев двинулись на Амсар, Лучек и Ихрек. Всего, по данным русских, численность горских отрядов составляла 12 000 человек. «Мы сами в то время не могли собрать в Дагестане такую массу войск, и Шамиль, конечно, это знал», — пишет Волконский. 18 сентября горцы подошли к Каху. «Наша местная милиция стала постепенно разбегаться, покидая охраняемые объекты»³³. 20 сентября командующий Самурским районом Рот попытался провести разведывательную операцию в верхнем течении Самура, но его выбили оттуда, и он заперся в редуте Ауты.

Примерно в это время Даньял сообщил Шамилю,

что жители «Ахты и других селений края хотят перейти к нам и приглашают нас, а многие... уже перешли к нам». Короче говоря, продолжал он, «народ очень хочет, чтобы ты пришел сюда»³⁴

24 сентября имам действительно приехал в Рутул. На следующий день Даньял вступил в аул Ахты, 26 сен-

тября горцы обложили соседствующий с Ахты редут Тифлисское, взяли его штурмом, а гарнизон перебили.

Впоследствии из положения тел погибших русские пришли к выводу, что они погибли при попытке отступить³⁵. Лишь двум солдатам удалось спастись и укрыться в Хазрах.

Таким образом, «весь Рутул и махальство Докузпари оказались в руках мюридов, вышедших теперь на границы Курахского ханства и Кубахской области»³⁶.

Нападение Шамиля было полной неожиданностью для местного командования и для Тифлиса. «Никто даже не думал, — утверждает Воронцов, — что имам дерзнет на серьезное предприятие в этом разрыве» русской обороны, и никто не верил, что имам «способен еще поднять сколько-нибудь значительное количество душ»³⁷. Реакция русских была такой же, каковой была в подобных случаях раньше: Шварц «пресек»³⁸ «распространение слухов» о намерениях Шамиля³⁹, а под конец «решил помочь Аргутинскому, когда тому никакой помощи уже не требовалось»⁴⁰. Комендант Шемахи Врангель вызвал подкрепление, которое прибыло через два дня после окончания драмы⁴¹. Комендант Дербента Гагарин, узнав о том, что Хаджи-Мурат подходит к Хазре, послал к Кирку, аулу в десяти километрах от того селения, сводный батальон с приказом «сделать пару пушечных выстрелов, чтобы дать знать гарнизону Хазре, его жителям и неприятелю о своем присутствии, и вернуться в Курах»⁴².

Аргутинский, в ведении которого был редут Ахты, действовал с «невообразимой медлительностью»⁴³. Получив 20 сентября сообщение о наступлении Шамиля, он стал ждать официального доклада от Рота (он поступил на следующий день) и выступил из Темир-Хан-Шуры только 22-го. Он двигался к Кураxu неспешно и подошел туда с отрядом в 7000 штыков, с 400 всадниками и 10 пушками 29 сентября. Трудно отделаться от впечатления, что все ожидали скорого паде-

ния редута Ахты и старались находиться от него подальше в момент, когда это произойдет.

Горцы подвергли редут тяжелому обстрелу; взлетел на воздух склад боеприпасов, быстро таяли запасы воды и продовольствия, но гарнизон, с каждым часом слабея, упорно сопротивлялся. Душой героической обороны редута был капитан Новоселов, принявший на себя командование, когда был ранен Рот; причем Новоселов добровольно вернулся в строй, хотя сам еще не совсем оправился после тяжелейшего ранения. По всей видимости, не ранение было причиной тому, что Рот сдал командование другому. Очевидно, на него подействовал мастерский удар Шамиля, который пообещал отдать дочь Рота первому, кто ворвется в крепость, о чем и известил Рота через своих людей.

30 сентября Аргутинский вышел на хребет, возвышавшийся над редутом, но не счел возможным подойти к нему с этой стороны. Он решил отойти назад, прекрасно понимая, что такой шаг, напоминаящий его тактику в сражении под Гергебилем в 1843-м, станет смертельным ударом для защитников редута и подорвет боевой дух его собственного соединения. Но гарнизон редута в порыве отчаяния решил драться до последнего и в крайнем случае взорвать крепость. (За 8 дней осады гарнизон потерял 91 убитого и 150 раненых, почти половину — 48 процентов первоначального состава.)

Аргутинский, по всей видимости, оставил надежду спасти свой редут. «Кажется, я потерял здесь все, что сумел сделать за шесть лет, — сказал он одному офицеру, и добавил: — Теперь войсковая колонна наше отечество»⁴⁴. Не торопясь, он выстроил колонну в боевом порядке между Курахом и Ахты, усилив ее местной милицией численностью порядка четырех-пяти тысяч человек⁴⁵.

Только 2 октября, узнав накануне, что редут еще продолжает оказывать противнику сопротивление, Аргутинский решил действовать. Окружным путем, через Кабир, он двинулся на Цукул, куда подошел 3 октября.

На следующий день он атаковал позиции горцев у Мескинджи. Здесь у Шамиля было сконцентрировано 7000 бойцов под командованием Кибид Мухаммеда, Даньяла и Хаджи-Мурата, чтобы помешать русским пройти к редуту Ахты. Аргутинский прорвал оборону горцев, подошел к редуту, и Шамиль сразу отступил в горы.

После этого Аргутинский прошелся по Самуру с огнем и мечом. Он приказал расстреливать и брать на штыки всех, кто был на стороне Шамиля; селения, не поспешившие заявить о своей верности русским, по его приказу подвергались разграблению⁴⁶.

Воронцов писал:

«Главной ошибкой Шамиля (и не в первый раз) была его надежда, что население, как то, к которому он прямо обратился с призывом, так и соседние общества, не просто восстанет против нас, но будет ему содействовать. Приглашения к нему шли от людей, настроенных против нас, но не оказавших ему на месте содействия. Так было с ним в Кабарде, потом на Кумыкской равнине, дважды в Акуше и вот теперь на Самуре»⁴⁷.

Это, в сущности, верное утверждение, однако вольно или невольно оставляет без внимания тот факт, что «надежда» Шамиля основывалась на знании реальной действительности. Мало сказать, что местное население широко сотрудничало с Шамилем, но именно это сотрудничество и привело русских (и лично Аргутинского) на грань катастрофы, что, кстати, подтверждают жестокие карательные меры Аргутинского.

Что касается соседних горских обществ, то население Кураха «ждало лишь малого успеха мюридов, чтобы перейти на их сторону»⁴⁸. Рекруты из местных то и дело отказывались сражаться с горцами. 1500 кубахских милиционеров разбежались без единого выстрела при появлении дюжины всадников, прокричавших «Хаджи-Мурат!»⁴⁹.

В отличие от Кабарды и Акуши, в этот раз на тактику Шамиля действия русского генерала влияния не оказали⁵⁰. Продвижению горцев скорее помешало геройское сопротивление гарнизона Ахди. Его широкая слава поэтому совершенно заслужена, хотя славой русского солдата постарались прикрыть дела, которые вовсе не украшают Кавказский корпус.

Помимо поведения генералов, беспорядок и путаница в войсках были такими, что было «невозможно понять», из чего состоял гарнизон Тифлисского, «то ли там стояли разные части, то ли это была одна команда. Также не было возможности выяснить, сколько там было человек и из каких частей. На последние вопросы не находилось ответа еще и потому, что редут Тифлисское не значился в реестре 1848 года укреплённых пунктов с гарнизоном из состава кавказской пехоты»⁵¹. Но все скрыть не удалось, и нужен был козел отпущения. У Шварца, командовавшего ближе всех находившимися силами, были приемлемые объяснения, почему он не подошел на помощь. Кроме того, он ходил у Воронцова в фаворитах⁵². Поэтому все, включая Шварца, стали указывать на другого фаворита Воронцова — Бюрно. Этот генерал занимался строительством дороги в Ахты, и у него была всего тысяча солдат, без кавалерии и артиллерии. Лагерь Бюрно стоял под Борчем. Понимая, что против горцев с такими силами ему не выстоять, 25 сентября, т. е. в тот день, когда Даньял вступил в Ахты и начал осаду редута, он отошел. Теперь все дружно стали пенять Бюрно за «грубый промах», открывший путь Шамилю, который после этого мог не опасаться удара с тыла или во фланг. Больше того, теперь стали говорить, что отход Бюрно отдал в руки горцев район Шемахи и Белокан, что помешало Шварцу прийти на помощь Ахты. Не помогло осторожному Бюрно и то, что решение об отходе было принято на совете старших офицеров. Все его объяснения были отклонены как «дурацкие отговорки». Его отдали под

суд военного трибунала, и хотя суд виновным его не признал, генерала все же отправили в отставку⁵³.

Следующие пять лет Шамиль не предпринимал больших кампаний на юге. Это не означает, однако, что на Лезгинской линии было затишье. В 1848 г. горцы продолжали совершать небольшие набеги, причиняя грузинам «горестный ущерб»⁵⁴ и вынуждая Шварца все время пребывать в движении⁵⁵.

В конце того же года Шварц был смещен и отдан под суд военного трибунала. Его обвинили и признали виновным в убийстве одного казака при расследовании кражи из его сейфа (в этой краже подозревали и самого Шварца)⁵⁶. Его преемник Чиляев [Чилишвили] рвался в бой и не хотел сидеть без дела.

«В конце 1848 г., когда командование принял генерал Чиляев, выяснилось, что примерное поведение жителей, уже привыкших к тому, что они избегли наказания за вероломство и уступки влиянию мюридизма, отнюдь не дает нам основания полагаться на их верность, особенно в случаях крайнего свойства. Чтобы держать их в повиновении, требовались суровые меры, и надо отдать должное генералу Чиляеву, он тут не сплеховал»⁵⁷.

Последовавшая активизация боевых действий⁵⁸ дала Чиляеву основание говорить о «необходимости» наступательной операции:

«Чиляев предпринял поход на общество Дидо. Главное селение общества Дидо, аул Купро, оставленный жителями, был занят и сожжен после нескольких выстрелов, произведенных не столь по необходимости, сколь для очистки совести. Таким манером покрыв себя славой, Чиляев повернул обратно. Верные своим правилам горцы стали упорно его преследовать, и отряд потерял более сотни

человек. Чиляев же послал командиру корпуса Воронцову отчет об экспедиции, в котором докладывал, что штурмом овладел Купро и что потери противника составили 500 человек. Но правда всплыла наружу, и Чиляеву был объявлен строгий выговор за преувеличения»⁵⁹.

Совершенно естественно, что этот поход русских не остановил горцев, и они весь год продолжали набеги на равнинные районы⁶⁰.

20 мая 1850 г. Шабан, один из Шамилевых наибов на Лезгинской линии, заманил в засаду отряд грузинской милиции в 200 человек и всех их истребил (только 14 были взяты в плен, и всего несколькими удалось спастись)⁶¹. Воронцов крепко отчитал Чиляева за этот инцидент, хотя тот был совсем не виноват: он находился тогда на лечении в Пятигорске. Вернулся Чиляев только в ноябре и лишь для того, чтобы умереть от тяжелой простуды⁶².

На некоторое время Чиляева сменил Бельгард. Он предложил летом провести против горцев операцию, на что получил согласие Воронцова, который, по всей видимости, подумывал о том, чтобы захватить Ириб. Во время этой кампании Бельгард и его помощники Давыдов и Меликов — все протеже Воронцова — не упустили ни одной ошибки, не миновали ни одного просчета⁶³. Большой беды русские избежали только потому, что Шамиль со своими помощниками был занят в другом месте⁶⁴.

Только в 1851 г. на Лезгинскую линию пришло затишье. Главной причиной тому стал новый командующий князь Григорий Орбелян⁶⁵, который не гнался за легкой славой.

Глава двадцатая

Большая Чечня

Получая в 1845 г. назначение на Кавказ, Воронцов принимал его не без колебаний. В конце концов ему было уже 63 года, и здоровьем князь похвастаться не мог¹. К тому же Воронцов хорошо знал, что император к нему не особенно благоволит и даже недолголюбивает. Поэтому надолго задерживаться не рассчитывал и надеялся к своей отставке за пару-тройку лет покорить Дагестан с Чечней.

В этом кроется одна из причин его сверхсамонадеянных планов проведения операций в Малой Чечне и Дагестане в 1846—1847 гг. Однако в июне 1847 г. он уже понимал, что усмирение края — процесс длительный, и не хотел «оставлять Кавказ без принятия мер, кои принесут ему мир и приведут его в лучшее, нежели прежнее, состояние»².

В апреле 1848 г. эта более скромная цель казалась ему в пределах досягаемости. «Смею думать, — писал Воронцов Ермолову, — что уже видны результаты настойчивого соблюдения предложенного мною порядка действий. Надеюсь, что в будущем году эти результаты станут более различимы»³. По-видимому, он намеревался летом 1849 г. отправиться в Петербург и лично доложить царю о своих достижениях. Воронцов надеялся

при этом уйти в отставку и хотел сделать это достойно. Ему казалось, что обстановка улучшилась до такой степени, при которой «смена принципала не приведет к таким изменениям, какие возвратили бы все к прежним сомнениям»⁴.

Воронцов приехал в Петербург 21 июня и в тот же день был принят царем. Две с половиной недели спустя он последовал за царем в Варшаву, где трижды (7, 9 и 14 августа) беседовал с Николаем I и наследником Александром. Царь «во всем [со мной] соглашался и был любезен»⁵.

6 ноября Воронцов возвратился в Тифлис продолжать начатое. Русские почти совсем оставили планы продвижения в Дагестан (хотя есть немало признаков того, что Воронцов время от времени подумывал о захвате Чоха и даже Ириба⁶), все внимание было сосредоточено на Чечне. Это означало перемещение центра тяжести боевых операций на Большую Чечню. Весь 1850 год прошел под этим знаком.

За период 22 января — 7 марта Нестеров силами 15 тысяч человек проложил сквозь леса широкую просеку из окрестностей Шали в самое сердце Большой Чечни — в направлении Ведено, иначе Нового Дарго, основного места пребывания Шамиля с 1845 г. Тот лично руководил яростным сопротивлением горцев, набрав для этого в Дагестане рекрутов. Произошли десятки местных боев, а 31 января, 1 и 18 февраля стороны сошлись в крупных сражениях. Сколь ожесточенным было сопротивление горцев, можно судить по потерям русских — ежедневно по 10—15 человек, не считая жертв больших сражений. (Так, в сражении 1 февраля русские потеряли 40 человек убитыми и 200 ранеными⁷.) Как только русские ушли из лесов, Шамиль перекрыл просеку траншеей длиной 1600 метров и глинобитной стеной, где разместил под командованием Талгика гарнизон в 500 человек с пушкой.

Дальнейшие планомерные действия русских остановились сначала из-за психического расстройства Нестерова⁹, потом по причине приезда цесаревича Александра¹⁰. Так что до конца года происходили местные бои, правда, за одним исключением.

Во время инспекционной поездки на Левый фланг

30 июня — 3 июля 1850 г. Воронцов дал Козловскому, временно замещавшему заболевшего Нестерова, указание расчистить лес между речкой Мичик и Качкалыкским хребтом. Это был преступный приказ, исполнение которого даже русский автор назвал ошибкой¹¹. Но Козловский беспрекословно повиновался и 13 августа— 16 сентября выполнял этот приказ, неся ужасные потери. Его небольшое соединение, насчитывавшее 2500 человек пехоты, 800 кавалеристов и три пушки, «таяло на глазах», и его положение «день ото дня становилось все безысходнее»¹².

Козловский обратился в ближайшие гарнизоны с мольбой прислать подкрепление или отвлечь горцев на себя, но ему отказали, сославшись на приготовления к встрече цесаревича. Отказали все, кроме Слепцова, который во главе 700 казаков прошел всю Малую Чечню и 3 сентября атаковал траншею Шамиля в лесу под Шали¹³.

Этот дерзкий и успешный рейд (в ходе его русские потеряли всего 17 убитыми и 47 ранеными) затмил все другие кавказские события того года. Он «привел в возбуждение общественную мысль и столичную печать»¹⁴; Слепцова должным образом наградили и произвели в генерал-майоры, хотя этот славный поход он совершил по собственной инициативе, скрыв свое намерение от начальства и даже введя его в заблуждение. Смелый рейд произвел впечатление и на горцев — на всем обратном пути по Малой Чечне жители как подчиненных, так и свободных селений встречали Слепцова приветствиями и поздравлениями¹⁵. Но этим результаты операции и ограничились. Она запоздала в помощи Козловскому, а Шамиль оборонительные сооружения на просеке тут же восстановил, так что на следующий год русским пришлось брать их заново.

Визит цесаревича Александра благополучно завершился, и русские могли вернуться к делам на поле боя. Уже в августе 1850 г. Воронцов и Нестеров разработали

план зимней кампании в Чечне¹⁶. Но Нестеров снова впал в безумие, и претворять план в жизнь опять пришлось Козловскому. С 13 января по 12 марта 1851 г. он возглавлял соединение в составе 16 000 пехотинцев, 1600 кавалеристов и 24 пушек, сводившее леса по реке Аргун вблизи Шали¹⁷. Примерно в то же время, 30 декабря — 8 февраля, Слепцов проводил аналогичные операции в верховье Сунжи¹⁸. Затем до 20 мая он мостил дорогу между Алхан-Юртом и Урус-Мартаном.

Шамиль оказывал яростное сопротивление. В начале 1851 г. он стянул к Шали большие силы и укрепил оборонительные сооружения¹⁹. В дополнение к своим обычным «беспокоящим» операциям имам 4 февраля лично руководил сражением против Козловского, затем послал Хаджи-Мурата нанести фланговый удар по группировке Козловского или Слепцова²⁰. Но самое важное событие, оставленное русскими исследователями практически без внимания²¹, случилось за день до окончания зимней кампании.

Не имея сил помешать русским методично прокладывать себе путь к завоеванию Кавказа, Шамиль решил в первый и единственный раз использовать *низам джадид* — части регулярной пехоты, которые он в течение нескольких лет создавал, как он сам писал об этом, по образу и подобию османских (и Мухаммеда Али) частей *низам-и чедид*²². 11 марта он вывел эти части численностью 5—6 тысяч человек, чтобы остановить продвижение русских. Но, как во всех случаях строительства войск на европейский манер без европейского командного и сержантского состава, они оказались небоеспособными. Барятинский, под началом которого было 4500 пехотинцев, 1600 кавалеристов и 24 пушки, наголову разгромил низам Шамиля. Как сообщают русские документы, горцы бежали, оставив на поле боя 276 трупов²³.

С тех дней и до конца года никаких крупномасштабных сражений в Чечне и в других местах края больше

не проводилось²⁴. Но число боев местного значения небывало возросло, и это привело к тому, что Левый фланг «занял первое место по количеству потерь... во всем Кавказском корпусе»²⁵. Причиной тому были два фактора: отказ Шамиля от генеральных сражений с русскими с последующим переходом к методам партизанской войны²⁶ и болезнь Нестерова, за которой последовало его освобождение от занимаемой должности.

С 1848 г. стало постоянно увеличиваться число проводимых русскими рейдов. При Воронцове к командованию разными секторами кавказских линий пришло новое поколение полковников: Барятинский в Хасавюрте, Суслов на Сунженско-Терской линии, Слепцов на Верхнесунженской линии. Молодые и честолюбивые офицеры, ищущие подвигов и славы, пользовались любым предлогом для организации «поиска на территории противника», мотивируя такие действия «необходимостью, продиктованной обстоятельствами»²⁷. Когда же стало очевидным, что Козловский исполняет обязанности командующего временно, в среде этой молодежи, и прежде всего между Слепцовым и Барятинским, разгорелось соперничество.

В некоторых русских источниках рисуется идиллическая картина дружбы этих двух генералов, но есть немало свидетельств того, что их соперничество было далеко не дружелюбным. При внешнем выражении дружеских отношений Слепцов и Барятинский не любили и даже ненавидели друг друга. Только в одном они хорошо сходились — в одинаковой ненависти и презрении к Меллер-Закомельскому, еще одному претенденту, хотя и не первой очереди, на командование Левым флангом²⁸.

Рейды русских, даже в случае полного успеха, большого ущерба Шамилю не причиняли. Имам понял, что в ближайшем будущем генерального наступления русских в Чечне не ожидается, и обратился к Дагестану.

Там сложились благоприятные условия для нанесения русским ответного удара и получения компенсации за неудачу 11 марта. Уже неоднократно Шамиль получал обращения жителей Кайтака и Табарсарани с просьбой возглавить их восстание. 29 июня Шамиль собрал в Ругудже совет наибов, где обсудил с ними план действий. На следующий день главные силы имама вышли на Турчидаг²⁹. Тем временем Хутсальский наиб Омар в качестве отвлекающего маневра должен был пройти по русской территории и вступить в Кайтак и Табасарань.

Все пошло как по маслу. 30 июня, получив сообщение о передвижениях Шамиля, Аргутинский выступил из Темир-Хан-Шуры. 3 июля его соединение в составе 4000 штыков пехоты, 500 кавалеристов и восьми артиллерийских орудий вышло к Турчидагу и выбило горцев с их позиций. В ночь на 4 июля Омар с 300 всадниками двинулся на Кайтак и Табасарань, но натолкнулся на русских, вступил с ними в перестрелку и отступил. Шамиль пришел в ужас от действий Омара, тут же его сместил и перепоручил выполнение этой задачи Хаджи-Мурату³⁰.

Аварский *мудир* подчинился весьма неохотно. В ночь на 13 июля он вывел 500 своих всадников из Чоха и 14 июля атаковал Буйнакск, что стоит на дороге в Дербент. На следующий день он перевалил через Кара-кайтак и вступил в Табасарань. Таким образом, за 30 часов он проделал более 150 километров по труднейшей горной местности. Жители встречавшихся ему селений, как и ожидалось, с оружием в руках присоединялись к его отряду.

Смысл происходящего Аргутинский понял 17 июля. Собрав 4500 пехотинцев, 900 кавалеристов, десять орудий и ракетные установки, 19 июля он вновь выступил из Темир-Хан-Шуры. 24-го он подошел к границам Табарсарани, но Хаджи-Мурат уже исчез, и его следы были скрыты завесой противоречивых слухов.

Тесно взаимодействуя со своим мудиром, Шамиль

перешел из Чоха в Сугур*. 23 июля, когда Аргутинский находился уже на полпути к Табасарани, Шамиль сделал ложный выпад сначала на Турчидаг, потом на Гамашинские высоты, а султан Даньял изобразил нападение на Кумух. Эти маневры не отвлекли Аргутинского от вступления в Табасарань, и он оказался в таком положении, что свернуть со своего пути все равно бы не сумел.

29 июля русские одержали верх над Хаджи-Муратом с его рекрутами в бою под Куяриком. Следом Аргутинский вступил в Табасарань и очутился в полностью враждебном краю. Насколько осмотрительно пришлось ему действовать, видно из того факта, что 2 августа он приказал отправить свои обозы назад, и они вынуждены были с боями продираться там, где за четыре дня до этого прошли вполне победоносно.

Хаджи-Мурат сначала самолично напал на обозы, а потом, после короткой перестрелки с русскими, Шамилев мудир со своими конниками поскакал вперед по пути русского обоза, объявляя направо и налево, что он разбил русских, что приближается колонна оставшихся в живых и что он, Хаджи-Мурат, приглашает всех окончательно разделаться с русскими и их имуществом. Конечно, все горцы схватили оружие и не давали колонне прохода. С большим трудом русские пробились сквозь сплошные засады, потеряв при этом семерых убитыми, 67 ранеными и 40 вьючных лошадей со всей поклажей.

Хаджи-Мурат действовал весьма осторожно и осмотрительно. Отряд его был малочисленным, и, сберегая каждого бойца, он свои операции старался проводить силами местного населения. Те, в свою очередь, видя сильные колонны русских, засомневались в способности мудира их разбить. Больше того, они скоро поняли, что Хаджи-Мурат готов сражаться до последней капли

* Так в оригинале. — *Прим. пер.*

их крови, не желая проливать кровь своих. Когда 3 августа Аргутинский после ожесточенного боя захватил Хошни, горцы провели собрание и решили направить к русским делегацию для переговоров. При таком повороте событий Хаджи-Мурат ночью снялся со своих позиций и 6 августа ушел в Аваристан.

Вскоре после этого к Шамилю пожаловала делегация Табарсарани с жалобой на поведение Хаджи-Мурата³¹. К тому времени между имамом и его мудиром образовался барьер. Хаджи-Мурат не очень кстати начал заводить разговоры о том, кто станет преемником Шамиля. Более того, он стал претендовать на главную роль и утверждать, что все победы Шамиля были достигнуты только благодаря ему.

Имам воспользовался этим, сместил Хаджи-Мурата и назначил на его место Фатха Али, состоявшего в дальнем родстве с аварским владетельным родом. А кроме того, имам распорядился конфисковать всю собственность Хаджи-Мурата. Мудир уступил все, что считалось его долей военной добычи, но недвижимостью отдался. Несколько дней они были на грани вооруженного конфликта, пока их не убедили прийти к примирению, которое, естественно, оказалось недолгим.

Хаджи-Мурат привык рубить сплеча, особым тактом не отличался и потому во всеуслышание стал грозить, что имаму не поздоровится. Шамиль созвал в Автурах тайный совет, где обвинил Хаджи-Мурата в измене. Совет также тайно приговорил того к смертной казни, но у приговоренного нашлись свои осведомители, и 25 ноября Хаджи-Мурат перешел на сторону русских.

Бегство Хаджи-Мурата особого вреда Шамилю не причинило, во-первых, потому, что в его руках осталась вся семья беглеца, во-вторых, русские отнеслись к двойному перебежчику весьма настороженно. Воронцов не мог решить, доверять Хаджи-Мурату или не доверять, выжидал и держал аварца, что называется, в

золотой клетке. Тот не выдержал и 7 мая 1852 г. пытался бежать обратно в горы, его настигли, и он был убит³².

Таким образом русские еще раз подыграли Шамилю, показав печальную судьбу перешедшего на их сторону горца. Совершенно иной была судьба другого наиба-перебежчика — Бата, но и она не исправила неблагоприятный для русских баланс впечатлений. Бата был приемышем в семье брата Розена и служил офицером в русской армии. В 1844 г. он перешел на сторону Шамиля и был назначен наибом Мичика. Там его сгубило взяточничество; на него одна за другой шли жалобы местного населения, и Шамиль его сместил.

В конце 1851 г. Бата перебежал обратно к русским. Барятинский его встретил хорошо³³ и в отличие от Воронцова осыпал перебежчика подарками и милостями. Бата стал доверенным лицом генерала; его советы и авторитет, который он имел в некоторых районах Большой Чечни, были весьма полезны русскому военачальнику. Но имя и влияние Баты среди горцев особого веса не имели, к тому же многие чеченцы еще до побега знали его как мздоимца, так что большого ущерба его побег Шамилю тоже не принес. И все же некоторый урон эти два беглеца авторитету Шамиля нанесли и, конечно, не укрепили его влияния между горцами. А русским они очки прибавили, по крайней мере в психологическом плане.

Неудача Хаджи-Мурата не отвратила Шамиля от намерения провести в 1851 г. очередное наступление. На этот раз помощникам удалось его отговорить от этого³⁴, но не надолго. В январе 1852 г., будучи занят делами в Чечне, Шамиль послал в Табасарань Бака Мухаммеда аль-Казикумухи.

В ночь на 12 января Бак Мухаммед с 300 всадниками вышел из Улу Кала и на следующий день подошел к Маджалису³⁵. Чтобы отвлечь внимание русских, горцы 15 января провели набег на окрестности Оглу. Аргутинский приказал Суслову³⁶ выступить к Маджалису. Но

Суслов сразу выступить не смог: стянуть достаточно сил и вывести группировку — 3000 пехоты, 600 кавалерии, четыре пушки и две мортиры — он сумел только к 26 января, через две недели.

Через два дня колонна с боем преодолела перевал у Мишкелю и разрушила аул. 30 января Суслов выиграл сражение под Шеляги, селение разрушил, а самого Бака Мухаммеда взял в плен. Все планы Шамиля в этом регионе расстроились.

Это было последнее в 1852 г. наступление Шамиля в Дагестане, хотя во второй половине марта, находясь в Аваристане, он нанес демонстративный удар по Кумуху. До конца года проводились только одиночные мелкие операции. В июле 1852 г. в разрыве между Лезгинской и Самурской линиями военную демонстрацию провел Даньял. Воспользовавшись этим, Воронцов согнал с гор полупокоренные горские общества и переселил их на равнину, что было задумано им еще в 1850 г.³⁷

В конце 1851 г. разрешилось соперничество между Барятинским и Слепцовым. Вот как это произошло.

Летом 1851-го Слепцов предложил план покорения горной части Малой Чечни путем сооружения новой передовой оборонной линии. Воронцов план одобрил, и осуществление его было намечено на зиму. 14 декабря Слепцов двинулся в горы в район Гехи, ведя 4000 пехоты, 1100 кавалерии и десять пушек. 15 декабря он занял и разрушил все окрестные аулы, а на следующий день приступил к валке леса. Горцы упорно сопротивлялись действиям русских, 22 декабря разгорелся ожесточенный бой, в ходе которого Слепцов был убит³⁸.

Барятинского назначили командующим Левым флангом. «Свежесть» Барятинского как командующего и его молодость «объясняют многое, начиная с предпринятых им операций и кончая его недостаточным знанием обстановки в Большой Чечне и помпезными рапортами»³⁹. А военные действия там в 1852 г. велись особенно

интенсивно, значительно активнее предыдущих лет, и это благодаря Барятинскому.

Зимнюю кампанию он начал 17 января⁴⁰ маршем колонны в 10 тысяч штыков, 1500 сабель и 24 пушки из Воздвиженского в Шали. Его целью было «разбить банды противника, уничтожить все средства местного населения и противника и действовать потом сообразно с обстоятельствами»⁴¹. Узнав, что Шамиль занят подавлением бунта в Дагестане, Барятинский 18 января захватил Галдаган и Автуры.

Имам вернулся удивительно скоро, причем появился там, где его совсем не ждали. Русский генерал принял решение «отойти... но таким способом, чтобы запутать противника». Он совершил маневр, который в его донесении назывался «демонстративный бросок на Ведено». Но этим маневром он дал горцам время, чтобы укрепить аулы на пути отступления русских. Все это вылилось в ожесточенное сражение, в котором Шамиль участвовал лично с шашкой в руках. «Русские давно не сталкивались с таким героическим сопротивлением Большой Чечни»⁴².

Пока Барятинский с одной частью войска совершал свой маневр, другая часть сводила лес в окрестностях Шали. С перерывами эта операция продолжалась до 29 января и сопровождалась яростным сопротивлением чеченцев. В ночь на 30 января Барятинский и Вревский двумя колоннами прошли по верхнему течению Гойты и Рожны, за что генералов потом сильно ругали⁴³. Один из проводников Барятинского предупредил чеченцев о готовившемся походе, и те не упустили шанса потрепать русских. Потеряв 292 человека, они, по существу, ничего не добились⁴⁴. Вернувшись, Барятинский провел другой поход против дагестанского резерва Шамиля в районе Саид-Юрта — «блестяще задуманную, но безрезультатную экскурсию»⁴⁵.

1—12 февраля Барятинский сводит леса в окрестностях Мезоя, 13 февраля переходит к Тепли на Аргуне

и занимается там лесоповалом до 27 февраля. Это было продиктовано действиями горской артиллерии. Именно этим объясняют маневры русских чеченские источники⁴⁶ и указывают на моральный подъем и боевой дух горцев, значительно усиливших сопротивление.

29 февраля, через два дня после окончания рубки леса у Тепли, Барятинский затеял «самое примечательное предприятие зимы 1852 года, включая катастрофу в верховье Гойты»⁴⁷. Он решил пройти маршем через всю Большую Чечню от Аргуна до Куринского. Этот план держался в строгом секрете, но Шамиль каким-то образом узнал о нем или просто разгадал намерение русских. Гелдагана оказалась покинутой. Не вняв совету Баты идти обходным путем, Барятинский решил двинуться на Майртуп напрямик через ореховые леса Гелдаганы.

В итоге завязался тяжелый четырехчасовой бой, в ходе которого русские потеряли 182 человека убитыми и 222 ранеными. Везти четыре сотни погибших и раненых через леса было невозможно, бросить их тоже было нельзя, и Барятинский приказал всех убитых похоронить в Майртупе в общей братской могиле, поверх которой потом для маскировки разожгли костер⁴⁸. Тем не менее чеченцы могилу обнаружили и долго потом издевались над русскими по этому поводу.

Той же ночью Барятинский послал гонца в редут Куринское с приказом коменданту Кумыкской равнины Бакланову выступить с ним на соединение⁴⁹. Бакланов вывел 1000 штыков, 1000 сабель и с двумя пушками и двумя мортирами двинулся навстречу Барятинскому. Горцы не препятствовали движению Бакланова, но Барятинскому пришлось продвигаться навстречу Бакланову с боями. Объединившиеся колонны с боями же стали продвигаться к редуту Куринское, куда подошли вечером 1 марта. В донесении того дня потери русских обозначены цифрами: 18 убитых и 155 раненых⁵⁰.

5 марта Барятинский вернулся в Грозную. 8—13 марта он вырубает леса в нижнем течении Аргуна между рекой Мичик и Гудермесом, а гарнизон Урус-Мартана 14—16 марта занимался тем же по реке Гойта. 17 марта зимняя кампания была объявлена законченной и войска отправлены к местам постоянной дислокации. В целом результаты кампании оказались довольно жалкими, особенно если учесть потери в 1079 человек — убитых и раненых.

Весь год прошел в беспрестанных набегах горцев и ответных рейдах русских⁵¹ «Имам приказал своим наибам... дергать нас и не давать покоя», и они «занимались этим усердно. Так что с ранней весны... и до разгара зимы наши кордоны все время держались в готовности к бою»⁵².

Русские в свой черед вели активные действия. 8 апреля Меллер-Закомельский с отрядом в 3000 человек и шестью пушками нанес удар по аулу Тальгик, резиденции мудира Большой Чечни, и захватил у него две пушки. Это был самый успешный рейд того года, хотя потери — 17 убитых и 156 раненых — были весьма ощутимы.

26 августа Барятинский послал Воронцова-младшего, сына кавказского наместника и командира Куринского полка, вверх по Аргунскому ущелью. Вопреки ожиданиям, русские натолкнулись там на сильную группировку горцев и были отброшены с потерей 10 человек убитыми и 57 ранеными. «Сколь бы не пытаться найти разумное и полезное в сем мероприятии, - говорится в русском источнике, — оного сыскать не получится»⁵³.

Крупное поражение русские потерпели за три дня до этого события, а именно 23 августа. Вскоре после окончания зимней кампании Бата уговорил жителей двух аулов перейти на сторону русских. Их расселили в новой деревне Истису, где Бата стал наибом. На Истису совершал частые набеги новый мичикский наиб Шами-

ля — Эски. Кроме того, за Качкалыкским хребтом имам организовал новый аул Гурдали, где поселил добровольцев, взявшихся постоянно беспокоить своих соседей. «С того момента жители Истису и мы сами не знали покоя»⁵⁴, — писал Волконский.

Барятинский решил удалить эту занозу и приказал Бакланову захватить Гурдали. И вот 23 августа Бакланов повел на штурм аула 1350 пехотинцев, 800 казаков и семь орудий. Чеченцы отбили атаку русских и заставили их отступать, ведя непрерывный бой; тут русские потеряли 45 человек убитыми и 235 ранеными, из которых 30 попали в руки врага. «Такого сражения на Кавказе давно не могли припомнить», — свидетельствует Волконский.

Несмотря на все неудачи и жертвы, общее наступление русских шло своим ходом. 23—27 августа Барятинский переселил один аул с гор на равнину и разрушил еще несколько аулов, уничтожив окрестные поля. 26 декабря он захватил аул Хан-Кале и согнал его жителей на равнину⁵⁵. Даже после разгрома под Гурдали на сторону русских перешли 150 чеченских семей⁵⁶.

Зимняя кампания 1853 г., как и в предыдущем году, проводилась также по всей Чечне⁵⁷. На землях Малой Чечни 15 декабря — 27 апреля большую операцию по расчистке лесов и мощению дорог провел Вревский, командовавший соединением из 2500 пехотинцев, 1100 конников и 12 артиллерийских орудий. Он разрушил несколько аулов и подчинил жителей горских обществ в верховье Нетхоя. Венчало его операцию взятие 12 апреля хребта Карелам, «ключа к обширной и плодородной долине между Черными Горами и Большим Кавказом»⁵⁸.

В Большой Чечне операции проводил Барятинский. С 16 января по 26 марта 1853 г. силами 8500 человек пехоты, 1400 конников при 32 орудиях и нескольких ракетных установках он сводил леса, выжигал поля и разрушал селения по р. Мичик. 1 марта он штурмом

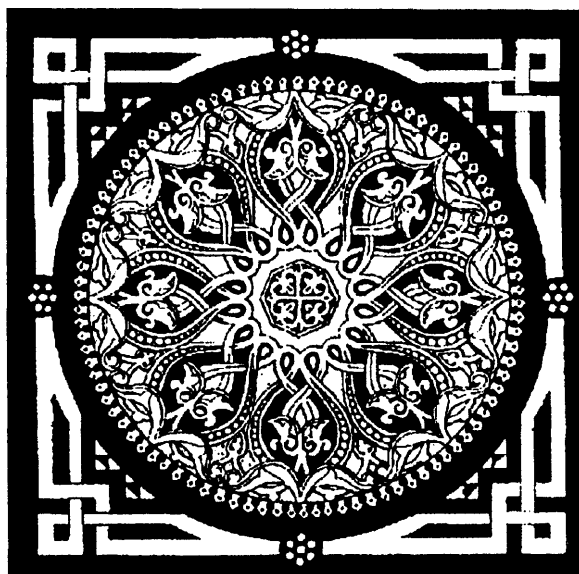
взял укрепленные позиции Шамиля на переправе через эту речку.

Хотя кампания Барятинского была не столь спланированной, как операция Вревского, результатом ее был уход равнинного населения Чечни в Черные Горы и за них. Мечта Воронцова о том, чтобы «вся равнина Большой Чечни, как это случилось в Малой Чечне, оказалась в наших руках»⁵⁹, таким образом, исполнилась.

Но это было последним важным достижением русских на протяжении последующих нескольких лет. От планов широкой летней кампании⁶⁰ пришлось отказаться ввиду нарастания напряженности в отношениях с Османской империей и началом Крымской войны. Если не считать отдельных стычек и перестрелок, весна и лето на Кавказе прошли относительно спокойно.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

**«СТРАНА
АЛЛАХА»**

Глава двадцать первая

Государство Шамиля

Как свидетельствуют имеющиеся сейчас документы, первый имам Дагестана правителем себя не считал. Он скорее отводил себе роль советчика, направляющего путь правителей и народа. Свою деятельность он намеревался вести в рамках и средствами существовавшего политического строя. Если местные властители не следовали указаниям имама, Гази Магомед заменял их теми представителями владетельного рода, которые были ему послушны¹. Гази Магомед начал борьбу, и превращение имама в правителя, формирование особого строя и органов государственной власти стало следствием этой борьбы и было продиктовано ее законами.

Таким образом, имам Гази Магомед заложил первый камень в фундамент вождя «государства Аллаха». Активно этим строительством занялся Гамзат-бек. Если его предшественник назначал своих уполномоченных от случая к случаю и временно, то второй имам Дагестана уже имел постоянных заместителей, отвечавших за свою территорию или сферу деятельности. После истребления аварского правящего рода Гамзат-бек принял на себя некоторые властные функции.

Этот процесс получил завершение при Шамиле. В середине 50-х гг. имам стал суверенным правителем и располагал механизмом осуществления власти. Эти годы составили период наибольшего могущества Шамиля, когда его аппарат управления получил наибольшее развитие².

Структура государственного управления

На вершине пирамиды стоял имам. В его руках сосредоточена верховная, светская и духовная власть. Титул имама, используемый при подписании писем и бумаг, звучит как «Командующий правоверными» и предполагает неоспоримое главенство, хотя в принципе власть имама ограничивается сферой шариата, в толковании которого за ним остается решающее слово.

Кроме того, имам исполнял функции верховного судьи. Два дня в неделю (суббота и воскресенье) отведены на разбирательство всевозможных жалоб и обид³. Вынесенный имамом приговор обычно приводится в исполнение прямо на месте. В случае необходимости Шамиль направлял соответствующему должностному лицу или общине письмо с указанием, как поступить в том или ином деле. Когда ответчиком выступал уполномоченный имама, а имам решал дело в пользу истца, виновному высказывалось порицание и давалось указание, чем и как возместить нанесенный ущерб⁴.

Для помощи имаму в политических, административных, религиозных и судебных делах в 1842 г. был учрежден *диван* (Тайный совет), состоявший из двух самых доверенных лиц Шамиля. Впервые о нем упоминается еще в 1837 г.⁵ Диван служил совещательным органом при вынесении важнейших решений, с одной стороны, и облегчал имаму бремя повседневных обязанностей — с другой.

Костяк всей системы управления составляли *наибы* (заместители) имама. В ведении каждого находилось определенное горское общество; в некоторых случаях полномочия наибов были шире⁶. При назначении наиба в то или иное общество Шамиль посылал соответствующее уведомление⁷. Число наибов менялось и со временем выросло с четырех в 1840 г. до тридцати трех в 1856 г.⁸.

Полномочия и размеры подконтрольных территорий

у разных наибов не были одинаковыми⁹. Обычно наиб осуществлял всю полноту власти в назначенной ему в управление области и отвечал там за соблюдение законности и порядка. В частности, наиб собирал налоги, приводил в исполнение приговоры шариатского суда и следил за тем, как подчиненные исполняют наставления и приказы Шамиля. Но самой главной его функцией было осуществление военного командования в своем районе, руководство своими людьми на поле боя и, следовательно, обеспечение их боеготовности.

В непосредственном подчинении наибов находились *дибиры* или *мазумы*, надзиравшие за старейшинами аулов. Обычно мазум командовал «сотней», под началом наиба находилось несколько «сотен», как правило, пять.

По мере усложнения управленческого аппарата следить за его работой становилось труднее, и Шамиль в порядке эксперимента устраивал градацию наибов, в результате чего в конце 40-х гг. был введен пост *мудира*. Мудир стоял над несколькими наибами, руководил их действиями на поле боя и осуществлял контроль в назначенной ему сфере жизни. Кроме того, мудир выполнял функции наиба в месте проживания, точно так же, как сам имам — в районе своей резиденции.

Для надзора за деятельностью наибов и мудиров и сбора параллельной информации, не зависящей от докладов помощников, Шамиль учредил институт *мухтасибов*, то есть особых надзирателей, следивших за исполнением заповедей ислама, выявлявших нарушителей этих заповедей и наказывавших их. Они ездили по всей стране инкогнито и доносили прямо имаму о деятельности его уполномоченных. Временами имам проводил официальную инспекцию того или иного наиба, о чем последний предупреждался заранее¹⁰.

Связь между имамом и всеми должностными лицами осуществлялась особой скоростной почтовой службой. Гонцам к имаму и от него выдавалась специальная

подорожная, дававшая право на получение всюду свежих коней, питания и ночлега. Таким образом, любое донесение или приказ достигали места назначения не позднее двух-трех дней¹¹.

Наибы не имели права выносить приговоры по шариату¹², для этого при наибе имелись один *муфтий* и несколько *кади*. Каждый кадий отвечал за содержание мечети и следил за жизнью своего прихода. Он занимался разбирательством споров и тяжб в соответствии с законами шариата, вел богослужение, читал пятничную проповедь *хутбу* и вообще следил за тем, чтобы его подопечные жили в соответствии с шариатом¹⁴.

Муфтий олицетворял духовную власть в пределах ответственности своего наиба, он назначал кади, следил за деятельностью и решениями своих назначенцев, разрешал их сомнения и выносил заключения по всем делам, с которыми обращались к нему люди. В обязанности муфтия входило также устранять всякие отклонения от шариата, что он делал самолично или с помощью наиба. Это сильно отличается от положения данных должностных лиц в остальном исламском мире, где кадий — это только шариатский судья, а муфтий — толкователь шариата.

В своей деятельности муфтии и кади руководствовались указаниями имама и его толкованием законов шариата¹⁵. Как складывались отношения муфтия с наибом, нам сейчас не совсем ясно¹⁶. По-видимому, в какой-то части они были независимы друг от друга, муфтий в известных случаях мог выступать против наиба¹⁷, что давало имаму дополнительное средство контроля за деятельностью обоих.

Войско

Шамиль учредил обязательную военную службу, от которой освобождались некоторые сословия и жители территорий, игравших важную роль в экономической

жизни края. К ним относились купцы, жители двух аулов Караты, где добывалась соль, а также жители двух аулов в Хиндале и трех в Андале, где вырабатывали селитру. Они в военных действиях не участвовали¹⁸.

Все остальное мужское население поголовно было обучено и готово вступить в бой, так что имам в любой момент располагал высокоманевренной армией преданных бойцов. Шамиль заботился об упрочении дисциплины своего войска, принимал меры по стандартизации вооружения и оснащения. Наибы и командиры других рангов следили за тем, чтобы все мужчины в возрасте от 15 до 50 лет были вооружены, обмундированы и обеспечены всем необходимым для жизни в боевых условиях. Те, у кого были свои лошади, могли служить в кавалерии. Контроль за состоянием коней рекрутов и их содержанием также входил в обязанности наибов.

Сообщество прирожденных воинов и составляло основу армии Шамиля. В районе, где проходила военная кампания, все мужское население считалось мобилизованным. Другие области направляли в район боевых действий определенную часть своего воинского резерва, которая в каждом конкретном случае назначалась имамом отдельно и определялась по количеству дворов.

Такое войско имело ряд недостатков: дисциплина и стойкость в бою оставляли желать лучшего; вдали от родных мест горские бойцы сражались менее охотно; мобилизационные возможности в период полевых и сезонных сельских работ резко сокращались; а самое главное, верность воинскому долгу в такой армии определялась не столько преданностью имаму или служением общему делу, сколько клановыми интересами. Таким образом, уже в начале военных действий перед горцами встал вопрос о создании регулярной армии.

У двух первых имамов были верные последователи числом от нескольких десятков до нескольких сот, которые составляли 'ядро военной силы горцев. При

Шамиле эти горские рыцари были сведены в особое формирование и стали называться «*наиб-мюриды*» (в отличие от прежнего названия по тарикату «*суфи-мюриды*»). По словам сына Шамиля, таких *мюридов* насчитывалось около 400²⁰. Из них 120 человек были разбиты на десятки и составляли личную охрану имама. Остальные распределялись по мудирам и наибам, служили им телохранителями и доверенными для особых поручений.

Наиб-мюриды прославились своим бесстрашием и непоколебимой преданностью своим повелителям, ради которых готовы были пожертвовать жизнью. О них слагались легенды, «и если особым почтением они не пользовались, то страх они внушали»²¹. Содержание каждого наиб-мюрида, включая оружие, коней, снаряжение и обеспечение семьи, полностью лежало на его повелителе.

Лейб-гвардия имама, сколь бы грозной и преданной ему ни была, оставалась всего лишь элитным подразделением. Поэтому уже с конца 30-х гг. Шамиль начал закладывать основы регулярного войска. Через несколько лет от каждых десяти домов стал выделяться для армии один вооруженный всадник — *муртазик*²². Эти бойцы освобождались от всех других обязанностей; их семьи, поля, скот и пр. переходили на содержание, обработку и уход силами девяти других семей данной десятки, а сами бойцы несли только военную службу — стояли в дозорах, патрулировали окрестности своего селения, устраивали засады и т.д. Муртазики сводились в отряды, которые действовали независимо от пеших рекрутов данного общества.

Создание частей муртазиков удачно разрешало двоякую задачу: во-первых, эти всадники с их высокой боеготовностью представляли собой значительную силу, способную не только противостоять русской армии, но и разбираться с внутренними врагами, не требуя дополнительной статьи расходов казны. Во-

вторых, они образовали большую группу привилегированного, а значит, заинтересованного в сохранении имамского режима населения, на которое имам мог смело положиться в управлении своим непокорным народом.

Помимо кавалерии, Шамиль создал части регулярной пехоты, по-видимому, это происходило в середине 40-х гг.²³ Сведений об этом роде горских войск совсем немного. Называлась пехота *низам*, что ясно указывает на турецкое или египетское происхождение идеи, где существовали аналогичные части *низами цедид* и *аль-низам аль-джадид*. Вероятно, подразделения «низам» были размещены при резиденции Шамиля и находились под его личным командованием, в то время как муртазиками командовали наибы. В боевых действиях против русских низам участвовала один-единственный раз в 1851 г. и потерпела поражение²⁴. Несмотря на этот провал и насмешки русских²⁵, низам, очевидно, играла немаловажную роль во внутренних делах имамата, по крайней мере - в качестве полицейской силы.

В горах Дагестана издавна изготавливали порох. Потребность в нем была очень велика, и Шамиль построил там три пороховые фабрики, причем машины на одной из них приводились в действие силой падающей воды²⁶. Горцы изготавливали даже небольшое количество снарядов и бомб, но качества они были очень неважного: у горских оружейников не было свинца. Большую часть артиллерийских боеприпасов составляли военные трофеи²⁷. Позднее Шамиль начал производить и применять ракетные снаряды²⁸.

В 1843 г. Шамиль приступил к созданию артиллерии, применение которой горцами так ошеломило русских в этом же году. Сначала это были исключительно пушки, отбитые у русских²⁹. Позднее под руководством пришлых мастеров Джафара и Джабраила, о чем ниже, на фабриках Шамиля стали изготавливать собственные пушки, однако также неважного качества³⁰. Но так или

иначе, Шамиль располагал несколькими десятками артиллерийских стволов.

Артиллерийской службой были в основном, или даже исключительно, дезертиры и перебежчики из русской армии. Применению артиллерии имам придавал очень большое значение, для удобства транспортировки орудий специально мостились дороги³¹.

Умение горцев применять артиллерию, прежде всего точность прицельного огня и быстроту маневрирования, русские оценивали очень высоко. Попытки захватить в бою пушки имама обычно кончались неудачей. Однако надо сказать, что горская артиллерия использовалась не так часто, как можно было бы предположить. Причина состояла в том, что Шамиль, как это ни покажется странным, крепко держал это мощное оружие в своих руках, берег и никому не доверял. Лишь два-три его командующих, обычно это были мудир, получали одну-две пушки³². Вся остальная горская артиллерия была сосредоточена в районе резиденции Шамиля.

В его войсках были также инженеры, возводившие фортификационные сооружения, мостившие и разрушавшие дороги; к великому изумлению русских, они успешно разминировали русские фугасы и в свою очередь подрывали позиции противника во время осад 1847-1849 гг.

К этому же периоду относится и создание горцами первых воинских госпиталей³³. Поначалу это были просто сакли, выделенные для лечения раненых. Само лечение проводилось традиционными для горцев приемами и по свидетельствам русских было значительно эффективнее европейских методов того времени.

Шамиль заботился также о единообразии внешнего вида бойцов своей армии и поддержании воинской дисциплины и порядка. Для частей регулярного войска Шамиль ввел свои расцветки одежды, все командиры и чиновники носили знаки различия. В начале 40-х он

ввел награды для командного состава и для отличившихся в боях³⁴. С другой стороны, были учреждены «знаки позора» для трусов, а также взыскания за нарушения дисциплины и уставных требований³⁵.

Финансы

Государственная казна — *баыт аль-маал* — существовала до Шамиля³⁶; став имамом, он ее лишь реорганизовал. Поступления в казну шли из разных источников:

1. Налогообложение. Налоги подразделялись на два вида: шары карадж (поземельный налог) и *закат* (пожертвование). Поземельный налог взимался лишь с нескольких аулов, традиционно плативших его аварским ханам, и с некоторых владельцев пастбищ. Вносился он наличными. Закат поступал как деньгами (2—5%), так и натурой — овцами (1—2%) и зерном (12%)³⁷. По данным имамского казначея, самый низкий уровень поступлений от караджа составлял 4500 серебряных рублей в год, а от заката — 3200 рублей, 3200 овец и 523102 меры зерна³⁸. Обычно эти показатели были значительно выше, иногда вдвое. Семь ремесленных аулов, освобожденных от воинской повинности, сдавали в казну часть добытой соли и селитры. Кроме того, излишки этого товара они были обязаны продавать имаму по твердым ценам³⁹. Иногда в целях создания продовольственных запасов для той или иной кампании и ввиду, как бы теперь выразились, «чрезвычайного положения» имам вводил дополнительный натуральный налог. В конце 40 — начале 50-х гг. такая «продразверстка» вводилась довольно часто и вызывала большое недовольство в народе⁴⁰.

2. Главную статью дохода, по всей видимости, составлял кумс — одна пятая часть военной добычи и

трофеев, должная по шариату отдаваться правителю. Сюда входило все: имущество, деньги, скот, пленники⁴¹ и причитающийся за них выкуп. К примеру, доход от кумса в 1852 г. составил 15 230 рублей серебром⁴².

3. В казну шли все взимаемые с людей штрафы, и во времена Шамиля их так прямо и называли — баыт аль-маал, то есть казначейско. Оставшееся без наследников имущество умерших также отходило казне.

4. Туда же шли все доходы с земель, принадлежащих мечетям (авкаф), на которые ранее содержались мечети и их служители⁴³.

5. Особую статью дохода составляла подать в три рубля серебром в год с каждого двора тушинов в качестве платы за охрану от набегов других горцев. По словам самого Шамиля, эти деньги шли исключительно на содержание самого имама⁴⁴.

В соответствии с шариатом имам стремился вести и расходы. Хотя нарушения этого правила были практически неизбежны, это Шамиль сам признавал⁴⁵, он пытался делать так, чтобы средства каждой статьи дохода шли в целом на то, на что предписывалось их расходовать шариатом⁴⁶. Видимо, у каждой доходной статьи бюджета имелся отдельный счет⁴⁷.

Так, средства, поступавшие по административным каналам — штрафы, имущество, полученное по отсутствию наследников или частично или полностью изъятое по конфискации, и т.п., — расходовались на содержание мечетей и уламы. Часть денежного и натурального налога оставалась в распоряжении наибов и шла на содержание их самих, а также на содержание семей мюридов. Эта доля определялась имамом, но наибы, разумеется, имели большие возможности для личного обогащения и, конечно, пользовались этим. Одна пятая военного кумса, предназначенная для *саидов*, скру-

пулезно делилась между 72 лицами мужского пола, считавшимися потомками Пророка⁴⁸. Расходование и потребление остальных четырех пятых частей трофеев претерпевало много разных изменений, но общей тенденцией было направлять эти средства на военные цели и нужды благотворительности⁴⁹. Важной расходной статьей кумса было содержание перебежчиков из русской армии⁵⁰.

Вопреки утверждениям Шамиля, что закят находился в полном распоряжении уламы и та употребляла эти средства по своему усмотрению⁵¹, имам часто запускать руку в этот карман⁵². Содержание мечетей и уламы, на что, согласно положениям шариата, должны расходоваться поступления от закята, обеспечивалось из других статей бюджета, тем не менее, общим положением было направлять закят на благотворительные цели. Главной считалась материальная помощь *мухаджирам* — мусульманам, бежавшим от русских и осевшим во владениях Шамиля⁵³.

Шариат и низам

Как отмечалось ранее, главной целью накшбандийско-халидийского тариката (вероучения) было насаждение и осуществление шариата. Шамиль с большим упорством добивался достижения этой цели. Чтобы правильно оценить политику Шамиля в этой области, следует иметь в виду ряд важных обстоятельств: проповедываемый Шамилем шариат был накшбандийского толкования и носил фундаменталистский характер; насаждался шариат в противопоставление местным *адатам* и проникшим от русских *бида* в целях их полного искоренения; сам шариат зачастую понимался как мусульманский образ жизни в самом широком смысле слова.

Так, запрещалось курение и употребление алкоголя⁵⁴. Женщины должны были одеваться очень скромно,

носить под платьем длинные шаровары, покрывать голову и скрывать лицо. Музыка и танцы допускались только во время свадьбы и обрезания⁵⁵. Много усилий было положено на то, чтобы традиционный обычай кровной мести подчинить правилам шариата и очистить его от принятых условностей⁵⁶. Вообще имам многократно предписывал своим подчиненным следить за тем, чтобы нормы шариата исполнялись публично. Это касалось, например, пятничной молитвы, участвовать в которой были обязаны все мужчины, и соблюдения правил поста Рамадан⁵⁷.

Шариат вводился не только мерами принуждения. При мечетях открывались исламские школы, где детей и взрослых обучали, как должен вести себя правоверный. Шамиль много раз указывал своим помощникам на необходимость заботиться об исламском воспитании народа, учить людей молитвам, правильному произношению сур Корана и пр.⁵⁸

Шариат, и Шамиль с этим легко соглашался⁵⁹, изобиловал пробелами, темными и спорными местами, которые требовали разъяснений, толкования и определенного выбора из противоречивых утверждений. Шамиль не мог не уделять этим вопросам внимания, будучи сам ученым-алимом и шейхом суфизма и имея в своем окружении немало осведомленных людей. По этим и другим практическим проблемам ислама он выработал целый ряд указаний и правил, известных под названием *низамы*, которые были равнозначны законоположениям и которые принято сравнивать с турецкими *канунами*. В Османской империи *каванин* (множ. число от *канун*) были установлениями султана главным образом в сфере управления, финансов и уголовного права.

До конца 40-х гг. XIX в. была известна лишь одна копия таких уложений («Низам»), что для русских и советских историков служило основанием относить создание *низамов* к 1847 г.⁶⁰ Однако с тех пор были

опубликованы новые документы, включая другие варианты низамов, из которых следует, что появление этих уложений можно отнести к 1842 г.⁶¹.

Предписания низамов могут быть разбиты на несколько групп. К самой большой относятся правила государственного управления и военного дела. Эти положения появились ранее других (уже в 1842 г. наибоам предписывалось разбирать военные преступления в соответствии со «сводом законов Шамиля»⁶²), видимо, эта группа предписаний и называлась собственно низам. Они определяли сферу прав и обязанностей разных должностных лиц и военных командиров, их взаимоотношения, освещали вопросы дисциплины, поведения вооруженных людей в быту и на поле боя; здесь указывались виды взыскания за нарушение предписаний, обычно в форме телесных наказаний, штрафов, а также иногда и понижения в должности.

В другую группу входили предписания общего гражданского характера. К ним относился запрет на расчистку и вырубку леса без особого на то разрешения⁶³, запрет на общение с русскими⁶⁴; требование принимать при денежных расчетах русские монеты, отчеканенные в Тифлисе, которые у горцев доверием не пользовались⁶⁵; запрет под угрозой сурового наказания чеканки фальшивых русских денег⁶⁶.

Эти две группы предписаний не имеют прямого касательства к вопросам религии и веры. Тем не менее Шамиль старался, насколько это было возможно, увязать их с шариатом и подвести под них религиозно-этическую базу. Другие группы уложений имама касаются шариата непосредственно.

Третья группа предписаний либо излагала отдельные положения шариата, либо вводила толкование того или иного положения. К ним относятся, например, предписания шариата щадить сдавшегося противника и убивать тех, кто не желает склониться перед знаменем ислама⁶⁷, а также правила шариата по заключению

брака, разводу супругов, калыму, наследованию и пр.⁶⁸, которыми заменялись правила местных адатов. Сюда же относятся указания относительно разрешения противоречий двух принципов шариата: как, например, поступить в случае убийства гостя, если гость сам поднял руку на хозяина⁶⁹.

Четвертая группа предписаний содержала новую трактовку (другими словами — изменение) шариата и касалась главным образом наказаний за преступления. Например, если воровство предписывалось наказывать отсечением правой руки, то по новым предписаниям за первые два случая кражи вор наказывался трехмесячным лишением свободы и смертью — за третий.⁷⁰ С другой стороны, наказанием за пьянство стало более 40 ударов палкой, что предписывалось законом ислама, а повторный проступок карался смертью⁷¹.

Говоря в целом, Шамиль вместо увечащих наказаний делал упор на штрафные санкции и устрашение. Самыми распространенными мерами поэтому были порка, штрафы, лишение свободы и выставление на позор. Примером тому могут служить наказания за курение и пляску. Виновных перед тем, как отправить за решетку, сначала возили по улицам верхом на осле задом наперед — курильщика с трубкой в носу и танцора с лицом, обмазанным смолой⁷².

Лишение свободы считалось очень эффективным средством наказания и применялось очень широко. Заключение бросали в маленькую яму под полом, которую сам имам и те, кто испытал это на себе, сравнивали с могилой⁷³. Сверх всего узник был обязан оплачивать свое питание и содержание стражи. Несколько дней пребывания в такой «могиле» ломали самого стойкого человека, этот вид наказания вызывал страх и считался самым действенным.

Наконец, пятую группу составляли предписания, не предусмотренные шариатом и расширяющие его при-

менение по принципу *a minori ad majus**. Так, кроме запрета на музыку, из быта изгонялись все музыкальные инструменты, кроме маленьких барабанов⁷⁴. В дополнение к запрету на вино возбранилась продажа винограда лицам, умеющим вино изготавливать⁷⁵.

К этой же группе следует отнести введенные имамом правила, касающиеся брачных дел⁷⁶. У чеченцев существовал непомерно большой выкуп за невест, что привело к растущему числу неженатых молодых людей и незамужних девушек. Шамиль установил предельную сумму калыма в 20 рублей серебром за девушку и 10 рублей за вдову или разведенную. Этого показалось недостаточно, и он неоднократно давал указания наибам заботиться о замужестве достигших зрелого возраста девочек и вдов⁷⁷. Цель этого шага имама заключалась не в улучшении демографической обстановки, как это понимали русские⁷⁸, а в оздоровлении морали горской молодежи⁷⁹, хотя численность народонаселения не могла не заботить Шамиля.

Все эти меры по внедрению шариата оказались весьма действенными. Уже в 1842—1843 гг. русские отмечали большое «исправление» в поведении и моральном состоянии горцев, прежде всего чеченцев⁸⁰.

*От меньшего к большему (*лат.*)

Глава двадцать вторая

Властелин и подданные

Уже в первые годы после прихода к власти Шамиль сравнивал свое место в Дагестане с местом турецкого султана в Османской империи: «Я имам как *хункар*, а этот аул как Стамбул»¹. Как уже упоминалось, его претензии на верховную власть не были бесспорными. Так, в 1834—1837 гг. и в 1840 г. другие претенденты на лидерство выступали против его правления, о чем мы уже упоминали. Но Шамиль сумел обойти всех своих соперников. Последним оставил сцену Хаджи-Ташо, имя которого с 1843 г. в документах не фигурирует².

К середине 40-х гг. Шамиль становится полновластным правителем со всеми знаками и атрибутами мусульманского властелина: он носил титул «командующий правоверными», его повсюду сопровождал палач, пятничная проповедь *хутба* читалась от его имени. Не хватало одного — чеканки монет с его именем. Шамиль умышленно не вводил свою валюту, чтобы не создавать помехи в торговле с областями под русским управлением, понимая, что русские его деньги принимать не станут³.

Шамиль назначил своего сына Кази-Магомеда официальным преемником и тем самым мог бы стать родоначальником правящей наследственной династии.

Но это вовсе не означало, что власть Шамиля была безграничной. Теоретически и практически владычество имама имело пределы, и потому из него не мог получиться деспот, как называли его русские (причины вполне понятны). Ограничивал власть имама тот же

шариат; далее, известные пределы накладывал его статус суфия, обязанного следовать наставлениям своего учителя-муршида; соблюдался внутренний баланс власти между Шамилем, с одной стороны, и наибами и полномочными лицами — с другой, и, наконец, нельзя сбрасывать со счетов неоднозначное отношение народа к его установлениям.

Имам и шариат

Суннизм обязывает мусульманского правителя защищать шариат, следовать его нормам и внедрять их в жизнь. Его власть считается законной, и подданные ей должны подчиняться, пока правитель исполняет эту обязанность. Суннизм всячески избегает категорических запретов, тем не менее он лишает мусульманского правителя полной свободы маневра, и тормоза тут сильнее, чем может показаться на первый взгляд. Властелин не может позволить себе сильно отклониться от предписаний шариата и далеко зайти в конфликте с его толкователями-улама, хотя те и зависят от него.

В случае с Шамилем ноша его ответственности была тяжелее. Как алим и халиф накшбандийского ордена он был призван следовать шариату лично и претворять его в общественной жизни. Более того, он выступал лидером движения, поднявшего знамя ислама и вступившего в борьбу за насильственное введение шариата в Дагестане и Чечне. В такой ситуации любое отклонение от шариата было бы чревато для Шамиля очень серьезными неприятностями, и он мог стать объектом суровой критики на этой почве.

Изобразить Шамиля нарушителем шариата дважды пытались русские, о чем уже упоминалось. Не свяжись они из-за своей извечной подозрительности к свободе мысли с откровенными провокаторами, эти попытки могли бы принести успех. Но все вышло так, что имаму

оставили широкое поле для ответных действий, и он, как это было уже не раз, наброшенную на него сетку использовал как орудие охоты и сам превратился в ловца.

Шамиль строго следил за тем, чтобы все видели и знали, как тщательно он исполняет правила шариата и собственные наставления. Одним из многих примеров может служить его женитьба на чеченке Зейнаб, дочери Абдаллаха аль-Кази-Кумухи*, что должен был сделать из политических соображений. Бракосочетание он совершил по всем правилам, уплатив 20 рублей калыма, и в тот же день с ней развелся, сделав так, что ни на миг не оставался с молодой женой наедине, и при этом добился возвращения ему выкупа за невесту, поскольку брак их не состоялся⁴.

Всякий суд имама, когда он садился разбирать спорные дела простых людей, был публичной демонстрацией его верности шариату и собственному низаму. Мы уже говорили, что Шамиль всячески стремился привести свой низам в соответствие с шариатом, даже в сферах, далеких от религии. В том же духе он вел исламское просвещение населения и внедрение шариата, не забывая делать это достоянием широкой гласности. Наконец, Шамиль публично осуждал своих наивов, допускавших нарушение законов шариата или выступавших против них⁵.

Все это вовсе не означает, что Шамиль цинично, как утверждают русские, пользовался шариатом в политических целях. Он был благочестивым мусульманином, истово исповедовал ислам и отстаивал исламский образ жизни. Все его поступки диктовались убеждениями и чувством долга. Но, как всякий политик, он хорошо знал цену внешней формы деяний и умело ею пользовался, тем более когда это не требовало особых усилий.

* Здесь какая-то неясность, потому что имя отца Зейнаб указывает на ее дагестанское, а не чеченское происхождение. — *Прим. пер.*

В своем стремлении узаконить шариат Шамиль опирался главным образом на духовенство-улама. Это находило выражение во всем, начиная с пятничной проповеди-хутбы в честь имама и кончая разбором споров и жалоб, основанным на его же толковании шариата. С одной стороны, это объясняется тем, что имам полностью контролировал улама: от него целиком зависел статус священнослужителей (имам назначал и смещал мулл) и их материальное положение (в руках имама были деньги авкафа), не говоря уже о возможности заткнуть любому рот.

С другой стороны, что не менее важно, неизменную и горячую поддержку со стороны улама (за исключением только Сулеймана-Эфенди, о чем мы уже писали) имам мог получить лишь в том случае, когда все духовенство было полностью солидарно с Шамилем, доверяло ему и поддерживало его. Скорее следовало бы сказать, что духовенство было благодарно ему за верность шариату, за безупречную жизнь и признавало в нем алима и шейха суфизма. А главное, Шамиль сам относился к улама подчеркнуто почтительно⁶ и старался показать, что верные ему влиятельные сторонники улама реально участвуют в формировании политики имама. Он не только советовался с ними по вопросам шариата, но и привлекал их к обсуждению политики и военной стратегии, к участию в принятии важных государственных решений.

Шамиль и таифа

Как уже упоминалось, Шамиль был халифом накшбандийского духовного ордена. Занимая пост имама, он не имел возможности вести жизнь суфийского шейха. Но, несмотря на свое высокое положение, он был еще и мюридом, обязанным повиноваться своему муршиду Джамалу ал-Дину Аль-Гази-Кумуки.

И в самом деле, на протяжении всего своего правления Шамиль относился к Джамалу ал-Дину как к *муршиду* и саиду⁷. Тот был единственным человеком, кто мог открыто, принародно и совершенно безнаказанно критиковать имама. Слово муршида для имама было закон. В 1842 г., например, Шамиль захватил Кумух, полагая, что таковой была воля Джамала ал-Дина. Годом ранее имам учредил диван, идею которого предложил Джамал ал-Дин⁹. Даже в вопросе судьбы русских военнопленных Шамиль следовал советам муршида¹⁰.

Тем не менее муршид не был для Шамиля помехой. Наоборот, его советы обычно были мудрыми и оказывались полезными для имама. Напомним, что Джамал ал-Дин своим весом и авторитетом поддержал кандидатуру Шамиля при избрании имама. Он не уставал призывать народ повиноваться имаму и следовать за ним, этому посвящались его выступления и письма; его связи в домах местных правителей служили на пользу Шамилю; он поддержал имама в обращении за помощью к Османам¹¹.

Поддержка Джамала ал-Дина еще выражалась в том, что он выдал за Шамиля свою дочь Захиду и взял двух дочерей имама в жены своим сыновьям Абд аль-Рахману и Абд аль-Рахиму*. (По иронии судьбы эти браки доставили Шамилю в последние годы немало хлопот: его жена с братьями составила еще одну соперничавшую с имамом клику приближенных¹².)

Поддержка Джамала ал-Дина стоила дорогого, и Шамиль воспользовался ею сполна. Но у него были также свои козыри в завоевании престижа и власти: он сам по себе был суфийский шейх и был вторым после своего наставника. Только он и его муршид были

* Имя старшей жены Шамиля в русских источниках — Зайдат, ее братья — Абдурахман и Абдурахим — были женаты на дочерях Шамиля -Нафисат и Фатимат. Все они прибыли в Калугу в январе 1860 г., чтобы разделить ссылку имама. — *Прим. пер.*

способны чувствовать зулму и *ишкаллах*, а также приходиться в состояние *джазм*. Зулма Шамиля, то есть способность видеть и слышать людей на расстоянии, что теперь называется телепатией, и особенно предчувствовать приход визитеров и причину, по которой они к нему должны явиться, была явлением уникальным. Это, несомненно, производило огромное впечатление и на горцев, и даже на скептически настроенных русских¹⁴.

Еще больший эффект производило умение Шамиля входить в *ишкаллах*, потому что это действие он совершал принародно и очень эффектно. Обычно перед принятием важного решения имам приводил себя в состояние *калва*. После нескольких дней поста, молитв и углубленного молчания (*дохкр*) имам впадал в забытие. Придя в себя, он объявлял, что к нему являлся Пророк и дал некие указания¹⁵. В литературе широко освещен один эпизод Шамилевой калвы, где он совершенно блестяще продемонстрировал умение покорять горцев благодаря медитации в форме *ишкаллах*. Вот как это было.

В 1843 г. делегация чеченцев, добиваясь разрешения Шамиля на некоторое время перейти в стан русских, стала действовать через мать Шамиля*. Когда она пришла к нему с этой просьбой, имам три дня исполнял обряд калвы, после чего вышел к народу и объявил, что Пророк повелел наказать человека, пришедшего к нему с такой просьбой, то есть собственную мать, 100 ударами палкой. Приговор тут же начали приводить в исполнение. После пятого удара пожилая женщина потеряла сознание. Шамиль склонился над ней в молитве и тут же с радостью вознес хвалу Пророку и всем святым, объявив, что пророк Мухаммед разрешил ему принять самому остальные 95 ударов палкой. Решение было тут же приведено в исполнение, после чего

* Мать Шамиля Боху Меседу принадлежала к знатному аварскому роду и была дочерью прославленного воина. — *Прим. пер.*

Шамиль велел ошарашенным чеченцам возвращаться по домам и рассказать всем, что они видели¹⁶.

В ночь на 9 апреля 1847 г. в Новом Дарго наблюдалась большая комета. В ту же ночь случился пожар в доме, где размещались перебежчики из русской армии. Шамиль тут же вошел в состояние калвы, после чего сообщил, что Пророк назвал это Божественным предзнаменованием окончательной победы мусульман и жалкой судьбы неверных, ожидающей их в этом и загробном мирах¹⁷.

Здесь следует указать, что в этом и других подобных эпизодах Шамиль вовсе не выступает циничным обманщиком своего народа, как это понимали русские. Он, скорее всего, искренне верил в свои версии, но, будучи прирожденным актером, конечно же, привносил во все это элемент театральности. Нельзя не упомянуть и о другом язвительном высказывании русских, подхваченном современной западной литературой¹⁸, будто Шамиль называл себя пророком. Такое заявление просто немыслимо для истинного мусульманина, а Шамиль был именно таковым. Все, что он на этот счет говорил, было лишь то, что пророк — ни в коем случае ни Аллах, ни Его ангел! — приходил к нему в его видениях, а это обычное для суфизма утверждение.

Нет сомнения, что в качестве суфийского шейха Шамиль оказывал огромное влияние на большинство населения своих владений. Например, когда в октябре 1842 г. он объявил, что

в некую определенную ночь небеса разверзнутся и все благочестивые вступят прямо в рай, весь народ бодрствовал¹⁹.

Правитель и его доверенные

По правилам, заведенным имамом, его наибы и мудиры как доверенные лица были обязаны ему полностью повиноваться. На деле же у Шамиля с ними было

не все так просто. Среди самых близких ему людей лишь двое - Шуайб аль-Цанатури²⁰ да Ахбирди Мухаммед аль-Хунзахи — были до конца преданы имаму, пользовались его полным доверием и в то же время выступали компетентными руководителями, военачальниками и администраторами.

Дело в том, что сила, власть, авторитет и законность многих наибов и мудиров вовсе не зависели от имама. Одни принадлежали к семьям местных владык, и Шамиль, сохранив общинно-родовое деление страны, был просто вынужден назначать их наибями, фактически не имея выбора. Другие наибы выдвинулись благодаря своим личным качествам — способности убеждать людей, умению вести их и управлять на поле боя. Были среди них и такие, кто считал себя равным Шамилю и располагал поддержкой своих сторонников. Это были прославленные боевые герои или именитые перебежчики из лагеря русских.

Такие лица могли создавать серьезные проблемы для имама, и он не мог с ними не считаться. Они к тому же могли действовать, а часто и действовали вразрез с действиями Шамиля. В документах встречаются упоминания случаев неповиновения наибов и даже открытых восстаний против имама²⁵; есть примеры, когда наибы отказывались подчиняться приказам командиров, назначенных руководить военными операциями; бывало и открытое соперничество между ними, и тайные интриги²². Многие наибы, не спрашивая разрешения имама и даже не ставя его в известность, вступали в сношения с русскими; некоторые были у русских на содержании; другие не брезговали тем, чтобы выдать русским подробности запланированного другим наибом набега²³.

Но такие случаи, как и периодические проверки имамом своих наибов²⁴, все же были исключением из правила. В целом правление Шамиля проходило гладко, наибы его слушались и ему подчинялись. Этому тоже есть свои объяснения.

Прежде всего, никто из наибов не мог тягаться с имамом положением. Сколько бы ни стояло сил за наибом, у имама всегда было достаточно средств воздействия на любого. Он мог опереться на местное духовенство, на местные же (часто соперничавшие) влиятельные рода и авторитетные личности, на соседнего наиба. Огромный престиж имама позволял ему обратиться к народу через голову любого наиба. Наконец, если ничто не помогало, в распоряжении имама была превосходящая военная мощь и артиллерия.

Но Шамиль редко прибегал к силовым мерам. А если и прибегал, то дело завершалось обычно смещением наиба. Это наказание само по себе имело устрашающий эффект: потеряв свой пост, наиб лишался очень многого. Смещались наибы обычно в двух случаях: если неумело управляли делами и прежде всего плохо руководили боем или если их действия вызывали много жалоб от населения²⁵. Когда наиб оказывался замешанным в интригах против имама или вступал в тайные сношения с иностранцами (любыми, не обязательно русскими), его подвергали ссылке в одно из глухих дагестанских селений²⁶. Сурово каралось открытое неподчинение и шпионаж в пользу русских. Но и тут степень наказания зависела от положения и влиятельности наиба.

С другой стороны, в непростых отношениях с наибами разные формы поощрений тоже использовались довольно широко. Имам отмечал заслуги своих доверенных подарками и наградами; верные помощники получали одобрение как на людях, так и в частном порядке. По наблюдению русских, Шамиль «вел себя очень тактично и был чутким руководителем. Он не только не проявлял подозрительности, какую можно наблюдать у многих правителей в отношении пользующихся известностью приближенных, а наоборот, выказывал им свое расположение и льстил честолюбию людей»²⁷.

Наибы участвовали в принятии важных решений, и

это также делало их более верными и преданными слугами имама. Шамиль часто собирал наибов на широкие или региональные совещания, где обсуждались разные вопросы политики и военной стратегии. По важнейшим вопросам Шамиль собирал наибов, улама и самых знатных людей.

На таких собраниях высказывались и выслушивались разные мнения, но главной их целью было получить одобрение по уже принятым решениям имама и его тайного совета. Обычно Шамиль эти собрания проводил таким образом, что нужное ему решение предлагал кто-то из присутствующих. Известны случаи, когда наибам прямо указывалось, что и как им следует говорить на собрании, а в случае несогласия предлагалось сразу покинуть свой пост²⁸. Наибы хорошо сознавали свою роль на таких собраниях. Однажды при обсуждении какого-то вопроса Шамиль предложил участникам высказать свои соображения, в ответ на что ему было сказано: «Решать тебе, а нам выполнять»²⁹.

Среди доверенных Шамиля было несколько человек, которые занимали совершенно особое положение. Они стояли вровень с имамом и не уступали ему по силе и влиянию. Это Хаджи-Ташо, Кибид Мухаммед, Хаджи-Мурат и Даньял. Даньял, правда, не располагал властью во владениях Шамиля и, в сущности, в эту группу лидеров не входил. Но он продолжал пользоваться большим влиянием среди своих бывших подданных в Чарталахе, что делало его весьма полезным для имама и оправдывало отнесение к этой группе наибов³⁰. Их роль и значимость видны из того факта, что Кибид Мухаммед (вместе с братом Муртазой Али)³¹ и Даньял³² несколько раз смещались со своих постов и снова потом возвращались с еще большими почестями. То же, по крайней мере однажды, происходило и с Хаджи-Ташо.

Отношения Шамиля со своими доверенными и подручными складывались трудно и никогда не проходили

гладко. Причем в этих отношениях существовала резкая граница между теми, кто возвышал свой голос против всевластия имама, и теми, кто вел себя тихо. Против первых Шамиль не прекращал тайной войны всеми доступными средствами, пока совсем не вытеснял их со сцены. Ко всякому, посмевшему бросить имаму вызов, даже если потом тот в этом и раскаялся, Шамиль относился с опаской. Такой человек в окружении Шамиля продвинуться уже не мог, его карьера была кончена. Так исчез из поля зрения Хаджи-Ташо и вернулся в Стамбул Хаджи-Мухаммед-эфенди.

Другие же, как, например, Кибид Мухаммед и Абд аль-Рахман аль-Карахи, были наделены большой и реальной властью, к их мнению имам прислушивался. По мере развития административной структуры они становились мудирами, а дочь Даньяла Каримат была выдана замуж за сына Шамиля Магомеда Шафи. (Впрочем, по некоторым сведениям, сам Шамиль не очень одобрял этот брак.)

Но и в этом случае Шамиль не мог не опасаться потенциальной угрозы своей власти с их стороны. Точнее они были слишком сильны для него, пока не предъявляли прямых претензий на власть, когда с ними бороться было легче. Самым ярким примером такого друга-соперника был Хаджи-Мурат. Он принадлежал к кругу избранных, пока не стал вести себя вызывающе, хотя прямой вражды с имамом у него не было.

В конце марта 1848 г. сын Шамиля Кази-Магомед был официально провозглашен наследником имама³³. (Он был следующим по старшинству после старшего сына Шамиля — Джамал ал-Дина, который, как уже упоминалось, стал заложником у русских при Ахульго и поэтому жил в России.) Вскоре после этого Кази-Магомед был назначен наибом Караты, затем — мудиром. Против семейного наследования поста имама Хаджи-Мурат выступил всенародно, заявив, что после

смерти Шамиля сам мог бы занять этот пост. Подобно библейскому царю Саулу, Шамиль создал искусственную напряженность в отношениях с мудиром и под благовидным предлогом сместил Хаджи-Мурата с этой должности*. Это привело к ряду событий, повлекших за собой предательство Хаджи-Мурата, затем его бегство в горы и гибель.

Как ни покажется странным, но через несколько лет, точнее говоря, в 1857—1858 гг., Кази-Магомед мог стать соперником отца с реальной угрозой его насильственного свержения. К нему явились какие-то оставшиеся неизвестными люди с предложением сместить отца и назначить его имамом. Наследник наотрез отказался³⁴. Одно из двух писем, хранящихся в библиотеке Принстонского университета, кажется, полностью объясняет его отказ. Это письмо Шамиля, адресованное «моему дорогому сыну Али [видимо, описка - должно быть Кази] Мухаммеду». Имам пишет сыну, что «теперь я узнал тебя», и обещает передать ему свой пост, «если Аллах дарует нам победу» над «этим народом неверных». Письмо без даты, но второе, тоже адресованное Шамилем Кази-Мухаммеду, помечено днем 9 шабан 1273 (4 апреля 1857 г.). Но к тому времени могущество Шамиля пошло на убыль. Извне на него наступали большие силы русских, а изнутри власть имама подрывали заговоры и интриги соперничавших с ним группировок, что все больше и больше изолировало Шамиля от народа.

Вождь и народ

Окончательной проверкой вождя служит то, как народ принимает его власть и волю. А горцы принадлежат к числу тех, кто постороннюю власть вообще не приемлет. Надо сказать, что Шамиль, уже будучи в плену, сам жаловался на крайнюю непокорность чечен-

* Не особенно ясная параллель. Царь Саул не затевал подобных интриг. — *Прим. пер.*

цев³⁵. По русским источникам тоже выходит, что Шамиль не мог полагаться на чеченцев³⁶. Уже через несколько месяцев после восстания 1840 г. они начали роптать на него. Даже в Дагестане случались против него бунты³⁷.

По словам Шамиля, больше всего споров с чеченцами происходило в связи с назначением к ним наибов, которых они хотели выбирать сами, вплоть до того, что целые общества могли в знак протеста перейти на сторону русских³⁸. Такое редко, но случалось. Тут, судя по всему, Шамиль имеет в виду такой случай: в 1858 г. в ходе зимней кампании Евдокимова общество Чанти перешло на сторону русских, когда Шамиль прислал к ним наибом дагестанца Гамзу. Шамиль в данном случае пошел против воли чеченцев, которые хотели, чтобы наибом был назначен сын прежнего наиба Мажа³⁹.

Недовольство наибями чеченцы стали выражать очень рано. Еще в 1840 г. они открыто порицали назначение Джавад-хана и отказывались ему подчиняться. Даже Ахбирди Мухаммеду было непросто добиться от них послушания. А были случаи, когда их неприязнь доходила до крайности. Так, в 1840 г. был убит Булат-мирза, преемник наиба Хаджи-Ташо. Убийцы наиба укрылись у местного русского командира⁴⁰.

18 января 1844 г. в Цанатуре был убит Шуайб. Как пишут русские историки, Шамиль отреагировал быстро и жестоко. Он подверг казни всех жителей аула за то, что не предотвратили убийство, и жителей соседних селений за то, что они не схватили убийц, когда те бежали с места события⁴¹. Эффект этой акции устрашения был поразительным. До конца 1857 г. в обществе Шубут никто не посмел вступить в пререкания со своим ненавистным наибом, к которому у многих к тому же был счет кровной мести⁴².

Но, как уже отмечалось, подобные групповые непослушания⁴³ случались редко. Возможно, одной из причин было то, что Шамиль с большим пониманием, нежели русские, выбирал заложников⁴⁴. Значительно чаще про-

являли непокорность отдельные лица, и к ним применялись наказания различного вида. О таких мерах, как лишение свободы, штрафы, ссылка и даже «отсечение головы», говорилось выше. Еще один вид наказания был перенят от изобретательных на экзекуции русских. Несколько военнослужащих определяли в дом строптивца на постой, «те держались как хозяева и быстро приводили провинившегося в чувство»⁴⁵.

Таковыми казенными постояльцами имама обычно были дагестанцы, что породило у чеченцев особую неприязнь к *тавхли* и в конечном счете негативно сказалось на репутации Шамиля в Чечне. Нередко натянутые отношения с дагестанцами приводили к стычкам. Бывали даже случаи, когда чеченцы умышленно не вступали в бой, когда русские избивали дагестанцев, пришедших на подмогу тем же чеченцам⁴⁶.

При более пристальном взгляде на эти вещи нельзя не заметить, что краски тут сгущены. И у Шамиля после горького поражения 1859 г., и у русских были основания для некоторых преувеличений. В действительности же большинство горских народов, и прежде всего чеченцы, пережившие больше других, поддерживали имама до самого конца, несмотря на все свои лишения и страдания. В этой борьбе они были вынуждены бросать свои дома и поля, уходить далеко в горы. И только крайняя нужда заставляла их идти на поклон к русским.

Такую стойкость нельзя объяснить ни властью Шамиля, ни его умением управлять народными массами. Не служит объяснением и ненависть к русским. Сколь бы лютой ни была эта ненависть, она не была всеобщей. Например, в аулах внутренней Чечни, где русских ранее видели мало, в 1858 г. их встречали вполне радушно и гостеприимно⁴⁷. Здесь все дело в харизме Шамиля как лидера и в его умении использовать самые разные средства, чтобы привлечь на свою сторону горцев и добиться их повиновения. И тут важную роль играла справедливость Шамиля.

Он был твердым и жестким правителем, но справедливым. Шамиль стремился к истине во всем и всемерно добивался того, чтобы в большом и в малом торжествовал правый. К нему могли прийти с жалобой на самого высокопоставленного человека, и если жалоба была обоснованной, то заявитель получал возмещение, а виновное лицо, кем бы оно ни было, наказывалось. И сам имам, и его ближайшие помощники, прежде всего шейх Джамал ал-Дин, много ездили по стране и всегда были доступны для каждого жалобщика и просителя. Больше того, всякий раз, когда Шамиль собирал народ для очередной кампании, а сбор людей не всегда был началом кампании, имам справлялся, нет ли у кого каких жалоб, и эти жалобы к нему поступали⁴⁸.

Много написано о популизме и уравниловке в возглавлявшемся Шамилем движении. Некоторые дореволюционные русские исследователи (чего не скажешь о советских ученых) даже считали это движение социальным по своему характеру, описывая войну Шамиля как классовую борьбу против местных феодалов, а самого Шамиля рисуя защитником бедных⁴⁹.

Реальность была несколько иной. Шамиль, действительно, не жаловал местных князьков, а порой его высказывания в их адрес были довольно резкими⁵⁰. Но такое его отношение объясняется не классовыми мотивами, а нежеланием этих местных владык следовать законам шариата и участвовать в джихаде против русских. Это, разумеется, не исключало внутренних социальных противоречий в движении Шамиля, и у него самого к ханам и бекам отношение было неоднозначным. Здесь проводится мысль, что из таких явлений не следует делать далеко идущих выводов. Те правители и их сыновья, которые пошли за Шамилем, встречались им с должными почестями и занимали видные места. Именно так было с Даньялом, Хаджи -Муратом, Хаджи-Яхьей (из правившего рода Кумуха) и Мухаммед-беком, братом шамхала. Мало того, критическое отношение

Шамиля к правителям Северного Кавказа ничуть не мешало ему буквально со всеми быть в контакте⁵¹.

В четырех аварских аулах Шамиль отпустил на волю крепостных, бывших в личной собственности местного хана, и также поступал в отношении русских крепостных, принявших ислам. Он брал под свою защиту крепостных, бежавших из захваченных русскими районов, и отказывался вернуть их прежним владельцам-мусульманам. Но освобождение крепостных не было всеобщим; оброк с упомянутых четырех аварских аулов тоже сохранился, только теперь он шел не хану, а в казну Шамиля⁵².

Элементы уравниловки в системе Шамиля конечно присутствуют, но они присущи исламу вообще, как и некоторый популизм. В принципе ничто не мешало человеку самого низкого происхождения достичь высот верховной власти, если у него были способности, преданность делу, упорство и честолюбие. Даже при том, что только один наиб Шамиля происходил из очень бедной семьи⁵³, сам принцип полного равенства, по мнению Шамиля, сыграл свою положительную роль.

Шамиль старался быть ближе к народу и держать его в курсе важных дел. Он рассылал письма и прокламации, в которых сообщал об одержанных победах, предупреждал о предстоящих трудностях, подбадривал и призывал к стойкости. В критических ситуациях Шамиль шел в народ и открыто разговаривал с людьми. Обычно имам заранее принимал меры, чтобы эти обсуждения приводили людей к нужному заключению. Здесь для него был важен сам факт совета с народом, его одобрение и поддержка, пусть даже формальные. Даже перед своим падением, когда, по мнению самых близких ему людей, он уже утратил доверие и добрые чувства народа, Шамиль такие разговоры и встречи продолжал проводить.

Глава двадцать третья

Имамат и его соседи

Кавказские племена

Как уже отмечалось, в первые годы своего правления Шамиль завершил цикл, начатый Гази Магомедом. Первый имам вступил в борьбу за осуществление грандиозного замысла шейха Мансура с целью вытеснить русских с Кавказа. Стратегия этого плана требовала объединения мусульманских народов¹ и помощи могущественных исламских держав, прежде всего Османской империи. Под конец своей деятельности Гази Магомед сделал поворот к переговорам с русскими. Третий имам начал именно с переговоров, как бы продолжая дело первого имама, и кончил его первоначальным курсом всеобщего сопротивления.

К тактике решительной борьбы Шамиль перешел в 1837 и 1838 гг., когда с еще очень малыми силами двинулся на помощь восставшему Кубаху. Начиная с 1840 г. он вплотную взялся за разрешение этой стратегической задачи. Опираясь на опыт Гази Магомеда, он стал рассылать во все уголки Кавказа, где проживают мусульмане-сунниты, своих представителей с заданием привлечь единоверцев к борьбе против русских. Об этой его деятельности среди кумыков, в Акуше и других северо-восточных районах Кавказа мы подробно говорили ранее.

Были также освещены его действия в Кайтаке и Табасарани, имевшие особо большое значение. Эти две провинции так и не были полностью покорены, антирусское движение там продолжалось и после падения Шамиля. Под девизами Шамиля, скорее стихийно,

нежели вследствие его прямого участия, время от времени поднимались на борьбу осетины, часть которых исповедовала ислам². Есть даже сведения о попытках поднять знамя борьбы Шамиля в области Елизаветполя (Ганджа)³.

Важную роль в этом направлении деятельности Шамиля играли его связи и взаимодействие с черкесами и кабардинцами. Первые попытки имама установить связь с племенами в Центре и на Правом фланге Кавказского театра военных действий относятся к 1840 г.⁴, их целью было совместными действиями блокировать продвижение русских по Военно-грузинской дороге и вынудить их отойти за Кавказскую линию.

В 1842 г. Шамиль предложил убыхцам и шапсугам конкретный план такого рода действий⁵, но выяснилось, что для претворения его в жизнь требуется особая подготовка. С этого момента началась интенсивная работа имама с кабардинцами⁶. В 1843 г. он посылает Хаджи Мухаммеда к черкесам. Этот наиб развернул там кипучую деятельность, но в мае 1844 г. в одном из сражений был там убит⁷. То ли наиб так понравился черкесам, то ли сам Шамиль приобрел громкую славу, но черкесы послали к имаму делегацию с просьбой послать им нового наиба

После некоторых колебаний Шамиль послал туда Сулеймана-Эфенди. Этот наиб тоже пробыл у черкесов недолго. Он собрал отряд и в мае 1845 г. двинулся через Кабарду на соединение с имамом. Русские через своих шпионов узнали об этом и блокировали путь его продвижения. Черкесы при встрече с русскими разбежались, и Сулейман-Эфенди вернулся к Шамилю с пустыми руками⁹.

Под влиянием Шамиля и его доверенных, а еще вероятнее, под воздействием ширящейся славы имама, отношение черкесов к нему резко изменилось. Это хорошо видно из сопоставления двух следующих документов. В 1844 г. черкесский ответ на обращение Нейд-

гардта гласил: «Шамиль, о котором вы пишете, к нам отношения не имеет. Его нет на нашей земле, и наши люди не с ним. У нас с ним нет ничего общего»¹⁰. Но уже в 1847 г. один черкес писал русскому генералу:

«Управление нашим народом... вверено шейху Шамилю, правителю всего края от Темир Капи (Железные ворота в Дербенте) до Анапы»¹¹.

В промежутке между этими двумя датами Шамиль предпринял попытку овладеть Кабардой, но потерпел, как уже упоминалось, неудачу. В то время среди черкесов уже не было его наиба, и организовать их на поддержку Шамиля было некому. А сами они, хотя и были заблаговременно извещены о предстоящем походе на Кабарду¹², ничего в помощь Шамилю не предприняли,

Эта неудача не остановила Шамиля, и он продолжал усилия по координации действий с другими кавказскими народами. Не прерывались его контакты с кабардинцами¹³. В 1848 г. по новой просьбе черкесов Шамиль назначил к ним наибом Мухаммеда Амина (Мехмета Эмина)¹⁴. Этот доверенный имама проявил себя способным организатором¹⁵ и десяток лет командовал операциями с участием главным образом отрядов абазин. Во время Крымской войны Шамиль со своим наибом планировали организовать совместные операции, но осуществить эти планы им не удалось¹⁶. В конце концов Мухаммед Амин сдался русским, но сделал это по предложению уже находившегося в ссылке Шамиля, именно по предложению, Шамиль ему не приказывал¹⁷.

В поисках союзников для борьбы с русскими Шамиль не ограничивался одними мусульманами суннитского толка, хотя, насколько это известно, установить контакты с шиитским населением на территории русского Азербайджана он не пытался. Организации более или менее значимого взаимодействия с ними мешали традиционное недоверие суннитов и шиитов, взаимная неприязнь, географическая и духовная разобщенность этих двух групп мусульман, усиленные антишиитской

направленностью Накшбандийа-халидийа и неудачей попыток Гази Магомеда преодолеть эту недружественность.

Часто высказывавшаяся русскими обеспокоенность тем, что влияние Шамиля может «выплеснуться» на районы, населенные шиитами, говорит лишь о том, как плохо они знали народы, которыми управляли. Только один русский источник верно оценил различие этих двух толков ислама, но и то сделал это задним числом¹⁸.

Значительно ближе географически и духовно к дагестанцам находились горские племена грузин-христиан. С некоторыми из них Шамиль поддерживал связи (они платили ему дань за охрану от набегов воинственных горцев), пытался их привлечь на свою сторону и включить в антирусскую коалицию, но это ему тоже не удалось¹⁹. По одному из русских источников, чтобы подкрепить свои усилия в этом направлении, Шамиль якобы пустил слух, будто является незаконным сыном царя Картли и Кахетии Александра²⁰. Эта версия вызывает очень большие сомнения. Скорее всего, он не только не имел отношения к этим слухам, но даже мог и не знать о них. Подобные слухи могли распускать сами грузины, недовольные господством русских. Другим объектом зондирования Шамиля, еще более осторожного и скрытного, были казаки Кавказской линии.

Мухаджиры (абреки)

Вышеописанная деятельность проводилась с двойной целью: отвлечь внимание русских от Чечни и Дагестана, с одной стороны, и подготовить условия для объединения горских племен Кавказа в антирусской коалиции — с другой. Но у Шамиля была еще одна цель — всюду искать воинов-добровольцев. Задание набирать добровольцев и

присылать или приводить их в ставку имама получали все посланники и наибы Шамиля. В поисках такого подкрепления имам забирался даже на территории Турции и Персии. Делалось это двумя путями.

Во-первых, в соседние страны посылались специальные вербовщики волонтеров. Один такой посыльный, прибывший в Турцию, даже довел дело до дипломатического скандала. Зимой 1845 г. в главный город Аджарии Батум* прибыл Шамилев посланник Хаджи-Хасан Хасби и начал там набирать добровольцев

для отправки их в Дагестан. Узнав об этом, русские заявили Турции протест. Реакция турецких властей вынудила Хасана Хасби искать для себя укрытия, и он нашел его в обществе местных противников проводимых в ту пору в Турции реформ — *танзимат*. История завершилась тем, что все заговорщики были арестованы, осуждены и сосланы в Салоники. А незадачливый вербовщик был вынужден бежать.

У всей этой довольно комичной истории было нешуточное продолжение, хорошо выражающее характер режима Николая I: усмотрев в этой суматохе на турецкой стороне признаки готовящегося нападения, Россия привела в готовность расположенные вдоль границы армейские части и мобилизовала местную милицию²².

Другой путь вел вербовщиков в персидский Курдистан и представлял собой то, что на современном языке можно назвать «халидийским каналом». Главными действующими лицами этого канала, работавшего на Шамиля, были шейх Сайд Тага, а после его смерти его брат Салих, которые проживали в турецком Курдистане, а также заместитель (халиф) шейха Салиха — Тагир-шейх, местопребывание которого было в Персии, недалеко от границы между Османской и Персидской империями²³. Они поддерживали с Шамилем регулярную переписку и одновременно вербовали для его армии бойцов среди курдов²⁴.

*Аджария в ту пору была провинцией Османской империи. ~ *Прим. пер.*

Конечно, из дальних стран к Шамилю могли пробраться лишь единицы.

Несмотря на препятствия со стороны русских свободному выезду и въезду на их территорию, такое движение в обоих направлениях имело место, и к Шамилю приезжали люди даже из Бухары и Герата²⁵. По сложившейся традиции, *дар аль-ислам* представлял собой единый мир, и государственные границы, в том числе и на Кавказе, не были для людей непреодолимым препятствием. В рассматриваемый период устройство русскими

пограничных застав еще было слишком непривычным нововведением, оно не могло сразу остановить поток передвижений. Один пример таких многочисленных передвижений дает история семьи арабского националистического лидера Азиза аль-Масри. Его предок был купцом из Басры, который женился на черкешенке и поселился на Кавказе. Его потомки жили там до начала русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в результате которой семья Азиза эмигрировала в Стамбул.

Основная масса наемников Шамиля шла за счет *абреков-мухаджиров* из соседних горских племен. Это были те же дагестанцы из Чарталаха и других областей, занятых русскими, а также кумыки, кабардинцы, черкесы, осетины²⁶. В отрядах Шамиля они были в знакомой и привычной обстановке, их всех объединяла общая религиозная догма²⁷.

Многие мухаджиры вышли при Шамиле на видные роли, притом они и тут оставались в родной стихии.

Шамиль, наверное, даже предпочитал выдвигать на такие посты мухаджиров, у которых не было своей базы в имамате. Достаточно указать на двух таких мухаджиров, выдвинувшихся на видные роли еще до прихода Шамиля к власти: уже упоминавшегося Хаджи-Ташо и муллу Рамадана из Чарталаха², ставшего главой общества Карах.

Одним из самых известных мухаджиров, наряду с Даньялом, был Мухаммед-мирза ибн Анзавр [Анзаров], кабардинский князь, примкнувший к Шамилю

во время похода на Кабарду и остававшийся почти со всем своим кланом рядом с Шамилем до последнего дня. Мухаммед-мирза был назначен наибом Геки в августе-сентябре, а через шесть месяцев стал мудиром Малой Чечни. На этом посту он оставался до июня 1851 г., когда скончался от полученных в боях ран²⁹.

Всем мухаджирам, одни из которых пришли на службу к Шамилю добровольно, а другие примкнули по воле случая, имам уделял много внимания и заботился о них³⁰. Им выделялась земля, из средств заката выдавались деньги и другая материальная помощь, пока те не начинали содержать себя самостоятельно. Наибы были обязаны оказывать им всемерную поддержку. Мухаджиры селились по разным аулам, группы беженцев-земляков образовывали собственные поселения.

В некоторых случаях переселенцы-мухаджиры заключали с местным населением соглашения с обязательствами для обеих сторон. В одном из известных соглашений имеется специальный пункт, по которому мухаджиры обязуются жить по шариату и низаму имама³¹.

Помимо численного пополнения бойцов имама, мухаджиры были полезны ему своими профессиональными знаниями и навыками. Среди них были специалисты разного профиля, некоторые имели опыт службы у русских, знали тактику русской армии и настроения в ее рядах. В их числе были и такие, которые имели полезные связи на территории, занятой русскими, и способствовали расширению сферы влияния Шамиля.

Перебежчики и пленные

Когда русские вступили в пределы Кавказа, стали отмечаться случаи бегства солдат и казаков из армии за пограничные линии в горы, в Турцию и Персию. И у персов, и у турок были части, укомплектованные русскими перебежчиками. Что касается перебежчиков из

местных казаков, знавших обычаи и нравы горцев, то они обычно приживались в аулах и участвовали в походах и набегах с горцами наравне³². Приняв ислам, они женились на горянках и полностью вливались в жизнь общины. Солдаты же из русских губерний, для которых жизнь горцев была чуждой, были на положении пленников, иначе говоря, считались рабами.

Шамиль понял моральное и пропагандистское значение перебежчиков и дезертиров даже прежде, чем оценил их как лишние рабочие руки. Уже в 1840 г. он писал наибама:

«Известно, что бежавшие к нам от русских верны нам и заслуживают доверия. Это наши добрые друзья. Перейдя к правоверным, они очищаются. Давайте им все, что нужно для жизни и нормального существования»³³.

Позднее он велел каждого перебежчика (и пленного) доставлять к нему, лично допрашивал и определял их дальнейшую судьбу. Артиллеристов, кузнецов и специалистов других редких в горах профессий имам оставлял при себе³⁴.

Шамиль старался склонить пленников пойти к нему на службу. Если те соглашались, они становились свободными, и Шамиль заботился, чтобы они были как можно лучше устроены.

Наиболее благополучно устраивались те, кто принимал ислам. В этом случае перебежчик или пленник автоматически освобождался от всяких пут, причем имам издал специальное постановление, по которому обращенный в ислам пленник переставал считаться человеком низшего сорта, чем-то вроде крепостного, как это было с пленными-немусульманами³⁵. Такие переводились в абсолютно равное со всеми положение, содержание получали из дома имама или наиба, и те, кого обращал в мусульманство сам Шамиль, ставились

надзирателями над остальными пленниками. Особое значение имам придавал женитьбе обращенных пленников на горянках. Он даже издал распоряжение, согласно которому девушка, вступившая в предосудительную связь с пленником, освобождалась от наказания, если выходила за него замуж. Эта сторона быта настолько занимала Шамиля, что он лично совершал обряд бракосочетания состоявших при нем обращенных пленников и горских женщин из числа беженок³⁶.

Вместе с тем Шамиль никогда не навязывал обращения в ислам. Это противоречило шариату. Все, кто придерживался своей веры, обитали в «русском поселении» вблизи резиденции имама сначала в Дарго, потом — в Новом Дарго³⁷. Здесь они имели право жить по своим обычаям и традициям, даже могли курить и выпивать, правда, не на людях. Была там и православная церковь, и священник. Туда же отправлялись пленницы и беженки из русских, которые могли выйти замуж по своему выбору и обвенчаться в церкви³⁸.

Отношение Шамиля к перебежчикам вызвало у русских опасение, как бы не началась волна дезертирства из армии³⁹, однако значительного всплеска не произошло. Такие явления в истории повторяются. Даже обижаемые меньшинства не решаются, судя по всему, идти на нарушение воинской дисциплины. Массовое дезертирство случается только при распаде командования и полном падении дисциплины. И все же общее число перебежчиков достигало нескольких сот⁴⁰. Трудно переоценить их вклад в создание военных сил горцев. В основном именно они служили в артиллерии Шамиля и обслуживали эту технику в других горских отрядах. Исключительно их силами велись военно-инженерные и горные работы. Их руками изготавливались пушки, артиллерийские снаряды и мины, порох и другое военное снаряжение.

Были среди них и пропагандисты, агитировавшие

земляков переходить на сторону Шамиля. Те, кто пользовался наибольшим доверием, были толмачами, переводили перехваченные документы и газеты, участвовали в допросах и переговорах с русскими. Некоторые занимались шпионажем в лагере русских. Наконец, из русских состоял военный оркестр, игравший на военных парадах и забавлявший Шамиля и горских бойцов сигналами, принятыми в русской армии, которые иногда так бесили русское командование.

Другие харбиты

Встречаясь с русскими перебежчиками, дезертирами и разными беглыми людьми, Шамиль узнал о существовании преследуемых российским правительством групп населения (инородцев, как, например, поляков, или религиозных сектантов, таких, как старообрядцы)⁴¹ и стал их тоже привлекать на свою сторону. Для этих преследуемых «фанатиками» были не горцы Шамиля, а преследовавшие их русские власти. Некоторые из этих групп населения предпочитали уходить от преследований в горы. Они вовсе не стремились участвовать в войне на стороне Шамиля, а просто хотели мирно жить и свободно исповедовать свою веру.

Достоянием гласности стала история старообрядцев из числа теркских казаков. В 1949 г. они ушли за Терек в горы и просили у Шамиля разрешения организовать уединенный скит, где хотели жить и молиться в ожидании конца света и Второго Пришествия Христа, ожидавшегося ими вскоре. Весной 1850 г. имам разрешил им поселиться, где сами пожелают. К ним стали подтягиваться новые беглецы, община староверов пережила несколько периодов взлета и упадка, перешла на новое место, но в конце концов вера в общине ослабла, и в 1852 г. она окончательно распалась⁴².

В сношениях с подобными группами населения Шамиль действовал строго в рамках правил шариата. Для него представители этих групп, как и перебежчики, были *харбитами*, пришедшими на дар аль-ислам (землю ислама), а потому к ним имам относился как к *мустаминам* (нуждающимся в защите).

К харбитам относились и две народности, представлявшие интерес для Шамиля, — горские евреи (таты) и армяне. И те и другие занимали ведущее положение в торговле⁴³, страдали от набегов горских племен. Правда, евреи страдали в меньшей степени, потому что торговлей они занимались только отчасти и сами жили по горским обычаям, то есть носили оружие, были отличными бойцами и могли за себя постоять; пролитая кровь у них не оставалась без отмщения.

С точки зрения Шамиля, как чужеземцы они являли собой законный объект для нападения со стороны мусульман. Не случайно обе народности жаловались на «посягательства банд Шамиля»⁴⁴, а поэтому заявляли о своей верности русским властям⁴⁵. Жалобы евреев, правда, больше относились к временам XVIII в., но и во времена Шамиля набеги горцев доставляли им немало бед⁴⁶. С другой стороны, особой верностью русским властям они тоже не отличались, несмотря на все свои заверения и благодарности за это со стороны русских властей⁴⁷.

Специфическая роль этих народностей в торговле и их малочисленность делали их особенно интересными для Шамиля. Имам был, конечно, заинтересован в развитии торговли внутри своих владений и с соседями⁴⁸. Поскольку прямые контакты мусульман с русскими и даже с единоверцами, проживавшими на подконтрольной русским территории, были для него нежелательны, естественно, вставал вопрос о посредниках, которыми могли выступать евреи и армяне. Этим можно объяснить примечательное высказывание Шамиля, сделанное им в мае 1848 г. в беседе с армянским купцом,

состоявшим в родстве с его женой-армянкой* и приехавшим навестить своего знаменитого свояка. Когда гость поблагодарил имама за разрешение ступить на его землю, Шамиль ответил, что «разреши́т это кому угодно», только никто «не решается спрашивать об этом»⁴⁹.

Попытки Шамиля привлечь армян и евреев к посредничеству в товарообмене особых результатов не дали. Если кое-какие свидетельства об участии в этом евреев еще можно найти⁵⁰, то таковых относительно армян практически нет.

Желание Шамиля налаживать отношения и сотрудничество с представителями других конфессий как на общественном, так и на индивидуальном уровне свидетельствует о его прагматизме и показывает, что он был далек от образа «фанатичного ненавистника всего христианского и русского», каким его изображали русские и советские историки. Но вместе с тем, не стоит впадать и в другую крайность и принимать на веру идеалистическую апологетику Абд-аль-Рахима, по которой имам при всей преданности исламу был терпим в вопросах веры; уважая все религии, он требовал от своих подданных, будь то христиане, иудеи или мусульмане, строго соблюдать требования своих религиозных законов⁵¹.

Отношение Шамиля к другим верованиям и верующим строго определялось канонами шариата. А каноны эти допускали «веротерпимость» лишь по отношению «народам Священного писания»⁵², на язычников это не распространялось. Последних, как писал имам Мухаммеду Амину, следовало обращать в истинную веру посредством силы⁵³.

* Младшая жена Шамиля Шуанет (в девичестве Анна Гукасовна Улуханова) впоследствии тоже разделила с ним ссылку в Калугу. — *Прим. пер.*

Шамиль и соседние державы

Османская империя

Как уже отмечалось, между Османской Турцией, с одной стороны, и дагестанцами и чеченцами — с другой, существовали давние исторические связи. Турецкий султан считался как бы главой суннитов, и на Кавказе его чтили очень высоко. «На небесах один Бог, — сказал Шамиль русскому офицеру, — а на земле один падишах — султан Османов».

Потому нет ничего удивительного в том, что когда Шамилю понадобилась помощь извне, он первым делом обратился к Стамбулу². Согласно имеющимся данным, впервые такое обращение имам сделал в 1839 г.³ Это в точности совпадает с изменением политического курса Шамиля, начавшимся в 1837 г. Однако ни на это обращение, ни на повторные призывы в 40—50-х гг. ответа из Блистательной Порты не последовало.

Надо сказать, что многих гонцов Шамиля перехватывали русские⁴, многие не добирались до места назначения по другим причинам⁵, но и те, кто добирался, «ничего от султана добиться не могли»⁶. За десять лет до этого, во время войны с Россией, Османы пытались поднять кавказских горцев на борьбу с русскими⁷. Но теперь султан был в мире с русским царем, и нарушать его поставки Шамилю оружия он не желал. Более того, в 30-е годы Россия стала единственной опорой, если не сказать защитой, султана в борьбе с египетским пашой Мухаммедом Али, что вообще исключало всякие действия, которые могли бы вызвать у русских раздражение.

Эта принципиальная политика Турции не измени-

лась после благополучного завершения «второго кризиса Мухаммеда Али» и восшествия на султанский престол Абдул-Мечиды, который не был таким горячим поклонником русского царя, как его отец. Сохранение мира с Петербургом оставалось делом первостепенной важности. Следовательно, ни о какой помощи Шамилю не могло быть и речи, тем более что русские много раз выказывали крайнюю чувствительность к любому вмешательству на Кавказе. Подозрительность русских, точнее сказать — паранойя, хорошо задокументирована. Достаточно привести историю, описанную Бушуевым. Русский посланник в Стамбуле показал Великому визирю перехваченное письмо Мухаммеда Амина, адресованное султану. Решит-паша, выведенный из себя частыми приставами на эту тему, попытался отделаться «ядовитой шуточкой» и «спросил, не желаем ли мы, чтобы султан утвердил учрежденный Шамилевым наибом макхам (гражданский суд)», что подозрительный и лишенный чувства юмора русский дипломат истолковал как подтверждение своих подозрений⁸.

К тому же в глазах Блистательной Порты связи Шамиля с Мухаммедом Али, а также с курдами и оппозиционерами в Аджарии на болезненном стыке границ с Россией и Персией его совсем не украшали.

Насколько Шамиль был рассержен и расстроен нежеланием Османов помочь ему в войне, имам прямо высказал в беседе с пленным русским офицером в 1842 г.:

«Неужели вы всерьез думаете, что султан строго соблюдает законы Мухаммада, и турки — истинные мусульмане? Они хуже гяуров. Попадись они мне в руки, я разорвал бы их на 24 части, начиная с самого султана. Он же видит, как мы, его единоверцы, сражаемся с русскими за Аллаха и за веру. Почему он нам не поможет?»⁹

Даже с учетом сгущения красок в русских свидетельствах его негодование было искренним. Но все равно имам испытывал пиетет к турецкому султану. Он понимал, что изменения политики Османов пока не предвидится и ждать широкой помощи от них, по крайней мере в обозримом будущем, не приходится, но в ожидании перемен к лучшему продолжал поддерживать контакты со Стамбулом.

Эти контакты имели еще ту ценность, что служили моральной поддержкой для горского народа. Кроме того, у Шамиля всегда были частные проблемы, в разрешении которых турецкая помощь хоть в малой мере, но все же была подспорьем¹⁰. Эти контакты использовались также для того, чтобы убедить Османов изменить свою политику. Это лоббирование осуществлялось и по другим направлениям. Были задействованы «халидийские связи», имам и его муршид пытались убедить главного муфтия Стамбула и мекканского *тарифа*, чтобы те повлияли на султана¹¹.

Контакты со Стамбулом, всегда связанные с большим риском и трудностями, осуществлялись по двум путям: окольными караванными тропами через курдов — это был главный путь, и по Черному морю в Черкессию, затем через Кабарду в Чечню. Второй путь стал использоваться более интенсивно после приезда к черкесам Мухаммеда Амина. Переход Даньяла на сторону имама дал Шамилю возможность пользоваться услугами бывших подданных султана Элису, в своей массе сохранивших ему верность. Те могли ездить в Стамбул прямой дорогой.

Надежды Шамиля на то, что Османы изменят к нему отношение, покоились на том основании, что Порта не прерывала с ним контакты, а порой даже сама выступала инициатором. Это объяснялось заинтересованностью Османов в получении сведений о движении Шамиля, которое росло и ширилось и могло оказаться полезным для Османской империи. В 1843 г. Стамбул

запросил такую информацию. Шамиль составил подробный отчет и послал, но, по-видимому, до адресата его отчет не дошел¹². В 1848 г. Стамбул послал к Шамилю черкеса, постоянно проживавшего в Турции, с заданием получить сведения о движении имама, его тактике, целях и достижениях. На этот раз миссия, кажется, оказалась более успешной¹³.

Со временем на дипломатическом горизонте произошли перемены. Русско-турецкие отношения становились все напряженнее, и военный конфликт между Россией и Турцией уже не казался таким невероятным. Пришла пора Османам подумать о контактах с Шамилем¹⁴. В начале 1850 г. командующий турецкими войсками в Эрзеруме высказал уверенность в том, что Шамиль пойдет на сотрудничество, значит, так или иначе этот вопрос между сторонами обсуждался¹⁵. Но если какого-то взаимопонимания стороны и достигли, то лишь в самой общей форме, в виде намерений; никаких конкретных мер по налаживанию взаимодействия или оказанию помощи Шамилю в данный момент или в будущем не предпринималось.

Когда разразилась Крымская война, отсутствие четких договоренностей сразу сказалось. Ни та, ни другая сторона к совместным действиям готовы не были, и к тому же не имели представления о силах друг друга, о планах и возможностях. А главное, каждый надеялся, что другой все сделает своими силами и самостоятельно. Беспомощность и провалы Османов вызвали у Шамиля полное разочарование, в последние годы жизни он горько на них сетовал и ругал султана¹⁶.

Но, как всегда, даже из безрезультатных связей с Османами Шамиль извлек для себя пользу. Контакты с *хункаром*, как почтительно именовали на Кавказе турецкого султана, не только придавали дополнительный вес и значимость имаму, но Шамиль использовал их для поднятия морального духа своего народа. Он прекрасно понимал, как слаб его маленький народ в

борьбе против огромной державы. Он и его сторонники сознавали, что без помощи извне у них нет никаких шансов на победу. Чтобы продолжать борьбу и сносить все тяготы войны, народ должен знать, что его единоверцы в других странах знают о борьбе мусульман Кавказа, сочувствуют им и действительно готовы прийти на помощь. А нужда в ней была великой, и никакие победы на поле сражения ее не облегчали.

Именно поэтому имам предавал гласности свои контакты с Османами, сообщал о действительном или предполагаемом прибытии из Стамбула гонцов, широко распространял тексты писем от султана¹⁷. Тем самым он шел по стопам Гази Магомеда. Но Шамиль сделал шаг дальше: он часто заводил разговор о планах вступить во взаимодействие с турецкими войсками. В конце 40-х гг. широкое распространение среди горцев получило предсказание, якобы сделанное каким-то мудрецом, о скором пришествии Османов, когда Шамиль должен стать *сидаром* султана. Если и не сам Шамиль пустил этот слух, то и опровергать его он не собирался.

Когда в конце 40—50-х гг. имама постиг ряд военных поражений и пошедший за ним народ стал испытывать еще большие тяготы, Шамиль активизировал свои шаги в направлении Османов, что совершенно понятно. В начале 40-х гг. контактов с Османами практически не было, хотя нужда в них была большой. В середине 40-х гг. ряд блестящих побед на время эту нужду приглушил. Теперь же имам был вынужден чаще выкладывать турецкую карту, и контакты с Османами были бы как нельзя кстати. Но вследствие Крымской войны опора на Османов привела к совершенно обратным результатам.

Мухаммед Али

В начале сороковых годов отсутствие помощи со стороны Османов с лихвой возмещалось поддержкой со стороны египетского паши Мухаммеда Али. О его влиянии на

события 1840-го г. в Черкесии и Чечне мы уже говорили. Речь идет о письмах, подлинных или фальшивых, самого паши и его сына Ибрагима в поддержку Шамиля, о которых уже упоминалось. Контакты между имамом и пашой продолжались несколько лет¹⁹ и служили хорошим подспорьем для упрочения власти Шамиля, для поддержки морального состояния народа, точно так же, как работали для этого в более поздние годы контакты имама с Османами²⁰. Знаменитое письмо Мухаммеда Али 1840 г., например, ходило по рукам вплоть до 1844 г.

Стоит еще раз подчеркнуть огромный престиж египетского паши в то время, иначе будет трудно понять, какую мощную поддержку получал Шамиль, используя имя Мухаммеда Али. Как свидетельствует русский офицер, оказавшийся пленником Шамиля, у горцев авторитет Мухаммеда Али был несравненно выше, чем авторитет турецкого султана, у которого тот отвоевал целое царство; паша стал самым могущественным мусульманским правителем, победил неверных инглизов [англичан] и ифранжидов [французов]²¹

Помощь египетского паши не ограничивалась только моральной поддержкой Шамиля. По некоторым сведениям, она была более ощутимой. Например, шекинский кадий Абд аль-Рахман в беседе с английским консулом в Тебризе рассказывал, что Шамиль направлял его к «турецкому султану Мухаммеду Али», который посылал имаму деньги», и «несколько инженеров, которые все еще там находятся»²².

При Шамиле, в самом деле, было несколько особых персон, схожих по крайней мере в трех вещах: все они были кавказцами, кроме одного выходца из Крыма;

все они побывали в разных странах Ближнего Востока, включая Египет; каждый был специалистом в какой-то области. Среди этих лиц выделялись Хаджи-Яхья аль-Чиркави, организатор и командующий артиллерией Шамиля, крымский-татарин Джафар²³, построивший пороховые фабрики и управлявший ими, Хаджи-Джабраил аль-

Унсукулуви²⁴, наладивший литье пушек и изготовление пороха сначала в Аншале, затем в Новом Дарго, и, наконец, самая видная фигура, чеченец из родного аула шейха Мансура—Алды по имени Хаджи-Юсуф Сафароглы [Сафаров]²⁵.

Хаджи-Юсуф был главным инженером имама, картографом, командиром, администратором, политическим советником и юрисконсультom. Он руководил инженерными работами по укреплению Гергебиля, Салтаха и Чоха. Будучи офицером низамичедид Мухаммеда Али, он участвовал в создании регулярной пехоты Шамиля — низама. В 1854 г. Шамиль уличил его в тайных связях, согласно одним источникам — с русскими, по другим — с Османами, и отправил в ссылку. Через два года Хаджи-Юсуф бежал оттуда к русским и вскоре после этого умер. Его последней работой была составленная по заказу русских карта владений Шамиля²⁶.

Осталось неизвестным, действительно ли они были присланы к Шамилю египетским пашой или нет, но считалось, что дело обстоит именно так, и это имело большое значение. А главное, они внесли большой вклад в дело борьбы горских народов, помогли им вести эту борьбу на протяжении долгих лет и во многих отношениях способствовали укреплению власти и влияния Шамиля. Такова была помощь Мухаммеда Али; неважно, реальная она была или вымышленная, существенно здесь то, как умело и расчетливо сумел Шамиль ею воспользоваться.

Каджары

В отличие от Гази Магомеда, который, как считалось, имел обширные связи с Каджарами²⁷, Шамиль таковых практически не имел вовсе. В 1848 г., незадолго до своей кончины, персидский шах Мохаммед направил Шамилю послание, «тщательно скрытое от его главного министра», в котором выражал «свои симпа-

тии ведущейся почтенным руководителем войне и предлагал помощь, какую Персия может себе позволить»²⁸. Шамиль послал ответное письмо, но оно опоздало, шах уже умер²⁹.

В том же году вследствие протеста русских был арестован губернатор Арбиля за то, что продал Шамилю партию пороха³⁰. Сейчас уже не установить, чем был продиктован этот шаг губернатора, политическими соображениями или обычной корыстью, и связаны эти события между собой или нет. В истории эти два факта остались изолированными, так сказать, вне исторической связи. Такому состоянию отношений способствовали традиционная неприязнь и недоверие друг к другу, существовавшие между персами-шиитами и дагестанцами-суннитами. Но главная причина заключалась в Туркманчайском мирном договоре между Россией и Персией, «самом большом и унижительном для нации несчастье в новейшей истории Персии», оставившем часть Азербайджана «в холодной тени Северного колосса, что с тех пор не переставало мучить всех государственных деятелей Персии»³¹.

Согласно русским источникам, гонцы Шамиля, пользуясь «халидийским каналом», свободно ездили между «Царьградом [Стамбулом], Багдадом и Гератом»³². Это справедливо, потому что во всем исламском мире к борьбе Шамиля относились с сочувствием. Но другие мусульманские владыки находились много дальше персидских, и от них трудно было ожидать чего-то другого, кроме моральной поддержки. По сути дела, они могли только молиться за Шамиля, как это делал, например, бухарский эмир³³.

Западные державы

Среди западных держав, в той или иной мере проявлявших интерес к бассейну Черного моря и Кавказу, особое место занимала Великобритания. На этих страни

Часть восьмая. «Страна Аллаха»

цах уже шла речь как о санкционированной английскими властями, так и о самостоятельной деятельности английских агентов среди черкесов. Франция, единственная из европейских стран, держала в Тифлисе консула, но ее роль была менее заметной³⁴. Ни одна из этих стран не пыталась наладить с Шамилем контакты³⁵. Единственными европейцами, попытавшимися это сделать, были польские эмигранты, но и им это не удалось³⁶.

Сам Шамиль к Англии и Франции относился с недоверием, и не только потому, что считал зазорным иметь дело с неверными. По-видимому, имам был наслышан про обещания Уркварта, которые никогда не выполнялись. Если верить сведениям русских, Шамиля очень это огорчало. Что касается Франции, то Шамиль по своим «халидийским каналам» и из русских газет знал о войне в Алжире, которую эта страна вела против шейха Абд аль-Кадира³⁷. Поэтому по своей инициативе имам никаких связей с христианскими странами не устанавливал. Дело изменилось с началом Крымской войны, но лишь на краткий

период и с недолгими
последствиями.

356

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

КОНЕЦ

Глава двадцать пятая

Крымская война

О марте 1853 г. Шамиль писал турецкому султану Абдул-Мечиду:

«Милостивый и Великий халиф, мы, твои подданные, вот уже много лет боремся с врагами нашей веры, и сил наших больше нет. Мало того, нам, твоим подданным, из года в год столько пришлось вынести, что не осталось чем противостоять врагу. Мы лишились всего, и никогда нам не было так худо»¹.

Имам обращался к Османам за помощью на протяжении 15 лет, но еще ни разу в его просьбах не звучало такого отчаяния. Даже со скидкой на сгущение красок, письмо явно свидетельствует о тяжелом состоянии Шамиля и его народа.

«Семь трудных лет» планомерного наступления русских в Чечне, даже с учетом хвастовства русских, горцам обошлись дорого. Хотя большинство чеченцев твердо шли за Шамилем и не отказывались от борьбы, они переживали голод, были измучены, обнищали и пали духом. Шамиль, в отличие от русских и многих своих сподвижников, понимал, что чеченцы находятся на грани полного истощения. А если это произойдет, то и Дагестану долго не продержаться².

Поэтому перспектива русско-турецкой войны была для имама и его народа лучом надежды. Все внимание русских и основные силы теперь были прикованы к

турецкому фронту, а действия на Кавказе «свелись к оборонительным мероприятиям, проведение которых значительно труднее наступательных»³. Но главное состояло в том, что впереди замаячила столь долгожданная и столь необходимая помощь Османов, без чего об освобождении Кавказа от русского присутствия не могло быть и речи. Но сам Шамиль и его народ не намеревались сидеть сложа руки. Весной и летом 1853 г. стали поступать многочисленные сведения о подготовке Шамиля к широкому наступлению, но, как всегда, слухи оказались очень далекими от его истинных намерений⁴.

5 сентября с десятитысячным отрядом при четырех орудиях Шамиль появился в горах, возвышающихся над окрестностями Закарталы⁵, что оказалось для русских полной неожиданностью. На следующий день горцы заняли пустующий аул. Орбелян отеснил их обратно в горы, но это стоило ему 64 человек убитых и 134 раненых. Шамиль оставался там девять дней. «Одно его присутствие здесь вносило смятение в души местных мусульман и служило искушением их зыбкой верности правительству»⁶.

Сковав отряды Орбеляна под Закарталы, Шамиль «разослал своих мюридов по аулам Белоканского района»⁷ и «наводнил окрестности Закарталы мелкими отрядами, которые, полностью нас окружив, прямо на наших глазах стали устраиваться, будто у себя дома».

17 сентября Шамиль с основными силами подошел к редуту близ Месед эль-Кера, который русские начали строить еще весной. Строительство было не завершено, но уже с 7 сентября работы остановились: редут оказался в осаде. В ходе осады «горцы показали нам на деле, насколько неудачно и непродуманно было выбрано место для редута», — признавался Дзержинский. Подойдя к укреплению вплотную, Шамиль дважды пытался взять редут штурмом, но это ему не удалось, и 18 сентября он снова отошел в горы⁹.

Причиной, по которой Шамиль решил захватить редут, было известие, что на выручку Орбеляна двинулся Аргутинский с отрядом в 6500 штыков, 2000 сабель и с 12 пушками. В свою очередь, узнав об осаде далекого редута, Аргутинский среагировал необыкновенно быстро и уже 9-го числа вышел в поход. Он шел десять дней караванными тропами или совсем без дорог через пять горных хребтов с покрытыми снегом вершинами, и его марш был охарактеризован Воронцовым как «исторический и почти беспрецедентный»¹⁰. Но когда он подошел к Орбеляну, Шамиль уже ушел.

Это было последним подвигом Аргутинского. На обратном пути в Темир-Хан-Шуру он заболел и, «обиженный за своих солдат, жертвы которых в этом походе не были должным образом оценены», подал в отставку¹¹. Вскоре после этого он умер.

Кампания Шамиля очень обеспокоила Воронцова и русское командование. Цель имама была ясна: он «дал понять местным жителям, что направляется в Тифлис, где хочет встретить турецкого султана»¹². Но действия имама на целый месяц опередили события. Турция официально объявила России войну лишь 5 октября 1853 г. Узнав, что война еще не началась, и видя, как истощаются его запасы, Шамиль решил уклониться от боя с Аргутинским и отошел.

Непосредственно накануне или уже в ходе своей операции Шамиль «послал к туркам гонцов с сообщением, что они могут на него положиться в том, что как только он узнает, что они готовы ударить по русским, он тоже ударит со своей стороны»¹³. В то время когда послание Шамиля дошло до Османов, он уже получил письмо-*фирман* от султана¹⁴. Это означало, что несмотря на все попытки русских воспрепятствовать сношениям Шамиля с Османами и на трудности сообщения, связь между ними была установлена.

Понимая, что значит такая связь, русские уже летом 1853 г. приняли меры для задержания турецких послан

цев к Шамилю и прекращению переписки между турецким консулом в Тифлисе и имамом¹⁵. За первые полтора года Крымской войны русские арестовали несколько посланцев на пути к Шамилю или от него и отобрали у них письма¹⁶. Были случаи, когда русские знали о посланцах, но им не удавалось их перехватить¹⁷.

Трудность этих контактов состояла и в том, что горцы не знали турецкого языка и турецкой письменности, которой, естественно, писались послания в Стамбуле. Даниял, например, несколько раз просил, чтобы ему писали либо по-арабски, либо «по-турецки, как пишут в Шеки» (т. е. на языке азербайджанских турок)¹⁸. Но, несмотря на все это, связь Шамиля с Турцией работала в обоих направлениях¹⁹.

Осень 1853 г. прошла относительно спокойно, и русские и горцы ограничились лишь несколькими вылазками²⁰. Но спокойствие это было довольно напряженным. Русские вынуждены были держать себя в постоянной готовности из-за частых донесений о приготовлениях горцев и концентрации их сил, а также по причине активной агитации, которую вели люди Шамиля среди усмиренных и полуусмиренных мусульманских обществ²¹. В середине декабря Шамиль собрал в Новом Дарго всех своих наибов и совещался с ними четыре недели подряд, после чего по всей Чечне был разослан его приказ готовиться к общему выступлению²².

Но ни зимой, ни весной 1854 г. больших выступлений Шамиль не предпринимал. В конце декабря 1853-го г. Шамиль направил Талгика с заданием эвакуировать население в районе Хан-Кале, но русские ему помешали это сделать²³. После этого значительных операций не проводилось, хотя русские много раз поднимались по тревоге²⁴. Лишь в июле имам предпринял одну серьезную кампанию, по стечению обстоятельств ставшую на Западе самой известной из всех кампаний Шамиля²⁵.

Вечером 14 июля 7000 всадников и 5000 пеших бойцов Шамиля появились на горе Пахалис-Тави, возвышающейся над Шилди и всей Алазанской долиной. Как обычно, Шамиль сумел застать русских врасплох и «свалился на Шилди как снег на голову»²⁶. Эта кампания во многом походила на предыдущую, но с куда более печальными последствиями для русских, потому что в этот раз их командование оказалось менее компетентным.

После отставки Аргутинского командовать Каспийской областью поставили Орбеляна, а на его место на Лезгинской линии назначили Меликова, который еще в 1850 г. проявил себя с самой плохой стороны²⁷. Произошли перемены и в Тифлисе. Воронцов был измучен, болен и сильно переживал, что политика на юге России проводилась не так, как он советовал, в результате чего началась война с турками, к которой подключились союзницы Турции — Великобритания и Франция. Воронцов испросил разрешения отправиться на лечение за границу и, получив его в марте 1854 г., немедленно уехал.

Император сначала решил поставить на его место Муравьева, но, не желая обидеть Воронцова (который с Муравьевым с некоторых пор находился в ссоре), решил с назначением наместника погодить. Поэтому Воронцов как бы находился в отпуске²⁸, а исполнять его обязанности командующего Кавказским отдельным пехотным корпусом военного времени поставили Николая Андреевича Рида, который принял это назначение весьма неохотно. Тридцать лет он прослужил в кавалерийских войсках в самой России и прибыл в ставку Воронцова в 1851 г. в качестве инспектора кавалерии²⁹. Обстановка на Кавказе была ему незнакома, а кроме того, он не отличался решительностью, постоянно колебался и легко поддавался панике³⁰.

15 июля Шамиль послал своего сына Кази-Магомед в рейд по Алазанской долине. Не встретив особого сопротивления (ответные действия русских были нере-

шительными и очень медленными), горцы два дня подряд грабили и жгли все деревни по обоим берегам Алазани. 17 июля они вернулись в свой горный лагерь с невиданным числом пленных и богатыми трофеями.

Неожиданное появление горцев, их большая численность и быстрота действия вызвали ужас у местного населения³¹ и в Тифлисе. По свидетельству итальянского купца, оказавшегося в это время на месте событий, русские «были страшно встревожены. Шамиль был под боком, а в городе не было и 2000 солдат, и казалось, ему ничего не стоит опустошить город»³². Но имам не двигался с места. В отличие от большинства русских и западных наблюдателей³³, Шамиль был реалистом, знал свои силы и возможности, а потому стал ждать продвижения турецкой армии. 22 июля Шамиль отошел дальше в горы и прождал там еще три недели. Наконец, он свои отряды распустил и в середине августа вернулся в Новое Дарго.

Люди Шамиля торжествовали по случаю на редкость удачного похода, а сам он, как говорят, сказал: «После такой радости надо ждать беды»³⁴. Он, как никто другой, понимал, что означала эта кампания. Накануне своего выступления имам сообщил турецкому командованию в Карсе, что движется к Тифлису на соединение с турецкими войсками³⁵. Шамиль, конечно, знал о поражениях Османов во время зимних боев: турки потерпели три поражения подряд — 10, 13 ноября и 1 декабря 1853 г. А кроме того, 30 ноября русский флот уничтожил турецкую черноморскую флотилию под Синопом, что и привело к вступлению в войну Франции и Англии³⁶. Поэтому Шамиль «предложил взаимодействие в том случае, если *мюсир* будет уверен в успехе, а если такой уверенности нет, то лучше будет не рисковать, а подождать результатов моих действий»³⁷. Турки навстречу ему не двинулись, и худшие опасения Шамиля скоро получили подтверждение: они были разбиты на р. Чолок (15 июня), под Ченгелем (15 июля)

и у Курундере (5 августа 1854 г.)³⁸. Ждать от них помощи было нечего.

В начале месяца мухаррам 1271 г. (конец сентября 1854 г.) Шамиль предпринял попытку провести еще одну кампанию. На этот раз его целью стала Чечня, где он хотел соединиться со своим наибом у черкесов Мухаммедом Амином. Но ответа от наиба он не дождался и от этого плана тоже отказался³⁹. Таким образом, до конца Крымской войны имам оставался пассивным, сведя свои действия к «частым мобилизациям» и «набегам на русские границы»⁴⁰.

Громкую же известность набег на Алазанскую долину получил в результате того, что среди сотен пленников оказалась жена князя Чавчавадзе с сестрой* (обе они приходились внучками последнему царю Картли и Кахетии Георгию XII). Их вместе с детьми и гувернантками-француженками⁴¹ захватили в княжеском поместье в Цинандали. Известие о потрясающем событии волной прокатилось по всей России и охватило Европу. Для Шамиля это событие повлекло три важных последствия.

Первым и самым главным для него лично стало возвращение сына Джамала ал-Дина⁴², отданного им в 1839 г. Граббе в заложники**. 22 марта 1855 г., после длительных переговоров, княгини и их домочадцы были выкуплены за 40 тысяч рублей серебром и возвращение Джамала. Одновременно состоялся масштабный обмен пленными⁴³, в результате чего Шамилю вернули заложников, переданных Фези в 1837 г., включая его племянника и плененных при взятии Ахульго в 1839 г. Но радость имама от возвращения сына была недолгой: здоровье Джамала ухудшилось, и в 1857 г., по сведениям русских источников, он умер от чахотки. Но среди горцев широко распространился слух, что его смерть

*Княгини А. И. Чавчавадзе и В. И. Орбелиани. — *Прим. пер.*

** Джамал ал-Дин (Джелалэтдин) был в это время офицером Владимирского уланского полка. — *Прим. пер.*

наступила от медленно действующего яда, который русские ему подсыпали накануне освобождения⁴⁴.

Вторым важным последствием злосчастного рейда по Алазанской долине стало его воздействие на взаимоотношения Шамиля с Турцией и ее западными союзниками. Англия и Франция вступили в Крымскую войну с Россией, плохо зная ситуацию на Кавказе, но с готовностью взаимодействовать с загадочным «вождем черкесов», получившим весьма романтическую известность в Европе в конце 40 — начале 50-х гг.⁴⁵ Некоторые политики, как, например, Пальмерстон*, были готовы пойти на создание после войны независимого черкесского государства во главе с имамом — так высоко ценилось в ту пору его участие в коалиции⁴⁶. И французы, и англичане пытались выйти на Шамиля⁴⁷. Но очень скоро им стало ясно, что добраться до него, не говоря уж о налаживании сотрудничества, чрезвычайно сложно⁴⁸. Тут стали прислушиваться и к мнению людей, «достойных доверия», утверждавших, что добиться согласованных действий с Шамилем будет очень нелегко⁴⁹.

Могущественный посол Англии в Высокой Порте лорд Стрэтфорт де Редклифф⁵⁰ относился к Шамилю и идее сотрудничества с ним с большим недоверием⁵¹. Когда же пришло известие о пленении им грузинских княгинь, он страшно разгневался и назвал Шамиля «фанатиком и варваром, с которым нам и даже Порте будет трудно наладить доверительные и добрые отношения»⁵².

Посол так рассердился, что послал английскому представителю в турецких войсках в Анатолии полковнику Уильямсу⁵³ «частное письмо», в котором просил направить Шамилю с посыльным имама при турецком

* Пальмерстон Г. Дж. Т. (1784—1865), премьер-министр Великобритании в 1855-1858 гг. и с 1859 г. лидер вигов. В 1830—1834, 1835-1841, 1846—1851 гг. — министр иностранных дел. Правительство Пальмерстона принимало участие в организации Крымской войны 1853—1856 гг. -Прим. пер.

командовании послание⁵⁴. В этом послании Уильямс должен был совершенно недвусмысленно объяснить ему, что «воевать с женщинами и детьми не полагается», и попросить имама немедленно освободить княгинь. Уильямс такое письмо послал и получил на него ответ⁵⁵. Английский министр иностранных дел Кларендон полностью разделял возмущение Редклиффа относительно «ужасного и отвратительного насилия» и «полностью одобрил» все шаги посла⁵⁶. Последствия этого проступка имама проявились в том, что в дальнейшем англичане стали откликаться на просьбы Шамиля весьма неохотно и с промедлением⁵⁷.

Но этим дело не кончилось. Английский посол с согласия Лондона «убедил Порту» направить Шамилю строгое письмо с выговором за «ведение войны против женщин и детей и с приказом немедленно освободить их»⁵⁸. Четыре года спустя Шамиль изложил свою версию этих событий:

«В самом начале Крымской войны он получил предложение приготовиться к встрече союзных войск в Имеретии. Известив о своем согласии, Шамиль сразу же приступил к реализации своего плана... Весной 1854 г. он выступил в район Чар-талаха... Его намерением было идти на Тифлис, но чтобы действовать наверняка, он направил османскому командованию в Каре и в Абхазию сообщение о своем намерении. В ожидании их ответа он послал своего сына с отрядом конников и пехоты в Кахетию, а сам с основными силами стал лагерем вблизи одного из русских редутов... Скоро пришел ответ, содержание которого показалось ему просто оскорбительным. Вместо благодарности за его готовность действовать в соответствии с планами союзников и за быстроту, с какой он исполнил свое обещание, его стали упрекать и отчитывать, как последнего подданного»⁵⁹.

Шамиль, как это явствует из его письма Уильямсу, мог простить нанесенную обиду и, действительно, не стал делать из этого события⁶⁰. Но она не забывалась, особенно когда англичане (и французы тоже) не стали торопиться с помощью. Примечательный факт: в августе 1855 г. русские получили сообщение, что Шамиль «не одобряет» союз Османской империи с западными державами⁶¹.

Что касается Стамбула, то Шамиль скоро осознал, что это «гиблое дело». Ничего кроме знамен, медальонов и пустых обещаний он от Османов так и не получил. Одна такая партия значков и знамен прибыла в мае 1855 г., и в сопроводительном письме говорилось, что Шамилю обещается пост валия Тифлиса после его захвата⁶². Эти посылки и сувениры годились только для поддержания духа людей, что Шамиль полностью и использовал⁶³, но реальной пользы от этого было мало.

Для общей картины стоит упомянуть и о письме из Персии, которое Шамиль получил в апреле 1855 г. (т. е. через шесть месяцев после заключения секретного договора, гарантировавшего нейтралитет Тегерана в Крымской войне, за что Петербург отказывался от военных контрибуций по Туркманчайскому договору), с приглашением участвовать в готовящейся войне с Россией⁶⁴.

Наконец, третьим последствием набега на Цинандали, самым неожиданным и таким, которое могло привести к очень крупным событиям, стала возникшая возможность переговоров между имамом и русскими, прерванных на целых 12 лет⁶⁵. Причем эта возможность стала еще более реальной с назначением 11 декабря нового кавказского наместника и главнокомандующего. Царю так надоело выслушивать панические донесения Рида и разбирать его нескончаемые споры с командующим Анатолийским фронтом Бебутовым, что он решил его сместить.

Николай Николаевич Муравьев⁶⁶ к тому времени сделал выдающуюся карьеру. Вот некоторые из ее этапов: сам Ермолов посылал его с дипломатической миссией в Хиву. В 1828 г. он отличился храбростью при взятии Карса. В 1833 г. в разгар «первого кризиса» Мухаммеда Али он в качестве чрезвычайного посланника ездил к египетскому паше и в том же году командовал русскими войсками на Босфоре. Муравьев был строгим и взыскательным начальником, он отменил все роскошества, введенные предшественником, и очень скоро настроил против себя кавказское офицерство и чиновничество.

Новый царский наместник недоумевал, почему нельзя покончить с Кавказской войной или, по крайней мере, приостановить ее, начав переговоры с Шамилем и предложив ему сдать на условиях, не ущемляющих его достоинства. Но действовать тут следует со всей осторожностью: для этого сначала надо бы наладить с Шамилем добрые отношения, которые в подходящий момент станут трамплином для более серьезного разговора⁶⁷.

Первая нить таких отношений протянулась во время переговоров об обмене пленными. Командующий на Кумыкской равнине Леонтий Павлович Николаи⁶⁸ установил дружеские отношения с Джамалом ал-Дином и завоевал доверие Шамиля. После освобождения Джамал поддерживал общение с Николаи, главным образом ради получения русских книг.

И вот Николаи через Барятинского получает указание Муравьева начать реализацию его плана. Ему было поставлено условие держать все в строгой тайне и докладывать о результатах через голову начальников непосредственно Барятинскому⁶⁹. Кроме этих трех человек, еще военный министр Горчаков да император знали о секретных переговорах. Однако в мае 1855 г. у Барятинского вконец испортились отношения с Муравьевым, и он покинул Тифлис⁷⁰. На его место для

передачи секретных сообщений был назначен старший чиновник в Тифлисе, брат Л. П. Николаи — Александр Павлович. В феврале 1856 г. командование Левым флангом принял Евдокимов, и все сообщения о переговорах шли уже через него.

Николаи действовал очень осторожно. Осмотрительность ему казалась необходимой прежде всего из-за «неблагоприятного мнения, по неведомым причинам сложившегося у Шамиля и его последователей, относительно нашего сближения»⁷¹. Русские решили начать с установления торговых связей. Оказалось, что Шамиль пошел на это даже охотнее, чем можно было предположить, и в конце 1855 г. они договорились организовать нормальный товарообмен «имамата» с Хасавюртом⁷². Так был сделан первый шаг в длительном процессе мирного покорения Кавказа.

Скоро Николаи обнаружил, что Шамиль понял «благоприятность ситуации для налаживания сношения с русскими на выгодных для себя условиях» даже ранее, чем русские предполагали. Но, будучи «хорошим артистом», имам «будет скрывать свои намерения, пока не убедится в полной возможности ступить на путь мирных переговоров без опасений утратить свое влияние в народе». Более того, «как истый мусульманин Шамиль не перестанет надеяться», что мощная антирусская коалиция «восторжествует во славу ислама. Поэтому он будет тянуть с решительным шагом (понимая, что такой шаг нельзя будет сделать втайне от своих последователей)».

Русским, в свою очередь, тоже не хотелось такого поворота событий. Николаи получил строгое указание «в первую голову стараться удержать нашего горского соседа от враждебных действий и добиваться того, чтобы он был готов на любые условия». При таких обоюдных ограничениях никакого продвижения далее соглашения о товарообмене быть не могло.

В сентябре 1856 г., через шесть месяцев после заклю-

чения Парижского мирного договора, Шамиль попытался выйти из этого тупика. Он говорил Джамалу:

«Если султан Абдул-Мечид, сам заключив с русскими мир, скажет нам сделать то же самое, я буду не вправе поступить иначе»⁷⁸. Но было уже поздно. К тому моменту никакие переговоры русским уже не были нужны.

Гуниб

Крымская война показала русским, как ненадежно их положение в крае, где сохраняются очаги сопротивления. Агентура Шамиля и турок так накалила обстановку в Табарсарани, что русские были вынуждены три года подряд направлять туда экспедиции. Такая же экспедиция требовалась в Эриваньскую область, а в Шеки, где русским удалось перехватить и задержать гонца Шамиля, тот бежал и привел туда отряд горцев¹. Всем было ясно, что после войны этим следует заняться всерьез.

Уже осенью 1854 г. императору был представлен доклад о целесообразности воспользоваться дополнительными силами, брошенными на Кавказ по случаю войны, и «предпринять решительные действия для покорения горцев»². Автором доклада был Дмитрий Алексеевич Милютин, будущий военный министр, реформатор армии 60-х годов, один из самых блестящих государственных деятелей Российской империи. Начав службу в 1833 г., он дважды побывал на Кавказе, участвовал в осаде Ахульго 1839 г.. С 1845 г. он преподавал в Военной академии, а с 1848 г. состоял чиновником по особым поручениям при военном министре³.

За две недели до заключения Парижского мирного договора, который был подписан 30 марта 1856 г., новый император Александр II предложил военному министру князю Долгорукому поговорить с «кавказскими стариками» и узнать их мнение о докладе Милютина. Опросили Воронцова, Муравьева, Коцебу, Воль-

и Барятинского, и все они высказались за⁴. Таким образом, летом 1856 г. было принято решение: пока свежо воздействие

договоренностей Парижского договора, сокрушить силами 200-тысячной Кавказской армии Шамиля и покорить Кавказ⁵. Парижский договор для горцев стал потрясением:

«К имаму пришли депутации со всей Чечни и от большинства горских племен в один голос потребовали мира. Они заявили Шамилю: «если султан с французами и англичанами, столько нам наобещав, не смогли справиться с русскими и нам не помогли, значит, нам пора самим подумать, как защитить себя. Что другое нам осталось?» Они столь настойчиво требовали своего, что у Шамиля другого выбора не было, и он согласился, но попросил два месяца сроку, чтобы выяснить, насколько полно в условиях общего мирного договора могут быть учтены все требования горцев⁶. Теперь стало возможно без особых усилий, только не делая ошибок, разом добиться всего, за что мы пятьдесят лет столь безуспешно боролись, сказал Шамиль.

И в этот критический момент произошло следующее: было решено для полного покорения Кавказа все его усмиренное население перевести в Вологодскую губернию или на другие пустующие земли. В Ставрополе состоялось совещание, на котором решили чеченцев переселить на Маныч...⁷. Можете себе вообразить, что это были не фантазии политической сходки студентов, а официальное постановление?

Эту безумную идею передали чеченским старейшинам. Шамиль восстал. Он снова собрал представителей обществ и спросил, известно ли им об этом постановлении. Все ответили, что знают о нем. «Это перст Аллаха, — сказал Шамиль. — Мне

не придумать казни для чеченцев, которые оказались такими предателями вместе со своими русскими господами. Вы сами готовы отправиться на Маныч?» Ответа на это не последовало, все молча разошлись.

Усмиренные чеченцы заявили, что они ни за что не оставят свою родину. Все покоренное население Чечни и Дагестана снова пришло в то же состояние, как в 1843 г. К счастью, сначала чеченцы попробовали разрешить дело миром: они направили императору через Барятинского петицию, и приехал курьер с приказом всякие действия по этому делу прекратить. Но отношения уже были испорчены, единственный благоприятный шанс был упущен»⁸.

Эта глупая затея стала одной из причин смещения Муравьева, но главной причиной было его соперничество с Барятинским.

Князь Александр Иванович Барятинский⁹ был другом детства императора Александра II. Он сам выбрал себе службу на Кавказе, где быстро шел по ступеням карьеры: командир батальона (1845), полка и Кумыкской равнины (1850), командующий Левым флангом (1852) и наконец начальник штаба Кавказского корпуса (1853). Располагая связями и средствами, Барятинский вел себя независимо и перед начальством не расшаркивался. Это было главной причиной его стычек с Муравьевым и отъезда с Кавказа 6 июня 1855 г.

Теперь, когда на троне был новый император, стало ясно, что первую скрипку в кавказских делах будет играть Барятинский. 17 июня 1856 г. Муравьев подал прошение об отставке¹⁰. Александр II отставку принял и назначил на его место Барятинского¹¹. Первым шагом нового наместника было назначение Милютин своим начальником штаба¹². Оба тут же приступили к разра-

ботке плана окончательного разгрома Шамиля на основе милютинского доклада 1854 г.¹³

Шамилю и горцам предстояло последнее безнадежное сражение. Оно действительно оказалось разгромным. Первую кампанию в Большой Чечне новый энергичный командующий Левым флангом Евдокимов¹⁴ провел уже зимой 57 г.¹⁵. В апреле 1857 г. Барятинский

докладывал в Петербург, «что чеченское предгорье окончательно вырвано из рук Шамиля»; по существу, это было возвращение статус кво весны 1853 г.

Но прежде чем перейти в решительное наступление, Барятинский и Милютин провели реорганизацию Кавказского корпуса, который стал теперь именоваться Кавказской армией, и сделали это рационально. Вся Кавказская линия теперь делилась на два крыла, левое и правое; территориальные командования получили уточненные границы; все части были расположены таким образом, что у каждой был свой район сосредоточения; система управления войсками получила ясную и четкую структуру.

В мае 1857 г. Барятинский провел инспекционную проверку Северного Дагестана и Левого крыла¹⁶. Следом за этим было принято решение провести наступление охватным маневром с северо-запада и северо-востока силами Левого крыла и Каспийской области с отвлекающими действиями на Лезгинской линии¹⁷.

В соответствии с полученным приказом, Орбелян 28 июня 1857 г. двинул на Салатау 8500 штыков пехоты, 400 драгун, 1400 сабель сводной кавалерии и десять артиллерийских орудий. Преодолевая упорное сопротивление горцев, которыми руководил сам Шамиль, русские проложили через леса широкие просеки, вымостили дороги и построили редут у Буртуная, где 11 ноября разместился штаб Дагестанского полка. Кроме того, Орбелян захватил и уничтожил крепость Шамиля напротив Буртуная (17 октября) и принял

уверение в покорности части населения Салатау, включая Джамала аль-Чиркави.

14 июля начал операцию командующий Лезгинской линией Вревский¹⁸. В течение трех недель он разрушил всю юго-восточную часть общества Дидо, состоявшую из 11 аулов¹⁹. 25 августа он повторил операцию против северо-западной части горской провинции. Хотя у него было 10 тысяч войска против двух тысяч бойцов Кази-Магомеда, эта операция едва не закончилась катастрофой²⁰.

Закончив строительство редута Буртунай, 12—28 ноября Орбелян разрушил Зандак, Дылым и все, что находилось между ними²¹. Это были отвлекающие действия в поддержку зимней кампании Евдокимова, начатой в декабре 1857 г. Евдокимов разрушил все аулы вдоль рек Джалка, Шавдон и Кулкулау, а их жителей переселил за Сунжу²². Месяц передохнув, во время которого шли обманные маневры, Евдокимов нанес Шамиллю сокрушительный удар: 28 января он захватил Аргунское дефиле, где в 1852 г. младший Воронцов потерпел поражение с огромными потерями²³.

Верхнеаргунское дефиле, расположенное в самом центре владений Шамиля, имело стратегическое значение. Заняв его, русские рассекали территорию имама надвое и без труда овладевали пространством к западу от ущелья. Тем самым ликвидировалась угроза нападения горцев на Военно-Грузинскую дорогу. Кроме того, русские теперь сами угрожали резиденции Шамиля, получив возможность атаковать ее с тыла и фланга.

В течение следующих девяти недель русские возвели редут Аргунское на слиянии рек Шаро и Чанти Аргун. Преодолевая отчаянное сопротивление горцев под командованием Гази Магомед, русские валили лес и прокладывали дороги. Евдокимов нанес по горцам несколько ударов, самым ощутимым из которых был захват горы Даргин Дук, возвышающейся в тылах Большой Чечни.

12 апреля Евдокимов завершил зимнюю кампанию и сразу двинулся в Малую Чечню, где к 28 апреля покорил 96 аулов с населением 15 000 душ²⁴. Через десять недель он начал летнюю кампанию.

В соответствии с разработанными планами, новый командующий Каспийской областью Врангель²⁵ 31 мая — 31 июля провел операцию в Салатау²⁶. Свою последнюю операцию провел и Вревский, в ходе которой он был убит²⁷. Специальных задач у этих операций не было, кроме одной — служить отвлекающими маневрами в подготовке летней кампании Евдокимова. Но и этого показалось Евдокимову мало. 10 и 15 июля он снова сделал два

ложных выпада. Уведя имама от цели, русский генерал 11 июля захватил долину реки Малая Варанда²⁸, а на следующий день овладел Зунухом и 22-го там поставил редут.

Несмотря на упорное сопротивление, русские шаг за шагом продвигались вперед, устраивали просеки и прокладывали новые дороги. 12 августа русские заняли Шубут, и 20 августа там уже стоял редут Шатоевское. 26 августа капитулировало общество Шубут. 27 августа за ним последовало общество Чанти. Местное укрепление Итум-Кале было переименовано в Евдокимовское. 28 августа сдался наиб Батока. К 12 августа, когда Евдокимов закончил летнюю кампанию, русским подчинились 15 чеченских обществ.

До конца года других крупных операций не проводилось²⁹. Но 22—25 декабря Шамиль решил перехватить инициативу, и Евдокимов снова вступил в дело. 2 января 1859 года он овладел урочищем Басым Берды и утвердился в ущелье Бас³⁰. Через десять дней все дефиле было в руках русских. Завершая устройство просек и прокладку дорог, Евдокимов расчищал себе путь, который согласно плану вел прямо на Новое Дарго³¹.

27 января Евдокимов занял Тевзану. 8 февраля был взят Алишанджи. 19—20 февраля русские обложили Дарго. Такой натиск русских вынудил Шамиля отсту-

пить, командование обороной он возложил на своего сына Гази Магомеда. Евдокимов не спеша занялся обустройством своих коммуникаций. 22 февраля он заложил редуты Новое Ведено и Новое Дарго. Через неделю началась осада ставки Шамиля, продолжавшаяся до 12 апреля. 13 апреля русские захватили небольшой бастион на внешнем обводе Нового Дарго, и той же ночью Кази-Магомед со своим гарнизоном покинул крепость.

Падение Дарго, как сам Шамиль сообщил в Блистательную Порту³², было тяжелейшим ударом. Следом вместе со своим наибом сдалось общество Чарби Чарбелой. В мае его судьбу разделило Ичкери³³. В июне Врангель принял капитуляцию Авкха³⁴, против которого он 13 марта — 21 апреля проводил отвлекающую

операцию в поддержку действий Евдокимова³⁵. В Южном Дагестане в мае покорило общество Анцух³⁶.

Вопреки утверждению Дж. Бадли³⁷, Шамиль ни на миг не оставался бездеятельным. Имам делал все возможное, чтобы сдержать натиск русских. Он концентрировал свои силы и укреплял позиции на предполагаемом пути продвижения противника. Он беспрестанно и со всех сторон нападал на колонны русских, особенно на расположение вспомогательных сил, пытался делать обманные движения и, наконец, лично вел в атаку своих бойцов на порядки Евдокимова в июле 1858 г, Горцы шли в бой с такой яростью, «что даже артиллерийский огонь не мог их сдержать»³⁸.

В июне³⁹ и еще раз в августе 1858-го⁴⁰ Шамиль безуспешно пытается вступить в Малую Чечню и в район Назрани. Первая операция была проведена в ответ на обращение жителей, восставших против попыток русских согнать их из мелких аулов в несколько крупных сел. Тут ему поначалу удалось «упредить и обмануть Евдокимова, который никак не ожидал столь дерзких действий со стороны имама»⁴¹. Во втором случае, как свидетельствует сам Шамиль, его призвал командир

осетинского района Муса Кудук, пообещав выступить во взаимодействии⁴². Все эти неудачи свидетельствуют о полном стратегическом и тактическом перевесе русских. Шамиль впал в отчаяние и пошел на беспрецедентный шаг: он обратился за помощью прямо к западным державам. В феврале 1857 г. он написал письма с этой просьбой во французское⁴³ и английское⁴⁴ посольства в Стамбуле. Письмо к французам, по всей видимости, до адресата не дошло. Второе письмо попало в английское министерство иностранных дел, ответ на него если и был (в архивах его обнаружить не удалось), то в форме такого же категорического «нет», какой получил в свое время Мухаммед Амин. Исполняющему обязанности британского консула в Трабзоне было указано «сообщить наибу, что если бы черкесы взаимодействовали с Англией во время войны с Россией, то

правительство Ее Величества [королевы Великобритании] могло бы стать посредником в мирных переговорах, но черкесы тогда к нам не присоединились, и время, когда мы могли бы им содействовать, оказалось упущенным»⁴⁵. Разочаровавшись в Шамиле и «черкесах» и «давно считая борьбу на Кавказе фактически завершенной»⁴⁶, Англия отдала его на завоевание России.

После падения Дарго Шамиль послал в Стамбул агента и просил сообщить ему, предвидит ли Блистательная Порта войну с Россией в обозримом будущем, скажем, через несколько лет, которая позволит облегчить его положение и даст надежду на получение и оказание помощи, ибо в противном случае он вынужден положить конец кровопролитной войне⁴⁷.

Что имел Шамиль в виду, довольно скоро стало ясно. В июле 1859 г. его агент обратился в русское посольство в Стамбуле и заявил, что уполномочен вступить в переговоры с русской стороной⁴⁸. Император еще в мае спрашивал у Барятинского о возможности закончить войну переговорами и был склонен принять предложение Шамиля⁴⁹. Но кавказский наместник был ярим

противником всего, кроме чистой военной победы, и даже слушать не желал об этом. Затеять переговоры в тот момент, когда все готово для решающего удара, когда, как он знал из перехваченных писем, Шамиль оказался в отчаянном положении⁵⁰, означало для него не что иное, как выпустить пойманного зверя на волю.

Последний штурм начали одновременно Евдокимов и Врангель 26 июля⁵¹. Барятинский лично руководил действиями полков Евдокимова. Шамиль укрепился в Ичичали и приготовился дать бой любому из русских генералов или обоим вместе⁵². Но тут его перехитрили. 27—28 июля Врангель переправился через Андийское Койсу в неожиданном месте и 2 августа завладел позициями на горе Ахкент-Даг. Шамиль был вынужден оставить Ичичали.

И тут сопротивление горцев сразу прекратилось. К 19 августа все территории, бывшие под властью Шамиля, склонились перед

русскими. Обвал был таким стремительным, что за несколько дней из военачальника, стоявшего во главе многих тысяч бойцов, Шамиль превратился в беглеца, вынужденного в пути отбиваться от грабителей. Имам со своей семьей и 400 нукерами укрылся на вершине Гуниба; он решил стоять там до конца.

11 августа Врангель установил связь со штабом Барятинского, таким образом две военные группировки — Евдокимова и Врангеля — объединились. 17 августа подошли части Меликова, и на следующий день Гуниб оказался в кольце.

Барятинский хотел взять Шамиля живым⁵³ и следующие две недели пытался уговорить имама сдаться, но безуспешно. В ночь на 6 сентября русские взойшли на гору и окружили аул⁵⁴. Тут, наконец, ради сохранения жизни женщин и детей, убедили Шамиля сдаться, что он и сделал 6 сентября (25 августа по старому стилю) 1859 г.

По мнению Барятинского, «продуманная система

военных действий, искусное руководство войсками и перевод стрелковых подразделений на нарезное оружие свели наши потери в Кавказской войне до незначительного уровня. А сокращение потерь в сочетании с ведением маневренного боя, в свою очередь, стали одним из главных залогов нашей победы»⁵⁵.

Первая из названных причин должна быть отнесена в заслугу Милютина, чья роль в окончательном исходе войны была явно недооценена⁵⁶. Барятинскому просто повезло, что он оказался одним из двух наместников, имевших выдающихся начальников штаба. (Первым был Ермолов.)

Важность перехода русской армии на нарезное оружие — винтовку — единогласно признается всеми русскими источниками⁵⁷. Но тут, возможно, есть преувеличение. Горцы много раз доказывали свое умение овладевать новыми для них видами вооружения и военной тактики — артиллерией, ракетами, минированием, использованием тяжелой кавалерии—драгун и пр. Они, несомненно, освоили бы и русские винтовки. Кроме того, эти дальнобойные и меткие ружья тогда еще не получили и у русских

широкого применения, ими были оснащены только по одному батальону в полку, так что эффект от них был невелик.

Вторая причина должна быть отнесена целиком в заслугу Евдокимова. В отличие от своих коллег в Дагестане (Орбелян и Врангель) и на Лезгинской линии (Вревский и Меликов), командующий Левым флангом Николай Иванович Евдокимов всю свою службу провел на Кавказе на разных командных и административных постах⁵⁸. Без высокого образования и происхождения, без связей в верхах, он был силен своим знанием Дагестана и Чечни. Находчивый и храбрый, он не боялся взять на себя инициативу, смело принимал решения и в то же время умел избегать обвинений старших в непослушании. Как писал Барятинский, Евдокимов ни разу не позволил горцам вести бой там,

где они были к этому готовы или где они могли рассчитывать на успех. Благодаря его хорошо продуманному маневру сильнейшие позиции банд Шамиля брались почти без сопротивления⁵⁹.

Барятинский был прав, называя такую тактику ведения войны главной причиной поражения Шамиля.

«Горцев нельзя утратить в бою. Ведя сражение, они чувствуют себя уверенно, так что несколько десятков человек могут противостоять колонне из нескольких батальонов и, отвечая одним выстрелом на наши сто, наносить нам не меньшие потери, чем мы им. Сражение предполагает равенство сил, и пока горцы в состоянии вести бой, принудить их сдаться просто невозможно. Если они видят, что у них нет шансов оказать сопротивление, и это повторяется раз за разом, оружие падает у них из рук. Потерпев поражение, наутро они снова соберутся вместе. Когда же попадают в окружение и разбегаются без боя, да еще видят при этом, как противник занимает их долины, не встречая сопротивления, они на следующий день являются и предлагают вам свою покорность. Ничто так не подорвало власть Шамиля, как бесполезные сборы его отрядов, которые

потом распускались по домам без попытки оказать нам сопротивление»⁶⁰.

К этому следует добавить и другое, что обычно не называется в русских источниках: тяжесть русского «красного и белого золота и серебра, которые брали в плен души людей и порабощали свободных»⁶¹, голод, усугубленный двумя подряд засушливыми годами, истощение в результате 30 лет беспрестанной войны и блокады и огромное увеличение численности действующей армии на Кавказе.

Глава двадцать шестая. Гуниб

Другим важным фактором было разочарование исходом Крымской войны. Человек может вынести большие трудности и лишения, когда у него есть надежда на победу. Так было и с горцами, пока они надеялись получить помощь в борьбе с русскими от могущественной мусульманской державы — Османской империи (а несколько лет из Египта — от Мухаммеда Али). Как только эта надежда оказалась тщетной, их воля к сопротивлению стала ослабевать. А тот факт, что горцы (Шамиля с горсткой верных бойцов, готовых бороться до последнего, следует исключить) продолжали сражаться еще три года, объясняется, как и многое другое, просчетами русских и отсутствием у них гибкости.

Заключение

Чемпион мира по современным шахматам Вильгельм Штениц любил говорить: «Вы проигрываете не из-за прекрасной игры противника, а из-за своих ошибок». Такой ход мысли позволяет объяснить ошибками русских способность Шамиля и горцев по крайней мере четверть века вести с ними борьбу. Часто поведение русских напоминало действия австрийцев в итальянской кампании Наполеона, по поводу которых Б. Шоу иронизировал:

«Даже если австрийцы выиграли сражение, все, что нужно сделать, это подождать, когда они по своему обычаю займутся, так сказать, послеполуденным чаепитием, и все отыграть у них обратно».

Но ошибки противника сами по себе не гарантируют победы над ним. Нужно еще эти ошибки увидеть и суметь ими воспользоваться. Шамиль, как это здесь отмечалось, был большим мастером замечать ошибки русских и обращать их себе на пользу. Ему даже удавалось делать победы русских пустым звуком и извлекать выгоду из своих поражений.

Но этим таланты Шамиля не ограничивались. Он был прирожденным лидером, военачальником, дипломатом и политиком. Он много раз превосходил русских в тактике боя, в политических комбинациях и в переговорах. Русские считали его

экстремистом и одержимым фанатиком, но это далеко не так. В его обычаях

Заключение

Было осмотрительно пользоваться силой и стремиться к соглашению как с соперниками среди своих, так и с русскими. Бесперывно сражаясь, борясь за власть и ведя переговоры, он сумел свершить немислимое — объединить множество разнородных племен и сплотить их в едином государстве.

Ничуть не умаляет его заслуги тот факт, что свое государство Шамиль строил на фундаменте, заложенном предшественниками. Продолжая их политику, следуя их тактике и стратегии, Шамиль все это усовершенствовал и приспособил к изменившимся условиям. Его фигура не становится менее значительной от того, что многие дела были подсказаны ему советниками и помощниками. Для настоящего вождя не так важно обладать оригинальным мышлением, как уметь выслушивать советы и управлять оригинально мыслящими. Величайший дар лидера — уметь поставить нужного человека на нужное место. Этим даром Шамиль располагал сполна, хотя удержать таких людей на ключевых постах ему удавалось не всегда.

Однако ошибки русских, стойкость горцев и таланты Шамиля не могли предотвратить окончательного завоевания Дагестана и Чечни. В конце концов, Россия — могущественная европейская держава, и Николай I, подобно Наполеону, мог похвастаться «ежегодным доходом в 100 000 душ»¹. Шамиль и его предшественники с самого начала видели этот фундаментальный дисбаланс сил. Они понимали, что в одиночку им не выстоять, поэтому и происходили изменения в их стратегии. Когда выяснилось, что они оставлены сражаться с русскими в

одиночестве, борьба фактически была прекращена. Постоянное и настойчивое стремление русского правительства, опиравшегося на мощь целой империи, сделало подавление национального Сопrotивления простым вопросом времени².

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Следует подчеркнуть все же, что окончательное покорение Чечни и Дагестана потребовало «мощи целой империи».

Пленение Шамиля означало полный крах сопротивления кавказцев. К 1865 г. все горские племена были покорены либо выселены. По признанию русских источников, благодаря долголетней власти Шамиля и созданной им системе имамата горцы освоились с присутствием государственных механизмов, и это обстоятельство облегчило установление русской власти. Однажды Шамиля спросили, возможно ли снова организовать сопротивление на Кавказе. Он ответил:

— Кавказ теперь в Калуге³.

Трудно сказать, что Шамиль имел в виду*. Если говорить о горцах в целом, то их скорое подчинение русскому правлению было вынужденным, и они не смирились с ним. Как только появлялась возможность скинуть навязанное правление — во время польского восстания 1863 г.⁴, в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг.⁵, после революции 1917 года и во время последовавшей потом гражданской войны, — они поднимали восстания⁶. В сорокалетний период между двумя последними событиями недовольство горцев, прежде всего чеченцев и ингушей, находило выход в бандитизме, всегда направленном против «неверных» (русских, грузин, осетин и других иноземцев), что делало Кавказ самым небезопасным регионом Российской империи⁷. Во время Второй мировой войны население оккупированных немцами кавказских территорий охотно с ними сотрудничало⁸. Но когда сдавался Шамиль, предвидеть такое было невозможно; усмирение Кавказа русскими казалось тогда полным и окончательным. В некоторых

• Ссылку в Калугу с Шамилем разделили его сыновья, зятя, наиболее

преданные ему нукеры и слуги. Женскую половину его дома представляли его две жены, дочери и невестки. Всего в Калугу в январе к нему прибыло 22 человека. Возможно, он имел в виду, что в Калуге собрались лучшие люди Кавказа. — *Прим. пер.*

Заключение

странах, например в Австро-Венгрии, даже изучали опыт покорения Кавказа и пытались применять его на практике, сталкиваясь с мусульманским сопротивлением⁹.

Шамиль был далек от этих событий в буквальном и переносном смысле. Из Гуниба его провезли через всю Россию в Петербург, где он встречался с Александром II¹⁰. Затем ему дали дом в Калуге (150 км от Москвы), где он с семьей прожил несколько лет «в золотой клетке»¹¹. В 1866 г. ему было разрешено переехать в Киев, а через два года совершить хаджж. Имам умер в 1871 г. и похоронен в Медине. После него остались три сына, один из которых, Гази Магомед, стал турецким генералом и командовал кавказским добровольческим отрядом в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Внук Шамиля Сайд (Саид-Шамиль) от младшего сына Камила продолжил дело деда и участвовал в борьбе в Дагестане в 20-х годах нашего столетия. Третий сын имама Магомед-Шафи стал русским генералом.

Имя Шамиля на Западе и в исламском мире очень скоро почти совсем стерлось из памяти¹². Но в Чечне и Дагестане, а также среди многочисленной кавказской диаспоры¹³ он остается героем борьбы за свободу. Это стало причиной несмолкающих споров вокруг него в советской историографии¹⁴, что лишь добавило ему славы. Ныне его считают героем всех мусульман далеко за пределами Кавказа. Во внешнем мире он стал героем мусульманского сопротивления Советам и даже борьбы с ними¹⁵.

Советский поэт-аварец описал воображаемый диалог между имамом и Барятинским и вложил в уста Шамиля слова о том, что его борьба навсегда останется в памяти народа, а главной заслугой его стало создание единого Дагестана¹⁶. Поэт совершенно прав. Долголетнее правление Шамиля и его борьба сыграли решающую роль в формировании современного Дагестана и ны-

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

нешней Чечни, хотя формирование это шло не всегда так, как хотелось имаму. Его добрые свершения и злодеяния содействовали самосознанию, а затем и самоопределению дагестанцев* и чеченцев как самостоятельных народностей. Для тех и для других Шамиль и его борьба стали ядром национальной индивидуальности, и те и другие поклоняются имаму и его наибам как героям и «святым»¹⁷.

Еще одним последствием 25-летнего правления Шамиля стало распространение в Дагестане и Чечне суфийских *тарикатов*. У обоих народов они оказывают большое влияние на повседневную жизнь и вплетены в общественную, экономическую и политическую структуры¹⁸. Воздействие власти Шамиля было настолько сильным, что в непокорной Чечне оно вызвало своеобразную реакцию: население там отторгло Накшбандийский тарикат Шамиля и приняло Кадирийский тарикат, ставший преобладающим как в Чечне, так и в Ингушетии¹⁹. Два этих явления стали в конечном счете главным духовным наследием Шамиля.

*Современные народности Дагестана: аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, табасараны, ногойцы, рутульцы, агулы, цахуры. — *Прим. пер.*

Словарь терминов

Абрек (кавк. переселенец, беженец) — в терминологии Шамиля — человек, бежавший от русских и поселившийся на территории, подвластной имаму (иначе — *мухаджир*). В русском языке XIX в. слово приобрело значение разбойник, грабитель, налетчик.

Ага (перс.) — господин.

Адаты (от. ар. обычай) — традиционное правосудие и правосознание кавказских народов, основанное на местных обычаях и противостоящее *шариату*.

Ал аль-дхимма (ар. люди договора) — *Ал аль-китаб*, живущие в *дар аль-ислам* и пользующиеся защитой жизни и имущества при условии признания господства ислама и уплаты *джизия* (дани, налога).

Ал аль-китаб (ар. люди книги) — верующие иудеи и христиане, исповедующие Священные Писания, которые признаются Исламом в качестве более раннего Божественного Откровения, хотя и искаженного, в отличие от Корана, людьми.

Ал аль-сунна (ар. люди сунны) — представители суннитского толка ислама, которых называют *суннитами*.

Алим (ар. ученый) — знаток мусульманского религиозного права.

Аман (ар. безопасность, защита, снисхождение) — гарантия безопасности на определенный срок для *харби*, находящемуся на территории *дар аль-ислам*.

Аманат (ар.) — заложник.

Амир аль-муминин (ар. командующий благоверных) — у арабских народов титул мусульманского правителя, обладающего высшей властью. В прежние времена относился к халифу.

Аул (кавк.) — горное селение, деревня.

Байя (ар.) — акт коллективного или индивидуального признания определенного права за другим лицом.

Баьт аль-маал (ар. дом богатей) — казначейство.

Бек, бей (тур. господин, повелитель) — в Дагестане титул человека благородного происхождения из дворян или *джанка*.

Бида (ар. бадаа — вводить новшество) — «недозволенное» новшество. Поскольку все новое не отражено в суннах Пророка, все новшества и нововведения, по крайней мере с точки зрения фундаменталистов, считаются «недозволенными».

Вакф (от ар. *авкаф* — останавливать, устанавливать) — пожертвование на религиозные цели.

Дагх, дав (тур.) — гора.

Дар аль-ислам (ар. обитель ислама), а также *дар аль-салам* (обитель мира) — территория, находящаяся под властью Ислама.

Дар аль-харб (ар. обитель войны) — территории вне пределов Ислама, подлежащие покорению исламом.

Джазм (ар. отсечение, решение), или *нахв* (ар. гордость) — принародная церемония вхождения в экстаз *дхикра*, совершаемая под строгим наблюдением *муриида*.

Джанка (кавк.) — потомок благородного отца и женщины из простолюдин.

Джихад (ар. силе, натиск) — священная война против немусульман на чужой территории. Исламская правовая литература (*фикх*) различает наступательный *джихад*, за исполнение которого отвечает только исламский правитель или вождь, и *джихад* оборонительный на своей территории, в котором обязан участвовать каждый боеспособный мусульманин.

Дибир (перс, учитель) — одно из названий муллы в Дагестане. Во времена Шамиля муллу также называли *мазум*.

Диван (ар. суд, трибунал, совет) — Тайный совет при Шамиле,

Дхикр (ар. воспоминание), в совр. русскоязычной литературе — *зикр* — в *суфизме* повторение имени Аллаха вслух или про

себя по особой формуле, сопровождаемое особым дыханием и ритмичными телодвижениями. Формула дхикра обычно состоит из семи имен Аллаха. В суфийских братствах существует две традиции: а) индивид., личной, отправляемой уединенно — громко, шепотом или мысленно; б) коллективной, отправляемой громко, вслух на совместной молитве.

Дхимми (ар.) — житель-немусульманин.

Закат (ар. закят — праведность, благотворительность) — подаяние (своего рода налог в пользу нуждающихся мусульман. Раз в год мусульманин выплачивает 2,5% своего капитала в качестве милостыни нуждающимся).

Зулма (ар. явление) — у дагестанцев способность *суфийского шейха* предвидеть приход в дом к нему людей, узнавать их загодя и отгадывать цель посещения.

Зульм (ар.) — зло, несправедливость, угнетение, тирания.

Имам (ар. передний, ведущий) — 1. Политический и религиозный руководитель, какими были Гази Магомед, Гамзат-Бек и Шамиль. 2. Руководитель общественной молитвой в мечети. 3. В шиитском толке ислама — истинный руководитель и вождь мусульманской *умма*, преемник и потомок Пророка, непогрешимый человек, обладающий сверхъестественными способностями.

Имчек (тур.) — молочный брат.

Ишкаллах (ар. божественная страсть, святая любовь) — у кавказских народов особое бесчувственное состояние в результате строгого поста и молитв, когда *суфийского шейха* посещает Пророк или святой.

Кадий (ар. судья) — судья по шариату. В Дагестане глава горского общества. При Шамиле духовное лицо, заведующее одной мечетью и ее прихожанами.

Казиаскер (тур. от ар. *кади аскар* — армейский судья) — в Османской империи два высших судьи в Румелии (Фракии)*

* Румелия, или Фракия - балканские страны в период турецкого господства. — *Прим. пер.*

и Анadolу (Анатолии)*. Эти должности и звания были переняты русскими после завоевания Крымского ханства.

Калва (ар. уединение) — в суфизме уединение *шейха* для молитв и медитации.

Канлы (кавк.) — кровная месть.

Канун (тур. от греч. канон) — свод законов и правил, перенятых от немусульман, или введенных мусульманским правителем для территорий, не охваченных шариатом.

Мазум (ар. решенный) — при Шамиле заместитель *наиба*.

Масум (ар. защищенный, охраняемый) — титул правителя Табасарани.

Махал (ар. окрестность) — в Южном Дагестане местное название горского общества.

Мер (авар.) — гора.

Мудир (ар. глава) — при Шамиле высший военный и административный чин, стоящий над *наибом*.

Муртазик (ар. содержащийся, нанятый) — при Шамиле вооруженный и экипированный всадник, выделяемый от каждых десяти дворов селения, несущий постоянную военную службу и находящийся вместе со своей семьей на полном содержании остальных девяти дворов, входящих в эту десятку.

Муришид (ар. учитель, духовный наставник) — см. *Суфийский шейх*.

Мустамин (ар. ищущий защиты) — *харби*, получивший *аман*.

Муфтий (ар. толкователь) — официальный толкователь шариата; в годы правления Шамиля религиозный руководитель в районе ответственности одного *наиба*.

Мухтасиб (ар. считающий) — официальный наблюдатель за соблюдением правил шариата, выявляющий нарушения и осуществляющий наказания.

Мюрид (ар. желающий, страждущий) — ученик *суфийского шейха*. Русские этот термин использовали для обозначения

* Анadolу, или Анатолия — турецкая провинция на западе Малой Азии. — *Прим. пер.*

называли «мюридизм».

Мюсир (тур. от ар. *мушир* — советник) — фельдмаршал.

Наиб (ар. заместитель) — костяк военно-административной системы при Шамиле, правитель и командующий отдельного горского общества. /

Низам (ар. порядок, система, закон) — 1. Части регулярной пехоты Шамиля, созданной по образцу египетской армии. 2. Введенные Шамилем правила и инструкции.

Нукер (тюрк, воин) — телохранитель, слуга.

Падишах (перс, царь) — один из титулов турецкого султана.

Рабита (ар. связь) — в суфизме мистическая передача мыслей от учителя-муршида ученику-мюриду), путем медитации последнего.

Сайд (ар. сейид — господин, хозяин) — один из титулов потомка Пророка (другой — шариф). Мухаммад не оставил мужского потомства. Его дочь Фатима вышла замуж за его двоюродного брата Али Ибн Абу Талиба. От их сыновей Хасана и Хусейна происходят все довольно многочисленные сегодня потомки Пророка, хорошо известные в мусульманском мире.

Сейхюль ислам (тур.) — верховный муфтий в Стамбуле и Османской империи.

Сераскер (тур.) — главнокомандующий.

Сидар (перс.) — генерал.

Сунна (ар. путь, образец, пример) — 1. Поступки и высказывания пророка Мухаммада, являющиеся образцом и руководством для всей мусульманской общины и каждого мусульманина в решении всех жизненных проблем. Сунна зафиксирована в виде хадисов у суннитов и ахбаров у шиитов. 2. Практика, норма, традиция.

Суннат аль-наби (ар. правила пророка) — основа исламского закона.

Суфий (от ар. *суф* — шерсть) — мусульманский аскет, мистик.

Тавх (чеч.) — гора.

Тавхли — чеченское название жителей Дагестана.

Таифат (ар. группа) — суфийский религиозный орден.

Танзимат (ар. реорганизация) — общее название реформ в Османской империи, проводившихся в 1839—1876 гг.

Тарикат (тур.-перс, от араб, *тарики* — дорога, путь) — 1. Метод мистического познания, путь религиозно-нравственного совершенствования суфия. Термин взят из Корана (46, 29). «Путь» ведет человека от обычной религиозной практики к мистическому познанию Истины. Особое значение здесь имеет институт «учитель — ученик» (шейх—мюрид). 2. Суфийское братство. В течение XIII—XIV вв. в суфизме сложилось 12 основных братств (рифайя, ясавийя, шазилийя, чишти́я, сухранвер-дийя, кубравийя, бадавийя, кадирийя, мавлавийя, бекташийя, халвагия, накшбандийя-хваджаган), давших начало всем многочисленным ветвям, оформившимся впоследствии в самостоятельные братства.

Тасаввуф (ар.) — суфизм, мусульманский мистицизм.

Улемы, улама (ар. множ.число от *алым*— знающие, ученые) — 1. Собират. название признанных и авторитетных знатоков теоритических и практических сторон Ислама. 2. Высшее духовенство и богословы.

Умма (ар. народ, нация) — мусульманская община. Первоначально пророк Мухаммад называл *умма* всех жителей Мекки и Медины: мусульман, христиан и иудеев (народы, являющиеся объектом Божественного откровения). К VII в. сложилось представление о том, что любой мусульманин, даже живущий вне пределов Халифата, принадлежит к *умма*. В идеологии панисламизма была разработана концепция «умма исламия» — сообщество мусульман, то есть все мусульмане как нация (народ) в противоположность «другой нации (народу)» — немусульманам.

Устми (кавк.) — титул правителя Кайтака.

Фирман (ар. декрет, указ) в Османской империи повеление султана.

Хаваридж (ар. форма множ. числа от *хариджи* — выходец) — одна из первых сект ислама, считавших всякого мусульманина (даже «черных рабов») достойным быть халифом. В позднейшие времена этим словом стали называть мусульман-анархистов.

Хаджж (ар. паломничество) — паломничество в Мекку, один из пяти «столпов» ислама. Хаджж совершается в месяц Зуль-хиджа по мусульманскому лунному календарю. Считается, что каждый мусульманин должен совершить хаджж хотя бы раз в жизни.

Хаджи (ар. паломник) — звание человека, совершившего хаджж.

Халиф (ар. преемник, заместитель) — 1. В раннем исламе глава мусульманской общины, избираемый для того, чтобы регулировать ее жизнь в соответствии с шариатом. Считалось, что халиф «заменяет» умершего пророка Мухаммада в некоторых его функциях, а каждый последующий заменяет в этих функциях предыдущего. Первым халифом после Мухаммеда был Абу Бакр, его ближайший сподвижник, следующими — Омар, Осман, Али. Их называют праведными халифами. На период жизни Али (? — 661) падает раскол ислама (движения шиитов и хариджитов и их обособление от суннитского большинства. 2. В суфизме — замещающий главу ордена в отдельной области, который имел право распространять *тарикат*, но не имел права посвящения.

Хан (тюрк.) — правитель, властелин, вождь племени.

Харби (ар.) — проживающий за пределами исламского мира.

Хиджра (ар. переселение) — переселение пророка Мухаммада и его последователей из Мекки в Медину в 622 г., с которого ведется мусульманское летоисчисление. Некоторые представители панисламизма трактуют хиджра как требование к каждому мусульманину, по примеру Пророка, переселиться из *дар аль-харб* в *дар аль-ислам*.

Худуд (ар. предел, граница) — предписанное по шариату наказание.

Хумс (ар. пятая часть) — пятая часть военной добычи и трофеев, которая по Шариату принадлежит правителю.

Хункьар, хункар, кункьар (тур. из перс, *худавендегар* — хозяин, господин) — властелин, повелитель. Один из официальных титулов турецкого султана, который был принят у кавказских горцев.

Хутба (ар. речь) — проповедь во время полуденной пятничной молитвы с восхвалением правителя.

Шамхал (кавк.) — титул правителей провинции Тарки.

Шариат (ар. подход к водопою) — комплекс юридических норм, принципов и правил поведения, соблюдение которых означает ведение правильной, угодной Аллаху жизни. Шариат — это Божественный закон, доводимый до людей через Коран, хадисы и сочинения религиозных авторитетов. Шариат воплощается в трудах по фикху (мусульманскому праву) и в практике мусульманских шариатских судов. В этом смысле термин «шариат» означает то же, что и фикх, и употребляется в том же значении. Однако шариат является также и «религиозным законом», и тогда имеется в виду его не юридическое, а общесоциальное значение.

Шариф Мекки— в Османской империи автономный правитель Мекки, назначавшийся Портой из местных представителей, чей род восходит к Пророку.

Шахиншах (перс, царь царей) — официальный титул властителя Персии (Ирана).

Шейх (ар. старик) — 1. У арабов глава рода, а также сельский староста. 2. Представитель высшего мусульманского духовенства, знаток исламского права. 3. В суфизме — достигший такой высокой ступени на пути постижения Истины суфий, что может быть Учителем.

402

Хронология событий

1829

Декабрь. Гази Магомед провозглашен имамом Дагестана.

1830

Январь. Гази Магомед вновь объявлен имамом Дагестана. Захват русскими Харакани.

24 февраля. Задержание Гази Магомеда в Хунзахе.

Март. Русские захватывают Чарталах. Гази Магомед объявляет русским газават.

Май. В Чечню направлен Абдаллах аль-Ашилти; русские войска захватывают скот жителей Хиндала.

Сентябрь. Шейх Мухаммед аль-Яраги объявляет русским джихад.

Сентябрь—октябрь. Поездка Гази Магомеда по Чечне.

1831

Март—июнь. Кампания Гази Магомеда в Северном Дагестане.

10 мая. Паскевич покидает Тифлис и уезжает в Польшу.

Май—июль. Совместная кампания Абдаллаха аль-Ашилти и Гази Магомеда в Чечне.

26 июня—11 июля. Осада крепости Внезапная.

13 июля. Поражение русских войск под Агдашем.

Август—сентябрь. Кампания Гази Магомеда в Южном Дагестане.

1—8 сентября. Осада Дербента.

2 октября. В Тифлис приезжает Розен.

15—23 октября. Кампания Панкратьева в Табасарани.

403

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Октябрь—ноябрь. Кампания Панкратьева и Вельяминова в Кунбуте и на Авке.

13 ноября. Набег Гази Магомеда на Кизляр.

13 декабря. Русские берут штурмом укрепления Гази Магомеда в Агач-Кале.

1832

Апрель. Рейды Гази Магомеда в окрестности Назрани и Грозной.

2—3 июля. Клюгенау штурмом берет укрепления Гази Магомеда у Йол-Сус-Тава.

2 июля—21 августа. Кампания Гамзат-Бека в Чарталахе.

24 июля—5 августа. Кампания Розена против галгаев.

25 июля—9 августа. Кампания Вельяминова в Карабулаке и Галаше.

15 августа—6 октября. Кампания Розена в Малой и Большой Чечне.

29 октября. Розен штурмует позиции Гази Магомеда у Гимры. Первый имам гибнет в бою.

Ноябрь. Гамзат-бек объявлен вторым имамом.

1833

Октябрь. Гамзат-бек под Гергебилем наносит поражение объединенному акушскому войску мехтулийского шамхала и хана.

1834

25 августа. Уничтожение аварского правящего дома

19 сентября. Убийство Гамзат-бека

24 сентября. Шамиль провозглашается третьим имамом. **26—27 сентября.** Нападение Ланского на Гимры.

14 октября — 4 ноября. Хунзахская экспедиция Клюгенау.

1836

Январь. Чиркахское соглашение Шамиля с Хаджи-Ташой и Кибид Мухаммедом.

2—6 августа. «Патруль» Ройта в Иргинае.

404

Хронология событий

2—6 сентября. Нападение Пулло на Зандак.

2—15 сентября. Хунзахская экспедиция Ройта.

1837

4—12 февраля. Кампания Фези в Малой Чечне.

16 февраля—11 апреля. Кампания Фези в Большой Чечне.

19 мая — 24 июля. Кампания Фези в Дагестане.

17 июля. Фези штурмует Телетль и удерживает верхнюю часть аула.

18 июля. Перемирие Шамиля и Фези.

11 сентября. Фези арестовывает племянника Шамиля.

25 сентября—10 октября. Переговоры Клюгенау с Шамилем.

12 декабря. Розена замещает Головин.

1839

- 21—27 мая.** Чеченская кампания Граббе.
2 июня — 11 сентября. Дагестанская кампания Граббе.
5 июня. Сражение под Буртунаем.
11—13 июня. Захват Иргиняя.
24 июня—4 сентября. Осада Ахульго.
29 августа. Граббе повторно штурмует Ахульго; Шамиль отдает ему в заложники своего старшего сына — Джамала ал-Дина (Джелалэтдина).
2—4 сентября. Последний штурм Ахульго.
11 сентября. Русские сломали сопротивление противника. **15 сентября.** Русские войска атакуют Чирках.

1840

- 19 февраля.** Черкесы штурмуют и разрушают редут Лазарев.
Март. Чеченцы поднимают восстание и просят Шамиля возглавить его.
11 октября. Набег Ахбирди Мухаммеда на Моздок.
8—30 ноября. Чеченская кампания Граббе.
22 ноября. Хаджи-Мурат бежит от русских.

405

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

1841

- Январь.** Хаджи-Мурат соединяется с Шамилем, который объявляет его аварским наибом.
17 февраля. При попытке неудачного штурма Целмеса погибает Бакунин.
Май—октябрь. Головин направляет все силы на строительство редута Евгеньевское.
27 октября—13 ноября. Чеченская кампания Граббе.
30 октября—4 ноября. Шамиль первый раз берет в клещи Аваристан.
23 ноября. Набег Шуайба на Кизляр.
29 ноября—7 декабря. Вторая операция Шамиля против Аваристана.

1842

- 18 февраля—18 апреля.** Дагестанская кампания Фези.

2 апреля. Шамиль овладевает Кумухом.

11—13 июня. Катастрофическая кампания Граббе в Ичкерии*.

30 июня. Отражение атаки Граббе на Игали.

7 декабря. Нейдгардта замещает Головин.

1843

24 июня. При наступлении на Шатели погибает Ахбирди Мухаммед.

8 сентября—3 октября. Первое наступление Шамиля в Дагестане.

11—12 октября. Первый набег Шамиля на Эндери.

6—7 ноября. Набег Шамиля на Внезапную.

9 ноября—28 декабря. Второе наступление Шамиля в Дагестане.

1844

18 января. Гибель Шуайба.

16 июня—3 июля. Шварц захватывает и ликвидирует султанат Элису; Даньял бежит к Шамилю.

* Ичкерией в этой книге называется историческая область в Чечне, расположенная в верховье рек Гумс, Мечик и Аксай. — *Прим. пер.*

406

Хронология событий

18 июня-15 июля. Наступление Нейдгардта в Дагестане.

3 сентября-1 декабря. Возведение редута Воздвиженское.

1845

8 января. Нейдгардта замещает Воронцов.

15 июня—31 июля. Кампания Воронцова против Дарго.

16 декабря—5 января 1846 г. Фрейтаг сводит лес вдоль р. Гойта.

1846

27 января—11 февраля. Фрейтаг вырубает леса вдоль р. Геки.

25 апреля—9 мая. Кампания Шамиля в Кабарде.

30 июня—22 октября. Возведение редута Ачхи.

20—28 октября. Наступление Шамиля в Акуше.

25—26 декабря. Набег Хаджи-Мурата на Дженгутай.

1847

16 декабря (1846)—1 февраля. Зимняя кампания Фрейтага в Малой Чечне.

13 мая—9 июня. Наступление Данъяла в Чарталахе.

3—20 июня. Отражение атаки Воронцова на Гергебиль.

6 августа—27 сентября. Наступление Воронцова на Салту.

30 ноября—2 марта (1848). Зимняя кампания русских в Малой Чечне.

18 декабря. Рейд Фрейтага на аул Сайда Абдаллы.

17 июня—30 июля. Наступление Аргутинского на Гергебиль.

19 июня—1 октября. Летняя кампания русских в Малой Чечне; устроен редут Урус-Мартан.

17 сентября—4 октября. Кампания Шамиля в верховье р. Самур,

407

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

1849

Декабрь (1848)—февраль. Зимняя кампания русских в Чечне.

17 июля—4 сентября. Аргутинский осаждает Чох.

21 июля—14 августа. Сопровождения Воронцова с императором в Петербурге и Варшаве.

2—30 декабря. Нестеров «усмиряет» Галашу и Карабулак.

1850

Январь. Контрнаступление Сайда Абдаллы в Галаше.

22 января—7 марта. Зимняя кампания Нестерова в Большой Чечне.

Февраль. Контрнаступление Хаджи-Мурата в Галаше.

13 августа—16 сентября. Козловский сводит леса вдоль р. Мичик.

9 сентября. Рейд Слепцова на укрепления Шамиля в лесах Шали.

13 октября. Русские полностью овладели положением в нижней части Малой Чечни.

30 декабря (1850)—8 февраля. Зимняя кампания Слепцова в Малой Чечне.

13 января—12 марта. Зимняя кампания Козловского в Большой Чечне.

11 марта. Шамиль в первый (и последний) раз использует свое регулярное войско — низам — в генеральном сражении с русскими; Барятинский разбил низам.

12 июля—6 августа. Кампания Хаджи-Мурата в Кайтаке и Табасарани.

25 ноября. Хаджи-Мурат бежит к русским.

1852

11—30 января. Кампания Бук Мухаммеда в Кайтаке и Табасарани.

17 января—17 марта. Зимняя кампания Барятинского в Большой Чечне.

408

Хронология событий

29—30 января. Двойной рейд Барятинского и Вревского в верховье рек Гойта и Рошна.

29 февраля—1 марта. Марш Барятинского через Большую Чечню.

8 марта. Рейд Меллер-Закомельского на аул Талгика.

7 мая. Смерть Хаджи-Мурата при попытке бежать обратно в горы.

23 августа. Наступление Бакланова на Гурдали.

26 августа. Наступление молодого Воронцова в Аргунском дефиле.

1853

15 декабря (1852)—27 апреля. Зимняя кампания Вревского в Малой Чечне.

16 января—26 марта. Зимняя кампания Барятинского в Большой Чечне.

5—18 сентября. Кампания Шамиля в Чарталахе.

5 октября. Турция объявляет России войну.

1854

Март. Уезжает Воронцов, его временно замещает Рид.

14 июля—11 августа. Кампания Шамиля в Алазанской

долине.

Сентябрь. Шамиль пытается соединиться с Мухаммед-Эмином.

11 декабря. Муравьев назначен царским наместником на Кавказе.

1855

22 марта. Обмен военнопленными между Шамилем и русскими.

1856

30 марта. Подписан Парижский мирный договор.

17 июня. Муравьев подает в отставку; его заменяет Барятинский.

409

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

1857

Декабрь (1856)—январь. Зимняя кампания Евдокимова в Большой Чечне.

28 июня—28 ноября. Кампания Орбелиани на Салатау.

14 июля—3 сентября. Кампания Вревского против Дидо.

1858

Декабрь (1857)—апрель. Зимняя кампания Евдокимова.

28 января. Евдокимов захватывает Аргунское дефиле.

31 мая—31 июля. Кампания Врангеля в Малой Чечне.

Июнь. Кампания Шамиля в Малой Чечне.

10 июля—12 сентября. Летняя кампания Евдокимова.

Август. Кампания Шамиля в Назрани, за которой последовало местное восстание.

22—25 декабря. Шамиль предпринимает попытку провести контрнаступление в Большой Чечне.

1859

2 января—13 апреля. Зимняя кампания Евдокимова.

27 января. Евдокимов захватывает Тевзану.

8 февраля. Евдокимов берет Элистанжи.

19—20 февраля. Евдокимов захватывает Новое Дарго.

13 марта—21 апреля. Кампания Врангеля в Авке.
26 июля—6 сентября. Заключительное русское наступление.
27—28 июля. Врангель переходит Андийское Койсу.
21 августа. Русские окружают Гуниб.
6 сентября (25 августа по ст. стилю). Шамиль сдается
Барятинскому.

Примечания*

Предисловие

¹ *Lewis Bernard*. The Middle East and the West. N.Y., 1966, p. 5.

² См., напр., *Danziger Raphael*. Abd al-Qadir and the Algerians: Resistance to the French and Internal Consolidation. N.Y., 1977; *Qeyamuddin Ahmad*. The Wahabi Movement in India. Calcutta, 1966; *Jameela Maryam*. Two Great Mujahedin in the Recent Past and Their Struggle against Foreign Rule. Lahore, 1976; *Hourgronje C.S.* The Achenese. London, 1906; *van der Maaten K.*, Snouck Hourgronje en de Atje Oolrog. Leiden, 1948. Сюда можно также отнести движения Махдийи в Судане, Ваххаба на Аравийском полуострове, а также борьбу с китайским проникновением в восточный Туркестан, хотя это и не направлялось прямо против западных держав.

³ *Baddeley John F.* The Russian Conquest of the Caucasus. London, 1908. (В дальнейшем: *Baddeley*.)

⁴ *Lodge David*. Out of the Shelter. London, 1985, p. 185.

Введение

ЗАВОЕВАНИЕ РОССИЕЙ КАВКАЗА

¹ Данная краткая справка основана на следующих источниках: *Allen W.E.D.* A History of the Georgian People from the Beginning

*Автор этой книги, написанной на английском языке, привлек большое количество архивных документов и редких публикаций, хранящихся в библиотеках и хранилищах Англии, Франции, Германии, Турции и др. стран. Однако подавляющая часть цитируемых материалов взята из русских источников или из их перевода на европейские (чаще всего — английский) языки. Не имея возможности воспроизвести цитируемые тексты в оригинальном написании (это потребовало бы кропотливой и длительной работы целой группы сверщиков), издатель вынужден был прибегнуть к двойному, а иногда и тройному переводу документальных текстов. Ручаясь за добросовестную передачу смысла переведенных текстов, издатель тем не менее просит учитывать неизбежные при такой работе несовпадения и неточности, которых, очевидно, не мог избежать и автор книги. Тем не менее, эта книга может быть полезна и ученым, работающим по данной проблематике, потому что каждая из приведенных автором цитат снабжена примечанием, отсылающим к библиографическому источнику.

to the Russian Conquest in the Nineteenth Century. London, 1932, pp. 131—218; *Arslan Ali*. Russya'njip Kirim ve Gurcistan'i, Ilhakmdan Sonra Osmanli Develeti'nin Cerkes Kabileri ile Munasebetleri (1784—1829). — Mehmet Saray et al. (eds.), Kafkas Arastirmalari. Vol. I. Istanbul, 1988, pp. 46—51 (в дальнейшем: *КА*); *Atkin Muriel*. Russia and Iran, 1780-1828. Minneapolis, 1980; *Baddeley*, pp. 1-72; *Bagration M.* The Caucasus and Russia in the Historical Past. — The Caucasus. 1952. №. 6—7 (11—12), pp. 14—20; *Белявский Н.Н., Потто В.А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901 — 1904; Сношения России с Кавказом. *Материалы*, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел. (Под ред. С. А. Белокурова.) Т. I, 1578—1613 гг. М., 1889; *Дубровин Н. Т.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871 — 1888; *Эсадзе Семен*. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907, с. 1—32; *von Freygan W.F.* Letters from the Caucasus and Georgia. London, 1823. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. (Под ред. В. Н. Гамрексян.) Тбилиси, 1968; *Гордеев А.А.* История казаков. Париж, 1970; Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899; *Sema Isiktan*, 1787—1792 Osmanli-Rus Harbi Sirasinda ve Sonrasinda Osmanli Devlet'inin Dagistan Hanlari ile Munasebetleri. — *КА*. Vol. I, pp. 34—45; Исторический очерк распространения русского владычества под Кавказом // Кавказский Календарь, 1851. Отдел III, с. 43—51; *Хуцунов П.* Сношения России с северной частью Кавказа // Сборник газеты «Кавказ», 1846, с. 203—219; *Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В. В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М., 1984; *Ковалевский П.И.* Кавказ. Т. II; История завоевания Кавказа, СПб, 1915, 3-е изд.; *Lang D.M.* The Last Years of the Georgian Monarchy, 1658—1832. N.Y., 1957 (в дальнейшем: *Lang. The Last Years*); *Lang D.M.* A Modern History of Georgia. London, 1962, pp. 34—41 (в дальнейшем: *Lang. Modern History*); *Маркова О.П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVII — первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы.) Махачкала, 1958; *Monteith W.* Kars and Erzeroum. With the Campaigns of Prince Paskiewitch in 1828 and 1829 and an Account of the Conquests of Russia beyond the Caucasus from

the Time of Peter the Great to the Treaty of Turcuman Chie and Adrianople. London, 1856, pp. 1—28; *Потто В.А.* Кавказская Воина. СПб., 1887—1897*; *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958; *Urekli Muzaffer*, Rus Yayılması Karsisinda Kirim Hanligi ve Kafkasya. — *КА*, Vol. I, Переиздана: Ставрополь, 1994. — *Прим. пер.*

412

Примечания

pp. 12—24; *Yuksel Ibrahim*. Carlik Rusyasi'nin Azerbaycan'i Istilasi ve Osmanli Devleti'nin Tutumu. I

lid, pp. 25—33; *Заседателева Л.В.* Терские казаки (середина XVI — начало XX вв.) // Историко-этнографические очерки. М., 1974.

² *Baddeley*, p. 5.

³ Относительно экспедиции в Хиву см.: *Anderson M.S.* Peter the Great. London, 1978, p. 155; *Sumner B.H.* Peter the Great and the Emergence of Russia. London, 1950, pp. 174—175; *Rywkin Michael*. Russia in Central Asia. N.Y., 1963, pp. 16—17. Об отношениях Афганистана с Персией см. *Lockhart L.* The Fall of the Safavi Dynasty and the Afghan Occupation of Persia. Cambridge, 1958.

⁴ *Baddeley*, p. 25. См. также: *Baddeley*, The Rugged Flanks of the Caucasus. London, 1940, Vol. I, p. 82 (в дальнейшем: *Baddeley*, Rugged Flanks).

⁵ *Baddeley*, p. 10. Бадди приводит здесь цитаты А.П. Берже из Актов, собранных Кавказской археографической комиссией (в дальнейшем: АКАК*). Т. I, с. X.

⁶ См. об этом: *Lang D.M.* Count Todtleben's Expedition to Georgia 1769—1771, according to a French Eyewitness. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies, Vol. XIII, Part 4 (1951), pp. 878-901.

⁷ *Baddeley*, p. 19. Текст Кючук-Кайнарджийского мирного договора см.: *Hurewitz J.C.* (ed.). The Middle East and North Africa in World Politics: A Documentary Record. Vol. I, European Expansion, 1533—1914. New Haven, 1975, 2nd ed., pp. 92—101, document № 32 (в дальнейшем: Hurewitz).

⁸ *Fisher Alan W. The Russian Annexation of the Crimea.* Cambridge, 1970. См. также: *Дубровин Н.Т.* Присоединение Крыма к России. В 4т. СПб., 1885-1889.

⁹ *Baddeley*, pp. 38-39.

¹⁰ *Ibid.*, p. 45.

¹¹ См. об этом: *Lang. Last Years*, pp. 182—185, 209; *Alien*, op. cit. pp. 210-211.

¹² *Baddeley*, p. 20.

¹³ *Ibid.*, p. 21; *Lang. Last Years*, pp. 205-209.

¹⁴ *Malcolm John. History of Persia, Vol. II.* London, 1829, p. 191, цит. по:

* Археографическая комиссия — постоянное учреждение для сбора исторических документов (актов) в местных архивах, действующее с 1828 г. при Российской Академии Наук. (После 1917 г. — в АН СССР.) Ее деятельность выразилась многочисленными и многотомными изданиями разнообразных исторических материалов, явившихся основой для русских историков XIX и XX вв. Автор ссылается на Акты Кавказской археографической комиссии, публиковавшиеся в Тифлисе. — *Прим. пер.*

413

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Lang. Last Years, p. 217. См. также: *Rida Quli Khan Hidayat. Ta'rikh-*

i rawdat al-Safa-yi Nasiri, Vol. IX. Tehran, 1961 — 1962, pp. 273-274.

¹⁵ В 1775 г. Дербент занял без разрешения Медем, за что Екатерина II отправила его в отставку.

¹⁶ *Baddeley*, p. 57. См. также: История, география и этнография

Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы (Под ред. Косвен

М.О., Хашаев Х.-М. О.). М., 1958, с. 200-208; *Бутков П.Г.* Проект отчета о Персидской экспедиции в виде писем (выдержки) (1796).

¹⁷ См. об этом: АКАК. Т. I, с. 168-169.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXVI,

№ 19721. СПб., 1830-1884.

¹⁹ *Там же.* Т. XXVI, № 20007.

²⁰ Относительно переговоров с Павлом и внутрирусских дискуссий

на этот счет при Александре I см.: *Lang. Last Years*, pp. 235—251,

а также: *Авалов З.Д.* Присоединение Грузии к России. СПб., 1906,

2-е изд.; *Берже А.П.* Присоединение Грузии к России//Русская

Старина, 1880, № 5, с. 1-34, с. 159—177, № 6; *Дубровин Н.Т.*

Георгий XII — последний царь Грузии. СПб., 1867.

²¹ *Эсадзе*, указ.соч., с. 29; *Lang. Last Years*, pp. 244—254; *Lang.*

Modern History, pp. 43—45; *Зиссерман А.Л.* Отрывки из моих воспоминаний. — *Русский Вестник*, 1876, № 3, с. 67—68, №

4,

с. 428-429, № 12, с. 502, 1878, № 12, с. 568 (в дальнейшем:

Зиссерман. Отрывки).

²² Об этом см.: *Jones Stephen. Russian Imperial Administration and the Georgian Nobility: The Georgian Conspiracy of 1832.* — *Slavonic and East European Review*, Vol. LXV, № 1, 1987, pp. 53—76. См. также: *Махарадзе Н.В.* Восстание в Имеретин в 1819-1822 гг. Тбилиси, 1942.

²³ См. France, *Ministere des Relations Exterieurres, Archives Diplomatiques, Correspondance Politique des Consuls* (Французское Министерство иностранных дел, дипломатические архивы, политическая переписка посланников) (в дальнейшем: *MRE, CPC*), *Russie, Tiflis*, Vol. I, ff. 53—55. *Extrait d'une Lettre de M. le Consul de France a Tiflis, 22 September 1840.*

²⁴ См. об этом: *Khachapuridze G. Guriis Ajankheba 1841 Tsels. Tpilisi*, 1931.

²⁵ *Эсадзе*, указ.соч., с. 29.

²⁶ *Baddeley*, pp. 61-62, 64.

²⁷ См., напр., *Pakravan E. Abbas Mirza Prince Reformateur*, Vol. I, *Tehran*, 1958, p. 80, цит. по: *Algar Hamid, Religion and State in Iran, 785-1906: The Role of the Ulama in the Qajar Period*, *Berkeley*, 1969, p. 75, note 12.

²⁸ О возможной причастности Фет Али-шаха к убийству Цицианова см. *Algar*, op. cit. p. 65.

²⁹ Эсадзе, указ, соч., с. 32. См. об этом также: *Baddeley*, pp. 71—72; *Дубровин Н.Ф.* Закавказье от 1803 до 1806 года. СПб., 1866; *Lang*. Last Years, p. 260; *Lang*. Modern History, p. 51; *Monteith*, op. cit., p. 45-46.

³⁰ *Baddeley*, p. 68.

³¹ *Lang*. Modern History, p. 52. См. также: *Algar*, op. cit., pp. 79—81; *Baddeley*, pp. 73-90; *Дубровин*, указ.соч. Т. IV, с. 432-528. Т. V, с. 1-486. Т. VI, с. 1—166; *Lang*. Last Years, p. 259-270; *Monteith*, op. cit. pp. 46-106; *Потто*, указ.соч.. Т. I, с. 129-309. Т. II, с. 1-425; *Маркова О.П.* Восстание в Кахетии в 1812 г. М., 1951; *Соллогуб В.* Биография генерала Котляревского. СПб., 1856, 2-е изд.

³² Текст этих договоров см.: *Hurewitz*, pp. 193—199.

³³ О покорении разных князьков Дагестана и событиях того времени см.: Материалы по истории Дагестана и Чечни. (Под ред. Г. Е. Грюмберга, С.К. Бушуева.) Т. III, часть I, 1801-1839, с. 57-59, 93-101, 104—116, 148—149 (в дальнейшем: Материалы).

³⁴ О войне 1826-1829 см.: *Algar*, op. cit., pp. 82-93; *Baddeley*, pp. 154—222; *Дубровин*, указ. соч. Т. VI, с. 512—714; *Monteith*, op. cit., pp. 120—330; *Потто*, указ.соч. Т. IV—VIII, passim.

³⁵ Текст договора см.: *Hurewitz*, pp. 231—237.

³⁶ Текст договора см.: *Monteith*, op. cit., pp. 305—316, Appendix; *Anderson M.S.* The Great Powers and the Near East. London, 1970, p. 34.

³⁷ Перед этим уже дважды брали Анапу и один раз — Ахалкалаки; оба города были возвращены туркам по Ясскому (1791) и Бухарестскому (1812) мирным договорам.

Глава первая АРЕНА ДЕЙСТВИЙ

¹ *Jorre Georges.* The Soviet Union: The Land and Its People. London, 1961, 2nd ed., p. 338.

² Некоторые географы границей считают Манычскую впадину, см., напр., *Jorre Georges*, op. cit., p. 326; *Shabad Theodore.* Geography of the USSR: A Regional Survey. N.Y., 1951, p. 210.

³ Помимо цитируемых изданий в географическом обзоре использовались следующие труды: *Berg L. S** Natural Regions of

* Берг Лев Семенович (1876—1950) — советский физико-географ и биолог, академик АН СССР (1946). Первым осуществил зональное физико-географическое районирование СССР. Автор ссылается на англ. перевод его книги, вышедшей в Нью-Йорке. — *Прим. пер.*

415

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

the USSR. N.Y., 1950; Britain, the Foreign Office, the Historical Section, *Caucasia: A Handbook*. London, 1920; *Erel Serafeddin*. *Dagistan ve Dagistanlilar*. Istanbul, 1961; *Erhorn I*. *Kaukasien*. Berlin, 1942; *Гвоздецкий Н.А.* Физическая география Кавказа. Курс лекций. М., 1954; *он же*. Кавказ. Очерк природы. М., 1963; *Левин Е.С.* Перевалы Центрального Кавказа. М., 1938; *Литвинов М.* Кавказ. Военно-географический очерк. — Военный Сборник, 1884, № 2, с. 304—320, № 3, с. 149—164, № 4, с. 328—346; Северный Кавказ. (Под ред. Е.И. Маслова, А.И. Гозулова, С.Н. Рязанцева.) М., 1957; *Надеждин П.П.* Кавказский край, природа и люди. Тула, 1895; *Tewzadze Walerian*. *Kaukaz*. *Skic Geograficzno-Opisowy*. Warszawa, 1933; *Викторов А.Е., Гиммелтрейх П.Л., Львов П.Л., Микулич И.П., Эльдаров М.М.* Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический обзор. Махачкала, 1958.

⁴ Морфологически Передний хребет не является самостоятельной горной цепью, его образуют отроги Главного хребта. — *Berg*, *op. cit.*, pp. 203, 204.

⁵ *Jorre*, *op. cit.*, p. 327.

⁶ *Щукин И.С. ит.* по: *Гвоздецкий*, указ. соч., с. 127.

⁷ *Berg*, *op. cit.*, p. 203.

⁸ См.: *Берже А.П.* Чечня и Чеченцы. Тифлис, 1859 (в дальнейшем: *Берже*, Чечня).

⁹ *Baddeley*. *Rugged Flanks*, Vol. I, p. 55.

¹⁰ *Dag* значит по-турецки «гора».

¹¹ См.: *Гвоздецкий*, указ. соч., с. 196; *Berg*, *op. cit.*, p. 230. См.: *Берже А.П.* Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказский Календарь, 1859, отд. III, с. 249—288 (в дальнейшем: *Берже*, *Материалы*); *Неверовский А.А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях // Военный Журнал, 1847, № 5, с. 1—64.

¹² *Baddeley*, *op. cit.*, p. 19. *Rugged Flanks*, Vol. II, p. 19.

¹³ Юров А. 1844-й год на Кавказе // Кавказский Сборник. Т. VII, с. 169; он же. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. — Там же. Т. X, с. 305—306; К. Левый фланг на Кавказской линии в 1848 году. — Там же. Т. IX, с. 379; Волконский Н.А. Окончательное покорение Кавказа (1859 год). - Там же. Т. IV, с. 51-52, 79, 284-285.

¹⁴ Аноев А. Воспоминания о боевой службе на Кавказе // Военный Сборник, 1877, № 6, с. 403.

¹⁵ Baddeley, p. 358, note 1.

¹⁶ Blanch, p. 100. См. также: Аноев, указ.соч., с. 395; Benckendorff Constantine. Souvenirs Intimes d'une Campagne au Caucase pendant l'Ete de 1845. Paris, 1858, pp. 63-65.

416

Примечания

Глава вторая НАРОД

¹ В этой главе использованы следующие источники: *Barbiellini Amidei V.* Elementi per uno Studio Linguistico e Politico del Caucaso. Naples, 1938; Берже Л. П. Чечня; он же. Этнографическое обозрение Кавказа. — Труды Третьего съезда ориенталистов в С.-Петербурге в 1876 (Под ред. В. В. Григорьева.) Т.1. СПб., 1879—1880, с. 291—326 (в дальнейшем: *Материалы*); Chantre Ernst. Recherches Anthropologiques dans le Caucase. Paris, 1885—1887; Чурсин Г.Ф. Очерки по этнографии Кавказа. Тифлис, 1913; *von Erckert R.* Der Caucasus und Seine Volker. Leipzig, 1887; *Erel*, op. cit.; *Ипполитов Л.П.* Этнографические очерки Аргунского округа. Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 1, с. 52; Народы Кавказа. (Под ред. М. О. Косвена и др.) М., 1960; Народы Дагестана. Сборник статей (Под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева.) М., 1955; История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. (Под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева.) М., 1958; *Ковалевский Е.П.* Очерки этнографии Кавказа. — Вестник Европы. 1867, № 3, с. 75—140, № 4, с. 1—29; *Курдов К.М.* К антропологии лезгин: кюринцы. — Русский Антропологический Журнал. Т. VII—VIII, с. 129-134; он же. Таты Дагестана. — Там же. Т. XXVI-XXVIII, с. 55—56; он же. Таты Шемахинского уезда Бакинской губ. — Там же. Т. XXXIII-XXXIV, с. 162-172; *Лаудаев Умалат.* Чеченское племя*. — Сборник сведений о кавказских горцах. Т. VI, с. 62; *Линевич И.П.* Карты горских народов,

подвластных Шамилю (с Приложением). — *Там же*. Т. VI, с. 4—11; *Март Н.Я.* Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (Рабочий проспект). Пг., 1920; *Максимов Е.* Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // *Терский Сборник*. Т. III, № 2 (1893), Отдел 1, с. 3—100; *Неверовский*, указ, соч.; *Plaetschke Bruno*. Die Tschetschen. Forschungen zur Volkerkunde der Nordostlichen Kaukasus auf Grund vor Reisen in der Jahren 1918-20 und 1927-28. Hamburg, 1929; *Пожиддаев В.П.* Горцы северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. М.;Л., 1926; *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и поэзия этих народов. СПб., 1895; *Сергеева Г.А.* Арчинцы. М.,

* Эту первую на русском языке работу чеченца о своей родине (автор получил воспитание в кадетском корпусе и имел чин ротмистра), как и работу Ш. Ахриева «Ингуши; их предания, верования и поверия», см.: Поэма об Алгузе. М.: Мысль, 1993, Приложения. — *Прим. пер.*

417

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

1965; *Старожил* (псевдоним). Кавказ. Справочная книга. Т. III. Этнографические и исторические фнерки. Тифлис, 1888; *Свидерс-кий П.Ф.* К антропологии арчинцев // *Русский Антропологический Журнал*. Т. XXXV—XXXVI, с. 32—44; Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. (Под ред. С. П. Толстова и др.) М., 1940; *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974; *Зубов Платон*. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1834—1835.

² *Benningsen Alexandre, Wimbush Enders S.* Muslims of the Soviet Empire: A Guide. London, 1985, p. 189.

³ Самой значительной работой по обычаям горцев является труд *Максима Ковалевского* «Закон и обычай на Кавказе» (М., 1889). Кроме того см.: Адаты даргинских обществ // *Сборник сведений о кавказских горцах*. Т. VII; Адаты южнодагестанских обществ. — *Там же*. Т. VII, 72 с.; Адаты кумыков // *Дагестанский*

сборник. Т. III, с. 73—101; *Ахриев Шах*. — Ингуши. (Их предания, верования и поверия) // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. VIII, 40 с.; *Курзин П.И.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Т. III, с. 115—142; *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним. Материалы для статистики Дагестанской области. // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. I, с. 88; *Лилов А.И.* Очерки из быта горских мусульман. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. V, отдел II, с. 1—36; *он же*. Очерки быта Кавказских горцев. — *Там же*. Т. XIV, отдел I, с. 1—57; *Молявкин Г.* Очерки общинного землевладения в Чечне. // Терские Ведомости, 25, 27 ноября [7, 9 декабря] 1892, 13 [25], 15 [27] января 1893; *Пшевляцкий П.* Дагестан, его нравы и обычаи. // Вестник Европы, 1867, № 3, с. 141 — 192. *Свечин С.* Очерк народонаселения, нравов и обычаев дагестанцев // Записки Кавказского отдела Имп. Геогр. общества. Кн. II, с. 54—65*.

⁴ *Luzbetac Lewis J.* Marriage and the Family in Caucasia: A Contribution to the Study of North Caucasian Ethnology and Customary Law. Vienna-Modling, 1951.

⁵ В дополнение к вышеупомянутым источникам очень полезны некоторые советские работы, даже с учетом их узкой направленности. Например, см.: *Брюханов А.А.* Государственное устрой-

* Обширные сведения и обстоятельную библиографию как отечественных, так и зарубежных исследований своего времени содержит книга Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев. Материал по обычному праву Северного и Восточного Кавказа». Одесса, 1882. — *Прим. пер.*

418

Примечания

ство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. // Сборник трудов Пятигорского государственного педагогического института. Т. 1; *Фадеев А.В.* Вопрос о социальном строе кавказских горцев // Вопросы истории, 1958, № 5, с. 130—137; *Иванов А.А.* Социально-экономическое и

политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал, 1940, № 2, с. 67—72; *Хашаев Х.М.* Кодекс Умма-хана Аварского (Справедливого). М, 1948; *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVI — начале XIX веков. Махачкала, 1957; *Петрушевский И.П.* Джаро-Белооканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934; *Тамай А.* Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана // Революционный Восток, 1935, № 5. См. также: *А.К.* Казикумухские и Кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. II, 4 с.; *Линевич И.П.* Бывшее Элисуйское султанство. — *Там же.* Т. VII, 54 с.; Мехтулинские ханы. — *Там же.* Т. II, с. 17; Шамхалы Тарковские (Историческая записка, составленная Временной комиссией, наряженной для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шуринского округа). — *Там же.* Т. I, с. 54—89. Перечень и описание различных обществ см.: *Берже А.П.* Чечня; *он же.* Материалы; *К.* Обзор событий на Кавказе в 1846 г. // Кавказский сборник. Т. XII, с. 191 — 192; *Волконский Н.А.* Трехлетие на Лезгинской кордонной линии (1847—1849). — *Там же.* Т. IX, Приложение I.

⁶ О завоевании Дагестана Надир-шахом см.: *Lockhart Laurence.* Nadir Shah: A Critical Study Based Mainly upon Contemporary Sources. London, 1938, pp. 215—250; *Baddeley.* Rugged Flanks. Vol. II, pp. 39-42, 247-251.

⁷ См.: *Материалы.* Т. III, ч. I, с. 101-104; АКАК. Т. V, с. 150-159, 631; Т. VI, ч. II, с. 35-36.

⁸ У дагестанских исследователей может быть вполне достаточно материала для описания этих связей. Напр., см.: *Гашимов Ч.М.* Из истории дагестано-северокавказских культурных связей // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Т. I, 1970, с. 67—78; *он же.* О советских поселениях горцев Дагестана и Северного Кавказа (XVI—XVII вв.) — *Там же,* с. 79—84. См. также: *Волкова,* указ. соч. — *Там же,* с. 204—210.

⁹ *Longworth J.A.* A Year among the Circassians. London, 1840. Vol. I, p. 103, Vol. II, p. 307; Ср.: *Baddeley.* Rugged Flanks. Vol. I, p. 218.

¹⁰ См., напр.: П. О последствиях убийств и поранений между горцами Восточного Кавказа // Сборник сведений о

кавказских горцах. Т. VIII, с. 14; *Руновский А.* Канлы в немирном крае //

419

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Военный Сборник, 1860, № 7, Отдел неофициальный, с. 199-216; *Т.* Разбой и саморасправа на Кавказе // Вестник Европы, 1885, № 12, с. 617-646.

¹¹ Восторженные отзывы о воинской доблести горцев см., напр.: Меморандум Вельяминова 1828 года. — *Н. Ш.* Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский Сборник. Т. VII, с. 74—78 (в дальнейшем: *Вельяминов*), а также *Baddeley*, pp. 112-120; АКАК. Т. XII, с. 1275-1394, Отчет Барятинского за 1857—1859 годы, см.: с. 1286; *Аноев А.* Воспоминания о боевой службе на Кавказе // Военный Сборник, 1877, № 5, с. 197, 201; *Гейман В.А.* 1845-й год // Кавказский Сборник. Т. II, с. 366—367; *К.* Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне. (Воспоминания очевидца). — *Там же.* Т. XIII, с. 459; *Волконский Н.А.* Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году. — *Там же.* Т. I, с. 404; *он же.* Трехлетие в Дагестане. 1849-й год: Осада укрепления Чох. — *Там же.* Т. VIII, с. 285.

¹² Относительно характера колониальных войн и состояния русской армии того периода см.: *Kiernan Victor G.* European Empires from Conquest to Collapse, 1815—1960. London, 1982; *Curtiss John Shelton.* The Russian Army under Nicholas I, 1825—1855. Durham, N.C., 1965. Оба труда оставляют желать лучшего. Значительно содержательнее: *Bevrau Dietrich.* Militar und Gesellschaft in Vorrevolutionare Russland. Koln, 1984; *Keep John L.H.* Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462—1874. Oxford, 1985. Все сведения по русской армии, если не указано особо, взяты из этих двух работ и Военной энциклопедии.*

Глава третья РУССКИЕ

¹ Кавказский корпус описан в неопубликованном отчете лейтенанта Гиллера фон Гертингена (Потсдам, август 1844), находящемся в личном архиве д-ра Фр. Фон Гертингена в

Гертингене, Германия (далее *Архив Гертингена*). Л-т фон Гертинген был прусским офицером, прикомандированным в Кавказском корпусе с 1842 по 1844 гг.

² *Venckendorff*, op. cit., p. 49. См. также: *Волконский Н.А.* Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году // *Кавказский Сборник*. Т. I, с. 374-380.

* Автор, к сожалению, не дает выходных данных этого источника, По всей видимости, имеется в виду выходящая в Санкт-Петербурге в первое десятилетие XX в. многотомная Военная энциклопедия. — *Прим. пер.*

420

Примечания

³ *Keer*, op. cit., p. 183.

⁴ См., напр.: *Акишамуров Н.* Смерть Слепцова. Кавказская быль // *Русский Вестник*, 1888, № 10, с. 59.

⁵ См.: *Зиссерман. Отрывки*, 1876, № 12, с. 540.

⁶ *The Russian Failure*. — *New York Tribune*, 11 July 1854. — цит. по: *The Oriental Question*. London, 1969, pp. 397-398.

⁷ *Волконский Н.А.* 1858-й год в Чечне // *Кавказский Сборник*. Т. III, с. 503.

⁸ *Любитель Кавказа и Закавказья* (псевдоним). Николай Николаевич Муравьев // *Русская Старина*, 1874, № 5, с. 143.

⁹ Из архива *К.Е. Андреевского*. (Под ред. С. Л. Алиани.) Т. 1. *Записки Е.С. Андреевского*. Одесса, 1913, с. 184.

¹⁰ Очаровательное описание этих «фазанов и времен года их появления в Ставрополе» см.: *Вейденбаум Е.Г.* Прodelки на Кавказе. Кавказские этюды. Исследования и заметки. Тифлис, 1901, с. 310.

¹¹ *Thomas a Kempis. De Imitatione Christi*, Book I, Chapter IX (de Oboedientia et Subjectione), paragraph 1.

¹² См.: *К.* Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // *Кавказский Сборник*. Т. XI, с. 419.

¹³ См., напр.: *Blanch Lesley. The Sabres of Paradise*. London, 1960, pp. 14, 83, 93 (в дальнейшем: *Blanch*); *Oldenbourg Zoe, Catherine the Great*. New York, 1966, pp. 268, 292, 300; *Schwartz Benjamin (ed.), Letters from Persia Written by Charles and Edward Burhes, 1828-1855*. New York, 1942, pp. 56, 98; *Marx Karl. The Oriental Question*, pp. 21, 24-25, 75, 146, 209.

¹⁴ См., напр.: *Зиссерман. Отрывки*, 1877, № 3, с. 82.

¹⁵ *Дон Симпсон и Лесли Фиш*, песня «Когда кусает змея».

Глава четвертая ЕРМОЛОВ

¹ О покорении последних см.: *Худинов В.* Окончательное покорение Осетии // *Кавказский Сборник*. Т. XIII, с. 1 — 114.

² Ермолов был кумиром ряда поколений русских вплоть до 1917 г., его книг и книг о нем издавалось огромное количество. В перечень его биографий (среди них нет ни единой критической) входят: Алексей Петрович Ермолов. Материалы для биографии. Его рассказы и переписка // *Русская Старина*, 1896, № 10, с. 97—120, № 12, с. 565—583; *Ермолов Александр*. Алексей Петрович Ермолов, 1777—1861. Биографический очерк. СПб., 1912; Новые подробности из молодой жизни А.П. Ермолова // *Русский Архив*, 1878, № 8, с. 475—482; *Погодин М.* Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1863; *Whittock*. T. Ermolov:

421

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Proconsul of the Caucasus. — *The Russian Review*, Vol. XVIII, № 1 (January 1959), pp. 53—60.)*Желиховская В.П.* Ермолов на Кавказе. СПб., б/г. и др. Заметки А.П. Ермолова и его воспоминания публиковались: *Русский Архив*, 1867, № 3, с. 366—375; *Записки Алексея Петровича Ермолова*. Материалы для истории войны 1812 года. М., 1863; *Ермолов Н.В.* *Записки Алексея Петровича Ермолова* (с приложениями), 2-е изд. М., 1865—1868; и др. Его переписка опубликована: *Берже А.П.* Алексей Петрович Ермолов в его письмах к кн. М.С. Воронцову, 1816—1852. - *Там же*, 1885, № 12, с. 523-550; *Там же*, 1892, № 10, с. 215; *Русская Старина*, 1872, № И, с. 502—537; *Военный Сборник*, 1906, № 12, с. 245-250; *Русский Архив*, 1905, № 2, с. 314-319; *Русская Старина*, 1872, № 11, с. 453-501; *Там же*, 1872, № И, с. 538; *Там же*, 1872, № 9, с. 290-292; *Русский Архив*, 1906, № 9, с. 38-88; *Русская Старина*, 1873, № 3, с. 431-456; *Там же*, 1876, № 10, с. 225-250; и др.

³ Письмо Ермолова к Давыдову от 10 [22] февраля 1819. — Из писем А.П. Ермолова к Денису Давыдову // *Военный Сборник*,

1906, №12, с.247. См. также: *Бороздин К.* Воспоминания о Н.Н. Муравьеве // Исторический Вестник, 1890, №2, с. 309.

⁴ *Whittock*, op. cit., p. 54.

⁵ *Baddeley*, pp. 94-95.

⁶ *Ibid.*, p. 99.

⁷ *Эсадзе*, указ.соч., с.35.

⁸ *Потто*. Кавказская Война. Т. II, ч. 1, с. 14.

⁹ *Погодин*, с. 241, цит. по: *Baddeley*, p. 102. О миссии Ермолова в Тегеране см: *Берже А.П.* Посольство А.П. Ермолова в Персии. Исторический очерк// Русская Старина, 1877, № 6, сс.255—274; № 7, с. 383—427; *von Kotzebue Moritz*. Reise nach Persien mit der Russisch Kais. Gesandtschaft in Jahre 1817 (Weimar, 1819). (Английский перевод; Narrative of a Journey into Persia in the Suite of the Imperial Russian Embassy in the Year 1817 [London, 1819]).

¹⁰ О российско-персидских отношениях во времена Ермолова с позиции Персии см.: *Mahmoud Afschar*. La Politigue Europeenne en Perse. Quelques Pages de l'Histoire Diplomatique (Tehran, 1973, 2nd ed.); *Fereydoun Adamiyat*. The Diplomatic Relations of Persia with Britain, Turkey and Russia, 1815—1830 (неопубликованная докторская диссертация, London, 1949).

¹¹ См.: АКАК, Т.VI, ч. II, с. 447-448, 498-499; или: *Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX века*. Сборник документов. (Под ред. В. Г. Гаджиева, Х. Х. Рамазанова.) Махачкала, 1959 (в дальнейшем: *Движение*), с. 23—26; *Материалы*, с. 149—152.

¹² АКАК. Т.VI, ч. II, с. 498.

¹³ *Движение*, с. 25.

422

Примечания

¹⁴ *Там же*. Цит. по: *Baddeley*, pp. 106—107.

¹⁵ АКАК, Т. VI, ч. II, с. 498.

¹⁶ *Движение*, с. 25

¹⁷ *Волконский Н.А., фон Климан Ф., Бублицкий П.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом. — Кавказский Сборник. Т. XV, с. 524 (в дальнейшем: *Война + № тома Кавказского Сборника*). Цит. по: *Baddeley*, p. 112.

¹⁸ *Baddeley*, pp. 109-111.

¹⁹ О биографии Вельяминова, см.: *Вельяминов*, с. 1—77.

²⁰ См. об этом: *Gamba Jean Francois. Voyages dans la Russie Meridionaie et Particulierement dans les Provinces au dela du Caucase, Fails depuis 1820 jusq'en 1824.* Paris, 1826, 2nd ed.; *Eichwald Ed. Reise auf dem Kaspischen Meer und in dem Kaukasus Internommen in den Jahren 1825-1826.* Stuttgart-Tubingen, 1834—1837; *van Halen Juan. Narrative of Don Huan van Halen's Imprisonment in the Dungeons of the Inquisition at Madrid and His Escape in 1817 and 1818, to which Are Added His Journey to Russia, His Campaigns with the Army of the Caucasus and His Return to Spain in 1821* London, 1827, Vol. II; *Прушановский. Происшествия на Кавказе от 1820 до 1836 года* // Сборник газеты «Кавказ», 1846, с. 170—180; *Шилов Н.И. Эпизоды из боевой жизни Алексея Петровича Ермолова на Кавказе в 1818, 1819 и 1820 годах. Записки очевидца, служившего под его начальством.* СПб., 1878; *Война. Т.Х*, с. 1-41.

²¹ *Baddeley*, p. 123. См. также: *Материалы*, с. 116—19.

²² *Baddeley*, p. 124. См. также: *Материалы*, с. 153—155.

²³ См.: *Движение*, с. 27—28.

²⁴ *Baddeley*, p. 129. О биографии Мадатова см.: *Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова.* СПб., 1837; *Князь В. Г. Мадатов* // *Русская Старина*, 1872, № 12, с. 669.

²⁵ См.: *Движение*, с. 31—32; *Материалы*, с. 121.

²⁶ *Движение*, с. 31.

²⁷ АКАК. Т. VI, ч. II, с. 79.

²⁸ *Движение*, с. 32—33.

²⁹ *Война. Т. X*, с. 12.

³⁰ АКАК. Т. VI, ч. II, с. 41 (цит. по: *Baddeley*, pp. 137-138).

³¹ См. об этом: *Движение*, с. 29—30, 33—34, 35—39.

³² *Война. Т. X*, с. 19.

³³ Цит. по: *Whittock*, p. 58.

³⁴ Цит. по: *Baddeley*, p. 97.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ *Прушановский*, указ.соч., с. 175—177.

³⁸ Описание этой бойни (со ссылкой на Потто) см.: *Baddeley*,

pp.

130-132.

³⁹ *Baddeley*, p. 145. У самого Ермолова была дочь, которая всю жизнь была объектом интереса и паломничества русских офице-

ров, проезжавших мимо ее поместья. Можно вообразить, во что выливалась эта вопиющая безнравственность неверных в отношении правоверных женщин-мусульманок*.

⁴⁰ *Baddeley*, p. 132.

⁴¹ Цит. по: *Blanch*, p. 93. Спустя более ста лет после этого один югославский дипломат писал, что «примиренчество для русских считалось позорным, как безграмотность в газетной статье, а высокомерие и заносчивость выглядели как признак силы». *Veljko Micunovic. Moscow Diary. London, 1980, p. 375.*

⁴² *Движение*, с. 345—347.

⁴³ *Baddeley*, p. 99.

⁴⁴ Письмо Цицианова к императору Николаю, цит. по: *Baddeley*, p. 65.

⁴⁵ *Эсадзе*, указ, соч., с. 34—35.

⁴⁶ *Козубский Е.* Дагестанские воспоминания о Ермолове // *Русский Архив*, 1900, № 9, с. 137-142.

⁴⁷ Из писем А.П. Ермолова к Денису Давыдову // *Военный Сборник*, 1906, № 12, с. 247. — Цит. по: *Baddeley*, p. 125. Тут Ермолов тоже был не оригинален. Еще Цицианов «устроивал музыку ядер и пуль, заставляя всякого хана плясать под русскую дудку» (*Baddeley*, p. 68).

⁴⁸ «Так говорило железо магниту: «Я ненавижу тебя больше всего, потому что ты притягиваешь, но недостаточно силен, чтобы притянуть к себе». (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра, гл. о старых и молодых женщинах.)**

⁴⁹ О биографии Грекова см.: *Война*. Т.Х, с. 42—43; *Военная энциклопедия*. Т. VIII, с. 467.

⁵⁰ *Война*. Т. X, с. 44.

⁵¹ *Baddeley*, pp. 147—148. О событиях 1818—1824 гг. в Чечне см.: *Война*. Т.Х, с. 8—46; *Материалы*, с. 155—178.

⁵² *Baddeley*, p. 148.

⁵³ Здесь использовалось слово *имам* скорее в религиозном, а не в гражданском смысле этого понятия. Из имеющихся документов трудно определить характер этого движения, скорее всего оно носило черты мессианства и милленаризма.*** Русские продемон-

* Совершенно неясная ассоциация со странными намеками. — *Прим. пер.*

** Опять странная ассоциация. У Ницше речь идет об отношениях мужчины и женщины, трактуемых в весьма специфическом аспекте. Вряд ли отношения Российской империи и Кавказа можно представить в качестве комплементарности такого рода. — *Прим. пер.*

*** Упрекая русских военных начала XIX в. в полном неведении по поводу исследования исламских движений и их лидеров, наш автор грешит этим и сам, приписывая Ушурме (Мансуру) христианское учение о Втором пришествии Иисуса Христа и его тысячелетнем царствовании на земле (милленаризм). — *Прим. пер.*

424

Примечания

стрировали свое полное неведение таких движений и таких их лидеров, как шейх Мансур, называли не иначе как лжепророками.

⁵⁴ Греков с ним грубо обошелся и оскорбил, когда тот пришел поздравить Грекова в связи с назначением начальником Сунженской линии — *Война*. Т. X, с. 44. Биографию см.: *Серов Ф.* Наездник Таймазов: О тех, кого называли абреками. Грозный, 1925, с. 125-130.

⁵⁵ Описание основано на: АКАК. Т. VI, ч. I. с. 508—516; *Материалы*, с. 179-181, 182-184; *Война*. Т. X, с. 152-220 и 221-224, Приложения II, III, IV; *Белявский Н.Н., Потто В.А.* Утверждение русского владычества на Кавказе. Т III, ч.2 (Тифлис, 1904), с. 207—228; *Казанов*, №2, с. 36—37; *Eichwald*, р. cit., Т. I, р. 81—82; *Baddeley*, pp. 148-153.

⁵⁶ *Ibid.*, pp. 148-149.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 153.

⁵⁸ *Ibid.*

⁵⁹ О биографии ген. Паскевича см.: *Щербатов*. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. В семи томах. СПб. 1888—1904. Его деятельность на Кавказе освещается во 2 и 3 томах.

⁶⁰ Ермолов, Дибич и Паскевич, 1826—1827 // *Русская Старина*. 1872, № 5, с. 706-726; № 7, с. 39-69; № 9, с. 243-280; Ермолов, Дибич и Паскевич, 1827. — *Там же*. 1827; *Там же*. 1880, № 10, с. 617—326; *Похвиснев М.Н.* Алексей Петрович Ермолов (По поводу помещенных в «Русской Старине» материалов под

заглавием «Ермолов, Дибич и Паскевич»). // Русская Старина. 1872, №11, с. 617—626; *Андреев В.* Ермолов и Паскевич. — Русский Архив, № 8, с. 1571 — 1583. (Другой вариант этой статьи см.: Кавказский Сборник. Т. I, с. 197—213); *Вейденбаум Е.Г.* Ермолов и Паскевич. — Кавказские этюды, с. 216—232; *Война.* Т. XI, с. 79; 14-20; 51-53.

Глава пятая НАКШБАНДИЙА-ХАЛИДИЙА

¹ Суфизм (по-арабски это произносится как *tasawwuf*)— это мусульманский мистицизм. *Тарикат* (путь) у суфистов означает метод, систему или школу. *Тауфа* (группа) — суфийский орден. Подробнее об этих и других терминах см. соответствующие статьи в *Encyclopedia of Islam (EI)*, а также *J.Spencer. Trimingham, The Sufi Orders in Islam. Oxford, 1971* (далее: *Trimingham*)*.

* См. также на русском языке: Ислам. Энциклопедический словарь. М, 1991. — *Прим. пер.*

425

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

² Западная наука учением Нашкбандийа серьезно занялась только недавно. Историческое значение мусульманской цивилизации признается давно, однако глубоких исследований этого *тариката* не печаталось. Настоящая работа основана на *EI* и *Trimingham*, с. 14, 62—64, 92—96, 99, 124, 127, 202—204. Оценку роли тариката в истории ислама см.: *Algar Hamir. The Naqshbandi Order: A Preliminary Survey of Its History and Significance. — Studia Islamica, Vol. 44 1970, pp. 123—152* (далее: *Algar*). О его влиянии на борьбу с проникновением западной цивилизации и на фундаментализм см.: *Lewis Bernard, The Middle East and the West. New York, 1966, pp. 97-100* (далее: *Lewis*).

³ «Ортодоксальность» ордена проявлялась в том, что две из трех *силсила* (последовательность посвящения, ведущая к Мухаммаду через одного из первых четырех халифов) восходит к Абу Бакру и только одна к Али. — *Algar*, p. 124. См. также *Trimingham*, pp. 149-150; *Al-Shaykh al-Sayyid Jamal al-Din al-Ghazi-Ghumugi al-Daghistani, Al-Adab al-Mardiyya fi al-Ttariga al-Naqshbandiyya* (Petrovsk, 1323 г. х./ 1905), p.77 (в дальнейшем: *Сайид Джамал ал Дин*).

⁴ *Trimingham*, p. 63.

⁵ *Lewis*, p. 96. О биографии и учении Сирхинди см.: Friedmann Yohanan, Shaykh Ahmad Sirhindi Montreal, 1917.

⁶ *Lewis*, p. 97. Определение Trimmingham'a «несколько фанатичное суунитское *Движение*», возможно, вызовет у кого-то из мусульман реакцию аналогичную той, что я обнаружил в виде записи на полях красными чернилами возле другой его фразы (p. 49) в экземпляре книги в библиотеке СОАС: «Грязная миссионерская шутка».

⁷ *Березин*. Путешествие, с. 82; *И. Р-в*. Начало и постепенное развитие мюридизма на Кавказе // *Русский Художественный Листок*, 1859, № 3, с. 113.

⁸ Самая значительная работа по шейху Мансуру — это *Benningsen Alexandre*. *Un Mouvement Populaire au Caucase du XVIIIe Siecle: La «Guerre Sainte» du Sheikh Mansur (1785—1794)*. Page Mai Connue et Controversee des Relations Russo-Turques. — *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*, Vol. V, № 2 (April—June 1964), pp. 159-205*. *Baddeley* (pp. 47—52, 55—56) обобщил все работы того времени, включая утверждение Оттино, что шейх Мансур был доминиканским монахом из Италии, что сам Бадли опровергает. Две статьи,

* Сами чеченцы Мансура-Ушурму «шейхом» не именовали и не называют. Его называли или собственным его именем «Ушурму» или «Алдара имам» (*чечен.*) — алдынский имам. Титул «шейх» (ших), по-видимому, дан ему татарами — переводчиками-кумыками. Относился он к роду «Элистанжи». Потомки его и сейчас живут в селении Новые Аяды ЧР. — *Чеченцы. История и современность*. М., 1996, с. 174.

426

Примечания

опубликованные *Бадли*, это: *Юдин П*, Лжепророк Ушурма-шейх Максур (Из истории религиозных движений на Кавказе). — *Русский Архив*, 1914, № 10, с. 217—218; *Корольков М.Я.* Шейх Мансур Анапский. Эпизод из первых лет завоевания Кавказа. // *Русская Старина*, 1914, № 5, с. 410—417. Дополнительно три статьи из советской печати: *Ахмадов С.В.* Об истоках антифеодального и антиколониального движения в Чечне в конце XVIII в. — *Известия Чечено-ингушского научно-исследовательского института*. Т. IX, ч. 3, вып. 1, 1974; *Шерипов З.* Шейх Мансур. Краткий историко-биографический очерк. — О тех, кого называли абреками. *Грозный*, 1925, с. 151 — 158; *Смирнов Н.А.* Шейх Мансур и его турецкие вдохновители. — *Вопросы истории*, 1950, № 10, с. 19—39*.

Романтическая фигура шейха Мансура и события его жизни послужили сюжетом двух романов: *Савинов В.И.* Шейх Мансур. Восточный роман в четырех частях. СПб., 1853; *Spencer Edmund.* The Prophet of the Caucasus: An Historical Romance of Krim-Tartary, 3 vols. London, 1840.

⁹ *Baddeley, p. 47.*

¹⁰ О шейхе Халиде см.: *Butrus Abu-Manneh.* The Naqshbandiyya-Mujaddidiyya in the Ottoman Lands in the Early 19th Century, *Die Welt des Islams*, Vol. XII (1982), pp. 1 — 12 (в дальнейшем: *Abu Manneh*); *Hourani Albert.* Sufism and Modern Islam: Maulana Khalid and the Naqshbandi Order. — in idem. The Emergence of the Middle East. London, 1981, pp. 75-89.

¹¹ *Махмудбеков.* Мюридическая секта на Кавказе. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. XXIV, ч. II, с. 22 (в дальнейшем: *Махмудбеков*); Muhammad ibn Sulayman al-Baghdadi, al-Hadiqa al-Nadiyya fa Adab al-Tariqa al-Naqshbandiyya. Cairo, 1313 [1895], pp. 79-80.

¹² *Сайид Джамал ал-Дин*, с. 80. См. также: Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в г. Калуге с 1859 по 1862 год. — АКАК. Т. XII (в дальнейшем: *Дневник Руновского*), с. 1490—1496.

¹³ См., напр.: *Мирза Александр Казым-Бек.* Мюридизм и Шамиль // *Русское Слово*, 1859, № 12, отд. 1, с. 182-242; *Ханыков Н.В.* О мюридах и мюридизме // Сборник газеты «Кавказ», 1847. Т. I, сс. 136—156; *Казанов.* Мюридизм в Дагестане // *Радуга*, 1861, № 1, с. 1-8, № 2, с. 28-37, № 3, с. 50-57, № 4, с. 65-71 (в дальнейшем: *Казанов и № Радуги*); *Махмудбеков*, с. 14—40; *Неверовский А.А.* О

* Рекомендуем также небольшую, но обстоятельную статью Ш. Ахмадова «Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под предводительством имама Мансура в 1785—1791 гг.» — Чеченцы. История и современность. Сост. и общ. редакция Ю. А. Айдаева.) М., 1996. — *Прим. пер.*

начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане. СПб, 1847 (в дальнейшем: *Неверовский. О начале*).

¹⁴ Напр., *Бушувев С.К.* О кавказском мюридизме // Вопросы истории, 1956, № 12, с. 72—79; *Фадеев А.В.* Возникновение мюридского движения на Кавказе и его социальные корни //

История СССР, 1960, № 5, с. 37—58; Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20—70-е годы XIX в. Алма-Ата, 1975.

¹⁵ От слова «мюрид», то есть ученик суфийского шейха, муршида. А потом все горцы без разбора, что включились в борьбу с русскими под знаменами имамов, стали называться мюридами. К сожалению, многие западные ученые и даже выходцы с Кавказа, которым, казалось, следовало бы это знать, тоже переняли этот термин*. Напр.: *Mohyieddin Izzat Quandor. Muridism: A Study of the Caucasian Wars of Independence, 1819—1859* (докторская диссертация, Claremont, CA, 1946).

¹⁶ Весьма примечательным исключением из этого является великий русский востоковед В.В. Бартольд. См., к примеру, его *Ислам*. Пг., 1918, с. 18.

¹⁷ В качестве экстремальной оценки «мюридизм» рассматривался как новая религия, отличная от ислама. Причинами такой оценки, помимо чисто политической, было незнание русскими авторами ислама и Кавказа. Некоторые работы по Накшбандийа-халидийа читаются как невыносимая смесь фактологических ошибок, непонимания и фантазии. Тот факт, что западные ученые того времени и даже Бадли принимали такие работы на веру, понятен: они все, в конечном счете, опирались на русские материалы. Просто невероятно, что под этой теорией ставят свои подписи западные исследователи в 60-е годы, как это делает, например, Melikoff Irene. *L'Ideologie Religieuse du Muridisme Caucasicien*. — *Bedi Kartlisa*, Vol. XXV, 1968, pp. 27-45.

¹⁸ *Baddeley*, p. 234.

¹⁹ *Движение*, с. 312—324; *Юров А.* 1843-й год на Кавказе // *Кавказский Сборник*. Т. VI, с. 39-40.

²⁰ Относительно этого процесса вытеснения гребенских и терских

* Вряд ли можно согласиться с этим замечанием: своеобразие религиозно-политического движения в Дагестане требовало именно собственного термина, и термин «мюридизм» в научном плане представляется здесь не худшим, чем какой-нибудь иной, хотя бы по причине привычности. Если же отказаться от него, как предлагает автор, в пользу более общего, типа «Накшбандийа-халидийа», то движение Шамиля окажется однотипным, скажем, с движением курдов в Турции за национальную независимость, которое возглавляло то же самое братство Накшбандийа-халидийа, впоследствии запрещенное в исламской Турции. — *Прим, пер.*

казаков обратно на северный берег Терека см.: *Волкова*, указ, соч., с. 168-193.

²¹ См., напр., письмо Ивченко к фон Краббе от 21 января [2 февраля] 1830 // *Война*. Т. XI, с. 149.

²² *Baddeley*, p. 134.

²³ *Atkin*, op, cit., p. 165.

²⁴ См., напр., письмо Каханова к Панкратову 9 [21] июня 1831. — *Война*. Т. XIII, с. 287.

²⁵ *Солтан В.* Обзор событий в Дагестане в 1855 и 1856 годах. — *Кавказский Сборник*. Т. XII, с. 503—505.

²⁶ Дальнейшее описание основано на: *Abu-Munneh*, pp. 12—17.

²⁷ *Неверовский. О начале*, с. 5.

²⁸ Согласно цитате из *Abu-Munneh*, p. 15, шейх Халид также поучал «своих последователей заканчивать хатм аль-хавджакан (т.е. на-кшбандийский обряд *дикр*) молитвой к Аллаху «уничтожить евреев, христиан, огнепоклонников и персидских шиитов».

²⁹ *Baddeley*, p. 242.

³⁰ *Агрономов А.И.* Джихад. Священная *Война* магометан. Казань, 1877; *Ханыков Н.В.* Перевод мусульманских постановлений о войне // *Сборник газеты «Кавказ»*, 1846, с. 282—289.

³¹ *Lewis*, pp. 96—100; *Trimingham*, с. 240—241.

³² *Движение*, с. 42—48; *Война*. Т. X, с. 36—37; с. 175—183.

³³ Речь Мухаммеда аль-Яраги дается по: *Неверовский. О начале*, с. 5—6. Несколько отличный и более короткий вариант приводится в: *Война*. Т. X, с. 20. Еще один более длинный см.: *Казанов*, № 2, с. 32-33.

³⁴ *Неверовский. О начале*, с. 6.

³⁵ Обращение Мухаммеда аль-Яраги к жителям Чиркаха // *Война*. Т. X, с. 28. *Неверовский* (с. 13—14) приписывает это обращение Гази Магомеду.

³⁶ *Там же*, с. 8-9, 11-12; *Казанов*, № 2, с. 33—34, 35-36.

³⁷ О деятельности русских миссий см., напр.: АКАК. Т. VI, часть II, с. 501, 507; *Движение*, с. 555—558; [Муса Кундух]. Мемуары ген. Муса-Паши Кундухова (1837—1865), *Кавказ*, Париж,

1937, № 10 (46), с. 23—25, Приложение: Барятинский к Александру II (б/г) (в дальнейшем: *Кундух и № Кавказа*).

³⁸ *Движение*, с. 41—42. См. также: Эсадзе, указ.соч., 35; *Неверовский. О начале*, с. 10; *Baddeley. Rugged Flanks*, Vol. II, p. 65.

³⁹ История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. (Под ред. М. О. Косвена и Х.М. Хашаева.) М., 1958, с. 362—368; Andre de Simon [Андрей Францевич Десимон], «Historical Survey of the Samur District» 1839. Цит. со с. 367.

⁴⁰ *Baddeley, Rugged Flanks*, Vol. II, pp. 12—18.

429

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

⁴¹ См., напр.: АКАК. Т. X, с. 245. О Кадирийа см.: *Trimingham*, pp. 40-44.

⁴² *Война*. Т. XIV, с. 194.

⁴³ Об этих событиях в Чечне и Дагестане см.: *Материалы*, с. 199—201; *Война*. Т. XI, с. 1-107, 127-145.

⁴⁴ *Baddeley*, pp. 244—245, в сущности, пересказ из: *Война*. Т. XI, сс. 108—109. Изложив точку зрения русских, Бадли, как бы задним числом, находит этому лучшее оправдание: «Несомненно также, что неуспех персов во многом объяснялся тем, что они шииты», — *ibid*, p. 245. Относительно деятельности турок среди горцев в те годы см.: Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. (Под ред. М. М. Габричидзе.) Тбилиси, 1953 (далее — *Шамиль*), с. 1—7, 9—12. О попытке Аббаса Мирзы возмутить горцев см.: *Материалы*, с. 181.

⁴⁵ *Война*. Т. XI, с. 175—182; Сцена из покорения Джаро-Белакан. — Сборник газеты «Кавказ», 1846, с. 15—20.

⁴⁶ См.: *Шамиль*, с. 12—13.

⁴⁷ О событиях в Чарталахе см.: *Война*. Т. XI, с. 127—137. О действиях русских в 1830 см.: *Движение*, с. 60—62, 68—72.

⁴⁸ АКАК. Т. VII, с. 517-518.

⁴⁹ Прокламация Гази Магомеда, как она изложена в: *Война*. Т. XI, с. 158-159.

Глава шестая
ПЕРВЫЙ ИМАМ

¹ Разные источники называют разные годы рождения Гази Магомеда. С уверенностью можно говорить лишь о том, что он был на несколько лет старше Шамиля, что относит год его рождения к началу 90-х годов XVIII в. В данной главе использовались следующие источники: *Muhammad Tfhir al-Qardkhi. Banqat al-Suyuf al-Daghistaniyu'a fi Ba'd al-Ghazawat al-Shamiliyu'a*. М.-Л., 1946, с. 9—28 (в дальнейшем: *Карахи*); Гаджи-Али Сын Абдул Мелека Эфенди. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. VII, с. 6—8 (в дальнейшем: *Гаджи-Али*), *Астахов Т.* Воспоминания о жизни и боевой деятельности Кизляро-Гребенского казачьего полка со дня формирования его до 1879 года. — Терские Ведомости, 23 мая [4] июня, 2 [14], 9 [21] июня 1891; *Дубровин Н.* Из истории войны и владычества русских на Кавказе (Кази-Мулла как родоначальник мюридизма и газавата) // Военный Сборник, 1890, № 10, 1891, № 3, № 4, № 5, № 6; Два имама, или Истребление Дома Аварского. Историческое повествование о Кавказе // Русский Архив, 1915, № 1, № 2, № 3; *Филонов С.*,

430

Примечания

Томкеев В. Кавказская линия под управлением генерала Эммануэля // Кавказский Сборник. Т. XV, с. 327-450. Т. XIX, с. 120-220. Т. XX, с. 142—249; *Гржегоржевский Исидор*, Генерал-лейтенант Клюге фон Клюгенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе, 1818—1850. // Русская Старина, 1842, № 11, с. 508—515 (в дальнейшем: *Гржегоржевский, год и № РС*); Месяц военно-походной жизни Мирного (в Северном Дагестане в 1832 году) // Москвитянин, 1843, № 11, с. 79—108; [*Прушановский*]. Кази-Мулла (Гази Магомет). Из записок капитана Прушановского // Сборник газеты «Кавказ», 1847. Т. II, с. 22—39; *Пжевлатцкий П.* Воспоминания о блокаде города Дербента в 1831 году // Военный Сборник, 1864, № 2, отдел неофициальный; Т. «Воспоминания о Кавказе и Грузии» // Русский Вестник, 1869, № 1, с. 1-36, № 2, с. 401-443, № 3, с. 102-155, № 4, с. 658—707; *Зиссерман А. Л.* Осада Бурной и Дербента Кази-Муллой в 1831 году. // Русский Вестник, 1864, № 12, с. 698—732 (в дальнейшем: *Зиссерман, Осада*); *А.М.* «Guerre des Russes dans le Daghestan», Nouveau Journal Asiatique, 1832, № 9, pp. 466—472 (в дальнейшем: *Guerre*); *Eichwald*, op. cit., vol. II, pp. 675—740.

² *Гаджи-Али*, с. И (прим. 9).

³ *Baddeley*, p. 240.

⁴ *Движение*, с. 55—56; *Неверовский. О начале*, с. 14—16; *Прушановский*, с. 31—32; *Казанов*, № 3, с. 51.

⁵ См., например, обращение шейха Абдаллаха аль-Ашилти к чеченцам, как оно изложено и осмеяно в: *Война*. Т. XII, с. 62. *Рабита* (буквально «связь») у суфиев — это телепатическая передача мыслей между муршидом и его учеником (мюридом) в результате концентрации внимания ученика на образе учителя.

⁶ *Война*. Т. XI, с. 152.

⁷ См.: *Война*. Т. XI, сс. 148-149.

⁸ См.: *Война*. Т. XII, с. 9—10; *Движение*, с. 412—423.

⁹ *Карахи*, с. 13—14.

¹⁰ См.: *Движение*, с. 62-65, 129-130; *Война*. Т. XI, с. 153-158.

¹¹ См., напр., *Потто, Беляев*, указ. соч. Т. III, ч. I, с. 519—520.

¹² *Движение*, с. 158—161.

¹³ АКАК. Т. VII, с. 515; *Движение*, с. 66—67; *Материалы*, с. 202—213; *Шамиль*, с. 12—13.

¹⁴ *Война*. Т. XI, с. 181.

¹⁵ Более подробно см.: Документы о движении горцев Северо-Восточного Кавказа 20—50 гг. XIX в. под руководством Шамиля // Ученые записки Дагестанского филиала Академии Наук СССР, Институт истории, языка и литературы имени Г. Цадасы. Т. II, с. 264—268 (в дальнейшем: *Документы*); *Движение*, с. 78—81, 86—87; *Шамиль*, с. 13—16, 19—23; *Карахи*, с. 16.

¹⁶ Относительно обращений разных обществ к Паху Бике с предло-

431

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

жением присоединиться к антирусскому оборонительному соглашению см., напр.: *Движение** с. 78—79, *Война*. Т. XII, с. 46—49. О таких же соглашениях между чеченцами, андийцами и аварцами см., напр.: *Война*. Т. XIII, с. 154—155.

¹⁷ *Война*. Т. XII, с. 135. См. также: *Материалы*, с. 262—263, письмо Мухаммеда аль-Яраги к шамхалу, не позднее 14 апреля 1832 г., где он называет Гази Магомеда «возобновителем закона», то есть шариата. Два не связанных между собой события — сильное землетрясение 1830 г. и эпидемия холеры — также послужили

поднятию авторитета Гази Магомеда среди горцев, надо думать, не без косвенного воздействия его самого — см., напр., *Карахи*, с. 16.

¹⁸ *Движение*, с. 72-76; *Война*. Т. XII, с. 17-24, 36-38.

¹⁹ *Движение*, с. 206—211. Приложение VII, Прокламация муллы Мустафы Кади из Герменчука к чеченскому народу (б/д).

²⁰ *Там же*, с. 79-80; *Война*. Т. XII, с. 61-63, 72.

²¹ *Движение*, с. 73—77.

²² *Зиссерман, Осада*, с. 701.

²³ О реакции русских см.: АКАК. Т. VII, с. 514—515, 535—537; *Война*. Т. XII, с. 1-17, 24-25, 38-59, 80-103.

²⁴ См. *Движение*, с. 60-62, 68-72; *Война*. Т. XI, с. 150-152. Т. XII, с. 63-69.

²⁵ См. АКАК. Т. VII, с. 514-515.

²⁶ См. *Там же*, с. 507—511; а также: *Материалы*, с. 129—138 и 213—219; *Война*. Т. XX, с. 135-141; Т. XII, с. 80-103.

²⁷ *Война*. Т. XII, с. 8-9, 17, 51. Т. XIII, с. 174, 179, 187.

²⁸ *Война*. Т. XII, с. 43-59, с. 4.

²⁹ *Там же*, с. 3, 27—28, 42—43, 82.

³⁰ *Там же*. Т. XXIII, с. 174, 179, 187. Это было одним из направлений сознательной политики русских купить местных вождей. Скоро, однако, это оказалось еще одним половинчатым решением, которое привело к обратным результатам. — *Там же*. Т. XIV, с. 177-178, 181, 188, 196, 198-199.

³¹ Роберт Розен [Роман Федорович Розен], не путать с Григорием Владимировичем Розеном. Его биографию см.: АКАК. Т. VII, с. IX.

³² Как объяснял Розен, они умирали от холеры и жары. Относительно всей экспедиции см.: *Материалы*, с. 224—233; *Война*. Т. XII, с. 43-59.

³³ *Карахи*, с. 16.

³⁴ АКАК. Т. VII, с. 473; Т. VIII, с. 527-528; *Движение*, с. 88-94;

Карахи, с. 17

³⁵ *Война*. Т. XIII, с. 209.

³⁶ АКАК. Т. VII, с. 475, 519-520; Т. VIII, с. 528-530; *Материалы*, С. 247-249; *Война*. Т. XIII, с. 263-279, 286—290; *Зиссерман. Осада*, с. 701-719; *Карахи*, с. 17-18.

Примечания

- ³⁷ *Война*. Т. XIII, с. 286.
- ³⁸ *Там же*, с. 326, 295-300, 304.
- ³⁹ *Там же*, с. 159-174, 177.
- ⁴⁰ *Документы*, с. 269; *Война*. Т. XIII, с. 210-236; *Карахи*, с. 18-19.
- ⁴¹ *Война*. Т. XIII, с. 223.
- ⁴² *Там же*, с. 236-240.
- ⁴³ *Там же*. Т. XIV, с. 116-197.
- ⁴⁴ *Там же*. Т. XIII, с. 240-261.
- ⁴⁵ АКАК. Т. VIII, с. 533-534; *Война*. Т. XIII, с. 290-296, 301-304.
- ⁴⁶ АКАК. Т. VIII, с. 534—555; *Документы*, с. 260—270; *Движение*, с. 96—99; *Карахи*, с. 19; *Зиссерман. Осада*, с. 721—732.
- ⁴⁷ *Война*. Т. XIII, с. 309.
- ⁴⁸ *Война*. Т. XIII, с. 262, 322-327.
- ⁴⁹ *Там же*. Т. XIV, с. 173.
- ⁵⁰ АКАК. Т. VIII, с. 535, 536-539; *Движение*, с. 99-100; *Война*. Т. XIV, с. 81-99.
- ⁵¹ *Там же*, с. 89.
- ⁵² *Там же*, с. 86—87; *Материалы*, с. 254—257.
- ⁵³ *Война*. Т. XIV, с. 106.
- ⁵⁴ АКАК. Т. VIII, с. 538-540, 542-548; *Материалы*, с. 258-259; *Карахи*, с. 19.
- ⁵⁵ АКАК. Т. VIII, с. 541-542, 669-671, 673, 675-677; *Война*. Т. XIV, с. 116-129, 133.
- ⁵⁶ *Там же*, с. 123.
- ⁵⁷ *Там же*, с. 128.
- ⁵⁸ *Там же*, с. 123.
- ⁵⁹ АКАК. Т. VIII, с. 341-342, 545, 548-551; *Война*. Т. XIV, с. 133-153; *Карахи*, с. 20.
- ⁶⁰ АКАК. Т. VIII, с. 542-543.
- ⁶¹ *Война*. Т. XIV, с. 153.
- ⁶² *Движение*, с. 104—106; *Война*. Т. XIV, с. 154—160.
- Сообщая об этих попытках, русские источники ощущают

необходимость оправдать или хотя бы объяснить их: «Очевидно, кавказские власти не знали, что предпринять, а поставив Тази Магомеда в ряд опасных преступников, не пользующихся защитой закона, они считали, что будет не грех «убрать» его. К счастью, Гази Магомед погиб не от руки убийцы, а в бою» (*Война*. Т. XVI, с. 428).

⁶³ АКАК. Т. VIII, с. 672-673; *Война*. Т. XV, с. 549-560.

⁶⁴ АКАК. Т. IX, с. XXVII.

⁶⁵ *Там же*. Т. VIII, с. 674-675, 340-341; *Движение*, с. 103-104; *Материалы*, с. 263—269.

⁶⁶ Донесение приводится (без даты) в: *Война*. Т. XV, с. 512. См. еще заявление Вельяминова, что «бунт Гази Магомеда можно было бы быстро подавить, если бы меры принимались безотлагатель-

433

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

но. Однако ему позволили собраться с силами, а последовавшие безуспешные военные операции подтолкнули народ к участию в бунте». — *Там же*, Т. XIII, с. 261.

⁶⁷ *Там же*. Т. XIV, с. 132.

⁶⁸ *Материалы*, с. 275—276.

⁶⁹ *Там же*, с. 259-261; *Война*. Т. XVI, с. 438-454; *Карахи*, с. 21-22. О сведениях русской разведки по таким намерениям Гази Магомеда см.: АКАК. Т. VIII, с. 541.

⁷⁰ Хороший анализ вероятных намерений Гази Магомеда и причин его отступления см.: *Война*. Т. XVI, с. 447—451.

⁷¹ АКАК. Т. VIII, с. 675; *Материалы*, с. 270-273; *Война*. Т. XV, с. 454-457.

⁷² *Там же*, с. 456—457. О последующих действиях Гази Магомеда см.: *Материалы*, с. 274—277.

⁷³ О событиях 1831 г. в Чарталахе см.: АКАК. Т. VIII, с. 535-536; *Шамиль*, с. 24—25.

⁷⁴ АКАК. Т. VIII, с. 551-552; *Война*. Т. XVII, с. 336-346.

⁷⁵ АКАК. Т. VIII, с. 553, 554-556, 961; *Движение*, с. 109-111, 114-117; *Шамиль*, с. 27-28, 32-36.

⁷⁶ *Движение*, с. 107-108; *Война*. Т. XVII, с. 358-379.

⁷⁷ Приказ гласил: «Решительно действовать против всякой банды, оказавшейся в этом районе, с целью сразу с ней покончить». — *Там же*, с. 365.

⁷⁸ О событиях в Дагестане с июля по сентябрь см.: *Движение*, с. 108-109, 111-113; *Война*. Т. XVIII, с. 333-336, 338-341.

⁷⁹ АКАК. Т. VIII, с. 677-682; *Материалы*, с. 269-270; *Война*. Т. XVII, с. 379-409; *Baddeley*. *Rugged Flanks*, Vol. I, pp. 110, 205, 211.

⁸⁰ См.: АКАК. Т. VIII, с. 682-695; *Материалы*, с. 279—282; *Карахи*, с. 21-22.

⁸¹ *Война*. Т. XVII, с. 381.

⁸² АКАК. Т. VIII, с. 557-558; *Война*. Т. XVIII, с. 337-338.

⁸³ *Там же*, с. 343. Это безграмотное письмо, очевидно, написано

простым солдатом (вероятно, поляком). Весь эпизод см.: АКАК.

Т. VIII, с. 695, 557-558.

⁸⁴ *Война*. Т. XVIII, с. 344.

⁸⁵ *Там же*, с. 345-347.

⁸⁶ АКАК. Т. VIII, с. 558; *Война*. Т. XVIII, с. 341-342.

⁸⁷ АКАК. Т. VIII, с. 558-567, 695-696, 351; *Материалы*, с. 282-284; Месяц военно-походной жизни Мирного (в Северном Дагестане в 1832 году) // *Москвитянин*, 1843, № 11, с. 79—108; *Baddeley*. *Rugged Flanks*, Vol. II, pp. 24, 59—60. О надгробной надписи Гази Магомеда в Тарки см.: Эпиграфические памятники Северного Кавказа, Т. II, с. 97-98, надпись № 640.

434

Примечания

Глава седьмая ВТОРОЙ ИМАМ

¹ Вообще говоря, о Гамзат-беке написано очень мало. И помимо уже упоминавшейся литературы в этой главе использованы следующие материалы: *Карахи*, с. 31—38; *Гаджи-Али*, с. 8—10; *Война*. Т. XX, с. 125—134; *Эсадзе*, с. 38—39; *Гржегоржевский*, 1875, № 3, с. 545—547; *Казанов*, № 3, с. 56-57; *Начало*, № 34, с. 117-119. № 35, 123-125; *Костенецкий И.* Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851, с. 5—7 (в дальнейшем: *Костенецкий*) *Неверовский А.А.* Истребление аварских ханов в 1834 году. СПб., 1848 (в дальнейшем: *Неверовский. Истребление*).

² *Начало*, № 34, с. 117.

³ Упомянутый там же год этой встречи, 1829, кажется слишком поздним,

⁴ *Война*. Т. XI, с. 34, 136.

⁵ *Карахи*, с. 16.

⁶ *Движение*, с. 87—88.

⁷ *Война*. Т. XVII, с. 361.

⁸ *Карахи*, с. 31. См. также: *Война*. Т. XX, с. 131 — 132; *Казанов*, № 3, с. 56.

⁹ *Гаджи-Али*, с. 8; *Карахи*, с. 31.

¹⁰ АКАК. Т. VIII, с. 569-574, 581-584; *Шамиль*, с. 39-40, 42-46; *Начало*, № 34, с. 118—110; *Карахи*, с. 31—33; *Гаджи-Али*, с. 8.

¹¹ В августе запланированную экспедицию против черкесов были вынуждены отменить из-за активности в Чечне посланцев Гамзат-бека. - АКАК. Т. VIII, с. 57.

¹² *Война*. Т. XX, с. 132-134.

¹³ *Там же*, с. 132.

¹⁴ Оба письма приводятся *там же*, с. 132—133.

¹⁵ См. эту переписку *там же*, с. 133—134.

¹⁶ АКАК. Т. VIII, с. 569-572.

¹⁷ *Там же*, с. 573—574.

¹⁸ *Там же*, с. 575—576.

¹⁹ *Там же*, с. 576. См. также: *Карахи*, с. 36.

²⁰ АКАК. Т. VIII, с. 567-569, 584-585; *Движение*, с. 132-136; *Материалы*, с. 287—289; *Неверовский. Истребление*; *Казанов*, № 3, с. 56—57; *Начало*, № 34, с. 123—124; *Костенецкий*, с. 5; *Карахи*, с. 33—36; *Гаджи-Али*, с. 8—9.

²¹ Напр., *Гаджи-Али*, с. 10. Это мнение даже в горах было настолько широко распространено, что Шамиль счел необходимым поклясться, что никаких намерений убивать кого-либо не было вовсе (*Карахи*, с. 34) и что это сами братья хотели убить Гамзат-бека и его помощников (*там же*, с. 36).

435

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

²² АКАК. Т. VIII, с. 567-569, 584-585.

²³ *Там же*, с. 585—586; *Карахи*, с. 33, 36.

²⁴ АКАК. Т. VIII, с. 586-587, 587-588; *Карахи*, с. 37.

²⁵ АКАК. Т. VIII, с. 585—586. О событиях в Чечне в этот период см.: АКАК. Т. VIII, с. 695-699.

²⁶ Там же, с. 581-584, 585-586, 587; *Материалы*, с. 289-295.

²⁷ АКАК. Т. VIII, с. 588; *Начало*, № 35, с. 125; *Костенецкий*, с. 7; *Карахи*, с. 38; *Гаджи-Али*, с. 9. Надпись на могильном камне Гамзат-бека в Хунзахе см.: Эпиграфические памятники, с. 1 СОЮЗ, надпись № 649.

²⁸ *Война*. Т. XVI, с. 462.

²⁹ Там же, с. 469—470. Более подробный анализ этих мероприятий во время кампании имама в Назрани см. Там же, с. 447—451.

³⁰ Там же, с. 458.

³¹ Там же, с. 458—459. Полный анализ долгосрочных мероприятий Гази Магомеда см. там же, с. 457—470.

³² Там же, с. 463.

³³ *Гаджи-Али*, с. 8.

Глава восьмая ТРЕТИЙ ИМАМ

¹ *Карахи*, с. 42; *Гаджи-Али*, с. 10—11; *Blanch*, p. 46; *Дроздов И.* Начало деятельности Шамиля (1834—1836 гг.) // *Кавказский Сборник*. Т. XX, с. 251 (в дальнейшем: *Дроздов*).

² *Карахи* (с. 21) упоминает одну женщину, которой Гази Магомед приходился двоюродным братом со стороны матери, а Шамиль таким же братом со стороны отца.

³ *Гаджи-Али*, с. 11.

⁴ Принятую у русских версию процедуры объявления имамом Шамиля см.: *Baddeley*, pp. 279—280. Версию самого Шамиля см.: *Карахи*, с. 25—27. См. также *Blanch*, pp. 73—79. Другое мнение см.: *Гаджи-Али*, с. 11.

⁵ Первый раз Шамиль получил опасное ранение и «его сочли убитым» в детстве, во время ребячьей драки в родном ауле — см. *Blanch*, pp. 47—48. Всего у Шамиля было 19 тяжелых ранений; в четырех случаях его «считали убитым». — См.: Разговор петербургского корреспондента *Le Nord* с Шамилем. // *Современная Летопись*, 1866, № 40, с. 15.

⁶ Строка из Корана (XIII, 18): «А то, что полезно людям, остается на земле» широко использовалась для объяснения чудесного исцеления Шамиля. *Карахи*, напр., это цитирует постоянно.

⁷ *Карахи*, с. 38.

⁸ Там же, с. 35. Трудно считать простым совпадением то, что,

Примечания

отказываясь от избрания имамом, Шамиль называет других кандидатов в том же порядке, как они перечислены здесь. Так же см.: Дроздов, с. 225; *Gralewski Mateusz*. Kaukaz. Wspomnienia s Dwunastoletniej Niewoli. Lwow, 1877, pp. 464—466 (в дальнейшем: *Gralewski*).

⁹ Это действительно так, в одном из самых первых сообщений русских источников «главный мюрид Шамиль» называется «старшина в Гимрах». - АКАК. Т. VIII, с. 589.

¹⁰ *Baddeley*, p. 289.

¹¹ *Дневник Руновского*, с. 1418.

¹² *Bodenstedt Friedrich*. Die Volker der Kaukasus und Ihre Freihats-Kampfe Gegen die Russen. Ein Beitrag zur Neusten Geschichte des Orients. Frankfurt-am-Main, 1849, 2nd ed., p. 419 (в дальнейшем: *Bodenstedt*); *Mackie Milton J*. Life of Schamyl and Narrative of the Circassian War of Independence Against Russia. Boston, 1856, p. 193 (в дальнейшем: *Mackie*).

¹³ *Дневник Руновского*, с. 1472. Более подробное и драматичное описание см.: Дроздов, с. 254—255, и *Gralewski*, pp. 464—466.

¹⁴ *Карахи*, с. 38.

¹⁵ *Prawdin Michael*. The Mongol Empire: Its Rise and Legacy. London, 1940, pp. 50-51.

¹⁶ АКАК. Т. VIII, с. 284, а также: с. XIV. Описание похода см. Дроздов, с. 254-257, а также: в АКАК. Т. VIII, с. 588-590.

¹⁷ *Карахи*, с. 39. Русские источники подтверждают, что арьергард был атакован на обратном пути, причем был убит один офицер. — АКАК. Т. VIII, с. 588—590; Дроздов, с. 257. Смерть Ланского, последовавшая сразу после возвращения из экспедиции, позволяет задать вопрос: действительно ли он умер от желтухи или от ран, полученных во время экспедиции?

¹⁸ *Bodenstedt*, p. 420.

¹⁹ АКАК. Т. VIII, с. 589; см. также: Дроздов, с. 258; *Гржегоржевский*, 1875, № 3, с. 550.

²⁰ АКАК. Т. VIII, с. 588-594; *Материалы*, с. 329-349; *Гржегоржевский*, 1875, № 3, с. 549-553.

²¹ *Дроздов*, с. 268.

²² Адрианопольский мирный договор установил, что «те [территории] севернее и восточнее линии вдоль Грузии, Имеретин и Гурии, а также побережье Черного моря от устья Кубани до порта Св. Николая включительно остаются в собственности, управляемой императором России». — *Anderson*, p. 34.

²³ Об этом см.: АКАК. Т. VIII, с. 353-354; *Дроздов*, с. 267.

²⁴ *Там же*, с. 264—279.

²⁵ АКАК. Т. VIII, с. XIII.

²⁶ Вот описание портрета Ключенау: «Очень высокого роста, крепкого телосложения, в обхождении бесцеремонен и вспыльчив до

437

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

безумия, однако и добродушен, честен и добр». — *Окольничий Н.* «Перечень последних событий в Дагестане (1843 год)» // *Военный Сборник*, 1859, № 3, Отдел неофициальный, с. 11, цит. по: *Baddeley*, p. 365, note. 1).

²⁷ Как пишет *Окольничий*, «он прекрасно знал, как ведется *Война*, и экспедицией командовал вполне успешно. Но он совершенно не смог справиться с делами в такой кризисной обстановке, какая сложилась в 1843 году» (цит. по: *Baddeley*, p. 365). Головин о нем отзывался так: «Не отрицая военных качеств Ключенау на поле боя, у меня из долгого опыта сложилось впечатление, что в управлении краем, на его попечении лежащем, положиться на него полностью нельзя». — АКАК. Т. IX, с. 348—350. Об отношении Розена к Ключенау летом 1836 г. см.: *Дроздов*, с. 289. Ройт, его непосредственный начальник в 1835—1836 гг., был о Ключенау другого мнения и горячо рекомендовал его на свое место. См.: *Дроздов*, с. 285.

²⁸ *Гржегоржевский*, 1876, № 2, с. 378.

²⁹ *Там же*, с. 379; 1876, № 1, с. 149, № 2, с. 378-379.

³⁰ Об этом соглашении, его условиях и положениях см.: АКАК. Т. VIII, с. 596-597, 601-602; *Дроздов*, с. 286-287; *Карахи*, с.

50-51; *Гржегоржевский*, 1876, № 1, с. 160; *Дневник Руновского*, с. 1483.

³¹ Об этих обвинениях и опровержениях см.: *Гржегоржевский*, 1876, № 2, с. 378-380; *Дроздов*, с. 289.

³² Биографию Ройта см.: АКАК. Т. VII, с. IX. Т. VIII, с. XV.

³³ АКАК. Т. VIII, с. 601-602.

³⁴ *Там же*, с. 601; *Карахи*, с. 50—51.

³⁵ *Милютин Д.М.* Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане // *Военный Журнал*, 1850, № 1, с. 20 (в дальнейшем: *Милютин*); *Покровский Н.* Мюридизм у власти (теократическая держава Шамиля) // *Историк-марксист*, 1934, № 2 (36), с. 70 (в дальнейшем: *Покровский*; *Vodenstedt*, pp. 418—419; *Maskie*, pp. 193, 201.

³⁶ О Кибид Мухаммеде см.: *Гржегоржевский*, 1876, № 1, с. 148; *Покровский*, с. 69—70.

³⁷ *Карахи*, с. 39.

³⁸ *Там же*, с. 40; *Дроздов*, с. 270, 271.

³⁹ О событиях 1835-1836 гг. см.: *Карахи*, с. 45-52; АКАК. Т. VIII, с. 599—609, 597; *Материалы*, с. 360—363; *Гржегоржевский*, 1876, № 1, с. 146-157, 161-162.

⁴⁰ АКАК. Т. VIII, с. 596-597; с. 601, 603-604, 358.

⁴¹ *Дроздов*, с. 264.

⁴² АКАК. Т. VIII, с. 596-597.

⁴³ *Гржегоржевский*, 1876, № 1, с. 147.

438

Примечания

⁴⁴ Биографию Хаджи-Ташо см.: *Шарафутдинова Р.Ш.* Письмо наиба Ташев Хаджи к Шамилю // *Письменные памятники Востока*, 1972, с. 86-87.

⁴⁵ *Дроздов*, с. 273—274; *Maskie*, p. 193.

⁴⁶ *Гржегоржевский*, 1876, № 1, с. 148.

⁴⁷ АКАК. Т. VIII, с. 712.

⁴⁸ Письмо Тазу аль-Дину ибн Мустафа, частично процитированное в: *Дроздов*, с. 292.

⁴⁹ *Гржегоржевский*, 1876, № 1, с. 148.

⁵⁰ Дроздов (с. 271), например, заявляет, что доверенные Шамиля «терроризировали» население и обращались с ним «со звериной жестокостью».

⁵¹ Там же, с. 255.

⁵² Дроздов, с. 279.

⁵³ Карахи, с. 50—51.

⁵⁴ АКАК. Т. VIII, с. 601-602.

⁵⁵ Там же, с. 595, 711-712.

⁵⁶ *Khoursch Baha-Eddin*. Obrona Twierdzy Achulgo przez Imama Szamila. Warsaw, 1939, p. 18 (в дальнейшем: *Khoursch*).

⁵⁷ Например, формирование отряда муртазики в Игали описано в: АКАК. Т. VIII, с. 606-607.

Глава девятая

ТЕЛЕТЛЬ

¹ Дроздов, с. 280—281. Детальное экспозе мнения Розена о Шамиле см.: АКАК. Т. VIII, с. 603-604.

² См. его ответ на предложение Клюгенау вступить с Шамилем в переговоры: *Гржегоржевский*, 1876, № 2, с. 378.

³ О болезни шамхала, смерти и преемниках см.: АКАК. Т. VIII, с. 597-600; *Материалы*, с. 139—140.

⁴ О смерти хана и его преемника см.: АКАК. Т. VIII, с. 606—607,

⁵ Дроздов, с. 275.

⁶ Там же. О событиях на этом театре военных действий см.: АКАК. Т. VIII, с. 699-704, 707-711, 383-398. См. также: Дроздов, с. 273-277, 280-281.

⁷ *Материалы*, с. 351—356, 359—360; Дроздов, с. 290—292. В награду, кроме денег, Таз аль-Дин получил пост муфтия и исламского шейха Кавказа. Русский перевод его воззвания к горцам опубликован в: *Движение*, с. 167. Письмо к нему Хаджи-Ташо частично процитировано в: Дроздов с. 292.

⁸ Там же, с. 282.

⁹ *Шамиль*, с. 80—81; *Дроздов*, с. 282.

¹⁰ *Там же*, с. 282—284; АКАК. Т. VIII, с. 712—714; *Гржегоржевский*, 1876, № 1, с. 158.

¹¹ АКАК. Т. VIII, с. 715-716.

¹² *Там же*, с. 604—606; *Дроздов*, с. 285—286; *Гржегоржевский*, 1876, № 1, с. 154-155.

¹³ АКАК. Т. VIII, с. 607-609; *Дроздов*, с. 284—289; *Гржегоржевский*, 1876, № 1, с. 157-160.

¹⁴ *Дроздов*, с. 290. Власть Шамиля в самом деле распространилась на новые края. См. также: *Гржегоржевский*, 1876, № 1, с. 154—157, 161-162.

¹⁵ АКАК. Т. VIII, с. 602; *Движение*, с. 140—142; *Дроздов*, с. 286; *Карахи*, с. 50—51.

¹⁶ АКАК. Т. VIII, с. 602.

¹⁷ *Шамиль*, с. 90-91.

¹⁸ *Движение*, с. 149—150, 151 — 152.

¹⁹ Эта мера была продиктована подозрениями Розена, что Ключе-нау завел с Шамилем частные переговоры, о чем см.: *Гржегоржевский*, 1876, № 2, с. 378—380.

²⁰ *Движение*, с. 150—151.

²¹ *Там же*, с. 166. На этот шаг Шамиля могло толкнуть сокрушительное поражение, которое он нанес Ключену за месяц до этого.

²² *Юров*. Т. VIII, с. 3-6.

²³ АКАК. Т. IX, с. XXIX.

²⁴ *Baddeley*, p. 304.

²⁵ Цит. по: *Вейденбаум Е.Г.* Бергенгейм и Гордеев. Кавказские этюды, с. 290. См. также: *Гагарин А.И.* Записки о Кавказе. — Военный Сборник, 1906, № 2, с. 30 (в дальнейшем: *Гагарин и № Военного сборника*).

²⁶ О первой экспедиции см.: АКАК. Т. VIII, с. 716—722; О русских экспедициях перед прибытием Фези см.: АКАК. Т. VIII, с. 716—718; *Движение*, с. 153—155. О второй кампании см.: АКАК. Т. VIII, с. 722—728; *Движение*, с. 155-156, 162-165; *Юров*. Т. VIII, с. 13-20, 30-37; *Гржегоржевский*, 1876, № 2, с. 380—381, 383—387.

²⁷ В помощь Фези Ключену по приказу должен был провести отвлекающую операцию против Шамиля в Дагестане. Она закончилась полной неудачей, в чем Ключену был совсем не виноват. Его авангард в составе 240 с лишним человек был

разгромлен, 71 человек был убит и захвачен в плен, 17 ранены. — *Движение*, с. 156—162; *Юров*. Т. VIII, с. 20—30; *Гржегоржевский*, 1876, № 2, с. 381—383. Фези в этом поражении сразу же обвинил Ключенау (его донесение от 19 [31] марта 1837, приведено в: *Юров*. Т. VIII, с. 29—30), откуда и пошла их вражда. О том, как

440

Примечания

далее развивалась эта междоусобица, см.: Из прошлого Дагестанской области (по местным архивным данным) // Дагестанский сборник. Т. II, с. 203-207.

²⁸ *Юров*. Т. VIII, с. 38.

²⁹ *Baddeley*, p. 294.

³⁰ *Idid.*, pp. 294-295.

³¹ *Юров*. Т. VIII, с. 40. Цит. по: *Baddeley*, p. 295.

³² Цит. по: *Baddeley*, pp. 295—296.

³³ *Юров*. Т. VIII, pp. 41-42.

³⁴ *Baddeley*, p. 294.

³⁵ *Юров*. Т. VIII, с. 44—51; *Костенецкий*, с. 9—57. Фези решил пройти окольным путем, поскольку узнал, что Шамиль намерен перерезать прямую дорогу из Темир-Хан-Шуры в Хунзах — «Как труден был путь этого отборного войска, правда, обремененного большим обозом, видно из того, что на преодоление 100 миль ему понадобилось двадцать дней» (*Baddeley*, p. 297).

³⁶ См.: *Юров*. Т. VIII, с. 51-54. Цит. по: *Baddeley*, pp. 297-298.

³⁷ Описание боя см.: *Юров*. Т. VIII, с. 58—63; *Костенецкий*, с. 65—70.

³⁸ *Юров*. Т. VIII, с. 63. Цит. по: *Baddeley*, p. 301.

³⁹ См.: *Baddeley*, p. 301.

⁴⁰ См.: *Юров*. Т. VIII, с. 65—67; *Костенецкий*, с. 81—85; *Baddeley*, pp. 301—302. По свидетельству другого русского генерала, Фези оказался «в отчаянном положении, из коего выпутался ценой огромных потерь, оставив половину своего лагеря». — *Граббе П. Х.* Из дневника и записной книжки графа П.

Х. Граббе. 1839-й год. (Командование на Кавказской линии и в Северном Дагестане) // Русский Архив, 1888, № 6, с. 110 (в дальнейшем: *Граббе*). См. также: *Орлов-Давыдов А. В.* Частное письмо о взятии Шамиля // Русский Архив, 1869, № 6, с. 1056; *Гагарин*, № 2, с. 31.

⁴¹ *Юров*. Т. VIII, с. 70—72. Описание сражения и переговоров см.: *Теш же*, с. 67—71; АКАК. Т. VIII, с. 617; *Движение*, с. 168—169; *Гржегоржевский*, 1876, № 3, с. 645—649; *Гагарин*, № 2, с. 31; *Костенецкий*, с. 90—96; *Bodenstedt*, pp. 422—430; *Baddeley*, pp. 302—304; Britain. Public Record Office, Foreign Office Archives (Великобритания. Оффис общественных документов. Архивы Британского Министерства иностранных дел) (в дальнейшем: *PRO*), FO/65/235, Milbank to Palmerston, St. Petersburg, 10 July, 23 August 1837, № 9, 23, изложение сообщений французского консула из Тифлиса.

⁴² Фези Розену, 12 [24] июля 1837, № 45, цит. по: *Юров*. Т. VIII, с. 75.

⁴³ АКАК. Т. VIII, с. 618.

⁴⁴ *Юров*. Т. VIII, с. 72, цит. по: *Baddeley*, p. 304. Согласно Вельяминову, «в прошлом году Фези был направлен в Дагестан, где у него от истощения пали все лошади, а в результате бестолковых

приказов он потерял довольно много людей. Но в своих донесениях он бессовестно лгал и потому представлен к награде». — Вельяминов к Ермолову, Ставрополь, 10 [22] января 1838, цит. по: *Вейденбаум*. Бергенгейм и Гордеев // *Кавказские этюды*, с. 290—291. См. также: *Костенецкий*, с. 96. Русские потери распределяются следующим образом: в попытке Шамиля прорваться из Телетля (в ночь на 20 июня) — 94 убитых, 187 раненых; при захвате Ашальты — 28 убитых, 158 раненых; при захвате Ахульго — 8 убитых, 15 раненых; в сражении 27—28 июня — 33 убитых, 134 раненых; при штурме Телетля — 92 убитых, 256 раненых. Кроме того, когда Фези двинулся на Ашальты (17 июня), сообщалось об оставленных в Хунзахе 5 раненых и 55 больных.

⁴⁵ АКАК. Т. VIII, с. 618.

⁴⁶ Юров. Т. VIII, Приложение 1. Цит. по: *Baddeiey*, p. 305.

⁴⁷ Юров. Т. VIII, Приложение 2. Цит. по: *Baddeiey*, pp. 305—306.

⁴⁸ «Принятие генералом Фези таких писем, — рассуждает один из русских авторов, — удостоверяющих заключение мира с Шамилем, было политической ошибкой; это в глазах туземцев служило официальным подтверждением титула имама как мирского и духовного вождя непокоренных обществ, ибо до этого момента никто, кроме самого имама, не считал его своим правителем» — Юров. Т. VIII, с. 71 (цит. по: *Baddeiey*, p. 303).

⁴⁹ См.: *Гамзатов Расул*. Мой Дагестан. М., 1972, с. 297 (в дальнейшем: *Гамзатов*).

⁵⁰ *Vodenstedt*, pp. 430—434. Цит. по: *Mackie*, pp. 202—206. См. также надпись на надгробии Гамзат-бека в Хузахе // Эпиграфические памятники, с. 100—103, надпись № 649.

⁵¹ История знает подобное истолкование внезапного освобождения, ср.: Библия, 2 Цар. 19:35—36.*

⁵² АКАК. Т. VIII, с. 618.

⁵³ *Там же*, с. 617-618.

⁵⁴ *Там же*, с. 618.

⁵⁵ 12 [24] июля 1837, № 732, цит. по: Юров. Т. VIII, с. 77.

⁵⁶ См.: Юров. Т. VIII, с. 76-78, а также АКАК. Т. VIII, с. 620-621; *Материалы*, с. 371—372.

⁵⁷ См.: *Гржегоржевский*, 1876, № 3, с. 650—651.

⁵⁸ Текст письма см.: Юров. Т. VIII, с. 79—80.

⁵⁹ Письмо Шамиля к Клюгенау от 28 сентября 1837. См.: *там же*, с. 80.

⁶⁰ *Там же*, с. 81—82; см. также: *Гржегоржевский*, 1876, № 3, с. 653—

* Ссылка на Вторую книгу Царств Ветхого Завета. Если ссылка указана правильно, прямой аналогии с описываемой ситуацией не имеет. — *Прим. пер.*

654. 1 октября Шамиль послал вестников для консультаций с вышеупомянутыми лицами.

⁶¹ *Юров*. Т. VIII, с. 82. Когда в конце встречи Ключегенау протянул руку, чтобы попрощаться с Шамилем, один из телохранителей имама воспрепятствовал рукопожатию. Ключегенау вспыхнул, и его нужно было сдерживать, чтобы он не выхватил шпагу. Подробнее этот эпизод см.: *Baddeley*, pp. 307—310.

⁶² *Юров*. Т. VIII, с. 83.

⁶³ *Там же*, с. 83—84; *Гржегоржевский*, 1876, № 3, с. 656.

⁶⁴ *Юров*. Т. VIII, с. 84; *Гржегоржевский*, 1876, № 3, с. 656.

⁶⁵ *Юров*. Т. VIII, с. 85; *Гржегоржевский*, 1876, № 3, с. 655—656.

⁶⁶ О посещении императором Кавказа см.: *Берже А.П.* Император Николай на Кавказе в 1837 г. // *Русская Старина*, 1884, № 8, с. 377-398; *Kundukh*, 1936, № 1 (25), p. 14-16.

⁶⁷ См.: *Юров*. Т. VIII, с. 85-86.

⁶⁸ *Там же*, с. 86.

⁶⁹ АКАК. Т. VIII, с. 618. Единственным исключением был Ключегенау, о котором Шамиль отзывался «с особым почтением» и которому «он полностью доверял». — *Движение*, с. 412—423.

⁷⁰ См.: *Юров*. Т. VIII, с. 83; *Гржегоржевский*, 1876, № 3, с. 654—655.

Глава десятая

АХУЛЬГО

¹ Биографию Головина см.: *Толстой Ю.* Очерк жизни и службы Е.А. Головина // *Девятнадцатый век. Исторический сборник.* (Под ред. Петра Бартенева.) Т. I, М., 1872, с. 1—64; См. также: *Щербина М.* Заметка по поводу очерка жизни и службы Е.А. Головина // *Русский Архив*, 1879, № 3—4, с. 707—717. Дополнительный материал см. в пространном редакторском примечании в *Архиве Раевских*. Т. II, с. 418—421.

² [Головин Евгений Александрович]. Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // *Кавказский Сборник*. Т. II, с. 5 (в дальнейшем: *Головин*). О положении на Кавказе в начале 1838 г. см.: *Там же*, с. 1-8; *Юров*. Т. VIII, с. 159-161.

³ Об этом восстании см.: АКАК. Т. VIII, с. 610-611, 612-617, 618-620, 621-622; Т. IX, с. 204-209; *Движение*, с. 178; *MRE, CPCS, Russie, Tiflis, Vol. I, ff. 19—21, Ratti-Menton to the Foreign Minister, Tiflis, 15/27, 24 September/16 October 1837, № 35, 36; Юров. Т. VIII, с. 103—117; Сумбат-заде А.С. Кубинское восстание 1837 года. Баку, 1962 (в дальнейшем: *Сумбат-заде*).*

⁴ О столкновениях см.: АКАК. Т. VIII, с. 704-708, 710, 711.

⁵ *Там же*, с. 518—525.

443

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

⁶ Экспедиция «настолько ослабила горцев, что в 1838 г. они ничего особенного против нас не предпринимали». — *Юров. Т. VIII, с. 75-76. О положении в 1837 г. см.: АКАК. Т. VIII, с. 622-625; Движение, с. 172—175; Материалы, с. 376—379.*

⁷ *Юров. Т. VIII, с. 164—166. О положении в Южном Дагестане см.: АКАК. Т. IX, с. 209-212.*

⁸ Подробно об этой кампании см.: АКАК. Т. IX, с. 213—217; *Юров. Т. VIII, с. 206-211; Головин, с. 10-11.*

⁹ АКАК. Т. IX, с. 217-218, 318-321. И снова у Фези был такой «успех», что Головин на следующий год сам повел в этот район экспедицию.

¹⁰ Эта кампания описана в: АКАК. Т. IX, с. 315—318; *Юров. Т. VIII, с. 211—217. Краткое резюме: Головин, с. 11.*

¹¹ Об этой кампании см.: *Юров. Т. VIII, с. 219—221.*

¹² *Baddeley, p. 313. Об этой ситуации в Дагестане в первой половине 1838 см.: АКАК. Т. IX, с. 212-213, 308-309, 312-314, 315; Движение, с. 186—187; Материалы, с. 393—397.*

¹³ *Карахи, с. 57—58. Утверждение Курша (Khoursh, p. 11), что встреча состоялась в начале 1835 г., противоречит всем другим источникам.*

¹⁴ *Khoursh, p. 12.*

¹⁵ *Сумбат-заде, с. 111.*

¹⁶ *Khoursh, p. 25. Восторженный автор переоценивает влияние Шамиля на события в Южном Дагестане на протяжении всего периода (1837-1839).*

¹⁷ Цит. по: *Сумбат-заде, с. 111—112.*

¹⁸ *Милютин*, с. 20. Цит. по: *Baddeley*, p. 313.

¹⁹ АКАК. Т. IX, с. 321.

²⁰ *Юров*. Т. IX, с. 3; *Головин*, с. 15. Подробную разработку плана с поправками императора см. в: АКАК. Т. IX, с. 227—239. О самой кампании см.: *Движение*, с. 197—208; *Baddeley*, p. 343; *Khoursh*, pp. 147-150.

²¹ *Юров*. Т. IX, с. 3; *Головин*, с. 15—16; *Милютин*, с. 21—23.

²² АКАК. Т. IX, с. XVIII-XIX.

²³ См.: *Милютин*, с. 47; *Юров*. Т. IX, с. 23—24.

²⁴ *Юров*. Т. IX, с. 10; *Милютин*, с. 26—27. Условия сдачи Шамиля указаны подробно в: АКАК. Т. IX, с. 326.

²⁵ *Милютин*, с. 27; *Юров*. Т. IX, с. 10.

²⁶ О переселении Шамилем жителей трех таких аулов см.: *Khoursh*, pp. 31—31; *Милютин*, с. 27—28; *Юров*. Т. IX, с. 10—12. Действия обеих сторон в течение первых четырех месяцев 1839 г. см.: АКАК. Т. IX, с. 321-326.

²⁷ *Юров*. Т. IX, с. 13—14; *Милютин*, с. 29—31; *Khoursh*, pp. 26-27, 30-32; *Граббе*, с. 102.

444

Примечания

²⁸ *Головин*, с. 22. Подробно об этой кампании см.: *Материалы*, с. 414-415, а также: *Граббе*, с. 103—104; *Baddeley*, p. 316.

²⁹ Это описание составлено на основе следующих источников: АКАК. Т. IX, с. 326-328; *Движение*, с. 194-196, 208-213; *Материалы*, с. 415—424; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. 1, ff. 31-36, Rivoire to the Foreign Minister, Tiflis, 1/13 June, 25 June/11 July, 1/13 September 1839, № 16, 21, 107; FO/65/255, Yeames to Palmerston, Odessa, 19 April, 16 July, 12 October 1839, № 1, 2, 7; FO/78/366, f. 31, Brant to Palmerston, Erzerroom, 22 April 1839, № 8; Граббе*, с. 104—126; *Головин*, с. 22—24; *Милютин*, с. 45—121; *Юров*. Т. IX, с. 24-83; *Гагарин*, № 2, с. 32—33; *Baddeley*, p. 317—341; *Гаджи-Али*, с. 18; *Карахи*, с. 60—71; *Khoursh*, pp. 42—134; *Bodenstedt*, pp. 437—452.

³⁰ *Милютин*, с. 48-49; *Юров*. Т. IX, с. 24-25.

³¹ *Милютин*, с. 51—52; *Юров*. Т. IX, с. 24—28.

³² По русским источникам, 16 000 человек. Курш (*Khoursh*, р. 50) уточняет состав и расположение сил Шамиля, указывая их численность — 2900 человек.

³³ Головин, с. 22; Граббе, с. 107; Милютин, с. 57; Юров, Т. IX, с.

³⁴ Головин, с. 22; Граббе, с. 107; Милютин, с. 57; Юров, Т. IX, с. 30. «Голпы горцев» были отряды Хаджи-Ташо и Муртада-Али (Муртазали) Мухаммада — *Khoursh*, р. 51. Головин, с. 22.

³⁵ Русские потери составили 646 убитых, включая одного генерала. Потери горцев, согласно Куршу (*Khoursh*, р. 62) составили примерно 600 человек.

³⁶ Граббе, с. 11

³⁷ Головин, с. 23. См. также: Милютин, с. 75. Две попытки штурма Старого Ахульго 25 и 31 июня (?) закончились провалом — см.: Граббе, с. 111 и 112. Насколько серьезны были потери, видно из того, что, несмотря на пополнение несколькими подразделениями, главным из которых был пехотный батальон (сопровождавший обоз из Темир-Хан-Шуры), численность русского корпуса сократилась с 8513 человек перед штурмом Ирганая до 7672 перед осадой Ахульго. — Милютин, Приложения 5 и 6 (с. 137—139). Милиция ханства численностью около 3600 человек, как обычно, была ненадежной, и Граббе был вынужден просить Головина о подкреплении. — Милютин, с. 81—82; Юров, Т. IX, с. 46—47.

³⁸ Согласно Куршу (*Khoursh*, с. 82), Ахбирди Мухаммед и Гальбатс Дибир в ночь на 30 июня перебрались через реку в Ахульго, чтобы получить указания от Шамиля.

³⁹ Милютин, с. 84.

⁴⁰ *Baddeley*, р. 326. «Разведка боем» представляла собой в действительности полноценнее наступательную операцию. — Граббе, с. 112.

⁴¹ *Baddeley*, pp. 323—324.

⁴² Милютин, Приложение 6, с. 140.

⁴³ Головин, с. 23—24. Оправданий для Граббе тут нет, но понять это было бы можно. В такого рода войне, где сила воли и

стойкость играют первостепенную роль, моральный дух бойцов часто из одной крайности переходит в другую. Не выдержав нервного напряжения такой борьбы, они часто рискуют и предпринимают действия, позволяющие, по их мнению, добиться победы одним ударом.

⁴⁴ *Граббе*, с. 118, 119-120, 113; *Милютин*, с. 108.

⁴⁵ *Граббе*, с. 113, 118. См. также: *Милютин*, с. 140—141; Приложение 7; *Юров*. Т. IX, с. 12. Приложение XIV.

⁴⁶ *Милютин*, с. 112. «Он говорил с достоинством, подобающим командующему одной из воюющих сторон». — *Юров*. Т. IX, с. 74.

⁴⁷ *Там же*, с. 73—74.

⁴⁸ *Граббе*, с. 119.

⁴⁹ См. об этом: *Там же*, с. 121 — 123.

⁵⁰ См.: *Милютин*, с. 133; *Юров*. Т. IX, с. 74.

⁵¹ *Там же*, с. 76—77.

⁵² Имеется в виду соглашение Фези с Шамилем в 1837 г.

⁵³ АКАК. Т. X, с. 505.

⁵⁴ См.: *Милютин*, Приложения 7, 8, с. 140—143; *Юров*. Т. IX, Приложения XVII А, XVII В, с. 12-14.

⁵⁵ *Граббе*, с. 123.

⁵⁶ *Карахи*, с. 66—67.

⁵⁷ *Юров*. Т. IX, с. 78.

⁵⁸ *Карахи*, р. 64; *Khoursh*, pp. 118—119.

⁵⁹ *Граббе* так твердо настроился, что «еще до начала окончательной атаки он решил в случае ее неуспеха продолжать осаду всю зиму». — *Милютин*, с. 123.

⁶⁰ *Khoursh*, pp. 118—122; *Карахи*, с. 64—71.

⁶¹ Два тела, погребенные в одной из пещер, стали объектом настоящего паломничества, пока русское начальство не запретило приходить туда. — *Baddeley*. *Rugged Flanks*, Vol. II, p. 32.

⁶² Подробности бегства см.: *Карахи*, с. 81—88; *Милютин*, с. 120—121; *Baddeley*, pp. 341-342.

⁶³ АКАК. Т. IX, с. 333.

⁶⁴ *Юров* дает следующие цифры потерь: кампания *Граббе* в Чечне — 26 убитых, 152 раненых; бой у Буртуная — 4 убитых и 35 раненых; захват Ирганая — 140 убитых и 506 раненых; бой с Ахбирди Мухаммедом — 9 убитых и 84 раненых; первый штурм г. Шулатла уль-Гух — 36 убитых, 279 раненых; второй штурм горы —

11 убитых и 94 раненых; первый штурм Ахульго — 160 убитых и 716 раненых; второй штурм Ахульго — 102 убитых и 400 раненых; третий штурм Ахульго — 156 убитых и 512 раненых;

446

Примечания

сражение при Чиркахе — 55 убитых и 95 раненых; общее число потерь при осаде Ахульго — 3069. За всю кампанию число потерь (по Юрову) составило 3913. Следует иметь в виду, что число умерших и выведенных из строя в результате ранений и болезней было значительно больше.

⁶⁵ См. критические замечания Головина (с. 29).

⁶⁶ Головин, с. 25. Характерно, что Граббе объяснил это тем, что «неразумно было уничтожать аул, где живет 4000 жителей, возделывающих виноградники почти на четырех квадратных верстах», что ему не хотелось «увеличивать число бездомных абреков» и что он надеялся «изменить в будущем отношение жителей аула, поставив над аулом свой редут». — Юров. Т. IX, с. 89. Об этом эпизоде см.: Там же, с. 85—89; Милютин, с. 126—131; Головин, с. 24—26; Граббе, с. 126—127; Гагарин, № 2, с. 34.

⁶⁷ Юров. Т. IX, с. 91; Материалы, с. 425—436.

Глава одиннадцатая

ЧЕЧНЯ

¹ Карахи, с. 83. См. также: Шамиль, с. 191.

² Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе // Кавказский Сборник. Т. X, с. 330 (в дальнейшем: Юров, 1840—1842 и Т. КС). Ср. Головин, с. 40.

³ Юров, 1840-1842. Т. X, с. 276.

⁴ Там же, с. 272. Цит. по: Baddeley, p. 345.

⁵ Их назначали и обеспечивали им безопасность во время двух экспедиций Пулло в январе—феврале 1840 г. — Юров. 1840—1842. Т. X, с. 268-269.

⁶ Движение, с. 280—291.

⁷ *Юров. 1840—1842. Т. X, с. 271.* Во время двух экспедиций Пулло в 1840 г., например, было получено 6242 руб. и отобрано 1000 ружей. Кроме того, личный состав питался за счет конфискованных овец и собранных штрафов.

⁸ *Дневник Руновского, с. 1513.*

⁹ О значимости оружия для горцев см.: *Baddeley. Rugged Flanks, Vol. II, pp. 21, 78-79.*

¹⁰ *Движение, с. 285.*

¹¹ Эти слухи порождались страхом перед приставами, которые угрозами принуждали людей к подчинению властям. — *Юров, 1840-1842. Т. X, с. 272-273; Карахи, с. 85, 92.*

¹² *Baddeley. Rugged Flanks, Vol. II, p. 78.*

¹³ АКАК. Т. IX, с. 424-425, 428-433; *Движение, с. 241, 246, 252-254, 264—265; Документы, с. 274.*

447

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

¹⁴ *Юров, 1840-1842. Т. X, с. 272.* См. также: *Гагарин, № 2, с. 34; Гржегоржевский, 1876, № 6, с. 354.* О биографии Пулло см.: АКАК. Т. IX, с. XXV, Vol. X, с. ¹(IX. Язвительное описание карьеры Пулло см.: *Гагарин, № 2, с. 31—32.*

¹⁵ *Движение, с. 285.*

¹⁶ *Юров, 1840-1842. Т. X, с. 272.*

¹⁷ О «первом кризисе Мухаммеда Али» 1831 — 1832 гг. см.: *Ancel J. Manuel Historique de la Question d'Orient, 1792—1923. Paris, 1931, pp. 104—107* (в дальнейшем: *Ancel*); *Anderson M.S. The Eastern Question, 1774—1923: A Study in International Relations. London, 1966, pp. 77—87* (в дальнейшем: *Anderson*); *Cattaoui R., Cattaoui G. Mahomet-Aly et l'Europe. Paris, 1950, pp. 25—113* (в дальнейшем: *Cattaoui*); *Crabites P. Ibrahim of Egypt. London, 1935, pp. 134—187* (в дальнейшем: *Crabites*); *Dodwell H. The Founder of Modern Egypt: A Study of Muhammad AH. Cambridge, 1967, pp. 106—124* (в дальнейшем: *Dodwell*); *Enkiri G. Ibrahim Pacha (1789—1848). Cairo, 1948, pp. 173—276* (в дальнейшем: *Enkiri*); *Marriott J. A. R. The Eastern Question: An Historical Study in European Diplomacy. Oxford, 1956, 4 ed., pp. 231—235* (в дальнейшем: *Marriott*); *Sabry Muhammad. L'Empire Egyptien sous Mohamed-Aly et la Question d'Orient (1811 — 1849). Paris, 1930, pp. 191—249* (в дальнейшем: *Sabry*); *Temperley H. England and the Near*

East: the Crimea. London, 1936, pp. 63—65 (в дальнейшем: *Temperley*); *Webster K.* The Foreign Policy of Palmerston, 1830—1841: Britain, the Liberal Movement and the Eastern Question. London, 1951, pp. 278—300 (в дальнейшем: *Webster*).

¹⁸ О «втором кризисе Мухаммеда Али» 1839—1841 гг. см.: *Ancel*, pp. 112-120; *Anderson*, pp. 88—109; *Cattaoui*, pp. 139—217, 247-273; *Crabites*, pp. 202—250; *Dodwell*, pp. 154—191; *Enkiri*, pp. 325-420; *Marriott*, pp. 238—245; *Puryear V. J.*, International Economics and Diplomacy in the Near East, 1834—1853, б/м, 1969, pp.146-180 (в дальнейшем: *Puryear*); *Sabry*, pp. 441—540; *Temperley*, pp. 87— 153; *Webster*, pp. 596-737, 753-776.

¹⁹ PRO FO/78/366, f. 13, Brant to Palmerston, Erzerroom, 15 April 1841, № 6. См. также: Letters from Persia, p. 46, Edward to George Burges, Tabreez, 15 June 1840.

²⁰ *Юров*, 1840-1842. Т. X, с. 250.

²¹ *Головин*, с. 39. См. также: *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. I*, ff. 53-55, «Extrait d'une Lettre de M. le Consul de France a Tiflis», 2 September 1840. Как сообщал французский консул, «Ибрагим-паша — герой у всех туземцев, и христиан и мусульман, которые одинаково ненавидят русские власти. Они считают его освободителем и при первом удобном случае готовы к нему присоединиться». См. также: *PRO*,

448

Примечания

FO/65/262, Bloomfield to Palmerston, St. Petersburg, 10 October 1840, № 78, где он сообщает, что русские ввиду этой угрозы не могут послать более 10 000 чел. на Босфор.

²² Хаджи-Мухаммед проявил особую активность в распространении среди чеченцев этого известия. — *Движение*, с. 243—245.

²³ *Там же*, с. VI.

²⁴ *Юров*, 1840-1842. Т. X, с. 400—401, Приложение А.

²⁵ У Мухаммеда Али были основания считать, что русская агентура стоит за спиной повстанцев в Сирии и Палестине. — *Rustum Asad Jibra'il. The Royal Archives of Egypt and the Disturbances in Palestine, 1834.* Beirut, 1938, pp. 31—35; *Hoskins Halford Lancaster. British Routes to India.* London, 1928, p. 267. Давление на египетского

пашу оказывала группа находившихся на его службе польских офицеров. — См.: Benis Adam Georges (ed.), *Une Mission Militaire Polonaise en Egypte*. Cairo, 1938, Vol. II, pp. 85—89, 114—119. Относительно влияния польских эмигрантов на кавказские события в целом см.: *Widerszal Ludwik, Sprawy Kaukazkie w Politice Europejskiej w Latach 1834—1864*. Warsaw, 1934 (в дальнейшем: *Widerszaf*).

²⁶ Он, например, говорил Рифьят-бею: «Если только европейские страны... попробуют заблокировать александрийский порт, я тут же пошлю Ибрагима, и вы можете не сомневаться, как только он выступит... ему не составит никакого труда поднять против них арабов, персов и жителей Дагестана, не говоря уже о черкесах». — *Cattaoui Rene* (ed.), *Le Regne de Mohamed Aly d'apres les Archives Russes en Egypte*, Vol. III. Rome, 1936, pp. 447—449.

²⁷ *Anderson*, p. 9. См. также: *Gleason John Howes*. *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study in the Interaction of Policy and Opinion*. Cambridge, Mass., 1950 (в дальнейшем: *Gleason*); *Luxemburg Norman*. *The Russian Expansion into the Caucasus and the British Relationship Thereto* (докторская диссертация, Ann Arbor, Mich., 1956), pp. 67—150 (в дальнейшем: *Luxemburg*); *Widerszal*, passim; *Puryear*, pp. 49—53.

²⁸ *Gleason*, p. 3.

²⁹ О его биографии см.: *Robinson G. David Urquhart: Some Chapters in the Life of a Victorian Knight-Errant of Justice and Liberty*. Oxford, 1920; *она же*. *Some Account of David Urquhart*. Oxford, 1921. См. также: *Gleason*, pp. 153-157, 173-180, 190-204, 257-266, 274; *Temperley*, pp. 407—409.

³⁰ *Bell J. St.* *Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839*. London, 1840. (Книга была переведена на французский язык и издана в Париже в 1841 г.); *Longworth J. Aug.* *A Year among the Circassians*. London, 1840; *Spencer Ed.* *Travels in the Western Caucasus*. London, 1838.

449

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

³¹ Согласно русским источникам, Уркварт в 1836 г. пытался даже связаться с Шамилем с помощью уже упоминавшегося Хаджи-Мухаммеда-эфенди — См.: АКАК. Т. VIII, с. 768. Конечно, за этой

деятельностью Уркварта русские внимательно следили. — См.: АКАК. Т. VIII и IX, а также: *Шамиль*, passim; Архив Раевских. Т. II, с. 422—423; *Головин*, с. 2—3; *Юров*. Т. VIII, с. 154—158. См. также *Gleason*, pp. 179-180, 191-204, 230-231, 245-246.

³² *Юров*, 1840-1842. Т. X, с. 251.

³³ Архив Раевских. Т. II, с. 423 (примечание 2).

³⁴ *Anderson*, p. 97; *Gleason*, pp. 151, 228—229, 261; *Temperley*, pp. 93-96, 423; *Verete M.*, Palmerston and the Levant Crisis, 1832, *Journal of Modern History*, Vol. XXIV, № 2 (June 1932), p. 149.

³⁵ *Юров*. 1840-1842. Т. X, с. 229-266; *Головин*, с. 30-31; АКАК. Т. IX, с. 468-470, 480-490, 493-494.

³⁶ *MRE, CPC, Russie, Tiflis*, Vol. I, ff. 49—52, 60—65, de la Chapelle to Guizot, Tiflis, 8/20 August, 5/17 September, 13/25 September 1840, 8/20 January 1841, № 4, 5, 8, 1; *PRO FO/65/260*, Clanricard to Palmerston, St. Petersburg, 1, 7, 20 April, 6, 26 May 1840, № 31, 43, 45, 54, 69, *FO/65/261*, Bloomsfield to Palmerston, St. Petersburg, 6, 20 June, 26 July, 1 August 1840, № 7, 14, 26, *FO/ 65/264*, Yeames to Palmerston, Odessa, 29 March, 11, 22, 25 April, 9, 26 May, 4, 16, 20 June, 4, 13, 18, 25 July, 9, 14 August, 8 September 1840, № 1-13, 17, 18, 22; *FO/78/393* f. 15, Ponsonby to Palmerston, Therapia, 29 April 1840, № 92; *FO/78/394*, f. 36, Ponsonby to Palmerston, Therapia, 13 May 1840, Separate and Secret, *FO/78/397*, f. 145, Ponsonby to Palmerston, Therapia, 4 October 1840, № 224.

³⁷ *Милютин*, с. 132.

³⁸ *Карахи*, с. 73; *Юров*, 1840-1842. Т. X, с. 273.

³⁹ *Юров*, с. 274.

⁴⁰ *Карахи*, с. 85-86; *Юров*, 1840-1842. Т. X, с. 274-275; *Kundukh*, 1936, № 2 (26), pp. 13-14.

⁴¹ *Милютин*, с. 132.

⁴² *Юров*, 1840-1842. Т. X, с. 51, Приложение В.

⁴³ *Движение*, с. 255—258.

⁴⁴ *Карахи*, с. 86; *Гаджи-Али*, с. 18—20; *Юров*, 1840—1842. Т. X, с. 275.

⁴⁵ *Юров*, с. 276; *Документы*, с. 274—276.

⁴⁶ *Baddeley*, p. 364.

⁴⁷ *Юров*, 1840-1842. Т. X, с. 286.

⁴⁸ *Yisra'el Ber. Bithon Yisra'el — Etmol, Hayom, Mahar*. Tel Aviv, 5726 (1966), pp. 18, 264-265.

⁴⁹ *Движение*, с. 243—249; АКАК. Т. IX, с. 248—251; *Юров, 1840-1842.*

Т. X, с. 287; Карахи, с. 88.

450

Примечания

⁵⁰ Биографию Галафеева см. в: АКАК. Т. IX, с. XVII.

⁵¹ *Движение*, с. 252—254.

⁵² *Гагарин*, № 26 с. 34. Об экспедиции Галафеева см.: *Юров. 1840—1842. Т. X, с. 285-319, 344*, а также: *PRO, FO/65/264, Yeames to Palmerston, Odessa, 18 July 1840, № 12.*

⁵³ М. Ю. Лермонтов, поэма «Валерик» — Полн. собр. соч. СПб., 1901, с. 46—53. Лермонтов был представлен к награде за храбрость в этом сражении, но царь сам вычеркнул его имя из списка награжденных. Полное описание сражения см.: *Юров, 1840-1842. Т. X, с. 302-308.*

⁵⁴ *Головин*, с. 33—37. См. также: *Движение*, с. 267—273.

⁵⁵ Сражение на р. Валерик, например, обошлось такими тяжелыми потерями, потому что Галафеев не побеспокоился заранее разведать на ней броды.

⁵⁶ *Юров, 1840-1842. Т. X, с. 308.*

⁵⁷ *Там же*, с. 289; *Движение*, с. 262.

⁵⁸ *Юров, 1840-1842. Т. X, с. 290-292; Baddeley, p. 350; Карат, с. 88-90; Дневник Руновского, с. 1513—1516.* См. также: *Гамзатов, с. 301 — 303.* Чудесный побег Шамиля увеличил его славу. Отсутствие имама, однако, не помешало действиям его набов. См.: *Юров, 1840-1842. Т. X, с. 292-293; Шамиль, с. 192-193.*

⁵⁹ АКАК. Т. IX, с. 338-342; *Движение*, с. 259-261, 273-274, 292-298, 265; *Шамиль, с. 194; Гржегоржевский, 1876, № 6, с. 355—357; Карахи, с. 90—95.*

⁶⁰ Одна из этих женщин, дочь армянского купца, стала потом самой любимой женой Шамиля. О набеге см.: *Юров, 1840—1842. Т. X, с. 312-314; MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. I, ff. 56-57, de la Chapelle to Guizot, Tiflis, 20 October 1840, № 6.* Народную легенду о захвате девушки см.: *Baddeley. Rugged Flanks, Vol. I, p. 213.*

⁶¹ *Юров, 1840-1842. Т. X, с. 314.*

⁶² Гагарин, № 2, с. 34; Головин, с. 37. Об этой кампании см.: Юров, 1840—1842. Т. X, с. 318—330. Потери русских в этих сражениях составили: 92 убитых и 117 раненых в одном и 15 и 99 — в другом.

⁶³ Материалы, с. 423—424; Милютин, с. 132.

⁶⁴ Юров, 1840—1842. Т. X, с. 369. В то же время Головин предписывал своему подчиненному «пытаться покорить Чирках бескровно».

⁶⁵ Письмо Шамиля к жителям Чиркаха в переводе на русский см: Там же, с. 371.

⁶⁶ АКАК. Т. IX, с. 346; *Baddeley*, p. 355. См. также: Юров, 1840-1842. Т. XII, с. 245-246.

451

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Глава двенадцатая

ДАГЕСТАН

¹ Головин, с. 50.

² Юров, 1840-1841. Т. XI, с. 209, 218.

³ Движение, с. 292. См. также: Юров, 1840-1842. Т. XI, с. 198—220; *Карахи*, с. 96.

⁴ Старший брат Хаджи-Мурата был молочным братом Нусалхана. О значении такой межродовой связи у горцев см., напр.: *Baddeley. Rugged Flanks*, Vol. II, p. 18.

⁵ Его письмо Клюгенау опубликовано в: Юров, 1840—1842. Т. X, с. 366—367. Материалов о Хаджи-Мурате великое множество. Например, см.: *Потто В.* Хаджи-Мурат (Биографический очерк). — Военный Сборник, 1870, № 11, отдел 1, с. 159—182; *Шульгин С.Н.* Предание о шамилевском наибе Хаджи-Мурате // Сборник материалов для описания местностей племен Кавказа. Т. XL, отдел 1, с. 54—70; Предания о Хаджи-Мурате. — Дагестанский Сборник. Т. III, с. 7—49; *Квинтадзе Г.* Хаджи-Мурат // Кавказ. Париж, 1934, № 7, с. 8—12. Подробности биографии и личности Хаджи-Мурата содержатся, в частности, в произведении Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» //

Посмертные художественные произведения. Т. III, Москва, 1912, с. 3—125. Хотя повесть Толстого — чисто художественное произведение, при ее написании он провел скрупулезное исследование и старался быть как можно более точным. Толстой даже приводит большие выдержки из официальных документов.

⁶ Его второе письмо Ключегенау опубликовано: *Юров, 1840—1842. Т. X, с. 386.*

⁷ См., к примеру, вопросы, обращенные старейшинами аула Цатаних к Евдокимову и переадресованные им Ключегенау 8 [20] августа 1841 г., цит. по: *Юров, 1840—1842. Т. XII, с. 253.* Письмо Аддала Мухаммед-оглу из аула Шебако Шварцу и письмо Нуричи, старосты Токиты, Талызину, см.: *Там же, с. 234, 249—250; Kundukh, 1936, № 1 (25), с. 13, № 2 (26), с. 14-19, № 4 (28), с. 22-23, № 5 (29), с. 20-21.*

⁸ Первое письмо Хаджи-Мурата Ключегенау см.: *Юров, 1840—1842. Т. X, с. 366;* второе — *там же, с. 368;* см. также: *Гржегоржевский, 1876, № 6, с. 93-98.*

⁹ Официально примирение было представлено, разумеется, как инициатива Хаджи-Мурата, и опубликованное на этот счет заявление Шамиля сопровождалось письмом аварского предводителя имаму и ответом Шамиля. Оба документа в переводе на немецкий см.: *Bodenstedt, p. 614.*

452

Примечания

¹⁰ Головин Ахмад-хану, 27 января [8 февраля] 1841, см.: *Юров, 1840—1842. Т. XI, с. 221.* О положении в Дагестане и действиях Хаджи-Мурата см.: АКАК. Т. IX, с. 342-344.

¹¹ Бакунин Ключегенау, 18 февраля [2 марта] 1841, см.: *Юров, 1840—1842. Т. X, с. 223.*

¹² *Головин, с. 40.* В примечании на той же странице Головин называет экспедицию «плохо спланированным поиском». Другие оценки этой операции см.: *Юров, 1840—1842. Т. XI, с. 228—229 и Т. XII, с. 269; Гржегоржевский, 1876, № 6, с. 358.* Подробности об этой экспедиции см.: *Юров, 1840-1842. Т. XI, с. 221-228; АКАК. Т. IX, с. 344—345; Движение, с. 298—303.*

¹³ Опубликовано: *Юров, 1840—1842. Т. XII, с. 236.*

¹⁴ Там же, с. 239.

¹⁵ Там же, с. 220. Т. XI, с. 187. Т. XII, с. 246-247.

¹⁶ Там же. Т. XII, с. 246-247.

¹⁷ А.Б. Дагестан 1841 года // Сборник газеты «Кавказ», 1846, с. 74 (в дальнейшем: *Дагестан*); *Юров, 1840—1842. Т. XI*, с. 190-198, 232. О новых планах см.: АКАК. Т. IX, с. 345—346; *Движение*, с. 298—303. Головин (с. 22) описывает переработанный план, не указывая, что он был изменен.

¹⁸ АКАК. Т. IX, с. 266-268. См. также: *PRO, FO/65/264, Yeames to Palmerston, Odessa, 22 September 1840, № 23.*

¹⁹ Головин, с. 44.

²⁰ О кампаниях в Дагестане и Чечне от мая до ноября 1841 г. см.: АКАК. Т. IX, с. 268-278, 446, 433-436; Головин, с. 42-48, 52-53; *Дагестан*, с. 72-81; *Юров, 1840-1842. Т. XI*, с. 232-311. Т. XII, сс. 240—241; *Карахи*, с. 90—96.

²¹ Гагарин, № 2, с. 35—36. Во время этой экспедиции Граббе потерял 39 убитыми и 487 ранеными. Всего в Чечне и Дагестане русские потеряли 231 человека убитыми и 1185 ранеными; 848 из них (70 убитыми и 778 ранеными) приходится на части Граббе.

²² *Гржегоржевский, 1876, № 6*, с. 358—359.

²³ См.: *Юров, 1840-1842. Т. XII*, с. 2-5, 248-257.

²⁴ Там же, с. 229—233, 258—260; *Движение*, с. 305—306; *Шамиль*, с. 199-202.

²⁵ См.: *Юров, 1840-1842. Т. XII*, с. 261-269; *Движение*, с. 324-327.

²⁶ *Юров, 1840-1842. Т. XII*, с. 288—289. Об этой кампании см.: *Документы*, с. 277-284; *Движение*, с. 309-311, 312-324, «Обзор катастрофической ситуации в Северном Дагестане с кратким описанием предшествовавших событий» (выдержка), написано или по крайней мере подписано Клюгенау (в дальнейшем: *Клюгенау*). (Издатели «Движения» «не могли определить автора этого документа», но, согласно Юрову, который приводил

оттуда много цитат [1840—1842. Т. XII, с. 314—315, 327—330], автор — Клюгенау.); *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 359; *Юров, 1840-1842. Т. XII*, с. 269-290; *Карали*, с. 98-99.

²⁷ *Юров, 1840-1842. Т. XII*, с. 284.

²⁸ *Юров. 1840-1842. Т. XII*, с. 291.

²⁹ *Там же*, с. 293-294.

³⁰ *Головин*, с. 53. Более подробно см.: АКАК. Т. IX, с. 436—440; *Юров, 1840-1842. Т. XIII*, с. 335-349. См. также: *Гагарин*, № 3, с. 18.

³¹ *Юров, 1840—1842. Т. XII*, с. 298. Подробно о его кампании см.: *там же*, с. 297-314; АКАК. Т. IX, с. 346-348; *Головин*, с. 53-54; *Клюгенау*, с. 316—320; *Карахи*, с. 98—99.

³² *Юров, 1840-1842. Т. XII*, с. 307-308.

³³ АКАК. Т. IX, с. 348.

³⁴ 9 декабря лезгины совершили набег на Тушети (см.: *Юров, 1840-1842. Т. XII*, с. 332-341). 14 декабря Ахбирди Мухаммед совершил рейд по казачьим станицам Линии (*там же*. Т. XIII, с. 350—354). О событиях в Дагестане см.: *Там же*. Т. XII, с. 317—326, 330—332. 15 декабря, например, небольшой русский отряд попал в засаду и был разбит. Из 88 человек в лагерь вернулось 34.

³⁵ *Юров, 1840-1842. Т. XII*, с. 326.

³⁶ *Клюгенау*, с. 321.

³⁷ См.: *Юров, 1840—1842. Т. XII*, с. 327. См. также: *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 360, где упоминается просьба Клюгенау об отставке; *Гагарин*, № 3, с. 25—26.

Глава тринадцатая

ИЧКЕРИЯ И КАЗИКУМУХ

¹ *Головин*, с. 47.

² См.: *Там же*, *passim*; Головин отчитывал Клюгенау в ноябре 1841, цит. по: *Юров, 1840-1842. Т. XII*, с. 289-290; АКАК. Т. IX, с. 269-278, 345-350, 377-381, 391-392, 395-398, 433-434.

³ АКАК. Т. IX, с. 266-268.

⁴ См.: *Головин*, с. 54—56.

⁵ См., напр.: *Загорский Ив.* Восемь месяцев в плену у горцев // *Кавказский Сборник*. Т. XIX, с. 299 (в дальнейшем: *Загорский*).

⁶ Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года. (Под ред. Б.М. Колюбакина.) — Русская Старина, 1911, № 1, с. 110 (Прим.ред.).

⁷ АКАК. Т. IX, с. 355.

⁸ См.: *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 359—360.

⁹ О кампании Фези см.: АКАК. Т. IX, с. 351—362, 363—389; *Движение*, с. 330—331; *Головин*, с. 58; *Окольничий Н.* Перечень последних

454

Примечания

военных событий в Дагестане (1843 год) // Военный Сборник, I 1859, № 2, с. 389—390 (в дальнейшем: *Окольничий*); *Карахи*, с. 100. I Все русские источники в один голос говорят об успехе, создавая I благоприятное впечатление.

¹⁰ АКАК. Т. IX, с. VII-VIII; *Движение*, с. 332-333; *Головин*, с. 59; *Окольничий*, № 2, с. 390—392; *Карахи*, с. 100—102; *Гаджи-Али*, I с. 20-21; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. 1, ff. 97-101, Monnot-I Arbilleux to Guizot, Tiflis, 18/6 April, 13/1 May 1842, № 4, 5. I*

¹¹ Однако сам Джамал аль-Дин впоследствии отрицал, что подсака-И зывал Шамилю идти на захват Казикумуха. I

¹² АКАК. Т. IX, с. 391-392; *Головин*, с. 59.

¹³ АКАК. Т. IX, с. 373-375, 382-384; *Движение*, с. 335; *Головин*, с. 59-60; *Окольничий*, № 2, с. 392—393; *Карахи*, с. 103.

¹⁴ См.: *Шамиль*, с. 212—213; АКАК. Т. IX, с. 362—366. О задержании жителей этих двух ханств в других местах Кавказа см.: *Движение*, с. 333, 335-336.

¹⁵ *Торнов Ф.Ф.* Гергебиль // Русский Архив, 1881, № 4, с. 436 (в дальнейшем: *Торнов*). Биографию Аргутинского см.: Краткий обзор служебной деятельности генерал-адъютанта князя Аргутинского-Долгорукого // Кавказский Календарь, 1856, отделение IV, с. 565-581; *Окольничий*, № 4, с. 310-311; АКАК. Т. IX, с. XV-XVI.

¹⁶ *Движение*, с.338—341, 342—343; *Головин*, с. 61; *Окольничий*, № 2, с. 393-394.

¹⁷ *Движение*, с. 344; *Головин*, с. 63; *Окольничий*, № 2, с. 394—395.

¹⁸ АКАК. Т. IX, с. 384-385, 388-390; см. также: *Головин*, с. 63-64; *Окольничий*, № 2, с. 395-396; *Карахи*, с. 103-105; *MRE, CPC, Russie, Tiflis; Vol. I, ff. 104—104, Monnot-Arbillcux to Guizot, Tiflis, 11 July/June 1842, №7.*

¹⁹ *Карахи*, с. 105.

²⁰ См.: АКАК. Т. IX, с. 390-395.

²¹ Здесь Головин допускает «удар ниже пояса». Дело даже не в том, что это единственное достижение экспедиции Граббе, которое, в сущности, вынудило Шамиля оставить Казикумух, но Головин сам настаивал, чтобы Граббе начал операцию как можно скорее. — *Там же*, с. 377—380.

²² *Головин*, с. 65—71. — Цит. по: *Baddeley*, pp. 356—359. См. также: АКАК. Т. IX, р. 390-392, 440-444; *Гагарин*, № 3, с. 15-17; *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 360—361; *Окольничий*, № 2, с. 396-398; *Карахи*, с. 105—107; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. 1, ff. 102-107, la Chapelle to Guizot, 24/12 June, 11 July/29 June, 29/17 August 1842, № 6, 7, 8 соответственно; PRO, FO/65/282, Bloomfield to Aberdeen*, St. Petersburg, 2 July 1842, № 25, FO/65/ 286, Yeames to Aberdeen, Odessa, 22 July 1842, № 3; Leipziger*

455

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Allgemeine Zeitung, 10 August 1842 (№ 222), p. 2358 (б/м, без номера), с. 2618, von Gaertringen Archive. Относительно реакции Воронцова на описания Головина см.: Письма князя Михаила Семеновича Воронцова к Алексею Петровичу Ермолову // *Русский Архив*, 1890, № 3, с. 346—347. Через полтора десятилетия солдатское устное предание говорит, как Граббе, «сидя на барабане и со слезами на глазах», диктовал свой боевой приказ: «Ребята, мы потерпели поражение». — Волконский Н.А. 1858 год в Чечне. — *Кавказский Сборник*. Т. III, с. 424. Здесь народная молва объединяет портрет Малафеева после сражения на р. Валерик с образом более знаменитого Граббе и его страшным разгромом в лесах Ичкерии.

²³ В качестве награды Шамиль отдает этим двум наибам по знамени, которые Александр I вручил Аслан-хану и которые имам захватил в Кумухе. — *Загорский*, с. 236.

²⁴ АКАК. Т. IX, с. 393-395.

²⁵ Головин, с. 67—68; Гагарин, № 3, с. 17; О[рлов]-Д[авыдов] А. Частное письмо о взятии Шамиля // Русский Архив, 1869, № 6, с. 1051; Карахи, с. 107.

²⁶ АКАК. Т. IX, с. 444-445, 278.

Глава четырнадцатая

АВАРИСТАН

¹ См., напр.,: Вейденбаум. Прodelки на Кавказе // Кавказские этюды, с. 312 (в дальнейшем: Вейденбаум. Прodelки).

² Там же, с. 313--314.

³ Движение, с. 360—361.

⁴ «Сцена была ужасной, она произвела на князя Чернышева сильное впечатление» — Гагарин, № 3, с. 17.

⁵ Движение, с. 345—347.

⁶ Там же, с. 362.

⁷ Там же, с. 352—353.

⁸ Там же, с. 352. Список вероятных участников секретных переговоров см.: Там же, с. 353—356.

⁹ См., напр.: АКАК. Т. IX, с. 137, 350-351.

¹⁰ Движение, с. 352.

¹¹ АКАК. Т. IX, с. XXIV.

¹² Юров. 1844-й год на Кавказе // Кавказский Сборник. Т. VII, с. 159 (в дальнейшем: Юров, 1844).

¹³ Ильин П. Из событий на Кавказе. Набеги Шамиля в 1843 году. — Русский Архив, 1872, № 7, с. 216 (в дальнейшем: Ильин); Движение, с. 361—363; Юров. 1843-й год на Кавказе // Кавказский Сборник. Т. VI, с. 16 (в дальнейшем: Юров, 1843).

¹⁴ Там же, с. 5—31 и Приложение I; АКАК. Т. IX, с. 744—747.

¹⁵ Движение, с. 394—401; Гржегоржевский, 1876, № 6, с. 365—366.

¹⁶ Там же. Слухи об этом достигли британского вице-консула в Батуми. — *PRO*, FO/78/564, Guarracino to Canning, Batoom, 18 November, № 16, приложено к Canning to Aberdeen, Buyukdery, 9 December 1844, № 275.

¹⁷ *Шамиль*, с. 222; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. I, f. 142, Castillon to Guizot*, 2 July 1842, № 16.

¹⁸ О событиях того периода см: АКАК. Т. IX, с. 754—756; *Движение*, с. 368-374, 378-391; *Юров, 1843*, с. 49-53; *Ильин*, с. 216-217; *Карахи*, с. 112.

¹⁹ *Buddeley*, p. 364. О силах русских войск и дислокации в Дагестане см.: *Окольничий*, № 3, с. 51—54, Приложение, и *Юров, 1843*, Приложение III, с. 14—16. О силах Шамиля и его планах см.: *Корш*. Военная операция в Дагестане в 1843 году // *Горцы Кавказа*, № 39, с. 8—11 (в дальнейшем: *Корш* + № ГК).

²⁰ Во время кампании Фези.

²¹ Насколько жарким было сражение, видно по потерям войска Шамиля — 120 убитых и 1520 раненых (*Карахи*, с. 116).

²² О подробностях см.: *Движение*, с. 460—468; *Юров, 1843*, с. 55, 61, 63-65; *Окольничий*, № 3, с. 17—18, 22—25; *Ильин*, с. 217, 223, 235—236; *Гагарин*, № 3, с. 26; *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 366; *Карахи*, с. 113-116; *Гаджи-Али*, с. 22-23; *Корш*, № 39, с. 11-13; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. I, ff. 155—156, Castillon to Guizot, Akhti*, 27 September 1843, № 20.

²³ АКАК. Т. IX, с. 757-758, 767-774; *Окольничий*, № 3, с. 18-22; *Юров, 1843*, с. 56-57, 59-60; *Ильин*, с. 219-223; *Гагарин*, № 3, с. 26—27; *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 366; *Buddeley*, p. 366; *Карахи*, с. 116; *Корш*, № 39, с. 13. Командира редута Цатаних подполковника Василевского, пытавшегося оказать помощь, потом обвиняли во всех неудачах. Он оказался отличным козлом отпущения, поскольку был убит и не мог выступить с опровержениями.

²⁴ *Юров, 1843*, с. 66—69; *Окольничий*, № 3, с. 28—32; *Ильин*, с. 233-235; *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 366—367; *Корш*, № 39, с. 14; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. I, ff. 59—60, Castillon to Guizot, Khouba*, 6 October 1843, № 21. Вторым козлом отпущения становится Косович.

²⁵ АКАК. Т. IX, с. 758; *Движение*, с. 460-468; *Юров, 1843*, с. 70-81; *Окольничий*, № 3, с. 33—46; *Ильин*, с. 236—250; *Гагарин*, № 3, с. 27—29; *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 366—367; Рассказ бывшего

унтер-офицера Апшеронского полка Самойлы Рябова о своей боевой службе на Кавказе (ред. А.В. Державин) // Кавказский Сборник. Т. XVIII, с. 356—362; *Карахи*, с. 117—119; *Гаджи-*

457

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Али, с. 23-25; *Корш*, № 39, с. 14—16; *MRE, CPC, Russie, Tiflis*, Vol. I, ff. 159-160, Castillon to Guizot, Tiflis, 29 October 1843, № 22; *Bresslauer Zeitung*, 9 September, 3 October 1843 (№ 211, 231), с. 1648, 1888 (Архив Гертингена).

²⁶ Его биографию см.: АКАК. Т. IX, с. XXVII.

²⁷ Об их действиях см.: *Юров*, 1843, с. 112—122; *Окольничий*, № 4, с. 328-334; *Ильин*, с. 263; *Корш*, № 48, с. 10-11.

²⁸ АКАК. Т. IX, с. 759-763; *Юров*, 1843, с. 84-95; *Окольничий*, № 4, с. 305—322; *Карахи*, с. 119—120; *Гаджи-Лли*, с. 25; *Корш*, № 39, с. 17. Для защиты Кази-Кумуха Шварц прошел маршем от Лезгинской линии. - АКАК. Т. IX, с. 758-759, 765-766, 775-776, 780—781; *Юров*, 1843, с. 102—112; *Окольничий*, № 4, с. 330—331.

²⁹ АКАК. Т. IX, с. 763—764; *Юров*, 1843, с. 95—98; *Окольничий*, № 4, с. 322—325; *Ильин*, с. 250—260; *Гагарин*, № 3, с. 31—32; *Гржегор-жевский*, 1876, № 6, с. 367—368; *Карахи*, с. 120—121; *Корш*, № 39, с. 17-18.

³⁰ АКАК. Т. IX, с. 765-766; *Юров*, 1843, с. 28-101; *Окольничий*, № 4, с. 325—328, 334—335; *Ильин*, с. 260—261; *Шиманский*. Дело на Гоцатлипских Высотах 21-го сентября 1843 года (Из походных записок) // Военный Сборник, 1869, № 7, с. 5—9; *Карахи*, с. 121; *Корш*, № 39, с. 18-20, № 40, с. 10-11.

³¹ АКАК. Т. IX, с. 879-881; *Юров*, 1843, с. 123-127; *Окольничий*, № 4, с. 336-337.

³² Русские потери см.: *Юров*, 1843, Приложение V, с. 17—18

³³ *Торнов*, с. 432. Биографию Гурко см.: АКАК. Т. IX, с. XIX.

³⁴ *Торнов*, с. 430. См. также: *Ильин*, с. 256.

³⁵ АКАК. Т. IX, с. 764-765, 766-777; *Ильин*, с. 267; *Юров*, 1843, с. 127—128; *Окольничий*, № 4, с. 338—345; *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 368-369.

³⁶ *Юров*, 1843, с. 128—130; *Окольничий*, № 4, с. 345—348; *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 369-370.

³⁷ *Юров*, 1843, с. 130.

³⁸ Пять писем в адрес Гурко и Клюгенау от: 1) улама, беков, почтенных и мудрых жителей и обществ Цунта (Дидо), Тиндала, Бакгулала, Чиндала, Каралала, Анди, Киндала, Келеба, Кахи-ба, Андала, Хиндала (Койсубу), Хунзаха, Чечни и других; 2) улама почтенных и мудрых жителей Дарги (Акуша) и других обществ; 3) улама, старейшин и всех жителей Андала; 4) улама, беков и всех жителей равнины; 5) Джамала и кадия Таймаз-хана см.: *Юров, 1843*, с. 424—428, Приложения VIII А, VIII В; а также: *Движение*, с. 423. Иную точку зрения см.: *Корш*, № 4, с. 12-13.

³⁹ АКАК. Т. IX, с. 776-777; *Юров, 1843*, с. 130—137; *Окольничий*, № 5, с. 314—318; *Торнов*, с. 437—438; *Гагарин*, № 4, с. 13-18;

458

Примечания

Гржегоржевский, 1876, № 6, с. 370—371; *Карахи*, с. 121 — 122; *Корш*, № 48, с. 12-14, № 49, с. 12-13.

⁴⁰ *Юров, 1843*, с. 137. У Гурко было примерно 2000 солдат и 5 пушек против, как он считал, 4700 бойцов и 6 пушек Шамиля.

⁴¹ Протокол этого совета см.: *Юров, 1843*, Приложение IX, с. 25—28. По мнению Торнова, тогдашнего начальника штаба Гурко (с. 456—457), это «подредактированный» вариант. Восстановленный оригинальный вариант приводится на с. 445—446. Такая пассивность, конечно, подорвала моральное состояние осажденного гарнизона.

⁴² *Там же*, с. 447.

⁴³ *Там же*, с. 449. Здесь особенно важно примечание, в котором он возражает Окольничему (и Юрову), называющему дату падения редута 20 ноября.

⁴⁴ *Там же*, с. 450-451. См. об этом также: АКАК. Т. IX, с. 781-783, 784-788; *Юров, 1843*, с. 137-138; *Окольничий*, № 5, с. 318-330; *Ильин*, с. 267—269; *Торнов*, с. 439—454; *Гагарин*, № 4, с. 18—21; *Гржегоржевский, 1876*, № 6, с. 371—372; *Зиссерман, Отрывки, 1876*, № 3, с. 93—94; *Карахи*, с. 122; *Гаджи-Али*, с. 26-27; *Корш*, № 49, с. 14; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. I, ff. 161-166, Castillon to Guizot, 29/17 November, 6 December/14 November 1843?* № 23, 24.

⁴⁵ Уже на обратном пути Гурко «не решился идти тем же путем, по которому пришел из-за волнений в Мехтулинском ханстве» // *Окольничий*, № 5, с. 329. См. также: *Торнов*, с. 454—457.

⁴⁶ *Baddeley*, p. 372. Об осаде Темир-Хан-Шуры, где засели Гурко и Клюгенау с основными силами, см.: АКАК. Т. IX, с. 787—789; *Волоцкой А.* Генерал Фрейтаг и его боевые товарищи. Три эпизода из завоевания Кавказа // *Русская Старина*, 1873, № 6, с. 835—838 (в дальнейшем: *Волоцкой*); *Юров*, 1843, с. 149—150, 152—156, 161 — 164; *Окольничий*, № 5, с. 333-339, 346-347, 349-353; *Ильин*, с. 269-271, 281, 285-286, 289, 302-305; *Гагарин*, № 4, с. 21-32; *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 372—373; *Карахи*, с. 122-123, 124— 125; *MRE, CPC, Russie, Tiflis*, Vol. I, ff. 167-169, Castillon to Guizot, 11 December 1843, № 25. Об эвакуации гарнизонов редутов на р. Сулак и сосредоточении сил в Евгеньевском см.: *Движение*, с. 364—368; *Юров*, 1843, с. 150—151; *Окольничий*, № 5, с. 131; *Карахи*, с. 125—126; *Корш*, № 49, с. 15. О лагере Пассека в Балахани и его осаде см.: *Пассек*. Отступление из Хунзаха (1843 год). // *Кавказский Сборник*. Т. I, с. 215-235; АКАК. Т. IX, с. 792-797; *Юров*, 1843, с. 180—198; *Окольничий*, № 5, с. 349; *Иванов О.* Рассказ солдата // *Кавказ*, 7 [19] октября 1853 (№ 74), с. 321—323; *Торнов*, с. 470; *Карахи*, с. 123—124; *Корш*, № 49, с. 15.

459

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

⁴⁷ По данным Окольничего (№ 5, с. 335), Шамиль вызвал Шуай в Казанище по политически делам, а не из-за боевой обстановки; имаму хотелось показать чеченцам, что в прокламации своих завоеваниях он говорит правду.

⁴⁸ *Волоцкой*, с. 817-827; *Юров*, 1843, с. 156-161, 164-170; *Окольничий*, № 5, с. 339-345; *Карахи*, с. 123; *Корш*, № 49, с. 15—16; *MR CPC, Russie, Tiflis*, Vol. I, f. 170, Castillon to Guizot, 14 Decemb 1843, № 26.

⁴⁹ АКАК. Т. IX, с. XXIX.

⁵⁰ *Волоцкой*, с. 827-834, 838-839; АКАК. Т. IX, с. 790-792, 793-79 *Юров*, 1843, с. 174; *Окольничий*, № 5, с. 366—371; *Карахи*, с. 12 *Корш*, № 49, с. 16-17.

⁵¹ АКАК. Т. IX, с. 795—796; *Юров*, 1843, с. 174—180; *Окольничий* № 4, с. 371-376; *Ильин*, с. 305-308, 311; *Карахи*, с. 124, 12. *Корш*, № 49, с. 17-19; *MRE, CPC, Russie, Tiflis*, Vol. I, ff. 171-178, Castillon to Guizot, 18? 28 December 1843, 5, 13 Januai 1844, № 27, 28, 29, 30 соответственно; *PRO, FO/65/294*, Yeames to Aberdeen, Odessa, 10, 20 December 1843, № 1, 2, *FO/65/291* Yeames to Rothesay, Odessa, January 1844, № 1.

⁵² *Карахи*, с. 125.

⁵³ *Юров, 1843, с. 206-207; Корш, № 49, с. 19.*

⁵⁴ *Юров, 1843, с. 139.*

⁵⁵ Когда Фрейтаг доложил о наличии у Шамиля четырех пушек, «Ставрополе [Главном штабе Кавказской линии] громко смея лись» — *Гагарин, № 3, с. 19.* Если быть точным, то впервые Шамиль применил артиллерию 13 августа 1843 г.. Т.е. за *месяцу* начала кампании в Дагестане. — *Там же, с. 20—21, а также Загорский, с. 240.*

⁵⁶ *Юров, 1843, с. 204-206.*

⁵⁷ АКАК. Т. IX, с. 797-798, 805-808; *Движение, с. 430-438; Юров 1844, с. 172-176.*

Глава пятнадцатая

ДАРГО

¹ *Движение, с. 393—394; Юров, 1844, с. 158 и Приложение I, с. 375*

² *Там же, с. 157.*

³ См.: *Baddeley, р. 379.*

⁴ *Юров, 1844, цит. по: Baddeley, р. 380.*

⁵ *Движение, с. 444.*

⁶ *Юров, 1844, с. 158—159, цит. по: Baddeley, pp. 379—380.*

⁷ См.: АКАК. Т. IX, с. 822, 851-822, 857.

460

Примечания

⁸ *А-Д., Г. Поход 1845 года в Дарго // Военный Сборник, 1859, № 5,*

Отдел неофициальный, с. 3 (в дальнейшем: *Поход*).

⁹ *Baddeley, р. 382.* См. также: АКАК. Т. IX, с. 748-749, 808-811, 816-818, 820-822; *Юров, 1844, с. 157-169.*

¹⁰ *Там же, с. 159—160, цит. по: Baddeley, р. 380.*

¹¹ См., напр.,: *Карахи, с. 19.*

¹² См.: *Pinson Marc. Russian Expulsion of Mountaineers from the Caucasus, 1856—1866 and Its Historical Background. Demographic Warfare—An Aspect of Ottoman and Russian Policies, 1854—1866. (Докторская диссертация, Гарвардский университет, 1970).*

¹³ *Головин с. 34.* См. об этом: АКАК. Т. IX, с. 841-844.

¹⁴ АКАК. Т. IX, с. 883-886; *Движение*, с. 468-469.

¹⁵ О набегах горцев в это время см.: АКАК. Т. IX, с. 815—816, 881—883; *Шамиль*, с. 231; *Юров, 1844*, с. 222-226.

¹⁶ *Движение*, с. 457—460. В это время действительно два наиба уже действовали в Казикумухе. - АКАК. Т. IX, с. 811-815, 818-820, 822; *Движение*, с. 453—455; *Юров, 1844*, с. 176—183; *Карахи*, с. 126-128.

¹⁷ *Движение*, с. 457—460.

¹⁸ АКАК. Т. IX, с. 822-832; *Юров, 1844*, с. 183-198.

¹⁹ АКАК. Т. IX, с. 841-844; *Движение*, с. 477; *Юров, 1844*, с. 240-242, 246—248. О действиях Людерса см.: АКАК. Т. IX, с. 834-841; *Движение*, с. 477—478; *Юров, 1844*, с. 198—204, 242—246; *Вранкин А.* Одно из дел генерал-майора Пассека: Дело при Гилли 5-го июня 1844 года. — Сборник газеты «Кавказ», 1846, с. 21—27.

²⁰ АКАК. Т. IX, с. 841-844; *Юров, 1844*, с. 248-250. Согласно информации, которой располагал Нейдгардт, Шамиль намеревался «действовать на наших коммуникациях». — АКАК. Т. IX, с. 736—739.

²¹ *Там же*, с. 849, 852-853; *Юров, 1844*, с. 265-266.

²² АКАК. Т. IX, с. 844-851, 853-857; *Юров, 1844*, с. 204-213, 252-260; *Гаджи-Али*, с. 28—29.

²³ По официальным каналам сообщалось, что Шамиль убежал. — Напр., АКАК. Т. IX, с. 849-851.

²⁴ См.: Письма Ростислава Андреевича Фадеева к родным. — *Русский Вестник*, 1897, № 8, с. 4 (в дальнейшем: *Фадеев* и № *Русского Вестника*).

²⁵ АКАК. Т. IX, с. 857-865; *Юров, 1844*, с. 265-266. Фадеев писал отцу: «Военные операции в Дагестане на этот год закончены, и многие утверждают, что уже не возобновятся» (*Фадеев*, № 8, с. 5). О двух маленьких экспедициях см.: АКАК. Т. IX, с. 874—876, 886-888; *Юров, 1844*, с. 267-269.

²⁶ О кампании Аргутинского см.: АКАК. Т. IX, с. 871—874; *Движение*, с. 481-483 *Юров, 1844*, с. 339-360.

²⁷ АКАК. Т. IX, с. 886; Юров, 1844, с.284—310; Вертепов Г. По поводу пятидесятилетия крепости (ныне слободы) Воздвиженской. — Терские Ведомости, 6 [18], 8 [20] айреля 1894.

²⁸ Фадеев, № 10, с. 6. См. также: Зиссерман, Отрывки, 1876, № 3, с. 95. Как совершенно противоположный взгляд: Нейдгардт «имел достаточно мужества, чтобы отказаться идти в наступление», — См.: Дондуков-Корсаков. Т. V, с. 207.

²⁹ См., напр.: Гржегоржевский, 1876, № 6, с. 375, с возражениями Клюгенау относительно планов кампании 1844 г.

³⁰ «Теперь Людере уехал [в Петербург] обвинять Нейдгардта; по его возвращении Нейдгардт поедет обвинять его; за ним Гурко станет обвинять обоих». — Фадеев, № 10, с. 6

³¹ В собственноручном послании Чернышеву (опубликовано в Русской Старине, 1855, № 10, с. 202—212, без даты) император наметил следующие задачи кампании 1844 г.: 1) разгромить, если удастся, банды Шамиля; 2) вступить в сердце его владений; 3) укрепиться там.

³² Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат, с. 44. Пушкин аттестовал Воронцова иначе:

Полугерой, полуневежда, К тому ж еще полуподлец!.. Но тут однако ж есть надежда, Что станет полным наконец*.

О биографии Воронцова см.: АКАК. Т. X, с. XVII; Щербинин М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858 (в дальнейшем: Щербинин); Waid Alexander. Kurze Biographic der Fiirsten Michail Simeonowitsch Woronszow. Одесса, 1863 (в дальнейшем: Wald].

³³ Из записок Н.В. Исакова. Кавказские воспоминания (период войны с горцами 1846 и 1848 годов) // Русская Старина, 1917, № 2, с. 175 (в дальнейшем: Исаков и № Русской Старины).

³⁴ Ржевусский. Т. VI, с. 231-250, 279-280; Поход, с. 2-7, 9-11, 16-17; [Норов В.Н.] Кавказская экспедиция в 1845 году. Рассказ очевидца Н.В. Н-ва // Военный Сборник, 1906, № 11, с. 13—19 (в дальнейшем: Норов и № Военного Сборника).

³⁵ АКАК. Т. X, с. 362—364; [Воронцов М.С.] Выписки из дневника светлейшего князя М. С. Воронцова с 1845 по 1854 г. — Старина и новизна. Т. V, с. 74—78 (в дальнейшем: Дневник Воронцова).

* Использован вариант эпиграммы, известный по письму Вяземскому (1824 г.) и несколько отличный от ходившего в те годы в списках и, надо сказать, более подходящего к случаю. См.: Пушкин А.С. — СС, 1957. Т. II, с. 185. - *Прим. пер.*

462

Примечания

³⁶ Об этих и других событиях первых месяцев 1845 года см.: АКАК. Т. IX, с. 876—877; *Движение*, с. 492—497; *Шамиль*, с. 236-244; 254-268; *Ржевусский*. Т. VI, с. 250-261, 270-277, 286, 396-419; *Норов*, 1906, № 11, с. 20-23; *Поход*, с. 11-14; *Карахи*, с. 133-136.

³⁷ Кампания Воронцова 1845 г. описана шире других эпизодов Кавказской войны. Изложение хода кампании основано на следующих источниках: АКАК. Т. X, с. 364—377, 380—381, 385—391, 396-418; *Шамиль*, с. 245-246, 252-254; Austria, Haus-, Hoff- und Staatsarchiv (в дальнейшем: *HNSA*), Toskana, 66/Varia Vorontsov to Marechal Marmont, Tiflis, 10/22 December 1845; *MRE, C PC*, Tiflis, Vol. 2, ff. 45-54, Castillon to Guizot, Tiflis, 4/16 May, 8 August/27 July, 16/28 September 1845, №№ 4, 5, 6, *CPC*, Turquie, Erzerroom, Vol. 2, ff. 137-138, 156-157, Clairambault to Guizot, Trebizonde, 20 July, 9 September 1845, №№ 12, 16; *PRO*, FO/78/613, Brant to Aberdeen, Erzerroom, 13 March, 12 June, 11 July, 1 October 1845, №№ 4, 8, 11, 12, FO/60/117, .Abott to Aberdeen, Tabreez, 7 July, 6, 29 August, 5 September, 3 November 1845, №№ 14, 16, 17, 18, 24, Abott to Sheil, Tabreez, 14, 25 July 1845, №№ 49, 51; FO/65/315, Yeames to Aberdeen, Odessa, 21 March, 30 June, 26 September 1845, №№ 2, 3, 4 (эти письма опубликованы автором в: *Gammer M., Vorontsov's 1845 Expedition against Shamil: A British Report*, — *Central Asian Survey*, Vol. IV, № 4 [Autumn 1985], pp. 13—33 (в дальнейшем: *Gammer*); Архив Бенкендорфа, найденный в сундуке на чердаке в Лайм Килн, Клейдон, Ипсвич, Саффолк, в августе 1984 г. (в дальнейшем: *Архив Бенкендорфа*), частные письма Константина Бенкендорфа его тетушке княгине Ливен, Таш Кичу, 27 мая/3 июня, и Пятигорск, 18/30 августа, №№ 9, 12, [Эрнест?] к Бенкендорфу, Спб., 3/14 [sic!] августа 1845; Из архива К.Е. Андреевского. (Под ред. С. Л. Авалиани.). Т. I. Записки Е.С. Андреевского. Одесса, 1913, с. 1—37, 60—61, 63—66, 213 (в дальнейшем: *Андреевский*); [Беклемишев Н.] Эпизод из экспедиции в Дарго в 1845 г. Письмо с Кавказа от 25 июня 1845 года. — Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов (под ред. В. Кашпирева). Т. 1,

СПб., 1871, с. 312—316 (в дальнейшем: *Беклемишев*); *Фадеев*, № 8, с. 7—14; *Горчаков Н.* Экспедиция в Дарго (1845 г.). (Из дневника офицера Куринского полка) // *Кавказский Сборник*. Т. II, с. 117—141 (в дальнейшем: *Горчаков*); *Дневник Воронцова*, с. 78—79; [Воронцов М.С.] Письма князя Михаила Семеновича Воронцова к Алексею Петровичу Ермолову. — *Русский Архив*, 1890, № 2, с. 162—183 (в дальнейшем: *Воронцов Ермолову* и № *Русского Архива*); *Архив князя Воронцова*. Т. XXXVI, Москва, 189ff; с. 256—270; Экспедиция в Дарго 1845 года. — *Военный Журнал*, 1855, № 4, ч. II, Военная история,

463

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

с. 27—44; *Karaxi*, с. 136—150; *Гаджи-Али*, с. 29—32; *Andrzejkowitz Michal Witowt.* Skice Kaukazu. *Warsaw*, 1859, pp. 55—180 (в дальнейшем: *Andrzejkowitz*); *Benckendoff Constantin.* Souvenirs Intimes d'une Campagne au Caucase Pendant l'Ete de 1845. Paris, 1858 (в дальнейшем: *Benckendorff*); *Дельвиц Н.* Воспоминания об экспедиции в Дарго // *Военный Сборник*, 1864, № 7, с. 189—230 (в дальнейшем: *Дельвиц*); *Донду ков-Корсаков*. Т. VI, с. 92—160, 208—215; [Гейман В.А.] 1845 год. Воспоминания В.А. Геймана // *Кавказский Сборник*. Т. III, с. 251—375 (в дальнейшем: *Гейман*); *Исаков*, № 2, с. 171 — 177; *Калиновский*, с. 25—31; *Николаи А.П.* Из воспоминаний о моей жизни: Даргинский поход 1845 // *Русский Архив*, 1890, № 6, с. 249—278 (в дальнейшем: *Николаи*); *Норов*, 1906, № 11, с. 1-34, № 12, с. 15-52, 1907, № 1, с. SI-64, № 2, с. 1—42, № 3, с. 1—28, № 4, с. 16—46; Сцены из военной жизни. // *Сборник газеты «Кавказ»*, 1846, с. 410—411; *Baddeley*, pp. 385—410; *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 376—380; *Щербинин*, с. 220—248; *Зиссерман*, *Отрывки*, 1876, № 4, с. 418—423.

³⁸ Шутники в лагере Воронцова называли эти действия «bataille en chimere» (*фр.* «сражение с химерой») — *Дельвиц*, с. 193.

³⁹ См.: Поход, с. 32; *Гржегоржевский*, 1876, № 6, с. 377.

⁴⁰ *Норов*, 1907, № 4, с. 44, 45. Наличная численность составляла: пехота — 7940, кавалерия — 1218, артиллерийские подразделения — 342 человека. — *Ржевусский*, Т. VI, с. 328.

⁴¹ *Николаи*, с. 263.

⁴² Дельви́г, с. 209, цит. по: *Baddeley*, pp. 397—398. См. также: *Норов*, 1907, № 2, с. 16; *Горчаков*, с. 124.

⁴³ *Поход*, с. 42; *Ржевусский*. Т. VI, с. 333.

⁴⁴ *Горчаков*, с. 136.

⁴⁵ *Gatner*, p. 30. О действиях Аргутинского см.: АКАК. Т. X, с. 377—380, 381-385, 391-396; *Ржевусский*. Т. VI, с. 431-467; *Норов*, 1906, № 12, с. 38, 1907, № 4, с. 32—34; *Экспедиция*, с. 39; *Карахи*, с. ISO-151. О кампании Шварца см.: *Ржевусский*. Т. VII, с. 387—419; *Норов*, 1906, № 12, с. 36-38, 1907, № 4, с. 32-34; *Экспедиция*, с. 37-39; *Зиссерман А.* Из моих записок. 6-го июня 1845 года // Сборник газеты «Кавказ», 1846, с. 306—311.

⁴⁶ См.: *Ржевусский*. Т. VI, с. 424—427, 467—476; *Движение*, с. 490-492.

⁴⁷ См.: *Гейман*, с. 262; *Benckendorff*, p. 36.

⁴⁸ *Дондуков-Корсаков*. Т. VI, с. 109.

⁴⁹ АКАК. Т. X, с. 867-868.

⁵⁰ *Экспедиция*, с. 35.

⁵¹ *Benckendorff*, p. 9; *Ржевусский*. Т. VI, с. 289; *Поход*, с. 16; *Gatner*, p. 35.

⁵² См. письма Воронцова к Чернышеву (*Ржевусский*. Т. VI, с. 283—

464

Примечания

284, 281—282) и к Ермолову (*Воронцов Ермолову*, 26 мая [7 июня] 1845, № 2, с. 163-165).

⁵³ *Дневник Воронцова*, с. 76—77; *Ржевусский*. Т. VI, с. 283—284, 289—290; *Норов*, 1906, № 11, с. 23-26; *Кундух*, 1936, № 3 (27), с. 15; *Gatner*, p. 15.

⁵⁴ *Дневник Руновского*, с. 1419—1420.

⁵⁵ Воронцов Чернышеву, цит. по: *Ржевусский*. Т. VI, с. 281—282; *Воронцов Ермолову*, 26 мая [7 июня] 1845, № 2, с. 163—165.

⁵⁶ *Движение*, с. 501—502.

⁵⁷ *Карахи*, с. 137.

⁵⁸ *Там же*, с. 138.

⁵⁹ *Там же*, с. 139.

⁶⁰ *Поход*, с. 36; *Benckendorff*, p. 90.

⁶¹ *Idid*. См. также: *Gatner*, p. 20.

- ⁶² Карахи, с. 139-140.
⁶³ *Норов*, 1907, № 1, с. 37.
⁶⁴ *Gatmer*, p. 20.
⁶⁵ *Idid*; *Карахи*, с. 140.
⁶⁶ *Норов*, 1907, № 1, с. 40; 1907, № 2, с. 2.
⁶⁷ Карахи, с. 140-141.
⁶⁸ *Дельвиц*, с. 201; *Benckendorff*, p. 121.
⁶⁹ *Idid*, с. 118.
⁷⁰ *Idid*, с. 121.
⁷¹ *Норов*, 1907, № 2, с. 2.
⁷² *Дельвиц*, с. 202; *Gatmer*, p. 23; *Николаи*, с. 259.
⁷³ *Дневник Воронцова*, с. 85.
⁷⁴ *Gatmer*, p. 20.
⁷⁵ *Норов*, 1907, № 2, с. 199.

Глава шестнадцатая

КАБАРДА

- ¹ *К.* Обзор событий на Кавказе в 1846 году. — Кавказский Сборник. Т. XIV, с. 474-598. Т. XV, с. 453-456, 481-505. Т. XVI, с. 279-293 (в дальнейшем: *1846 и том Кавказского Сборника*), *MRE, CPCS, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 75—78, Castillon to Guizot, 14/2 February, 7/19 March 1846, №№ 5, 6; Baddeley*, p. 411-412.
² АКАК. Т. X, с. 421-422; 1846. Т. XVI, с. 312-314.
³ *Baddeley*, p. 415.
⁴ *Архив Раевских*. Т. III, СПб., 1910, с. 350—351. См. также: *Юров, 1840-1842. Т. XI, с. 188.*
⁵ АКАК. Т. IX, с. 147-152; *Юров, 1840-1842. Т. XI, с. 188.*

465

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

- ⁶ *Там же*, с. 189.
⁷ *Там же*, с. 220.
⁸ *Юров, 1843, с. 48-49; Ржевусский*. Т. VII, с. 442—443.
⁹ *MRE, CPCS, Russie, Tiflis, Vol. I, f. 139, Castillon to Guizot, 22 May 1843, № 13; Юров, 1843, с. 48.*
¹⁰ *Юров, 1843, с. 49; Ржевусский*. Т. VII, с. 442—443.

¹¹ *Норов, 1906, № 11, с. 26.*

¹² *Юров, 1844, с. 308.*

¹³ *Ржевусский. Т. VII, с. 423—426, 432—437, 439—440, 442—451, 454-455, 459—461, 463—465; Прозрителев Г.Н. Посольство от Шамиля к абадзехам // Дагестанский Сборник. Т. III, с. 125—129. См. также обращение Шамиля к кабардинцам (Maskie, pp. 266—271).*

¹⁴ Последующее описание основано на источниках: АКАК. Т. X, с. 578—586; *Движение*, с. 504—510; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 79-98, 103-11, Castillon to Guizot, 15/22 April, 2, 7, 10, 16, 20, 25 May, 8/20 September 1846; PRO, FO/65/321, Bloomfield to Aberdeen, St. Petersburg, 23, 26 May 1846, №№ 84, 87, FO/65/325 Yeames to Aberdeen, Odessa, 10 June 1846, № 1, FO/78/653 Brant to Aberdeen, Erzeroom, 4 July 1841, № 17; 1846. Т. XVI, с. 312-351. Т. XVII, с. 175-186, 192-196, 209-214; Горчаков Н. Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 году. Из записок офицера Куринского полка // Кавказский Сборник. Т. IV, с. 19—37 (в дальнейшем: *Горчаков, Вторжение*}; *Исаков, № 2, с. 177—180; Кундух, 1936, № 3 (27), с. 16; Baddeley, pp. 411—426; Карахи, с. 152—153; Гаджи-Али, с. 35-36.**

¹⁵ *1846. Т. XVI, с. 336—337.* Разглядев эти позиции, Фрейтаг сразу понял смысл фразы из письма Шамиля Бате и Тальгику: «Пушки я хочу поставить вблизи дороги противника». Письмо, показанное Фрейтагу 21 апреля одним из его тайных агентов, опубликовано *там же*, с. 313.

¹⁶ Письмо Шамиля Бате и Тальгику, перехваченное Фрейтагом 21 октября 1846 г., см.: *Там же*, с. 304.

¹⁷ Само количество писем Шамиля, перехваченных Фрейтагом и процитированных или просто упомянутых в «1846», делает честь русской разведке.

¹⁸ *Baddeley, pp. 416—417.*

¹⁹ *Ibid, p. 421. Ср.: 1846. Т. XVI, с. 345; Горчаков, Вторжение, с. 31-32.*

²⁰ *1846. Т. XVI, с. 341—342 (цит. по: Baddeley, p. 422).*

²¹ *Baddeley, p. 421.*

²² *1846. Т. XVI, с. 343.*

²³ *Там же*, с. 346. Дозор русских, строго говоря, заметил, что Шамиль начал отступление, но не оценил правильно свое наблюдение (*Горчаков. Вторжение, с. 30*).

Примечания

²⁴ *Baddeley*, p. 424. Подробности см.: 1846. Т. XVI, с. 347-348; Горчаков. *Вторжение*, с. 30.

²⁵ 1846. Т. XVI, с. 348.

²⁶ *Baddeley*, p. 425.

²⁷ 1846. Т. XVII, с. 184. Из примкнувших к Шамилю еще двое, Исмаил Сасиков и Эдик Алборев, упоминаются в: Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. (Под ред. В.А. Горданова.) Нальчик, 1956, с. 261-270, 300-305.

²⁸ 1846. Т. XVII, с. 184-185.

²⁹ *Там же*. Т. XVI, с. 321'.

³⁰ *Там же*. Т. XVII, с. 180, с. 183. Т. XVI, с. 324.

³¹ *Curtiss John Shelton*. The Russian Army under Nicholas I, 1825 — 1855. Durham, N.C., 1965, p. 301.

³² *Исаков*, № 2, с. 175.

³³ *Baddeley*, p. 417.

³⁴ 1846. Т. XVII, с. 179.

³⁵ АКАК. Т. X, с. 418-419.

³⁶ *Движение*, с. 528—529; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 112-113, Castillon to Guizot, 30 September/12 October 1846, № 17; 1846. Т. XV, с. 456-458. Т. XVII, с. 186-190.*

³⁷ Письмо Шамиля Тальгику и Дубе, перехваченное Фрейтагом, приводится в: 1846. Т. XVI, с. 304.

³⁸ АКАК. Т. X, с. 432—441; *Движение*, с. 529—531; *Дневник Воронцова*, с. 82; Князь М.С. Воронцов. Письма его к кн. В.Е. Бебутову. — Русская Старина, 1871, № 1, с. 104-108; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 115-118, Castillon to Guizot, 9, 18 November 1846, №№ 19, 20; PRO, FO/60/139 Abott to Palmerston, Tabrecz, 3 April 1847, № 9; 1846. Т. XIV, с. 529-548; Карахи, с. 153-154; Гаджи-Али, с. 32—34.*

³⁹ *Дневник Воронцова*, с. 80—82; *Воронцов Ермолову, Владикавказ, 1 [13] июля 1846, № 2, с. 193-194; 1846. Т. XV, с. 456-478. Т. XVI, с. 293-310; Исаков, № 2, с. 181-186; MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 99—111, Castillon to Guizot, 23 June, 7 July, 8/20 September 1846, №№ 14, 15, 16.*

⁴⁰ *Baddeley*, p. 426; 1846. Т. XIV, с. 552-553.

⁴¹ См.: АКАК. Т. X, с. 441-444.

⁴² *Архив Бенкендорфа*, Воронцов Бенкендорфу, Тифлис, 27 декабря 1846.

467

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Глава семнадцатая

МАЛАЯ ЧЕЧНЯ

¹ *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 181, 171; Воронцов императору, опубл. в: *Ржевусский*. Т. VI, с. 379—390 (в дальнейшем: *Воронцов императору*).

² *Дневник Воронцова*, с. 79; *Щербатов*, с. 249.

³ АКАК. Т. X, с. 311-333.

⁴ АКАК. Т. X, с. 318-319; *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 189, 193.

⁵ *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 186—187, 188—189; К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году. — Кавказский Сборник. Т. IX, с. 447—449 (в дальнейшем: *Левый фланг и том Кавказского Сборника*).

⁶ Военно-Актинская дорога от с. Шина до перевала через гору Большой Салават // Сборник газеты «Кавказ», 1847. Т. II, с. 134 — 135; *Волконский Н.А.* Трехлетие в Дагестане. 1847 год. Осада Гергебиля и взятие Салты // Кавказский Сборник. Т. VI, с. 479—480 (в дальнейшем: *Волконский, 1847*), *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 197—198.

⁷ *Зиссерман*, *Отрывки*, 1876, № 4, с. 424; *Кундух*, 1936, № 3 (27), с. 16—17, № 4 (28), с. 19—20. Для анализа стратегии Воронцова см.: *ННСА*, *Russland III*. 139/*Konv. II*, *Calloreda to Meternich*, St. Petersburg, 8 February/27 January 1847, № 5; *Benningsen*, *Un Temoignage Francais sur Chamil et les Guerres de Caucase*, *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*, Vol. VII, № 4 (October-December 1965),

pp. 311—322; *Бушуев С.К.* Письма виконта Кастильона к Гизо (24 апреля 1844—4 марта 1846). — *Историк-марксист*, 1936, № 5, с. 105-123; 1846. Т. XIV, с. 445-451.

⁸ *Воронцов императору*, с. 384. Ср.: *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 182.

⁹ *Там же*.

¹⁰ *Там же*, с. 382.

¹¹ См.: АКАК. Т. X, с. 468-469.

¹² *Движение*, с. 519—520, 521—522, 525—527; *Дневник Воронцова*, с. 82. См. также: *Движение*, с. 486—488.

¹³ *Там же*, с. 484—485.

¹⁴ Описание поступков Шамиля, противных мусульманскому шариату, которые были замечены Сулейманом-Эфенди во время его нахождения при нем // Сборник газеты «Кавказ», 1847. Т. I, с. 30-35.

¹⁵ *Движение*, с. 561—563.

¹⁶ *Воронцов императору*, с. 385—386; Колониальная политика. Т. II, *passim*; Феодалные отношения в Дагестане XIX — начало XX вв. Архивные материалы. (Под ред. Х.О. Хашаева.) М., 1969, с. 9—10.

468

Примечания

¹⁷ АКАК. Т. X, с. 493-494; *Зиссерман, Отрывки*, 1876, № 12, с. 480-487.

¹⁸ См.: *Rhineland Lawrence Hamilton. The Incorporation of the Caucasus into the Russian Empire: The Case of Georgia, 1801 — 1854.* (Неопубликованная докторская диссертация, Колумбийский университет, 1972.)

¹⁹ *Ржевусский*. Т. VI, с. 427—433, 481—505; *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 175, 182.

²⁰ *Дневник Воронцова*, с. 80—82; *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 193—194; 1846. Т. XV, с. 456-478.

²¹ АКАК. Т. X, с. 471-474; *Движение*, с. 533; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 121 — 133, Castillon to Guizot, 5, 16 January, 9 February, 6 March, 9 April 1847.*

²² *Левый фланг*. Т. XI, с. 349.

²³ *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 211.

²⁴ АКАК. Т. X, с. 471-474; *Левый фланг*. Т. IX, с. 380-420; *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 214.

²⁵ АКАК. Т. X, с. 474.

²⁶ *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 331.

²⁷ АКАК. Т. X, с. 411—412; *Дневник Воронцова*, с. 89—90; *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 334—335; *Архив Бенкендорфа, Воронцов Бенкендорфу*, Воздвиженское, 2 [14] июля, Николай Бенкендорфу, Воздвиженское, 3 [15] июля 1848. В ночь на 1 сентября чеченцы сожгли и мост, и сторожевую башню.

²⁸ См., напр., его письма наибам Малой и Большой Чечни в: *Левый фланг*. Т. X, с. 494. Т. XI, с. 345-346.

²⁹ *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 335.

³⁰ *Архив Бенкендорфа*, Воронцов к Бенкендорфу, Тифлис, 21 марта 1849; *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 344, 345, 348.

³¹ *Там же*, с. 349, 345.

³² *Там же*, с. 340, 344.

³³ *Де-Саже*. Покорение Галашек. Из истории Кавказской войны. — *Военный Сборник*, 1902, № 2, с. 47—54 и Приложение на с. 54—57 (в дальнейшем: *де-Саже*).

³⁴ АКАК. Т. X, с. 486—499; *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 353; *К. Летучий отряд* в 1850 и 1851 годах. — *Кавказский Сборник*. Т. XII, с. 348—358 (в дальнейшем: *Летучий отряд*).

³⁵ АКАК. Т. X, с. 499-501; *Летучий отряд*, с.358-366; *де-Саже*, с.54

³⁶ *де-Саже*, с. 54.

³⁷ АКАК. Т. X, с. 501-502; *Летучий отряд*, с. 366-377.

³⁸ АКАК. Т. X, с. 509-510; *Летучий отряд*, с. 407-412.

³⁹ *Дневник Руновского*, с. 1419.

⁴⁰ Образец такого разрешения см. в: *Движение*, с. 575.

469

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

⁴¹ О событиях 1847 г. в Чечне см.: АКАК. Т. X, с. 471—474; *Движение*, с. 533—534; *Известия с Кавказа // Сборник газеты «Кавказ»*, 1847. Т. I, с. 109-112, 156-158, 180-182. ТЛ1, с. 40-42, 57-58; *Левый фланг*. Т. XI, с. 357. О событиях 1848 г. в Чечне см.: АКАК. Т. X, с. 470-471, 481-482; *Левый фланг*. Т. IX, с. 406-407, 421-443. Т. X, с. 434-435, 444. Т. XI, с. 433-441, 443-446, 449-460.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДАГЕСТАН

¹ Воронцов Бебутову, № 1, с. 105.

² АКАК. Т. X, с. 442-443; *Волконский, 1847, с. 481-489; MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 130—133, Castillon to Guizot, 9 April 184, № 6.* Из некоторых намеков видно, что Воронцов надеялся захватить Гуниб и провести наступление на Аваристан. — *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 152-159, Castillon to Guizot, Paris, 22 September 1847.*

³ *Воронцов Ермолову, № 3, с. 340, 329.*

⁴ *Там же, № 2, с. 207, 202.*

⁵ Например, Воронцов, сообщая Ермолову о своих планах, два раза за два дня писал ему с просьбой «держат их в полной тайне». — *Там же, с. 119—200.*

⁶ *Baddeley, p. 429.*

⁷ *Волконский, 1847, с. 499.*

⁸ *Там же, с. 483.*

⁹ *Там же, с. 513.* Описание кампании основано на следующих источниках: АКАК. Т. X, с. 450—454; *Дневник Воронцова, с. 83—84; Воронцов Ермолову, № 2, с. 207—210; Волконский И.А. Трехлетие на Лезгинской кордонной линии (1847—1849).* — *Кавказский Сборник. Т. IX, Приложения V, VII, с. 4—5 (в дальнейшем: Болконский, Трехлетие); MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 137-140, Castillon to Guizot, 18, 22 June, 17, 5 [sic!] July, №№ 30, 31, 32, 33, ff. 146-147, Lauxerrois to Guizot, 23 August, № 3, ff. 152-159, Castillon to Guizot, Paris, 22 September 1847; Волконский, 1847, с. 512—544 и Приложения I—VI; Известия с Кавказа // Сборник газеты «Кавказ», 1847. Т. I, с. 260—261. Т. II, с. 39—40; Исаков, № 3, с. 328-334; *Baddeley, pp. 428-433; Карахи, с. 158.**

¹⁰ *Волконский, 1847, с. 515.*

¹¹ *Там же, с. 520—521.*

¹² О начале эпидемии и ее ходе см.: *Волконский, 1847, с. 527—529; См. также: Андреевский Э.С. Несколько слов о холере, появившейся на Кавказской линии в 1848 году // Кавказский Календарь, 1849, Отделение III, с. 41—50.*

¹³ *Исаков*, № 3, с. 330.

¹⁴ *Волконский*, 1847, с. 521.

¹⁵ *Baddeley*, p. 432.

¹⁶ *Волконский*, 1847, с. 534, 537.

¹⁷ *Baddeley*, p. 433.

¹⁸ *Волконский*, 1847, с. 543.

¹⁹ *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 207. См. также; АКАК. Т. X, с. 453—

454.

²⁰ *Дневник Воронцова*, с. 83.

²¹ *Исаков*, № 3, с. 328.

²² *Там же*, с. 331—332.

²³ *Там же*, с. 333.

²⁴ *Волконский*, 1847, с. 541.

²⁵ *Там же*, с. 549—550; *Дневник Воронцова*, с. 84; *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 209-210.

²⁶ Описание основано на следующих источниках: АКАК. Т. X, с. 454—468; *Движение*, с. 534—545; *Дневник Воронцова*, с. 84—88; *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 210—212; *Волконский*, *Трехлетие*, Приложения IX, X, с. 7—10, 11 — 12; *Архив Бенкендорфа*, *Николай Бенкендорфу*, Тифлис, 20 октября, *Воронцов Бенкендорфу*, Тифлис, 18/30 декабря 1847; *Известия с Кавказа // Сборник газеты «Кавказ»*, 1847. Т. II, с. 49-51, 56-57, 90—92; *Исаков*, № 4—6, с. 46-62; *Волконский*, 1847, с. 442—666; *Зиссерман*, *Отрывки*, 1876, № 12, с. 494; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 148-151, 160-166, Lauxerrois to Guizot, 30, 31 August, 8, 18 October 1847, №№ 4, 5, 6, 7; PRO, FO/78/751, Brant to Palmerston, Erzeroom, 18, 19 January 1848, №№ 4, 5; Карахи*, с. 158—161; *Гаджи-Али*, с. 36—37.

²⁷ *Волконский*, 1847, с. 551—552.

²⁸ *Там же*, с. 578.

²⁹ *Исаков*, № 4—6, с. 47.

³⁰ *Волконский*, *Трехлетие*, Приложение IX, с. 7.

³¹ *Исаков*, № 4—6, с. 54.

³² *Там же*, с. 50. Биографию Бюрно см.: *Военная Энциклопедия*. Т.V, СПб., 1911, с. 203—204.

³³ *Волконский*, 1847, с. 577.

³⁴ *Исаков*, № 4—6, с. 51.

³⁵ *Дневник Воронцова*, с. 87—88; *Волконский*, 1847, с. 607—608; *Исаков*, № 4-6, с. 50-51.

³⁶ *Волконский, 1847*, с. 607—608; *Карахи*, с. 160.

³⁷ *Там же*, с. 652, 656.

³⁸ *Движение*, с. 545—555; *Волконский Н.А.* Трехлетие в Дагестане. 1848-й год. Взятие Гергебиля и геройская защита укрепления Ахты. — Кавказский Сборник. Т. VII, с. 482—483 (в дальнейшем:

471

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Волконский, 1848); *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 184—185, Lauxerrois to Guizot, 17 December 1847, № 14, CPC, Turquie, Erzeroum, Vol. III, ff. 106—113/Barriere to Guizot, 26 April 1848, № 7.*

³⁹ *Исаков, № 7—9*, с. 11.

⁴⁰ *Волконский, 1848*, с. 485, 487.

⁴¹ Описание основано на следующих источниках: АКАК. Т. X, с. 474—480, 481, 482—484; *Движение*, с. 570—574; *Дневник Воронцова*, с. 90; *Воронцов Ермолову, № 3*, с. 339; *Архив Бенкендорфа, Воронцов Бенкендорфу, Воздвиженское, 2 июля 1848*; *Волконский, 1848*, с. 481—536; *Тотлебен Э.И.* Осада укрепленного селения Гергебиль в Дагестане в 1848 г. — Сборник описаний осад и оборон крепостей и укреплений. Т. I, СПб., 1869, с. 50—73 (в дальнейшем: *Тотлебен*); *Шилдер Н.* Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Т. I. СПб., 1885, с. 25—44 (в дальнейшем: *Шилдер*); *Исаков, № 7-9*, с. 12-22; *MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, ff. 212, 217-218, Lauxerrois to Guizot, 26 July, 2 November 1848, №№ 28, 29; PRO, FO/78/792, Brant to Palmerston, Erzeroum, 16 January 1849; Карахи*, с. 161-162.

⁴² *Исаков, № 7—9*, с. 13.

⁴³ *Там же*, с. 14; *Тотлебен*, с. 57; *Шилдер*, с. 30; *Волконский, 1848*, с. 498, 502-503, 504.

⁴⁴ *Шилдер*, с. 33-34.

⁴⁵ *Там же*, с. 33.34.

⁴⁶ *Волконский, 1848*, с. 509—515; *Исаков, № 7—9*, с. 13—14; *Шилдер*, с. 36.

⁴⁷ *Исаков, №№ 7-9*, с. 15.

⁴⁸ *Шилдер*, с. 36.

⁴⁹ *Волконский, 1848*, с. 518.

⁵⁰ *Исаков, №№ 7—9*, с. 15.

⁵¹ *Волконский, 1848*, с. 518.

⁵² *Исаков*, №№ 7-9, с. 15.

⁵³ *Там же*.

⁵⁴ *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 340—341, 344, 349; *Волконский Н.А.* Трехлетие в Дагестане. 1849-й год. Осада укрепления Чох. — Кавказский Сборник. Т. VIII, с. 252—257 (в дальнейшем: *Волконский, 1849*).

⁵⁵ *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 341. Исходя именно из этих соображений, Воронцов не разрешил в предыдущем году препятствовать торговле Цугура с Грузией и округом Чарталаха // *Волконский, 1849*, с. 252-253, 256-257.

⁵⁶ Описание основано на следующих источниках: АКАК. Т. X, с. 494—495; *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 353; Коцебу Чилиеву, в:

472

Примечания

Модзалевский, с. 166; *Тотлебен Э.И.* Осада и бомбардирование укрепления Чох в Дагестане в 1849 г. — Сборник описаний осад и оборон крепостей и укреплений. Т. I, СПб., 1869, с. 107—125 (в дальнейшем: *Тотлебен, 1849*. Это сообщение Тотлебен написал сразу же по окончании штурма); *Волконский, 1849*, с. 250—295; *Шилдер*, с. 63—76; *Зиссерман, Отрывки*, 1877, № 2, с. 565; *Трубецкой Н.С.* Осада аула Чох // *Русский военно-исторический вестник*, № 6, Париж, 1950, с. 9—12; *Карахи*, с. 169—174; *Гаджи-Али*, с. 38—39.

⁵⁷ *Волконский, 1849*, с. 261.

⁵⁸ *Тотлебен, 1849*, с. 108. В донесении того дня о потерях значились 17 убитых и 57 раненых.

⁵⁹ *Там же*, с. 109—110.

⁶⁰ *Волконский, 1849*, с. 268.

⁶¹ *Тотлебен, 1849*, с. ПО.

⁶² АКАК. Т. X, с. 494-495.

⁶³ *Волконский, 1849*, с. 242.

⁶⁴ См.: *Кундух*, 1936, № 3, с. 17-18, № 4, с. 20.

⁶⁵ *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 210.

⁶⁶ *Архив Бенкендорфа*, Воронцов Бенкендорфу, Тифлис, 18/30 декабря 1847.

⁶⁷ *Волконский, 1848*, с. 536.

⁶⁸ АКАК. Т. X, с. 479-480, 481; *Волконский, 1848*, с. 536-538; *Воронцов Ермолову, № 3*, с. 340.

⁶⁹ См.: *Зиссерман, Отрывки, 1876, № 4*, с. 426—427.

⁷⁰ *Воронцов Ермолову, № 3*, с. 340; АКАК. Т. X, с. 491-493.

⁷¹ *Воронцов Ермолову, № 3*, с. 341.

⁷² Там же.

⁷³ АКАК. Т. X, с. 493, 495—496; *Ржевусский. Т. VI*, с. 2—3, Приложение АН.

⁷⁴ *Волконский, 1849*, с. 241, 242.

⁷⁵ *Юров, 1840-1842. Т. X*, с. 267.

Глава девятнадцатая

НА ЮГЕ

¹ АКАК. Т. X, с. 468; *Шамиль, с. 283*; *Известия с Кавказа // Сборник газеты «Кавказ», 1847. Т. I*, с. 27—28; *Волконский, 1847*, с. 492—504.

² Там же, с. 496. Командиры на местах воспринимали это серьезно, но Воронцов чаще не обращал на них внимания, подозревая за этими сигналами скрытые намерения своих подчиненных. — См.: *Воронцов Ермолову, № 2*, с. 185, 205.

473

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

³ *Добровольский-Евдокимов. Экспедиция 1850-го года на Лезгинской линии // Кавказский Сборник. Т. VII*, с. 618 (в дальнейшем: *Добровольский, 1850*).

⁴ О его приходе к власти см.: Колониальная политика российского царизма в Азербайджане (Под ред. Н. Г. Богдановой и И.М.Прятыкина.) М.;Л., 1936 (в дальнейшем: *Колониальная политика*). Т. I, с. 67-69.

⁵ Описание его владений см.: *Линевич И.П.* Бывшее Элисуйское Султанство (с картой). — *Сборник сведений о кавказских горах. Т. VII*, 54 с.

⁶ *Дневник Руновского*, с. 1481 — 1482.

⁷ См.: *Колониальная политика. Т. I*, с. 69—70.

⁸ Там же, с. 70—75. К тому же по жалобе Даньяла царю было заведено дело (см. там же, с. 75—79), о чем он не мог не знать.

⁹ АКАК. Т. IX, с. XXX.

¹⁰ Добровольский, 1850, с. 618—619, Дондуков-Корсаков. Т. VI, с. 46—47; Петрушевский И.П. Джаро-Белаканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис, 1934, с. 115; Зиссерман, Отрывки, 1876, с. 84-86, 1877, № 2, с. 545-549.

¹¹ Baddeley, p. 384.

¹² Описание основано на следующих источниках: АКАК. Т. IX, с. 729—732, 734—741, 865-867; Движение, с. 478—480; Колониальная политика. Т. I, с. 80—81; Шамиль, с. 232—234; Юров, 1844, с. 310—339; Ржевусский. Т. VI, с. 262—263, 266—267.

¹³ Текст в: АКАК. Т. IX, с. 730.

¹⁴ Ржевусский. Т. VI, с. 262-263.

¹⁵ Дневник Руновского, с. 1451.

¹⁶ АКАК. Т. X, с. 347-348; Колониальная политика. Т. I, с. 81-83; Ржевусский. Т. VI, с. 267-270. Т. VII, с. 394.

¹⁷ Baddeley, p. 384.

¹⁸ Дневник Руновского, с. 1444—1445.

¹⁹ Волконский, Трехлетие, с. 157.

²⁰ Там же, с. 161.

²¹ Добровольский, 1850, с. 619; Зиссерман, Отрывки, 1877, № 2, с. 531.

²² Волконский, Трехлетие, с. 168—169.

²³ Описание основано на следующих источниках: АКАК. Т. X, с. 352—353, 445—450; Волконский, Трехлетие, с. 174—216 и Приложение VI; Волконский, 1847, с. 504—512; MRE, CPC, Russie, Tiflis, Vol. II, f. 136, Castillon to Guizot, 6 June 1847, № 29; Добровольский, Экспедиция, с. 621; Зиссерман, Отрывки, 1877, № 2, с. 531.

²⁴ Волконский, Трехлетие, с. 187—188.

²⁵ Цит. по: Волконский, Трехлетие, с. 204.

²⁶ Там же, с. 509.

²⁷ Волконский, 1847, с. 509—510; он же, Трехлетие, с. 211.

²⁸ Обращение Даньяла к рутулскому обществу, см.: Там же, Приложение VI.

²⁹ Описание основано на следующих источниках: Известия с Кавказа // Сборник газеты «Кавказ», 1847. Т. II, с. 40; Волконский, 1847, с. 552—553; Волконский, Трехлетие, с. 219—245 и Приложение XII. — «Список самых серьезных нападений горцев и перестрелок с ними на Линии и на равнине в 1847 году».

³⁰ АКАК. Т. X, с. 468.

³¹ Там же, с. 469—470; Волконский, 1847, с. 667—682.

³² Описание основано на следующих источниках: Брюммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский Сборник. Т. XIX, с. 371-427; АКАК. Т. X, с. 490-493; Движение, с. 578; Защита укрепления Ахты в 1848 году. — Чтение для солдат, 1860, Книга 3, с. 13—42; Дневник Воронцова, с. 92; Воронцов Ермолову, № 3, с. 340—344; Добровольский-Евдокимов. Из кавказской жизни. 1848-й год в Дагестане // Кавказский Сборник. Т. VI, с. 683—727 (в дальнейшем: Добровольский, 1848), Редколлегия КС замечает (на с. 683), что, «хотя на рукописи стоит пометка о предназначении ее для Военного Сборника, она еще не была опубликована». Все же профессионально подготовленный текст статьи появился в Русском Вестнике № 7, с. 35—76, за подписью «Кавказец». Здесь приводится первоначальный вариант, который ближе к рукописному материалу. Исаков, № 10—12, с. 13—32; Новоселов С. Рассказ об осаде укрепления Ахты // Художественный Листок, 20 мая [1], 20 июня [2 июля] 1851, №№ 15, 18; Волконский, 1848, с. 542—612; Волконский, Трехлетие, с. 283—299; Шилдер, с. 46—58; Карахи, с. 162—169; Гаджи-Али, с. 37—38.

³³ Волконский, 1848, с. 550—551.

³⁴ Движение, с. 578. Факт перехода населения па сторону горцев подтверждает как Карахи (с. 162), так и русские источники.

³⁵ Добровольский, 1848, с. 703.

³⁶ Волконский, 1848, с. 558.

³⁷ Воронцов Ермолову, № 3, с. 343.

³⁸ Добровольский, 1850, с. 621.

³⁹ Волконский, Трехлетие, с. 294.

⁴⁰ Волконский, 1848, с. 609.

⁴¹ Там же, с. 556—557.

⁴² Добровольский, 1848, с. 688.

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

⁴³ Исаков, № 10—12, с. 16, 17.

⁴⁴ Добровольский, 1848, с. 694.

⁴⁵ Исаков, № 10-12, с. 17; Шилдер, с. 53.

⁴⁶ Там же, с. 57; Добровольский, 1848, с. 707, 719—720, 722—723.

⁴⁷ Воронцов Ермолову, № 3, с. 343—344.

⁴⁸ Шилдер, с. 52.

⁴⁹ Добровольский, 1848, с. 702—703. О поведении местной милиции в Мескиндже см.: Исаков, № 10—12, с. 19—20.

⁵⁰ Выражение Воронцова «решительный маневр» при описании действий Аргутинского вовсе не соответствует тому, что на самом деле происходило // АКАК. Т. X, с. 491—493. Аргутинский не только промешкал в походе на помощь крепости, но и не сумел отрезать Шамилю пути отхода после сражения у Мескин-джи // Добровольский, 1848, с. 725—727.

⁵¹ Волконский, Трехлетие, с. 564.

⁵² Там же, с. 172.

⁵³ Воронцов Ермолову, № 3, с. 341; Волконский, Трехлетие, с. 292; Волконский, 1848, с. 555, 559, 609; АКАК. Т. X, с. 490-491; Дневник Воронцова, с. 92; Военная Энциклопедия. Т. V. СПб., 1911, с. 204.

⁵⁴ Волконский, Трехлетие, с. 265.

⁵⁵ О событиях этого года на Лезгинской линии см.: АКАК. Т. X, с. 480-481; Движение, с. 566-570, 574-575, 583-585; Шамиль, с. 285, 288—289, 290—295, 296—308; Волконский, Трехлетие, с. 255—304 и Приложение XIII.

⁵⁶ Подробности см: АКАК. Т. IX, с. XXX-XXXI; Толстой В. Из воспоминаний о Грузии (1847). Дело генерала Шварца // Русский Архив, 1877, № 5, с. 37—41; Зиссерман, Отрывки, 1876: № 12, с. 500-501, 1877, № 1, с. 163-164.

⁵⁷ Волконский, Трехлетие, с. 307, 315—316.

⁵⁸ Шамиль, с. 308—309; Волконский, Трехлетие, с. 307—324.

⁵⁹ Подробное описание событий по донесению Чиляева см.: *Волконский, Трехлетие*, с. 325—335. В этой версии указывается 16 убитых и 59 раненых.

⁶⁰ О событиях второй половины 1849 г. на Лезгинской линии см.: *Волконский, Трехлетие*, с. 335—364.

⁶¹ См.: *Движение*, с. 594—597; *Шамиль*, с. 314—315, 317—322; *Добровольский*, 1850, с. 622—724; *А.З. Десять лет на Кавказе // Современник*, 1854, № 11, с. 19—20 (в дальнейшем: 10 лет); *Зиссерман, Отрывки*, 1877, № 3, с. 85-87, 89-90.

⁶² См.: *Добровольский, 1850*, с. 623—624, 646—647; *Дневник Воронцова*, с. 104; *Зиссерман, Отрывки*, 1877, № 3, с. 9.

⁶³ Язвительное описание этого см.: *Добровольский, 1850*, с. 624—643. См. также: *Зиссерман, Отрывки*, 1877, № 3, с. 94—113, 126—135.

476

Примечания

Официальная версия события дана в: *Движение*, с. 597—598; *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 361; *10 лет*, с. 19—23.

⁶⁴ *Движение*, с. 598—601; *Добровольский, 1850*, с. 643—646.

⁶⁵ О его биографии см.: АКАК. Т. X, с. XXVIII. Т. XI, с. X.

Глава двадцатая

БОЛЬШАЯ ЧЕЧНЯ

¹ *Воронцов Ермолову*, № 2, с. 162. См. также: *Андреевский*, с. 50—51.

² *Волконский, Трехлетие*, Приложение VII.

³ *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 336.

⁴ *Там же*.

⁵ *Дневник Воронцова*, с. 94.

⁶ См., напр.: *Добровольский, 1850*, с. 641.

⁷ См.: АКАК. Т. X, с. 502—505; *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 353, 354; Wl Georges [Властов Георгий]. *Ombres du Passe. Souvenirs d'un Officier du Caucase*. Paris, 1899, pp. 47, 67, 74—90 (в дальнейшем: *Ombres du Passe*), *Карахи*, с. 175.

⁸ *Летучий отряд*, с. 388—389.

⁹ Нестеров лишился рассудка в марте 1850 г. Его привезли в Тифлис, там его лечил врач Воронцова. Поправившись, он летом вернулся к своей службе, но в апреле 1851 г. у него случился рецидив. Его освободили от службы и отправили в Москву. См.: АКАК. Т. X, с. XXVII; *Дневник Воронцова*, с. 96—98, 105—106; *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 354, 362; *Дондуков-Корсаков*. Т. V, с. 203-204.

¹⁰ Кавказскому корпусу было не до масштабных сражений, он занимался приготовлениями и парадной муштрой к приезду цесаревича Александра (*Летучий отряд*, с. 385). О поездке Александра см.: *Ольшевский М.Я.* Цесаревич Александр Николаевич на Кавказе с 12 сентября по 28 октября 1850 г. // *Русская Старина*, 1884, № 9, с. 576—588; *Дневник Воронцова*, с. 98, 100—104, 105; *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 359—360, 362—365; *Зиссерман, Отрывки*, 1877, № 6, с. 507-516.

¹¹ *Летучий отряд*, с. 374—377. О поездке наместника см.: *Дневник Воронцова*, с. 98.

¹² *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 360; *Летучий отряд*, с. 382—387.

¹³ *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 360—361; *Дневник Воронцова*, с. 99; АКАК. Т. X, с. 506-509; *Летучий отряд*, с. 387-407.

¹⁴ *Там же*, с. 387.

¹⁵ *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 361; *Летучий отряд*, с. 404—405.

¹⁶ *Дневник Воронцова*, с. 98.

477

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

¹⁷ *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 442—443; *Дневник Воронцова*, с. 105—106; *Дневник Руновского*, с. 1450; *Ombres du Passe*, с. 113—125; К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году // *Кавказский Сборник*. Т. XIX, с. 16. Т. XXI, с. 28—29 (в дальнейшем: *Обзор событий* и том *Кавказского Сборника*); *Карахи*, с. 176—177.

¹⁸ *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 442—443; *Летучий отряд*, с. 421—424.

¹⁹ *Там же*, с. 424; [Слепцов Н.П.] Письма Н.П. Слепцова к князю Барятинскому. 1851 // *Русский Архив*, 1892, № 2, с. 263—267.

²⁰ О действиях Хаджи-Мурата и ответных действиях русских см.: *Летучий отряд*, с. 424—427, 471—473, Приложение II; *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 442—443; *Обзор событий*. Т. XXI, с. 23—24.

²¹ Единственное опубликованное описание см. в: *Ombres du Passe*, с. 122-125.

²² *Дневник Руновского*, с. 1450.

²³ *Дневник Воронцова*, с. 105.

²⁴ АКАК. Т. X, с. 511-519, 523-524; *Обзор событий*. Т. XIX, с. 17-37. Т. XXI, с. 22—51; *Летучий отряд*, с. 415—421, 428—451; *Ольшевский М.Я. Князь Александр Иванович Барятинский на Левом фланге Кавказской линии, 1851 — 1853. // Русская Старина, 1897, № 7, с. 424—426 (в дальнейшем: Ольшевский. Барятинский и № Русской Старины).*

²⁵ *Обзор событий*. Т. XXI, с. 21.

²⁶ *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 364; *Дневник Руновского*, с. 1450. Этот переход, однако, не был полным. Временами горцы продолжали воевать «обычным порядком», как 19 февраля 1852 г. (К. Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне.// *Кавказский Сборник*. Т. XIII, с. 558 (в дальнейшем: *Зимняя экспедиция*).

²⁷ Левый фланг. Т. XI, с. 433. В некоторых случаях основанием для рейда в горы была простая поездка в соседний гарнизон (*Там же*, с. 433-439).

²⁸ См.: АКАК. Т. X, с. 510-511; *Обзор событий*. Т. XVIII, с. 132-144.

²⁹ АКАК. Т. X, с. 517-518; *Обзор событий*. Т. XVIII, с. 144-155; *Карахи*, с. 177; *Гаджи-Али*, с. 40—41.

³⁰ *Движение*, с. 603—604; *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 443, 444, 446; *Дневник Воронцова*, с. 107; *Обзор событий*. Т. XVIII, с. 155—179; Солтан В. Очерк военных действий в Дагестане в 1852 и 1853 гг. // *Кавказский Сборник*. Т. IX, с. 478 (в дальнейшем: *Солтан*, 1852—1853); *Зиссерман, Отрывки*, 1877, № 6, с. 554—558, 1878, № 2, с. 540-563; *Карахи*, с. 177—178; *Гаджи-Али*, с. 41.

³¹ АКАК. Т. X, с. 544-545; 10 лет, с. 35, 39-40; *Солтан*, 1852-1853, 486-494.

³² *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 456—457.

³³ *Обзор событий*. Т. XVIII, с. 182—183. См.: *Гамзатов*, с. 304-305 Об

³⁴ АКАК. Т. X, с. 519-523, 524-530, 538-540; *Дневник Воронцова*, с. 108—110; *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 447, 454; Кн. М.С. Воронцов и Н.Н. Муравьев в письмах к М.Т. Лорис-Меликову, 1852—1856 гг. // *Русская Старина*, 1884, № 9, с. 589—592; *Андреевский*, с. 46—47; *Зиссерман А.* Хаджи-Мурат. Письма о нем кн. М.С. Воронцова и рассказы кавказцев, 1851 —1852 гг. // *Русская Старина*, 1881, № 3, с. 655-680; *он же*, *Отрывки*, 1877, № 6, с. 518-519, 1878, № 2, с. 574-581; *Обзор событий*. Т. XVIII, ее. 184-188. Т. XXI, с. 43-44; *Потто В.* Хаджи-Мурат (Биографический очерк) // *Военный Сборник*, 1870, № 11, с. 159—187; *10 лет*, с. 28—32; *Толстой.* Хаджи-Мурат; *Карахи*, с. 178—179; *Шульгин С.Н.* Предание о шамилевском наибе Хаджи-Мурате // *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Т. XL, часть I, с. 54—70; *Тах-Геди А.* Предания о Хаджи-Мурате // *Дагестанский Сборник*. Т. III, с. 7—49; *Квинтад-зе Г.* Хаджи-Мурат // *Кавказ*, Париж, 1934, № 7, с. 8-12; *ННСА*, РА. X. 34/Konv. VIII Lebzelder (?) to Schwarzenberg, St. Petersburg, 3 January 1852/22 December 1851, № 2, РА. X. 34/Konv. IX, ? to Vuol-Schanenstein, St. Petersburg, 29/17 May ^ 1852, № 7. Надгробную надпись на могиле Хаджи-Мурата в Кыпчаке см.: *Эпиграфические памятники*, с. 100, надпись № 647. См. также: *Гамзатов*, с. 370—372.

³⁵ *Ольшевский. Бяратинский*, № 6, с. 318; *Зимняя экспедиция*, с. 483—484 и Приложение на с. 613—616; *Левый фланг*. Т. XI, с. 317; *Волконский Н.А.* Погром Чечни в 1852 году // *Кавказский Сборник*. Т. V, с. 23—25 (в дальнейшем: *Волконский, Погром*).

³⁶ *Обзор событий*. Т. XVIII, с. 183-184; *Солтан*, 1852-1853, с. 478.

³⁷ АКАК. Т. X, с. 536; *Солтан*, 1852-1853, с. 478-486; *Андреевский*, с. 39; *Карахи*, с. 180—181.

³⁸ Об этом и о последовавших событиях см.: АКАК. Т. X, с. 525; *Обзор событий*. Т. XIX, с. 38—39. Т. XXI, с. 47—49; *Летуний отряд*, с. 451—469; *Ахшамуров П.* Смерть Слепцова. Кавказская быль // *Русский Вестник*, 1888, № 10, с. 52—74.

³⁹ *Волконский, Погром*, с. 20. См. также: *Андреевский*, с. 213.

⁴⁰ АКАК. Т. X, с. 530—537; *Движение*, с. 605—610; *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 448—449; *Ombres du Passe*, с. 132—142; *Волконский, Погром*, с. 8—142; *Зимняя экспедиция*, с. 452—612; *Ольшевский, Бяратинский*, № 6, с. 317—332.

⁴¹ *Волконский, Погром*, с. 8.

⁴² *Зимняя экспедиция*, с. 442—454.

⁴³ *Там же*, с. 491; *Волконский*, Погром, с. 53.

⁴⁴ *Зимняя экспедиция*, с. 478. «У князя Барятинского в окружении главнокомандующего [Воронцова] было немало врагов, поэтому молодой, но осторожный генерал в письме наместнику не

479

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

упомянул о поражении на Гойте. Он рассказал об этом при разговоре наедине в Тифлисе поел*, окончания похода». — *Там же*, с. 524.

⁴⁵ *Там же*, с. 533.

⁴⁶ *Там же*, с. 550.

⁴⁷ *Там же*, с. 587—588.

⁴⁸ *Там же*, с. 576, 578, 580, 579, 601.

⁴⁹ Бакланов вел рубку леса вдоль р. Мичик, целью которой, в частности, было отвлечение окрестных горских обществ от действий против Барятинского. — *Там же*, с. 593—594, 608.

⁵⁰ *Волконский*, Погром, с. 132.

⁵¹ АКАК. Т. X, с. 437-438, 540-544, 545; *Движение*, с. 611-614, 615-619; *Дневник Воронцова*, с. ПО, 111; *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 453, 458—459; *Ombres du Passe*, с. 127—130, 142—143, 160—164; *Волконский*, Погром, с. 144—228; *Ольшевский. Барятинский*, № 7, с. 426-436.

⁵² *Волконский*, Погром, с. 166.

⁵³ *Там же*, с. 204. О сложности действий в этом труднопроходимом районе см.: *Baddeley. Rugged Flanks*, Vol. I, pp. 84—85.

⁵⁴ *Волконский*, Погром, с. 172.

⁵⁵ В *Ombres du Passe* (с. 127—129) сообщается, что эти действия произошли на год раньше, они называются первой операцией Барятинского после его назначения командиром Левого фланга.

⁵⁶ *Волконский*, Погром, с. 192.

⁵⁷ О зимней кампании см.: АКАК. Т. X, с. 545—547, 549-551; *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 460—461; *Егоров М.* Действия наших войск в Чечне с конца 1852 года по 1854 год. — *Кавказский Сборник*. Т. XVI, с. 352—404 (в дальнейшем: *Егоров*); *Ombres du*

Passe, с. 172—181; Волконский, Погром, с. 229—234; Крачковский И.Ю., Генко А.Н. Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии. — Советское востоковедение, Т. III, с. 41—42 (в дальнейшем: Крачковский, Генко).

⁵⁸ Егоров, с. 377.

⁵⁹ Воронцов Ермолову, № 4, с. 461.

⁶⁰ Об этих планах см.: Егоров, с. 358—361.

Глава двадцать первая

ГОСУДАРСТВО ШАМИЛЯ

¹ АКАК. Т. VIII, с. 543—544; Война. Т. XIV, с. 103. О назначении Умалат-бека новым шамхалом и о назначении Омар-бека усмием см.: Война. Т. XIII, с. 307. Эти случаи — исключение из правил Шамиля назначать наибами представителей правящего дома.

² Описание основано на следующих источниках: АКАК. Т. X, с. 525—530, Донесение Лорис-Меликова о допросе Хаджи-Мура-та (в дальнейшем: *Хаджи-Мурат*); *Движение*, с. 357—359, Нейдгардт Чернышеву (в дальнейшем: *Нейдгардт, 1842*); *Там же*, с. 381—386, Клюгенау Нейдгардту (в дальнейшем: *Клюгенау*); *Движение*, с. 401—408, Нейдгардт Чернышеву (в дальнейшем: *Нейдгардт, 1843*); *Там же*, с. 412—423, Выдержки из донесения лейтенанта (?) Орбелиани, бывшего в плену у Шамиля в 1842 (в дальнейшем: *Орбелиани*); *Там же*, с. 492—497, «Выдержки из военного дневника Бебутова» (в дальнейшем: *Бебутов*); *Дневник Руновского*, *passim*; Низам Шамиля (Материал для истории Дагестана) // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. II, 18 с. (в дальнейшем: *Низам*); *Шарафутдинова Р.Ш.* Еще один 'низам' Шамиля // Письменные памятники Востока, 1975, с. 168—171, 331 (в дальнейшем: *Еще один низам*); *Юров*, 1843, с. 42—48; *Юров*, 1844, с. 215—217; Шамиль и Чечня // Военный Сборник, 1859, № 9, с. 121—164; *Бушуев С.К.* Государственная система имамата Шамиля // Историк-марксист, 1937, № 5—6 (63-64), с. 77—104 (в дальнейшем: *Бушуев*); *Покровский Н.* Мюридизм у власти («Теократическая держава» Шамиля). — *Там же*, 1934, № 2 (36), с. 30—75 (в дальнейшем: *Покровский*).

³ *Движение*, с. 619—620; *Шарафутдинова Р.Ш.* Арабские письма Шамиля из архива Б.А. Дорна // Письменные памятники Востока, 1970, с. 209 (в дальнейшем: *Шарафутдинова, Письма*).

⁴ См.: *Движение*, с. 449, 502, 510, 532, 545, 558-559, 585, 588-591, 601, 604, 621, 625, 652-653, 658, 667, 672.

⁵ По словам самого Шамиля, диван был создан, когда он был тяжело болен и мог умереть. — *Дневник Руновского*, с. 1417.

⁶ См.: *Шарафутдинова, Письма*, с. 209—210.

⁷ См.: *Движение*, с. 492, 527, 598, 610; *Шарафутдинова, Письма*, с. 214; *Крачковский, Генко*, с. 38, 40—41.

⁸ *Карахи*, с. 126; *Линевич.* Карта горских народов, подвластных Шамилю // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. VI, с. 4 (отдельная пагинация) и 2 карты (арабский оригинал и русский перевод).

⁹ См.: *Шарафутдинова, Письма.* Письмо № III.

¹⁰ *Движение*, с. 628.

¹¹ *Клюгенау*, с. 383.

¹² *Низам*, с. 10.

¹³ *Хутба* — пятничная проповедь во время полуденного богослужения, произносимая правителем или от его имени — один из двух главных признаков исламского суверенитета; второй — чеканка денег.

¹⁴ *Низам*, с. 11.

481

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

¹⁵ См.: *Движение*, с. 499—501.

¹⁶ Согласно Бушуеву (с. 88), *муфтий* назначался *наибом*.

¹⁷ См.: *Низам*, с. 11, где муфтию запрещается в хутбе прямо или косвенно нападать на *наиба*.

¹⁸ *Дневник Руновского*, с. 1398, 1399, 1521 — 1522.

¹⁹ Тем не менее в числе *наиб-мюридов* были также суфии.

²⁰ *Дневник Руновского*, с. 1474.

²¹ *Там же*.

²² Согласно тому же источнику, *муртазики* были только в Чечне. Но это противоречит всем остальным источникам.

²³ Утверждение Курша (Osada Twiardzy Achulgo, p. 18), что это было заведено уже в 30-е годы, другими источниками не подтверждается.

²⁴ *Дневник Руновского*, с. 1450.

²⁵ *Левый фланг*. Т. XI, с. 309.

²⁶ *Шамиль*, с. 227—228; *Дневник Руновского*, с. 1398—1400, 1521; *Карахи*, с. 175; *Волконский*, 1859, с. 365; *Орбелиани*, с. 416.

²⁷ См., напр.: *Дзержинский*, № 10, с. 46. Горцы в больших количествах использовали трофейное русское оружие, включая ружья, которые они заряжали большим количеством пороха, нежели допускалось русскими инструкциями, и поэтому увеличивали дальность стрельбы. — *Волконский*, 1857. Т. 1, с. 404.

²⁸ *Шамиль*, с. 227—228; *Дзержинский*, № 10, с. 45—46.

²⁹ *Орбелиани*, с. 416.

³⁰ Об их производстве и реакции русских на это см.: *Шамиль*, с. 227—228; *Дневник Руновского*, с. 1399, 1400; *Карахи*, с. 111 — 112;

Baddeley, *Rugged Flanks*, Vol. II, p. 35; *Болконский*, 1847 с. 548-549

Волконский, 1858, с. 571; *Волконский*, 1859, с. 365.

³¹ *Поход*, с. 14-15.

³² *Ржевусский*. Т. VI, с. 448. О подарке двух пушек народу Телетля (то есть Кибид Мухаммеду) за его упорство и стойкость в сражении см.: *Ржевусский*. Т. VI, с. 448.

³³ *Волконский, 1849*, с. 145.

³⁴ См., напр.: *Движение*, с. 341—342; *Клюгенау*, с. 383—384; *Бушуев*, с. 97-98.

³⁵ *Клюгенау*, с. 384; *Низам*, с. 8—10, 12—13.

³⁶ О существовании казначейства уже при Гази Магомедде см.: *Карахи*, с. 19.

³⁷ Точные проценты налогов или их суммы установить сложно, они в разных источниках сильно отличаются. См., напр.: *Орбелиани*, с. 415-416; *Бушуев*, с. 99—100.

³⁸ *Гаджи-Али*, с. 74.

³⁹ *Дневник Руновского*, с. 1398, 1399.

⁴⁰ См., напр.: *Клюгенау*, с. 384; *Ржевусский*. Т. VI, с. 409.

482

Примечания

⁴¹ Именно из пленниц, захваченных Ахбирди Мухаммедом во время набега на Моздок в 1840 г., была самая любимая жена Шамиля армянка Шуавана [Шуанет]. См.: *Гамзатов*, с. 375—379.

⁴² *Гаджи-Али*, с. 75.

⁴³ *Клюгенау*, с. 384.

⁴⁴ *Руновский А.* Кодекс Шамиля. — Военный Сборник, 1862, № 2, с. 373 (в дальнейшем: *Руновский. Кодекс*}; *Шамиль*, с. 200—201, 214, 234—235, 285, 288; *Зиссерман, Отрывки*, 1876, № 4, с. 445. Такой же налог платили также несколько кумыкских и других деревень (*Юров, 1840-1842*. Т. XI, с. 188-189).

⁴⁵ См., напр.: *Руновский. Кодекс*, с. 368, 377—378.

⁴⁶ Вывод Бушуева (с. 100), что «денежные поступления шли в казну Шамиля, а сборы натурой оставались в распоряжении наибов и расходовались по указанию имама», представляется слишком упрощенным.

⁴⁷ *Руновский. Кодекс*, с. 331, 370.

⁴⁸ Шульгин С. Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. XXXII, с. 11; *Руновский. Кодекс*, с. 374—376.

⁴⁹ Там же, с. 368, 377—378. Между прочим, Шамиль, как правило, не отпускал людей совершать хаджж, потому что обстановка была неблагоприятной. См.: *Движение*, с. 653. Пятая часть, предназначенная для этого, шла на другие нужды.

⁵⁰ См., напр.: *Низам*, с. 14.

⁵¹ *Руновский. Кодекс*, с. 368.

⁵² См., напр.: *Движение*, с. 498, 604, 626.

⁵³ Там же, с. 498.

⁵⁴ Побочным эффектом этого запрета был инструмент опознания противозаконных контактов с русскими, поскольку запах табака или алкоголя выдавал человека, ходившего на территорию, занятую русскими. — См.: 1852, с. 438. Прим. 7.

⁵⁵ Еще один низам, с. 169; *Руновский. Кодекс*, с. 369—370.

⁵⁶ См., напр.: *Руновский А. Канлы // Военный Сборник*, 1860, № 7, с. 199—216. Статья составлена на основании дневниковых записей бесед с Шамилем членами его семьи и приближенными.

⁵⁷ *Низам*, с. 14.

⁵⁸ Там же, с. 169; *Нейдгардт*, 1843, с. 403.

⁵⁹ *Дневник Руновского*, с. 1459—1460.

⁶⁰ *Низам*, с. 2—3; *Еще один низам*, с. 169; *Бушуев*, с. 92—94.

⁶¹ *Движение*, с. 494-495, 499-501, 531-532, 560, 601-602, 619-620; *Нейдгардт*, 1843, с. 404; *Карахи*, с. 117.

⁶² *Нейдгардт*, 1843, с. 404.

⁶³ *Еще один низам*, с. 169, а также: *Движение*, с. 575.

⁶⁴ *Еще один низам*, с. 169.

483

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

⁶⁵ *Низам*, с. 14.

⁶⁶ *Руновский. Кодекс*, с. 378—380. В этой статье собраны все сведения о законотворческой деятельности Шамиля из дневника Руновского. См. также: *Движение*, с. 385.

⁶⁷ *Карахи*, с. 117.

⁶⁸ *Руновский. Кодекс*, с. 344—354; *Движение*, с. 619.

⁶⁹ *Руновский. Кодекс*, с. 342—344.

⁷⁰ Там же, с. 338-339.

⁷¹ Там же, с. 384.

⁷² Там же, с. 384-385.

⁷³ *Церетели Г.В.* Вновь найденные письма Шамиля. — Труды первой сессии арабистов. М.;Л., 1937, с. 104 (в дальнейшем: *Церетели*); *Загорский*, с. 231—238.

⁷⁴ *Руновский. Кодекс*, с. 385.

⁷⁵ Там же, с. 384; Еще один низам, с. 169.

⁷⁶ *Руновский. Кодекс*, с. 345—349.

⁷⁷ См., напр.: *Шарафутдинова, Письма*, с. 216.

⁷⁸ См., напр.: Шамиль и Чечня // Военный Сборник, 1859, № 10, с. 142.

⁷⁹ *Дневник Руновского*, с. 1398.

⁸⁰ См., напр.: *Нейдгардт*, 1843, с. 403; *Орбелиани*, с. 414.

Глава двадцать вторая

ВЛАСТЕЛИН И ПОДВЛАСТНЫЕ

¹ *Карахи*, с. 63.

² В начале 40-х годов Хаджи-Ташо был смещен и поэтому просил Шамиля в письме вернуть ему пост — текст письма см.: *Шарафутдинова, Письма*, с. 87—88. Он был восстановлен на посту, но через некоторое время его имя из документов исчезло. См. также: *Покровский*, с. 70.

³ *Дневник Руновского*, с. 1401, 1452—1453.

⁴ *Руновский, Кодекс*, с. 353. См. также: *Загорский*, с. 243. Как сказался этот развод на репутации Шамиля среди чеченцев, вопрос другой.

⁵ Напр.: *Движение*, с. 601—602.

⁶ Например, ласковое обхождение с шугурским кадием Мухаммедом превратило кадия в ревностного сторонника Шамиля. — *Юров, 1844*, с. 272. См. также: *Ржевусский*. Т. VI, с. 404.

⁷ Там же, с. 404. Об особом отношении халидийцев к потомкам пророка см.: *Абу Менех*, с. 16.

⁸ См. его речь в передаче Орбелиани (с. 419).

⁹ См.: *Нейдгардт*, 1843, с. 403.

Примечания

¹⁰ *Загорский*, с. 241, 243-244.

¹¹ См., например, его речь в изложении Орбелиани (с. 419—420). См. также: *Волконский, Трехлетие*, с. 169—170; *Движение*, с. 589, 575—578; 602-603; *Юров, 1840-1842*. Т. XII, с. 220-223; *Шамиль*, с. 312-313.

¹² *Дневник Руновского*, с. 1410—1412, 1414, 1424.

¹³ *Там же*, с. 1402; *Орбелиани*, с. 413; *Румянцев*, с. 83—87.

¹⁴ *Дневник Руновского*, с. 1402, 1405—1407. Обмороки, случавшиеся у Шамиля, Руновский расценивал как симптом каталепсии. — с. 1407.

¹⁵ *Клюгенау*, с. 385; *Шамиль и Чечня*, с. 130; *Загорский*, с. 242—243; *Волконский, 1847*, с. 502—503.

¹⁶ Один из фанатических поступков Шамиля // «Кавказ», 30 мая 1853, № 40, с. 103—105. О другом случае, сильно искаженном народным преданием, см.: *Гамзатов*, с. 372—374.

¹⁷ *Волконский, 1847*, с. 502-503.

¹⁸ *Wagner Friedrich. Schamyl als Feldherr, Sultan und Prophet und der Kaukasus. Leipzig, 1854*. Эта ошибка кочует практически во всей западной литературе вплоть до *Blanche* (p. 125). Одно из недавних повторений этого утверждения в советских источниках см.: *Калилов А.М. Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан, 1988, № 5 (сентябрь—октябрь), с. 34*.

¹⁹ *Загорский*, с. 241—242.

²⁰ Краткую и недоброжелательную биографию Шуайба см.: *Нейдгардт, 1843*, с. 407-408.

²¹ См., напр.: *Воронцов Ермолову, № 4*, с. 447; *Карахи*, с. 111.

²² См., напр.: *Левый фланг*. Т. X, с. 494-497; 1850-1851, с. 350-351; а также: *Волконский, Трехлетие*, с. 244—255; *Шарафутдинова, Письма*, с. 212—213; *Движение*, с. 502—503, 587.

²³ *Баратов*. Описание нашествия скопищ Шамиля в Кахетию в 1854 году // *Кавказский Сборник*. Т. I, с. 240—241, 246—247; *Солтан, 1854*, с. 542; *Волконский, Трехлетие*, с. 249—255; *Юров, 1840-1842*. Т. XI, с. 354.

²⁴ См., напр.: *Низам*, с. 13; *Движение*, с. 501, 531—532, 560, 601 — 602, 619—620; *Ржевусский*. Т. VI, с. 397.

²⁵ Примеры случаев смещений наибов см.: 1846. Т. XVI, с. 303; 1851. Т. XVIII, с. 153; *Волконский, 1847*, с. 663—664, 668; *Волконский, 1848*, с. 483—485; *Волконский, 1849*, с. 302; *Левый фланг*. Т. XI, с. 317.

²⁶ *Юров, 1840—1842*. Т. XII, с. 243; *Шарафутдинова Р.Ш.* Арабский документ из архива академика Б.А. Дорна. (Материалы к

истории освободительного движения горцев на Северном Кавказе в 20—50-х годах XIX в.) // Письменные памятники Востока, 1971, с. 166—167 (в дальнейшем: *Шарафутдинова. Документ*). О местах,

485

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

использовавшихся Шамилем для ссылки, см.: *Дневник Руновского*, с. 1456. Интересно, что несогласованные контакты с русскими не влекли за собой автоматически высшей меры наказания.

²⁷ *Левый фланг*. Т. XI, с. 315.

²⁸ *Низам*, с. 13.

²⁹ *Ржевусский*. Т. VI, с. 405-406.

³⁰ О влиянии Даньяла в упомянутой области см.: *Волконский, Трехлетие*, с. 178.

³¹ *Покровский*, с. 70—71; *Волконский, 1847*, с. 663—664, 668; *Волконский, 1848*, с. 483—485. См. также: *Дневник Руновского*, с. 1396. *Румянцев* (с. 32—33 и далее) рассказывает о других конфликтах между Шамилем и Кибид Мухаммедом, но поведанная им история более похожа на сказку из «Тысячи и одной ночи».

³² Напр.: *Движение*, с. 502—503, 587, 631; *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 341, № 4, с. 457; *Волконский, 1849*, с. 302; *Дневник Руновского*, с. 1451.

³³ *Карахи*, с. 175—176; *Гаджи-Али*, с. 34; *Дневник Руновского*, с. 1417, 1472; *Воронцов Ермолову*, № 3, с. 331; *Волконский, 1848*, с. 484—485. По словам Шамиля, диван был образован во время его тяжелой болезни, когда было принято секретное решение, что в случае его смерти семи- или восьмилетний Кази-Магомед станет его преемником, а регентом при нем будет Албаз Дабир. Таким образом, акт 1848 г. стал оформлением ранее определенной политики.

³⁴ *Дневник Руновского*, с. 1417. См. также: *Покровский*, с. 17.

³⁵ *Дневник Руновского*, с. 1448.

³⁶ *Волконский, 1852*, с. 142—144.

³⁷ *Юров, 1840-1842*. Т. X, с. 319-320. Т. XI, с. 205-208; 1852, с. 435. Прим. 5.

³⁸ *Дневник Руновского*, с. 1448. Об одном таком особо упорном сопротивлении назначению наиба см.: *Фарфоровский С. Шамиль и чеченцы* (Неизвестный еще эпизод из завоевания Кавказа). — *Русский Архив*, 1913, № 6, с. 770—774.

³⁹ *Волконский, 1857*. Т. II, с. 376—377; *Волконский, 1858*, с. 567-568. Одной из причин, почему Шамиль предпочел назначить не Мажу, а Гамзу, кроется в местных интригах, в результате которых один из потенциальных соперников Мажи был убит (*Волконский. Семь лет в плену на Кавказе (1849—1856)* // *Русский Вестник*, 1882, № 5, с. 222—224 (в дальнейшем: *Волконский. Семь лет*). В то же время из-за недовольства назначением наиба на сторону русских перешло общество Шубут // *Волконский, 1858*, с. 583.

⁴⁰ *Юров, 1840-1842*, с. 207-208; 198-199, 206.

⁴¹ АКАК. Т. IX, с. 881; *Шамиль*, с. 232.

486

Примечания

⁴² *Волконский, 1858*, с. 583.

⁴³ Об одном таком случае всеобщего нежелания участвовать в кампании см.: *Волконский, Трехлетие*, с. 168—170.

⁴⁴ Относительно сопоставления порядков у Шамиля с правлением русских см.: *Дневник Руновского*, с. 1467.

⁴⁵ *Там же*, с. 1448.

⁴⁶ Несколько из многих случаев представлены в *Ombres du Passe*, р. 200; *Юров, 1844*, с. 304, 417; 1846. Т. XV, с. 494; 1852, с. 529-530; *Волконский, 1852*, с. 174—175; *Волконский, 1858*, с. 526.

⁴⁷ См., напр.: *Волконский, 1858*, с. 265—290.

⁴⁸ См. 1846. Т. XVI, с. 292; Левый фланг. Т. XI, с. 317; *Движение*, с. 620-621, 668.

⁴⁹ Напр.: *Ржевусский*. Т. VI, с. 228—229, 267; *Дневник Руновского*, с. 1500—1503. Такой же подход представлен: *Покровский*, с. 38—41.

⁵⁰ См. также: *Дневник Руновского*, с. 1500—1503.

⁵¹ См., напр.: АКАК. Т. IX, ее. 369-372; *Юров, 1840-1842*. Т. XII, с. 265—267. См. также: *Дневник Руновского*, с. 1502—1503.

⁵² *Дневник Руновского*, с. 1486—1487.

⁵³ Анализ «классового происхождения» наибов дается, например, Бушуевым (указ.соч.).

Глава двадцать третья

ИМАМАТ И ЕГО СОСЕДИ

¹ О действиях Гази Магомеда среди черкесов и кабардинцев см.: *Война*. Т. XIII, с. 251, 253. Т. XVI, с. 459-460, а также с. 261.

² Напр.: АКАК. Т. IX, с. 147-148; 1851. Т. XIX, с. 34-35.

³ См.: *Шамиль*, с. 236.

⁴ взаимовлиянии набегов черкесов на Черноморскую линию и восстания чеченцев см.: *Движение*, с. 251—252; *Юров, 1840—1842*. Т. XI, с. 188-189.

⁵ *Бушув*, с. 50. Шамиль начал эту кампанию, но потом отменил «из-за паводка на р. Сунжа» (*Загорский*, с. 239).

⁶ О действиях Шамиля в Кабарде до 1846 г. см.: АКАК. Т. IX, с. 261—263, 410—416; *Шамиль*, с. 215; *Орбелиани*, с. 417.

⁷ О действиях Хаджи-Магомеда см.: АКАК. Т. IX, с. 890, 897—901; *Движение*, с. 445-448, 451, 473-475; *Шамиль*, с. 215-216.

⁸ *Движение*, с. 480—481, 483.

⁹ О действиях Сулеймана-Эфенди см.: *Шамиль*, с. 245—252; *Прозрителев Г.Н.* Посольство от Шамиля к абадзехам // *Дагестанский Сборник*. Т. III, с. 125—129; *Бушув*. Из истории, с. 51—54.

¹⁰ АКАК. Т. IX, с. 892.

¹¹ *Там же*. Т. X, с. 590.

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

¹² *Движение*, с. 560.

¹³ О контактах Шамиля с кабардинцами и его действиях в Кабарде см.: *Шамиль*, с. 286-287, 290; 1851. Т. XIX, с. 34-35; *Кундух*, 1936, № 4 (28), с. 22-23.

¹⁴ *Дневник Руновского*, с. 1522—1523. По словам Шамиля, настоящее имя наиба было Мухаммед Асийало. Мухаммедом Амин его стали называть черкесы и турки, не поняв письма Шамиля, адресованного «верному моему Мухаммеду» (илаа Мухаммада аль-амин). — *Там же*.

¹⁵ К сожалению, деятельность Мухаммеда Амина и вообще борьба черкесов против русских пока не изучены.

¹⁶ О деятельности Мухаммеда Амина см.: АКАК. Т. X, с. 268—279, 590-591, 593, 621-624; *Движение*, с. 589-590, 593-594, 620, 652, 653-654; *Шамиль*, с. 316-317; 1851. Т. XIX, с. 34-35; *Lapinski*. Die Borgovölker der Kaukasus. Hamburg, 1863, Vol. II, passim; *Бушуев*. Из истории, с. 54—63.

¹⁷ АКАК. Т. XII, с. 872.

¹⁸ *Ombres du Passe*, p. 191.

¹⁹ *Шамиль*, с. 200-201, 214, 285, 288.

²⁰ *Там же*, с. 236.

²¹ *Borataev Pertev*. La Russie dans les Archives Ottomanes. Un Dossier Ottoman sur l'Imam Chamil, Cahiers du Monde Russe et Sovietique, Vol. X, pp. 524—535 (в дальнейшем: *Borataev*), *Шамиль*, с. 272—274; PRO, FO/78/613, Brant to Aberdeen, Erezeroum, 6, 24 November 1845, №№ 14, 15, FO/78/653, Brant to Aberdeen, Erezeroum, 8 January 1846, № 3, FO/78/602, Canning to Aberdeen, Constantinople, 24 November 1845, № 269, FO/78/642, Wellesley to Palmerston, Buyukdery, 1, 7, 18 August 1846, №№ 4, 16, 17, 23 and annexed consular reports, FO/78/643, Wellesley to Palmerston, Constantinople, 19 October 1846, № 91; *MRE, CPC*, Turquie, Erzeroum, Vol. II, ff. 165, 176—177, Gamier to Guizot, Erzeroum, 24 October, 15 December 1845, №№ 4, 9, 3, 10 March 1846, №№ 28, 2, 3 соответственно.

²² *Шамиль*, с. 270-274.

²³ АКАК. Т. XI, с. 504—505; *Бушуев*. Из истории, с. 54; *van Bruinessen Maarten Maartinus*. Agha, Shaikh and State: On the Social and Political Organization of Kurdistan. — Докторская диссертация, Утрехт, 1978, с. 292—344. См. также: *Движение*, с. 614—615.

²⁴ См., например, упоминание Карахана аль-Хулуки аль-Курдистани: *Карахи*, с. 180, и Мухаммеда аль-Курдистани: *Гаджи-Али*, с. 72-73.

²⁵ *Карахи*, с. 118; *Гаджи-Али*, с. 42—43.

²⁶ Один такой пример см.: 1851. Т. XIX, с. 34—35.

488

Примечания

²⁷ Хиджра (буквально: *миграция*) — переезд пророка Мухаммеда из Мекки в Медину в 662 г. Более строгие наставники ислама требуют от единоверцев следовать примеру пророка и переезжать из *дар аль-харба* в *дар аль-ислам*.

²⁸ Его биографию см.: АКАК. Т. VIII, с. 599-600.

²⁹ Краткую биографию Мухаммеда-Мирзы см.: *Шарафутдинова. Документ*, с. 166—167. См. также: *Шарафутдинова. Письма*, с. 210, 214, 215, 216; 1846. Т. XVI, с. 303; 1851. Т. XVIII, с. 199.

³⁰ *Шарафутдинова. Письма*, с. 208, 211—212; *Движение*, с. 498, 565.

³¹ *Шарафутдинова. Документ*, с. 162—164.

³² Несколько таких историй о терских казаках приведены Федором Чернозубовым в его «Очерках терской старины». Побег к непокорным горцам. Жизнь у Шамиля (1832—1859 гг.) // *Русский Архив*, 1912, № 1, с. 66-79.

³³ *Движение*, с. 291—292.

³⁴ *Абд аль-Рахим*, с. 18.

³⁵ *Дневник Руновского*, с. 1486.

³⁶ *Там же*, с. 1398.

³⁷ Рассказ очевидца о таком поселении в начале 50-х гг. см.: *Румянцев*, с. 102—109.

³⁸ *Абд аль-Рахим*, с. 18.

³⁹ *Движение*, с. 329—330. Внимание к перебежчикам не ослабевало. В переписке эта тема время от времени затрагивалась, и принимались некоторые меры, чтобы убедить их вернуться обратно. — См.: АКАК. Т. XII, с. 1167-1168; *Движение*, с. 356-360.

⁴⁰ Ниже приведен список источников со сведениями о переходе на сторону противника, об использовании перебежчиков в войсках Шамиля, образе их жизни и пр.: АКАК. Т. IX, с. 832—834. Т. XII, с. 139—143; *Аноев*, № 6, с. 407; *Аноев А.* Из кавказских воспоминаний // *Исторический Вестник*, 1906, № 9, с. 810—811; *Движение*, с. 364—368, 470—471; *Дзержинский В.С.* Из Кавказской войны. По поводу 50-летия осады Шамилем Мезельдегерского укрепления в 1853 году // *Военный Сборник*, 1903, № 9, с. 62, № 10, с. 43; *Игнатиус Н.* Осада Шамилем Мезельдегерского укрепления в 1853 году // *Инженерный Журнал*, 1868, № 1, с. 7. (В дальнейшем: *Игнатиус.*), *Исаков*, № 4—6, с. 54, № 7—9, с. 8—10; *Левый фланг*. Т. XI, с. 327—329; *Ольшевский А.* Кавказ, с. 309—310, 317; *Ombres du Passe*, pp. 99—108; *О.Д.* (Орлов-Давыдов А.). Частное письмо о взятии Шамиля // *Русский Архив*, 1896, № 6, с. 1046—1047; *Р.К.* Из дневника дагестанца // *Кавказский Сборник*. Т. VIII, с. 249, 252—253, 265—268, 270, 272, 275; Рассказ бывшего унтер-офицера Апшеронского полка

Самойлы Рябова о своей службе на Кавказе // Кавказский Сборник. Т. XVIII, с. 353—381; Румянцев,

489

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

passim; 1850-1851, с. 372-373; 1852. Т. XVIII, с. 199; Волконский, 1847, с. 502—503; Волконский, Семь лет, с. 221—223; Загорский, passim.

⁴¹ О последних см.: АКАК. Т. X, сс. 281—289.

⁴² Чернозубов Ф. Очерки Терской старины. Побег в горы. История одной раскольничьей обители у Шамиля (1849—1859) // Русский Архив, 1911, № 10, с. 249-261, 1912, № 1, с. 64-79, № 6, с. 218-225; Гаджи-Али, с. 41—42.

⁴³ Baddeley. Rugged Flanks, Vol. I, p. 55; Левый фланг. Т. X, с. 415.

⁴⁴ См. Анисимов И.Ш. Кавказские еврей-горцы // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Т. III, с. 195—198; Черный. Кавказские евреи // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. III, passim; Tsvi Kasday. Mamlakhot Ararat. Odessa, 5672 (1912), pp. 13, 26, 31-32, 78-79.

⁴⁵ См., напр.: Rabbi Ya'agov ben Yitshaq Yitshaqovich [Yitshaqi], Dr. Sharbat ben Nissim Anisimov. Sefer Toldot Yehudey Dagestan ha-Mada'im ha-Nimtsa'im be-Harey Qawaqaz'ad Henna. Jerusalem, 5654 (1894), p. 14. О жалобах на это, в основном по еврейским источникам, см.: Mordekhay Altshuler. Yehudey Muzzah Qawqaz, Ierusalem, 5750 (1990), pp. 61-70.

⁴⁶ См., напр.: Шамиль, с. 213; доп. 217 и т.д. со с. 409. Известия с Кавказа // Сборник газеты «Кавказ», 1847. Т. I, с. 27—28; Волконский, 1847, с. 493—495 (где рассказано о набеге на еврейский пригород Тарки 27 января 1847 г. См. также: Румянцев, с. 144, где рассказывается о жене Юнуса, ближайшего сподвижника Шамиля, — еврейке, плененной в одном из таких набегов.

⁴⁷ См.: Фиркович Авраам. Авней Зиккарон. Вильна, 5632 (1872), с. 102—104, где упоминаются евреи, участвовавшие в обороне Эндери против Гази Магомеда. А также см: АКАК. Т. VIII, с. 610—611, где говорится о еврее, бывшем тайном агенте русских. См. также: Ya'agov ben ha-Rav Yitshaq Yitshaqi. Igrotu- Te'udot me-Arkhiyon ha-Rav. Jerusalem, 5734 (1974), pp. 8—10.

⁴⁸ Движение, с. 610—611; Дневник Руновского, с. 1521 — 1522.

⁴⁹ *Соллогуб В.* Рассказ моздокского гражданина, 3-й гильдии купца Миная Шаева сына Атарова о поездке своей в Дарги-Ведено, местопребывание Шамиля // «Кавказ», 14 (26) ноября 1853, № 85, с. 368.

⁵⁰ 1852, с. 494; *Николаи А.И.* Эпизод из истории Кавказской войны. // *Русская Старина*, 1882, № 11, с. 267, 258, 270.

⁵¹ *Абд аль-Рахим*, с. 16.

⁵² Ал аль-китаб (буквально: *народ книги*) — представители монотеистических религий, главным образом еврей* и христиане,

* Здесь, очевидно, следует говорить не о еврейской национальности, а о иудаистском вероисповедании — иудеях. — *Прим. пер.*

490

Примечания

обладающие древними писаниями, которые признаются исламом как раннее Божественное Откровение.

⁵³ См.: *Бушуев*. Из истории, с. 57.

Глава двадцать четвертая

ШАМИЛЬ И СОСЕДНИЕ ДЕРЖАВЫ

¹ *Орбеллиани*, с. 422.

² В имеющихся источниках до странности мало упоминаний о попытках первого дагестанского имама установить связи с турками, хотя по данным профессора Беннигсена в турецких архивах в Стамбуле есть письма Гази Магомеда. Одно из таких обращений приведено.: *Движение*, с. 591—592. Письмо датировано январем 1850, что, видимо, является опечаткой — следует читать — 1830.

³ Письмо Шамиля к султану см.: *Бушуев*. Из истории, с. 38—39.

⁴ См.: *Шамиль*, с. 226-230, 367.

⁵ См., напр.: *Карахи*, с. 108—111.

⁶ Донесения о таких контактах, гонцах, их задержании и перехвате писем см.: *Движение*, с. 614—615. О письмах Шамиля, которые перехватывались, переводились на русский, а потом отправлялись далее в Стамбул, см.: *Шамиль*, с. 311—313. Сообщение о миссии, прибывшей, по русским данным, в Стамбул, которое опровергается турками, см.: *PRO*, FO/78/702, Brant to Palmerston, Erzeroum, 10 March 1847, № 31, FO/78/679, Holmes to Wellesley, Batoum, 3 December 1846, № 7. Свидетельство человека, который открыто признал, что участвовал в такой миссии, см.: FO/60/133, ff. 66—69, Abott to Palmerston, Tabreez, 22 July 1847, № 2.

⁷ Об этом см.: *КА*, Vol. I, pp. 234-235, 127-131, document № 42, Letter from the Sultan to the Daghestanis and Circassians (б/д); *Шамиль*, с. 5—7, 10—11.

⁸ Бушуев. Из истории, с. 61.

⁹ Орбелиани, с. 422. См. также: *Дневник Руновского*, с. 1521.

¹⁰ *Шамиль*, с. 226; *Движение*, с. 614—615.

¹¹ *Движение*, с. 575—578, 585—587. Просьба о вмешательстве содержит намек на то, что султан не в точности соблюдает правила шариата.

¹² *Шамиль*, с. 226. Приведенные письма Шамиля как раз и были ответом на этот запрос. Один экземпляр был перехвачен русскими. Другие, видимо, не сохранились.

¹³ *Шамиль*, с. 290. В приведенных письмах содержатся ответы на

вопросы, и они были доставлены тем же, или другим, гонцом. Русские перехватывали письма, переводили их для себя, а потом посылали далее.

¹⁴ *MRE*, *CPC*, Turquie, Erzeroum, Vol. III, ff. 31—34, Wielt to Foreign Minister, 16 November 1848, № 3. См. также: *Там же*, ff. 104—107, Wielt to Foreign Minister, 4 March 1850, № 21; *КА*, Vol. I, pp. 131, 236 document № 43, Memorandum by Dagistani Hasan Efendi, 1269 [1852-1853].

¹⁵ Вышеупомянутое донесение от 4 марта 1850 г.

¹⁶ Напр.: *Абд-аль-Рахим*, с. 23; *Дневник Руновского*, с. 1449, 1521.

¹⁷ О таком использовании Шамилем связей с турками см.: АКАК. Т. X, с. 336-338; *Движение*, с. 370-372, 625; *Шамиль*, с. 286-287; *Юров*, 1843, с. 48.

¹⁸ *Дневник Руновского*, с. 1484.

¹⁹ *Шамиль*, с. 247-252; PRO, FO/60/133, ff. 60-69, Abott to Palmerston, Tabreez, 22 July 1847, № 27.

²⁰ О таком использовании Шамилем связей с Мухаммедом Али см.: *Движение*, с. 306, 428—429; *Юров*, 1843, с. 48; *Орбелиани*, с. 417, 421.

²¹ *Орбелиани*, с. 421.

²² PRO, FO/60/133, Abott to Palmerston, Tabreez, 22 July 1847, № 27, ff. 67-68.

²³ О нем см.: *Дневник Руновского*, с. 1521.

²⁴ См. о нем: *Там же*, с. 1399, а также: *Карахи*, с. 151; *Волконский*, 1847, с. 548-549.

²⁵ Его биографию см.: *Генко А.Н.* Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // *Записки Института востоковедения Академии наук СССР*. Т. II, с. 31—36. См. также: *Абд-аль-Рахим*, с. 17—18; *Движение*, с. 483; *Шамиль*, с. 215—216.

²⁶ Эта карта опубликована Линевичем. — См.: *Сборник сведений о кавказских горцах*. Т. VI.

²⁷ Напр.: *Война*. Т. XIII, с. 279—280, 285. Похоже, что Гази Магомед использовал свои связи с персами так же, как это делал Шамиль со своими связями с турками и Мухаммедом Али.

²⁸ PRO, FO/60/147, Stevens to Palmerston, Tabreez, 5 January 1849, № 2, ff. 56-57.

²⁹ Текст письма Шамиля шаху см.: *там же*, ff. 63—67.

³⁰ *Движение*, с. 563, 569; PRO, FO/60/140, Stevens to Palmerston, Tabreez, 5 March, 5 May 1848, №№ 4, 15, PRO, FO/65/349, Bloomfield to Palmerston, St. Petersburg, 9 May 1848, № 137.

³¹ *Adamiyat*, op. cit., p. 234.

³² *Бушурев*. Из истории, с. 54.

³³ *Карахи*, с. 80.

³⁴ О французских интересах и политике Франции на Кавказе см.: *Lesure Michel. La France et le Caucase a l'Epoque de Chamil a la Lumiere de Depeches des Consuls Fran9ais.* — *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*, Vol. XIX, № 1—2, January—June 1978, pp. 5—65 (в дальнейшем: *Lesure*). См. также: *Сурхай*, Кавказ и державы в XIX в. // Кавказ. Париж, 1938, № 4 (52), с. 17-21, № 5 (53), с. 13-17, № 7 (55), с. 4-8, № 10 (58), с. 26-28, 1939, № 1 (61), с. 21-24, № 2 (62), с. 18-21, № 5 (65), с. 8-11.

³⁵ Если сведения русских соответствуют действительности, то тут могло иметь место одно исключение. В 1837 г. стало известно, что в предыдущем году Уркварт посылал Шамилю «письма и обещания». - АКАК. Т. VIII, с. 767-769.

³⁶ Подробнее всех деятельность поляков на Кавказе и вокруг него описал Видерцаль, см.: *Widerszal*, op. cit.; см. также: *Движение*, с. 529; *Ржевусский*. Т. VII, с. 451—452; *Ombres du Passe*, с. 174—175.

³⁷ О предложении Абд аль-Кадиру и его отцу со стороны шейха Халида вступить в накшбандийский орден и последующем провозглашении их халифами см.: *Danziger Raphael. Abd al-Qadir and the Algerians: Resistance to the French and Internal Consolidation.* N. Y., 1977, p. 56.

Глава двадцать пятая

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

¹ *Шамиль*, с. 367.

² АКАК. Т. X, с. 92-100.

³ *Ombres du Passe*, p. 189.

⁴ См., напр.: АКАК. Т. X, с. 547-549, 551-553; *Движение*, с. 620, 622-624, 625, 626; *Шамиль*, с. 337; *Солтан*, 1852-1853, с. 503.

⁵ Описание основано на следующих источниках: *Шамиль*, с. 341—350, 353—363, 423—424, 429—430; *Дневник Воронцова*, с. 114—117; *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 465; *Щербинин М.* Из писем князя Михаила Семеновича Воронцова к Михаилу Павловичу Щербинину // *Русский Архив*, 1870, № 12, с. 2149—2154; *Struve Gleb. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nikolays and Others. Unpublished Letters and Historical Notes.* — *California Slavic Studies*, Vol. 5 (1970), pp. 120—121; *Андреевский*, с. 59—60; *Дзержинский В.С.* Из Кавказской войны. По поводу 50-летия осады Мезельдегерского укрепления Шамилем в 1853 году // *Военный Сборник*, 1903, № 10, с. 31—61 (в дальнейшем: *Дзержинский* и № ВС); *Игнатиус*, с. 1—30;

Порембский С. Вторжение Шамиля в Джаро-Белоканский округ в 1853 году // Кавказский Сборник.

493

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Т. XI, с. 499—523 (в дальнейшем: *Порембский*); *Солтан*, 1852—1853, с. 503-521; *Зиссерман*, *Отрывки*, 1878, № 6, с. 722-777; *Карали*, с. 181-182; *Гаджи-Али*, с. 45⁶-45; PRO, FO/78/955, Brant to Clarendon, Erzeroum, 24 October 1853, № 3, PRO, FO/78/940, Extract from Brant to Redcliffe, Erzeroum, 10 November, appended to de Redcliffe to Clarendon, Therapia, 24 November 1853, № 356, FO/60/186, Stevens to Clarendon, Tabreez, 24 September, 20 October 1853, № 42, 45; HNSA PA XXXVII 107/Trapezunt, 24 March 1854, № 225.

⁶ *Порембский*, с. 508.

⁷ *Солтан*, 1852-1853, с. 514.

⁸ *Порембский*, с. 512.

⁹ *Держинский*, № 9, с. 50—68, № 10, с. 27—31, 36. См. также: *Зиссерман*, *Отрывки*, 1876, № 4, с. 433.

¹⁰ *Игнатиус*, с. 28—30. См. также: *Держинский*, № 10, с. 59—60.

¹¹ *Солтан*, 1852-1853, с. 521.

¹² *Дневник Воронцова*, с. 114—117. См. также: *Зиссерман*, *Отрывки*, 1878, № 6, с. 727; *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 465; *Шамиль*, с. 337.

¹³ PRO, FO/78/955, Brant to Clarendon, Erzeroum, 17 October 1853, № 3. См. также: FO/78/939, Redcliffe to Clarendon, Therapia, 25 October 1853, № 313; *Дневник Руновского*, с. 1444.

¹⁴ АКАК. Т. X, с. 551-552; см. также: КА, Vol. I, сс. 132-133, document № 45, Draft of [Imperial] Letter to Shamil, 6 Muharram 1270 [9 October 1853]; *Masayuki Yama'uchi*. Sheikh Shamil and the Ottoman Empire in the Period of the Crimean War Enlightened by the ATASE Archives in Ankara. Orient (Tokyo), Vol. XXII (1986), pp. 146—147, document № IV, Draft of a Letter to Shamil, October (?) 1853 (English translation in idem, «From Ottoman Archives», Central Asian Survey, Vol. IV, № 4 [1985], с. 9) (в дальнейшем: *Yama'uchi*); FO/78/955, Brant to de Redcliffe, Erzeroum, 28 October 1853, № 64, где упоминается *фирман* султана имаму, «в котором Шамиль именуется визирем области,

которую он мог отобрать у русских». О «предсказании», что Шамиль станет валием султана, см.: *Дневник Руновского*, с. 1500.

¹⁵ *Шамиль*, с. 334-335, 337-338.

¹⁶ *Там же*, с. 368-386, 417-434; АКАК. Т. XI, с. 618-619, 652.

¹⁷ АКАК. Т. X, с. 551—552; *Движение*, с. 652—654; *Шамиль*, с. 397.

¹⁸ *Шамиль*, с. 421-244, 431-433.

¹⁹ См.: *КА*, Vol. I, pp. 134-135, 239-240, document № 46, Abstract of Shamil's Letter to the Sultan, 22 JumadI al-Awwal 1270 [20 February 1854]; *PRO* FO/78/1026, Brant to Clarendon, Brant to Raglan, Erzeroum, 8, 30 May 1854, № 27, 2, FO/352/39/3, ff. 97-100, Williams to de Redcliffe, Private, Camp near Kars, 7 October

494

Примечания

1854, FO/78/1004, de Redcliffe to Clarendon, Therapia, 30 October 1854, № 636, FO/78/1042, Williams to Hammond, 27 November 1854; *MRE, CPC*, Turquie, Trebizonde, Vol. I, ff. 217-219, Poncharra to Walewski, Trebizonde, 2 June 1854; *Гаджи-Али*, с. 47—48; *Дневник Руновского*, с. 1405, 1444, 1521. Об османской стороне в этих отношениях см.: *Budak Mmtafa*. 1853—1856 Kirim Harbi Baslarinda Dogu Anadolu-Kafkas Cephesi ve Seyh Samil, *КА*, Vol. I, сс. 52-55 and 131-136, 236-241, document № 43, 44, 42, Memorandum by Dagistani Hasan Efendi 1263 [1852—1853], Memorandum, 4 Dhli al-Qa'da [9 August] and (Imperial) Decree, 8 Dhu al-Qa'da 1269 [13 August 1853], Memorandum, 26 Sha'ban [24 May] and Imperial Decree, 27 Sha'ban 1270 [25 May 1854]. См. также: *Sandwith*. Hamphry. A Narrative of the Siege of Kars and of the Six Months' Resistance by the Turkish Garrison under General Williams to the Russian Army together with a Narrative of Travels and Adventures in Armenia and Lazistan with Remarks on the Present State of Turkey (London, 1856), p. 143.

²⁰ АКАК. Т. X, с. 549-551; *Ombres du Passe*, с. 187-189.

²¹ АКАК. Т. X, с. 551-555; *Движение*, с. 629-630; *Солтан*, 1852-1853, с. 496.

²² АКАК. Т. X, с. 555-557.

²³ Там же; *Воронцов Ермолову*, № 4, с. 467; *О.К. Вести с линии*. (Письмо к приятелю) // *Кавказ*, 19 [31] января 1854, № 6, с. 21-23.

²⁴ АКАК. Т. X, с. 557—560; *Движение*, с. 636—644; *Солтан В.* Очерк военных действий в Дагестане в 1854 году // Кавказский Сборник. Т. XI, с. 525—536 (в дальнейшем: *Солтан, 1854*).

²⁵ Этот поход по количеству посвященных ему публикаций не уступает кампании Воронцова 1845 г. Описание событий основано на следующих источниках: АКАК. Т. X, с. 560—566. Т. XI, с. 679—682; *Движение*, с. 633-636; *Шамиль*, с. 387-393, 403-410, 412-413, 418-419, 423-424, 429-432, 435-444, 394-396, 400-401; *Андреевский*, с. 96—97, 100—102; *Баратов*. Описание нашествия скопищ Шамиля на Кахетию в 1854 году // Кавказский Сборник. Т. I, с. 237—267; *Солтан, 1854*, с. 537—557; *Зиссерман, Отрывки*, 1878, № 6, с. 749—750; *Дневник Руновского*, с. 1444; *Карахи*, с. 182—186; *Гаджи-Али*, с. 45—48; PRO FO/78/1207, Brant to Clarendon, Erzeroom, 26 September 1854, № 59, FO/60/196, Stevens to Clarendon, Tabreez, 31 July [no №], 3 August 1854, № 55. Последний документ основан на донесении персидского консула в Тифлисе: *NHSA, PA XXXVIII, 107/Trapezunt*, 22 August 1854, № 357, *PA XXXVIII, 106/Odessa*, 1 [13] August 1854, № 817.

²⁶ *Солтан, 1854*, с. 544 О финансовой помощи населению после набега см.: *Шамиль*, с. 416—417, 445—446.

495

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

²⁷ *Добровольский*, 1850, с. 635—639, 644—646. Биографию Меликова см.: АКАК. Т. X, с. XXV.

²⁸ *Бороздин К.А.* Воспоминания о Н.Н. Муравьеве // Исторический Вестник, 1890, № 1, с. 88—93 (в дальнейшем: *Бороздин* и № ИВ); *Андреевский*, с. 85—86, 87, 89—91.

²⁹ Биографию Рида см.: АКАК. Т. X, с. XXIX.

³⁰ Так, например, в виду возможного присоединения персов к антирусской коалиции Рид предлагал эвакуировать войска из Дагестана. О гневной реакции царя на это предложение см.: АКАК. Т. X, с. 558—559. О другом случае паники см.: *Зиссерман А.* По поводу воспоминаний о Н.Н. Муравьеве. — Русский Архив, 1892, № 4, с. 514. О разногласиях между Ридом и Бебутовым см.: *Берже А.П.* Николай Николаевич Муравьев во время его наместничества на Кавказе, 1854—1856. // Русская Старина, 1873, № 10, с. 599 (в дальнейшем: *Берже*).

³¹ *Солтан, 1854*, с. 547-548.

³² PRO, FO/78/1207, Brant to Clarendon, Erzeroum, 26 September 1854, № 54. См. также: *Бороздин*, № 1, с. 91—92; *Зиссерман А.* По поводу воспоминаний о Н.Н. Муравьеве // *Русский Архив*, 1892, № 4, с. 510—513; *он же.* Еще несколько слов по поводу статьи г-на Бороздина о Н.Н. Муравьеве-Карском // *Русский Архив*, 1892, № 7, с. 392—393. Насколько опасным было положение русских, видно из того факта, что немедленно по вступлении в должность 13 марта 1855 г. Муравьев лично занялся расследованием этого набега. (См.: *Берже*, с. 605.) Более того, менее чем через год после этого набега Лезгинская линия была перестроена и была проведена ее переаттестация. — См.: *Изменения на Лезгинской линии* // *Записки Кавказского отдела Императорского Географического Общества*. Т. II, 1853, с. 224-228; АКАК. Т. XI, с. 950-962.

³³ В их числе очень интересовался Шамилем Карл Маркс. См., например: *The Eastern Question*, pp. 47, 153—157, 160, 202, 222—224, 364—366, 385, 443; *Маркс К., Энгельс Ф.* Поли. собр. соч. М., 1955-1966, 2-е изд.. Т. IX, с. 149, 337-425, 440-442, 449-453, 469-475, 491-496. Т. X, с. 28-33, 289-293, 521-526. Т. XII, с. 294-297. Т. XVII, с. 200-205. Т. XX, с. 550. Т. XXX, с. 335. См. также: *Heise Paul* В. Marx on Russians and Muslims. — *Central Asian Survey*, Vol. 6, № 4, 1987, pp. 33-45.

³⁴ *Гаджи-Али*, с. 48.

³⁵ PRO, FO/78/1026, Brant to Clarendon and to Raglan, Erzeroum, 8 and 30 May 1854, № 27 and 2. По иронии судьбы, русские узнали об этом письме и о том, кто его привез, в тот день, когда Шамиль отступил. — *Шамиль*, с. 397.

³⁶ О положении на Кавказском фронте см.: *Alien W.E.D. and Muratoff Paul.* *Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-*

496

Примечания

Caucasian Border, 1828—1921. Cambridge, 1953, pp. 57—102 (в дальнейшем: *Alien and Muratoff*).

³⁷ PRO, FO/78/1026, Brant to Raglan, Erzeroum, 30 May 1854, № 2.

³⁸ *Alien and Muratoff*, pp. 73—80.

³⁹ *Шамиль*, с. 423-424, 429-432; *Гаджи-Али*, с. 48-49; АКАК. Т. XI, с. 355-356, 371-372; *Солтан, 1854*, с. 569-570.

⁴⁰ *Солтан, 1854*, с. 570—571. См. также: АКАК. Т. XI, сс. 62—63, 135 — 138, 339—340, 353—356, 371—372; *Движение*, с. 644—651, 654—663;

Шамиль, с. 397, 399—401; О.К. Весть с Кавказской линии (письмо к приятелю) // Московские Ведомости, 5 марта, № 27; Письмо из Куринского укрепления // Одесский Вестник, 26 апреля 1855, № 47; *Солтан*, 1854, с. 557—571; *Солтан В.* Обзор событий в Дагестане в 1855 и 1856 годах // Кавказский Сборник. Т. XII, с. 488—508 (в дальнейшем: *Солтан*, 1855—1856); *Зиссерман*, *Отрывки*, 1878, № 6, с. 762-763, 767-787.

⁴¹ Одна из них была была мадам Дрансе, см.: *MRE, CPC, Russie, Consulate Divers, Vol. 4, ff. 178—186, Steyert to Walewski, Batoum, 22 November, 1, 4 December 1854, № 2, 3, 4.* Относительно пленения и освобождения княгинь см.: Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. СПб., 1856 (2-е изд. — Кавказские пленницы, или Плен у Шамиля. М., 1857). О мадам Дрансе см.: *Merlieux Edouard. Les Princesses Russes Prisonnieres au Caucase. Souvenirs d'une Fran9aise Captive de Chamyl. Paris, 1857 (2 ed. — Paris, 1860).* Русский перевод первого издания Кирилла Дзюбинского см.: Пленницы Шамиля. Воспоминания г-жи Дрансе. Тифлис, 1858.

⁴² Единственная попытка биографического очерка этой трагической фигуры см.: *Герцык В.* Джемал-Эддин. Старший сын Шамиля // Русский Архив, 1890, № 9, с. 111 — 112.

⁴³ АКАК. Т. XI, с. 60—62; Одесский Вестник, 9 апреля 1855, № 40, с. 190; Московские Ведомости, 21 апреля 1855, № 48, с. 390—392; Санкт-Петербургские Ведомости, 30 апреля 1855, № 85, с. 424— 425; *Аноев А.* Воспоминания о военной службе на Кавказе // Военный Сборник, 1887, № 4, с. 409; *Ombres du Passe*, pp. 202— 210; *Солтан*. 1855-1856, с. 483-488; *Карахи*, с. 186-189; *Гаджи-Али*, с. 49—50. О переговорах см. также: АКАК. Т. X, с. 565, 566— 568; *Шамиль*, с. 398-399, 445; *Солтан*. 1855-1856, с. 480-483. О судьбе других пленников см.: *Шамиль*, с. 414—415, 454, 456—460; *Николаи А.П.* Эпизод из истории Кавказской войны, 1855—1857 // Русская Старина, 1882, № 11, с. 257, 272, 279-281 (в дальнейшем: *Николаи*).

⁴⁴ *Дневник Руновского*, с. 1442; *Гаджи-Али*, с. 50. См. также: *Гамзатов*, с. 379-385.

⁴⁵ См.: *Lesure*, pp. 29—38. См. также: *Беридзе Ш.* Шамиль в европейс-

ком представлении // Кавказ. Париж, 1937, № 5 (41), с. 39—40; *он же*, Шамиль во французской литературе. — *Там же*, 1934, № 8-9, с. 30-32.

⁴⁶ Относительно английских целей в этой войне и прежде всего о первоначальных замыслах Пальмерстона см.: *Ashley E.* The Life of Henry John Temple, Vol. II. London, 1876, pp. 61—62; *Sell Herbert C.F.* Lord Palmerston. Vol. II. London, 1936, pp. 105—149; *Bourn Kenneth.* The Foreign Policy of Victorian England. Oxford, 1970, pp. 78, 321; *Connel Brian.* Regina vs. Palmerston: The Correspondence between Queen Victoria and the Foreign and Prime Minister, 1837— 1865. London, 1962, p. 174. Относительно французских целей см.: *Lesure*, pp. 38—41.

⁴⁷ Французские и частично английские намерения объяснены: *Lesure*, с. 42—52. См. также: *PRO*, FO/78/1336, Stevens to de Redcliffe, Trebizonde, 1 October, № 68 (copy), appended to de Redcliffe to Clarendon, Therapia, 9 October, 1854, № 574, FO/ 78/986? Clarendon to de Redcliffe, 8 November 1854 (draft). Интересное описание одной английской попытки см.: *HNSA*, PA XXXVIII 107/Trapezunt, 10 June 1854, № 245; *Шамиль*, с. 334-335; *Yama'uchi*, с. 150-152.

⁴⁸ См., напр.: *Lake Atwel.* Kars and Our Captivity in Russia. London, 1856, p. 348 (в дальнейшем: *Lake*).

⁴⁹ См., напр.: *PRO*, FO/78/939, Brant to de Redcliffe, Erzeroum, 8 October, appended to de Redcliffe to Clarendon, Therapia, 22 October 1853, № 311, FO/78/1026, Brant to Clarendon, Erzeroum, 8 May 1854, № 27.

⁵⁰ Его биографию см.: *Lane-Poole Stanley.* The Life of the Right Honourable Stratford Canning, Viscount Stratford de Redcliffe, K.G., G.C.B., D.C.L., L.L.D., etc. London, 1888.

⁵¹ См., напр.: *HNSA*, PA XII 50, Buyukdere, 19 June 1854, № 50.

⁵² *PRO*, FO/78/1042, de Redcliffe to Williams, Private, Therapia, 23 September 1854 (copy).

⁵³ Биографию Уильямса см.: *Dictionary of Canadian Biography*, Vol. XI. Toronto, 1982, pp. 931-933.

⁵⁴ *PRO*, FO/78/1042, de Redcliffe to Williams, Private, Therapia, 23 September 1854 (copy).

⁵⁵ Там же, Williams to Shamil, Turkish Camp near Kars, 12 October 1854, appended to Williams to Hammond, Erzeroum, 27 November 1854. Это письмо упоминается в: *Гаджи-Али*, с. 42—48. См. также: Williams to de Redcliffe, Camp near Kars, 12 October 1854, № 33 (copy), appended to the same report, and FO/352/39/ 3, ff. 97—100, Williams to de Redcliffe, Private, Camp near Kars, 7 October 1854. Перевод ответа Шамиля был опубликован в: *Lake*, pp. 340—341.

Примечания

⁵⁶ *PRO*, FO/78/986, Clarendon to de Redcliffe, 13 November 1854, № 699.

⁵⁷ Потом лишь однажды пытались связаться с Шамилем, это сделал Лонгуорт. Подробно см.: *PRO*, FO/78/1243, Longworth to Clarendon, Sokoom Kale, 6 October 1855. См. также: *Берже*, с. 625.

⁵⁸ Текст см. в: *PRO*, FO/78/1004, translation of Vizirial Letter to Shamil, 15 October 1854, appended to de Redcliffe to Clarendon, Therapia, 30 October 1854, № 636.

⁵⁹ *Дневник Руновского*, с. 1444.

⁶⁰ Lake, *op. cit.*

⁶¹ АКАК. Т. XI, с. 390-391.

⁶² *Николаи*, с. 276.

⁶³ АКАК. Т. XI, с. 355-356, 371-372.

⁶⁴ *Солтан*. 1855-1856, с. 489.

⁶⁵ Хотя 24 письма и документа по этому периоду были опубликованы в центральной исторической периодике в 1882 г., более ста лет они оставались неисследованными. Через 55 лет филолог Церетели опубликовал арабские тексты и хороший перевод писем Шамиля, но и их советские историки оставили без внимания.

⁶⁶ Биографию Муравьева см.: *Европеус И.И.* Николай Николаевич Муравьев // *Русская Старина*, 1874, № 9, с. 181—184; *Остен-Сакен Д.* Николай Николаевич Муравьев в 1828—1856 гг. // *Русская Старина*, 1874, № 11, с. 535-543; АКАК. Т. VII, с. VII-VIII. Т. X, с. XXVI. Т. XI, с. IX. Оценка его деятельности как кавказского наместника была и осталась в дореволюционной русской историографии противоречивой, напр.: *Берже*, указ, соч.; *Тимирязев Ф.* По поводу статьи Берже о Н.Н. Муравьеве-Карском // *Русский Архив*, 1873, № 12, с. 2530—2540; *Любитель Кавказа и Закавказья* (псевдоним). Николай Николаевич Муравьев, 1854—1856 // *Русская Старина*, 1874, № 5, с. 139—151; *Бороздин*, № 1, с. 86-101, № 2, с. 307—323; *Зиссерман А.* По поводу воспоминаний о Н.Н. Муравьеве // *Русский Архив*, 1892, № 4, с. 510—525; *он же*. Еще несколько слов по поводу статьи г-на Бороздина о Н.Н. Муравьеве-Карском // *Русский Архив*, 1892, № 7, с. 392—396; *Щербинин М.П.* Кн. М.С. Воронцов и Н.Н. Муравьев (Из служебных воспоминаний). // *Русская Старина*, 1874, № 9, с. 99—114; *Землянка А.П.* Ермолова.

Выдержка из записок Н.Н. Муравьева. // Русский Архив, 1888, № 10, с. 247—248; Ответ кавказского офицера на обвинения Н.Н. Муравьева (письмо к генерал-лейтенанту К.). // Русская Старина, 1872, № 11, с. 544—546.

⁶⁷ *Николаи*, с. 255.

⁶⁸ О его биографии см.: *Церетели*, с. 99—100.

499

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

⁶⁹ *Николаи*, с. 255—266.

⁷⁰ См.: *Кравцов И.С.* Кавказ и его военачальники. Н.Н. Муравьев, кн. А.И. Барятинский и гр. Н.И. Евдокимов. 1854—1864. // Русская Старина, 1886, № 6, с. 563-592, № 7, с. 109-150.

⁷¹ *Николаи*, с. 257—258. Николаи мало отличался от других старших офицеров: был еще молод, только недавно приехал на Кавказ и ничего не знал о переговорах Фези и Граббе с имамом, которые и объяснят недоверие к нему имама.

⁷² *Николаи*, с. 268.

⁷³ *Там же*, с. 259-260, 278.

Глава двадцать шестая

ГУНИБ

¹ Об этом см.: АКАК. Т. XI, с. 339-340, 618-620; *Солтан*, 1854, с. 526-536; *Солтан*. 1855-1856, с. 494-501, 526-628.

² *Бобровский П.* Император Александр II и его первые шаги к покорению Кавказа (Эпизод из истории Великой Кавказской войны) // Военный Сборник, 1897, № 4, с. 204—205 (в дальнейшем: *Бобровский*).

³ Биографию Милютина см.: *Зайончковский А.* Д.А. Милютин. Биографический очерк, предисловие к: Дневник Д.А. Милютина, 1873-1875. Т. I, М., 1947, с. 5-72. См. также: АКАК. Т. X, с. XXV.

⁴ *Бобровский*, с. 205—209.

⁵ О русских войсках на Кавказе см.: *Ольшевский*, Кавказ, с. 298
Прим. 1. См. также: France, Ministère de la Guerre, Etat-Major de l'Armée de la Terre, Archives Historiques, Serie Memoires et Reconnaissances, Boite

1479, «Note sur l'Armee Russe en 1856», f. 52: «Corps Detache, ou Armee du Caucase»; *MRE, CPC, Russie, Consulate Divers, Vol. 5, ff. 21—22, Finot to Walewski, Tiflis, 28 July 1857, № 6*. См. также: АКАК. Т. XII, с. 1275-1394; *Зиссерман, Отрывки, 1879, № 2, с. 703—706*.

⁶ Шамиль действительно направил письмо *сераскеру*, текст его см.: *Движение, с. 663—664*.

⁷ АКАК. Т. XI, с. 64—67; *Зиссерман А.* По поводу воспоминаний о Н.Н. Муравьеве // *Русский Архив, 1892, № 4, с. 518*.

⁸ *Фадеев, с. 63—64*.

⁹ Биографию Барятинского см.: *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, 1815—1879. М., 1888—1891; *Романовский Д.И.* Генерал-фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский и Кавказская *Война, 1815—1876 гг.* // *Русская Старина, 1881, № 2, с. 247—318, 444; Пленитель Шамиля. (Па-*

500

Примечания

мяти генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского.) // *Историческая летопись, 1914. Т. VIII, с. 934-942; АКАК. Т. X, с. XIV-XV*. См. также: *Гагарин П.Д.* Воспоминания о фельдмаршале князе Александре Ивановиче Барятинском // *Русский Вестник, 1888, № 7, с. 126—142; Николаев П.* Воспоминания о князе А.И. Барятинском // *Исторический Вестник, 1885, № 12, с. 618—644; Волконский И.* Окончательное покорение Восточного Кавказа (1859-й год) // *Кавказский Сборник. Т. IV, с. 71, 73-75 (в дальнейшем: Волконский, 1859)*.

¹⁰ Николай Николаевич Муравьев 5-го июня 1856 г. // *Русская Старина, 1890, № II, с. 456*.

¹¹ АКАК. Т. XII, с. 613-615; *Ольшевский // Кавказ, с. 292-300*.

¹² АКАК. Т. XII, с. 613-614, 625, 627-628; *Бобровский, с. 210-212*.

¹³ АКАК. Т. XII, с. 615-629; *Richer Alfred J.* The Politics of Autocracy: Letters of Alexander II to Prince A.I. Variatinskii, 1857—1864. Paris, 1966, p. 101 (в дальнейшем: *Rieber*).

¹⁴ О биографии Евдокимова см.: АКАК. Т. X, с. XX-XXI, Т. XI, с. VII; *Исаков, № 10-12, с. 14-15; Волконский, 1859, с. 83*.

¹⁵ АКАК. Т. XII, с. 1028-1038; *Солтан В.* Занятие Салатау в 1857 году // *Кавказский Сборник. Т. XV, с. 340 (в дальнейшем: Солтан, 1857); MRE, CPC, Russie, Consulate Divers, Vol. 5, ff. 9—10, Finot to Walewski, Tiflis, 19*

January, 6/18 February 1857, № 4, 8. О военных событиях 1856 г. см.: АКАК. Т. XII, с. 1027; *Движение*, с. 660—663; *Зиссерман А.* Письмо из Грозной // Кавказ, 7 [19] июня 1856, № 44, с. 176-178; *Солтан*. 1855-1856, с. 488-530.

¹⁶ АКАК. Т. XII, с. 1039-1040; *Солтан*, 1857, с. 335-346.

¹⁷ АКАК. Т. XII, с. 1041-1044, 1047, 1049-1050, 1053-1055; *Движение*, с. 666; *Солтан*, 1857, с. 347-384; *Карахи*, с. 190-191.

¹⁸ О его биографии см.: АКАК. Т. X, ее. XVII-XVIII.

¹⁹ АКАК. Т. XII, с. 1043-1050; *Волконский*. 1857. Т. I, с. 383-409. Т. II, с. 223-262.

²⁰ Это не помешало русским источникам оценить ее результаты как «достойную кару для большей половины общества Дидо и солидную основу для покорения этого племени». — См.: АКАК. Т. XII, с. 1050-1053; *Волконский*. 1857. Т. II, с. 273-338. О последующих событиях зимы и весны 1857—1858 гг. см.: АКАК. Т. XII, с. 1071-1072; *Волконский*. 1857. Т. II, с. 338-386.

²¹ АКАК. Т. XII, с. 1058-1060; *Солтан*, 1857, с. 384-393.

²² АКАК. Т. XII, с. 1055-1057, 1060-1065; *Волконский Н.* 1858 год в Чечне // Кавказский Сборник. Т. III, с. 378 (в дальнейшем: *Волконский*. 1858); *Rieber*, p. 110.

²³ АКАК. Т. XII, с. 1065-1069, 1072-1076, 1080; *Rieber*, pp. 114, 116; *Волконский*. 1858, с. 380—455; *Дидимов К.* Экспедиция в Аргунское ущелье с 15-го января по 18-е апреля 1858 года // Военный

501

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

Сборник, 1859, № 7, часть неофициальная, с. 89—112; *MRE, CPC, Russie, Consulate Divers, Vol. K5, ff. 52—53, 95—96, Finot to Walewski, Tiflis, 3/15 January, 17/29 March 1858, № 12, 13.* О топографических проблемах, которые пришлось решать русским, см.: *Baddeley, Rugged Flanks, Vol. I, pp. 84—85.*

²⁴ АКАК. Т. XII, *Волконский*, 1858, с. 456-460; *Карахи*, с. 191.

²⁵ О его биографии см.: АКАК. Т. X, с. XVII.

²⁶ АКАК. Т. XII, с. 1080—1081, 1085—1086; *Добровольский-Евдокимов*. Экспедиция в Салатау в 1858 году // Кавказский Сборник. Т. IV, с. 39—50. О событиях в Дагестане до конца 1858 г. см.: АКАК. Т. XII, с. 1101—1102, 1106—1107; *Движение*, с. 667; *Аноев А.* Воспоминания о боевой службе на Кавказе // Военный Сборник, 1871, № 4, с. 398-412.

²⁷ АКАК. Т. XII, с. 1091-1094, 1096-1098, 1102-1110; *Rieber*, p. 123.

²⁸ АКАК. Т. XII, с. 1088-1090, 1094-1095, 1098-1101, 1110-1117; Rieber, p. 121; *Волконский. 1858*, с. 468—512, 516—591; *Дидимов К.* Экспедиция в Шанты-Аргунское ущелье с 1-го июля по 19-е августа 1859 года // *Военный Сборник*, 1859, № 8, часть неофициальная, с. 255—284; *HNSA*, XII 65. ? to von Ludolf, Trapezunt, 23 November 1858, № 519 (copy) attached to von Ludolf to von Buol-Schlemerstein, Constantinople, 1 December 1858, № 913; *MRE, CPC, Russie, Consulate Divers*, Vol. 5, ff. 132—133, Finot to Walewski, Tiflis, 17 August 1858, № 15; *Карахи*, с. 191.

²⁹ АКАК. Т. XII, с. 1119-1120; *Волконский, 1859*, с. 90-91, 97-105.

³⁰ АКАК. Т. XII, с. 1120-1124, 1127-1132, 1134-1139; Военные действия с левого крыла. Донесение генерал-лейтенанта Евдокимова от 11 апреля за № 212 // *Кавказ*, 25 апреля 1859, № 31, с. 157—158; Rieber, с. 127—128; Ведено // *Военный Сборник*, 1859, № 4, часть неофициальная, с. 542—558; Из боевых воспоминаний. Рассказ куринца // *Кавказский Сборник*. Т. IV, с. 51—67; Я. 1-го апреля 1859/94 года. (Воспоминания ветерана) // *Терские Ведомости*, 1 апреля 1894, № 29, с. 2—3; *Шабанов И.* Воспоминание о зимней экспедиции 1859 г. в Чечне // *Военный Сборник*, 1866, № 10, с. 297-333; *Волконский, 1859*, с. 91-97, 105-159, 169-199, 204—220; *Карахи*, с. 192; *MRE, CPC, Russie, Consulate Divers*, Vol. 5, ff. 141-142, 144, Finot to Walewski, Tiflis, 15/27 January, 8/20 April 1859, № 18, 20.

³¹ См.: АКАК. Т. XII, с. 641-644, 649-651; *Rieber*, pp. 124-125; *Волконский, 1859*, с. 217—219.

³² *PRO*, FO/78/1435, O'Brian to Bulwer, Private, Constantinople, 4 August (copy), attached to Bulwer to Russell, Therapia, 13 September 1859, № 151.

³³ АКАК. Т. XII, с. 1139-1140; *Волконский, 1859*, с. 224-227.

³⁴ АКАК. Т. XII, с. 1143; *Волконский, 1859*, с. 228-230.

502

Примечания

³⁵ АКАК. Т. XII, с. 1132—1134; *Аноев А.* Воспоминания о боевой службе на Кавказе // *Военный Сборник*, 1877, № 5, с. 188—204; *Волконский, 1859*, с. 151-169, 199-203.

³⁶ АКАК. Т. XII, с. 1134, 1140-1143; *Волконский, 1859*, с. 289-307.

³⁷ *Baddeley*, p. 464.

³⁸ *Волконский, 1858*, с. 496.

³⁹ АКАК. Т. XII, с. 1082—1088; *Rieber*, p. 120; *Григорьев*. Воспоминание о деле близ укрепления Ачхой // Военный Сборник, 1893, № 2, с. 347—349; *Волконский, 1858*, с. 460—467.

⁴⁰ АКАК. Т. XII, с. 1090-1091, 1106-1107, 1116; *Rieber*, p. 121; *Волконский, 1858*, с. 513—516.

⁴¹ *Волконский, 1858*, с. 466.

⁴² *Дневник Руновского*, с. 1413.

⁴³ *Движение*, с. 664—665.

⁴⁴ The British Library, Additional Manuscripts, Mss. 39.055, Layard Papers, Vol. CXXV, Miscellaneous Supplementary Papers, 1834—1883, f.29, Shamil's Letter to the British Ambassador in Constantinople [письмо Шамиля британскому консулу в Константинополе], 5 Rajab 1273 [1 March 1857]. См. также: *PRO*, FO/ 78/1303, ff. 194, 196, Stevens to Clarendon, and to Allinson (copy), Trebizonde, 24 December 1857, № 46, 59, FO/196/54, Allinson to Clarendon, Constantinople, 13 January 1858.

⁴⁵ FO/78/1345, FO to Allinson, 21 January 1858, № 59 (draft).

⁴⁶ *The Times*, 28 September 1859.

⁴⁷ *PRO*, FO/78/1435, O'Brian to Bulwer, Private, Constantinople, 4 August (copy), attached to Bulwer to Russell, Therapia, 13 September 1859, № 151. См. также содержание послания имама к Мухаммеду Амину в июле 1859: *Латинский*. Т. II, с. 207.

⁴⁸ *Движение*, с. 676; *Волконский, 1859*, с. 401.

⁴⁹ *Rieber*, p. 129.

⁵⁰ *PRO*, FO/78/1435, O'Brian to Bulwer, Private, Constantinople, 4 August (copy), attached to Bulwer to Russell, Therapia, 13 September 1859, № 151.

⁵¹ АКАК. Т. XII, с. 1150—1180; Имам Шамиль и фельдмаршал кн. Барятинский. Приказы по войскам кн. Барятинского и письма Шамиля и его жен. // *Русская Старина*, 1880, № 4, с. 801—812; Взятие в плен Шамиля // *Журнал для воспитанников военно-учебных заведений*. Т. CXLII, № 566, с. 177—187; Покорение Кавказа. Шамиль // *Радуга*, 1860, № 2, с. 37; Взятие Шамиля. // *Одесский Вестник*, 24 сентября 1859, с. 454—455; *Фадеев*, № 12, с. 67—69; *А.-Д. Г.* Обзор последних событий на Кавказе // *Военный Сборник*, 1859, № 10, часть неофициальная, с. 475—518;

Волконский, 1859, с. 235—288, 308—436; Аноев А. Воспоминание о боевой службе на Кавказе // Военный Сборник, 1877, № 6, с.

503

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

393—414; он же. Из кавказских воспоминаний // Исторический Вестник, 1906, № 9, с. 820—851; *Баратов Н. Окончательное покорение Восточного Кавказа — Чечни и Дагестана (1859—1909) // Военный Сборник, 1909, № 11, с. 223-240, 1910, № 1, с. 1-16, № 3, с. 1-22, № 4, с. 51-66, № 6, с. 17-32, № 9, с. 51-66; Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк кавказско-горной войны в Чечне и Дагестане. Тифлис, 1909; Козубский Е. 25-е августа. 1859—1909 // Русский Архив, 1909, № 10, с. 185—191; Орлов-Давыдов А.В. Частное письмо о взятии Шамиля // Русский Архив, 1896, № 6, с. 1045—1063 (в дальнейшем: Орлов); Ольшевский М.Я. Князь Александр Иванович Барятинский в 1859 и 1863 годах. // Русская Старина, 1880, № 9, с. 97—108; У.К. Из дневника дагестанца // Кавказский Сборник. Т. XVIII, с. 204—287 (в дальнейшем: У.К.); Солтан В. На Гунибе в 1859 и 1871 гг. // Русская Старина, 1892, № 5, с. 391-408; *Гаджи-Али, с. 56—69; Карат, с. 192—199; MRE, CPC, Russie, Consulats Divers, Vol. 5, ff. 155-156, 159, 171-172, Finot to Walewski, 14/ 16, 22, 31 August/12 September 1859, № 22, 23, 24; Квинтадзе Г. Сдача Шамиля // Кавказ. Париж, 1934, № 2, р. 10—12.**

⁵² См.: *Движение, с. 671—672.* Приведенное письмо Гази Магомеда Шамиллю [11 мая 1859] касается завершения фортификационных работ.

⁵³ До того, как стало известно, что Шамиль укрылся на горе Гуниб, Барятинский, чтобы не дать Шамиллю бежать за границу, приказал перекрыть все дороги и ввести патрулирование. — *Волконский, 1859, с. 337.* Тогда же и перед штурмом Гуниба наместник обещал 10 000 рублей тому, кто захватит Шамиля живым. — *Там же; см. также: Ольшевский // Кавказ, с. 312, прим. 2; Орлов, с. 1057; П.К., с. 282.*

⁵⁴ Согласно устным преданиям, продался русским наиб, оборонявший участок, где противник карабкался на гору. — *Baddeley. Rugged Flanks, Vol. II, p. 49.* Легенды о последних часах

Шамиля в Гунибе и его сдаче см.: *Там же*, с. 298, 372—375; а также: *Гамзатов*, с. 270—271.

⁵⁵ АКАК. Т. XII, с. 1275-1394.

⁵⁶ Русскую дореволюционную историографию занимал вопрос, считать ли окончательное завоевание Чечни и Дагестана исключительно заслугой Барятинского или он только пожинал плоды того, что посеял до него Воронцов. Обе спорящие стороны совсем не брали в расчет Милютина. См., напр.: *Бобровский*, с. 5—35; *Ольшевский* // *Кавказ*, с. 289—318; *Николаи А.П.* К истории покорения Восточного Кавказа // *Русский Архив*, 1889, № 8, с. 531—535; *Зиссерман А.* Еще несколько слов о покорении

504

Примечания

Восточного Кавказа. (Ответ барону Николаи) // *Русский Архив*, 1869, № 11, с. 415-420.

⁵⁷ См., напр.: *В. Г-н.* О введении нарезного оружия в кавказской армии // *Военный Сборник*, 1859, № 3, часть неофициальная, с. 171—176; *Бобровский*, с. 30—33; *Гейман*, с. 366—367; *Ильин*, с. 275-279; *Ombres du Passe*, pp. 181-182; *P.K.*, p. 252.

⁵⁸ АКАК. Т. XII, сс. 1275-1394.

⁵⁹ *Там же*, с. 1286—1287. См. также: *Карахи*, с. 192.

⁶⁰ *Карахи*, с. 193. См. также: *Орлов*, с. 1053.

⁶¹ *Карахи*, с. 193.

Заключение

¹ Эти слова приписывают Наполеону, когда кто-то сказал об огромных потерях под Аустерлицем.

² *The Times*, 28 September 1859.

³ *Дневник Руновского*, с. 1397.

⁴ *Бороздин К.А.* Лезгинское восстание в Кахетии в 1863 г. // *Русский Вестник*, 1890, № 7, с. 51—77, № 9, с. 172—192; По поводу восстания в Закатальском округе в 1863 году // *Кавказский Сборник*. Т. X, с. 585—607.

⁵ *Кривенко В.С.* Восстание в Дагестане в 1877 году // *Русский Вестник*, 1892, № 3, с. 167—184; *Очевидец* (псевдоним). Лезгинский

мятеж в южном Дагестане. — *Там же*, 1880, № 12, с. 663—700; Семенов И. Хроника чеченского восстания 1877 г. // Терский Сборник. Т. I, часть 1, с. 1—92; Иванов А.И. Национально-освободительное Движение в Чечне и Дагестане в 60—70-х гг. XIX в. // Исторические записки, № 12, 1941, с. 165—199; он же, Восстание в Чечне в 1877 г. — *Там же*, № 10, 1941, с. 280—294.

⁶ Benningsen A. Muslim Guerrilla Warfare in the Caucasus 1918—1928. — *Central Asian Survey*, Vol. 2, № 1, July 1983, pp. 45—56.

⁷ Т. Разбой и саморасправа на Кавказе // Вестник Европы, 1885, № 12, с. 617—646; Ц-ов Ахмет. Русская бюрократия и кавказские горцы // Вестник Европы, 1909, № 9, с. 288—315; Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911.

⁸ Это «предательство» стало причиной всеобщей депортации чеченцев, ингушей, некоторых других мусульманских народностей Кавказа и крымских татар в Сибирь и Центральную Азию. Об этом и их реабилитации после 1956 г. см.: *Conquest Robert. The Nation Killers: The Soviet Deportation of Nationalities*. London, 1970.

⁹ Czerlieu Markus von. Unser Kaukasus und Desser Sistematisch Paciefirung. Vienna, 1882'.¹О мусульманском сопротивлении Авст-

505

Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму

рии при овладении Боснией и Герцеговиной см.: *Donia Robert J. Islam under the Double Eagle: The Muslims of Bosnia and Hercegovina, 1878-1914*. New York, 1981; *Kapidzic Hamdija. Hercegovacki Ustanak 1882 Godine*. Sarajevo, 1973.

¹⁰ Шамиль в Ставрополе // Санкт-Петербургские Ведомости, 29 сентября, № 210; Шамиль в Малороссии. — *Там же*, 3 октября, № 213; Путешествие Шамиля от Гуниба до Санкт-Петербурга // Русский мир, 7 октября, № 54, с. 941—945; Шамиль в Публичной библиотеке. — *Там же*, 14 октября, № 56, с. 975; Шамиль в С.-Петербурге // Русский Художественный Листок, 1 ноября, с. 101—104; *И-ский*. Шамиль в России // Кавказ, 5 ноября 1859, № 87, с. 483—485; *Рындин А.* Имам Шамиль в России // Исторический Вестник, 1895, № 11, с. 529—542; Шамиль полвека назад в Москве. // Русская

Старина, 1909, № 10, с. 310; Шамиль полвека назад в Петербурге. — *Там же*, № И, с. 576; *Гамзатов*, с. 270.

¹¹ К биографии Шамиля // *Красный Архив*, 1941, № 2 (105), с. 115—139; *Дневник Руновского*, *passim*. *Он же*. Знакомство с Шамилем. — *Военный Сборник*, 1859, № 11, отдел неофициальный, с. 172—224; *он же*. Шамиль в Калуге. — *Там же*, 1861, № 1, отдел неофициальный, с. 133—201; *Пшеславский П.* Шамиль и его семья в Калуге. Записки полковника П.Г. Пшеславского. // *Русская Старина*, 1877, № 10, с. 253-276, № И, с. 471-506, 1878, № 1, с. 41-62, № 2, с. 265—280; *Захарин Ив. (Якунин)*. Поездка к Шамилю в Калугу в 1860 году. Из записок и воспоминаний // *Вестник Европы*, 1898, № 8, с. 601—640. *Он же*. Встреча с сыном Шамиля и его рассказ об отце. // *Русская Старина*, 1901, № 8, с. 367—389; *Богданов Д.П.* Память Шамиля в Калуге // *Исторический Вестник*, 1913, № 9, с. 920—935; *Чичагова М.Н.* Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. СПб., 1889.

¹² Теперь, когда слышат имя Шамиля, даже студенты и аспиранты, занимающиеся историей Ближнего Востока, спрашивают: «Кто это?» или «Где это?».

¹³ Эмигрантские издания по Шамилю см.: *Berkok Ismail. Tarihte Kafkasya*. Istanbul, 1958; *Burhan al-Dm al-Daghistani. Al-Shaykh Shamil, Zaim al-Qawqaz wa Shaykh al-Mujahidm, 1212-1278 H/1797-1871 M., - Al-Risala*. Cairo, 16 June 1947 (№ 728), pp. 677—679; *Tarik Mumtaz Goztepe. Imam Samil, Kafkasyanm Buyiik Harp ve ihtlal Kahramani*. Istanbul, 1961; *Hamza, Masahid Islam. Seyh Samil*. — *Mihrab*, Istanbul, № 25 (1341), pp. 32—40; *Эмир Хасан*. Эпоха Шамиля. — *Северный Кавказ*, № 1, май 1934, с., 12—14; *Он же*. *Samil Devri*. — *Там же*, № 4, август 1934, с. 2—5; *Ahmet Hazer Hizai Kuzey Kafkasya (Hirriyet ve Istiklal Davasi)*. Ankara, 1961; *Mustafa Zihni Hizaloglu. Seyh Samil. Simali Kafkasya Istiklal Mucadeleleri*. Ankara, 1958; *Baha Eddin Khoursch*.

506

Примечания

Obrona Twierdzy Achulgo przez Imama Szamila. Warsaw, 1939. *Он же*. Военная операция в Дагестане в 1843 году // *Горцы Кавказа*, № 39, с. 7—20, № 40, с. 10—14, № 48, с. 10—14, № 49, с. 12—20; *Aytek Kundukh. Kafkasya Muridizmi (Gazavat Tarihi)*. Istanbul, 1987; *Suleyman Nazif, Seyh Samil*. — *Kuzey Kafkasya*, Vol. VIII, № 47 (February— March 1978) p. 1;

Mohyieddin Izzat Quandor. Muridism: A Study of the Caucasian Wars of Independence, 1819—1859, докторская диссертация, Claremont, Ca., 1964; *Samih Nafiz Tansu*. Carlara Be?egmeyen Dagli. şeyh şamil. Istanbul, 1963; *Zubeyir Yetik*. Imam şamil. Istanbul, 1986.

¹⁴ Самый полный обзор описаний Шамиля в советской историографии см.: *Tillet Lowell R*. The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. (Chapel Hill, N.C., 1969). См. также: *Gammer M*. Shamil ha-Historyografiya ha-Sovyeit, диссертация на получение степени бакалавра, Tel Aviv University, 1976; *Wolfe Bertram D*. Operation Rewrite: The Agony of Soviet Historians. — Foreign Affairs, Vol. XXI, № 1 (October 1951), pp. 39-52; *Traho Ramazan*. The 'Rehabilitation' of Imam Shamil. — Caucasian Review, № 1 (1955), pp. 145—162; *Benningsen Alexandre*. Les Limites de la Destalinisation dans l'Islam Sovietique, l'Afrique et l'Asie, № 39 (1957), pp. 31—40; *Henze Paul B*. 'Un-Rewriting' History—the Shamil Problem. — Caucasian Review, № 6 (1958), pp. 7—29; *Tillet Lowell R*. Shamil and Muridism in Recent Soviet Historiography. — American Slavic and East European Review, Vol. XX (1961), pp. 253—269; *Sheehy Anne*. Yet Another Rewrite of the History of the Caucasian War? — Radio Liberty Research, RL 39/84, 30 January 1984. См. также: *Гамзатов*, с. 83, 86—92; *Полонский Л*. Трагедия таланта // Бакинский рабочий, 22 сентября 1988; *Халилов А.М*. Шамиль в истории и в памяти народа // Советский Дагестан, 1988, № 5 (сентябрь-октябрь), с. 31—37.

¹⁵ *Humid Muhammad*. 'Alim Islam ke Pahale Gorila Lidar: Imam Shamil Rahmat Allah 'Alayhi. (Lahore, 1974); *Miskin 'Ali Hijazi*. Allah ke Sipahi (Lahore, 1976); Ghazi Imam Shamil, Rahmat Allah 'Alayhi, Avalen Rahbar-e Jangehaye Gorila-ye Islam. — Vatan (Organ of the Islamic Union of the Provinces of Northern Afghanistan — орган Исламского союза областей северного Афганистана), 20 Jumadi al-Thani 1402/ 4 (April 1983).

¹⁶ *Гамзатов*, с. 298.

¹⁷ Могилы некоторых наибов стали местом паломничества; см.: *Benningsen Alexandre Lemercier-Quelquejai Chantale*. Le Soufi et le Commissaire. Paris, 1986, p. 217.

¹⁸ Там же, passim. Также: *Benningsen Alexandre, Wimbush Enders*. Muslims of the Soviet Empire. London, 1985, pp. 21—23.

¹⁹ О Кадирийа в Чечне («зикризм» в русских источниках) см.:

Benningsen Alexandre. The Qadiriya (Kunta Haji) Tariqah in North -East Caucasus: 1850—1987, *Islamic Culture* (Hyderabad, India), № 2— 3 (April-July 1988), pp. 63—78; *Ильминский А.Л.* Учение зикр и его последователи // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. II, с. 17; *Вертепов Г.* Судьба религиозно-политических учений в Чечне // Терские Ведомости, 1 [13], 6 [18] мая 1892, № 52, 54, с. 2—3.

**Обширная библиография по предмету нашего
исследования**

**опубликована в:
Central Asian Survey, Vol. X,
№ 1—2**

Приведем архивные и неопубликованные источники.

1. Архивные:

Австрия. Haus- Hoff-und Staatsarchiv, Vienna, Staatskanzlei
(Мин-во иностр. дел)

X - Россия, 1830-1918

XIII - Турция, 1848-1918

Repertorium P. Abteilung A (PA) [Дипломатич. и консульские донесения.]

Staatenabteilung (Vereinigte Diplomatische Akten), Toskana
Staatskabinetts Archiv (St. K.)

Великобритания. The Public Record Office, London, Foreign Office
Archives. (Лондон. Архив Мин-ва иностр. дел)

FO/60 — Персия

FO/65 — Россия

FO/78 — Турция

FO/196 — Посольство в Константинополе

FO/352 — Papers of Lord Stratford de Redcliffe. The Benckendorff/
Lieven/Croy archive. (Архив Бенкендорфа (Ливен), обнаруженный в авг.
1984 г.)

The British Library, London

Additional Mss. 39055, Layard Papers, Vol. CXXV. Miscellaneous
Supplementary Papers 1834—1883

The London Library, London

Baddeley, John Frederick, 'Index Caucasica'

Photos from the Caucasus

Франция, Les Archives Nationales, Paris (Нац. архив в Париже.) А.Е. (Affaires Etrangeres) Bill (Consulats, Memoires et Documents) Fonds de la Marine, Series Modernes, BB³ (Service General, Lettres Revues)

508

Примечания

Ministere de la Guerre, Etat-Major de l'Armee de Terre,
Archives Historiques, Chateau de Vincennes
Memoires et Reconnaissances
Ministere de Relations Exterieures, Archives Diplomatiques, Paris
Correspondance Politique (CP): Russie, Turquie
Correspondance Politique de Consulats (CPC):
Russie: Tiflis, Odessa, Consulats Divers.
Turquie: Erzeroum, Trebizonde
Германия, The Hiller-von-Gaertringen papers in the possession of
Dr. Fr. Hiller von Gaertringen, Gartringen. (Архив Гартрингена)

2. Неопубликованные произведения:

Adamiyat, Fereydoun. The Diplomatic Relations of Persia with
Britain, Turkey and Russia, 1815—1830'. Докторская диссерт. University
of London, 1849

Aydemir, Hasan Ali. 'Seyh Samil ve Guniimize olan Etkiden
[Shaykh Shamil and his Significance to our Time]'. Магистр, диссерт.
Graduation thesis, Istanbul University, 1976

Van-Bruinessen, Maarten Martinus. 'Agha, Shaikh and State. On
the Social and Political Organization of Kurdistan', докторская диссерт..
Utrecht University, 1978

Duran, Tulay. 'Seyh Samil ve Muridizm Hareketi [Shaykh Shamil
and the Murid Movement]', магистр, дисс., Istanbul University, June
1966.

Gammer, Moshe. 'Shamil ba Historyografiya ha-Sovyetit [Shamil
in Soviet Historiography]', диссерт. бакалавр. Tel-Aviv University, 1976

Luxemburg, Norman. 'Russian Expansion into the Caucasus and
the British Relationship Thereto', доктор, диссерт. University of
Michigan, 1956

Pinson, Marc. 'Russian Expulsion of Mountaineers from the
Caucasus, 1856—66 and 1st Historical Background — Demographic

warfare — An Aspect of Ottoman and Russian Policies, 1854—66', доктор, диссерт. Harvard University, 1970

Quandour, Mohyieddin Izzat. 'Muridism: A study of the Caucasian Wars of Independence, 1819—1859', доктор диссерт. Claremont Graduate School, 1964

Rhineland, Lawrence Hamilton. 'The Incorporation of the Caucasus into the Russian Empire: The Case of Georgia, 1801 — 1854', доктор, диссерт. Columbia University, 1972

Моше Гаммер

ШАМИЛЬ
МУСУЛЬМАНСКОЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ
ЦАРИЗМУ
ЗАВОЕВАНИЕ ЧЕЧНИ И ДАГЕСТАНА

Главный редактор *Л. Михайлова*
Редактор *В. Пазилова*
Корректоры *Т. Нарышкина, А. Комогорова*
Компьютерная верстка *З. Полосухиной*

ЛР 064134 (“КРОН-ПРЕСС”) от 07. 06. 95.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 11. 02. 98.
Формат 60x90 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 32. Тираж 10 000 экз.
Заказ 0125.

000 Издательский Дом “КРОН-ПРЕСС”
103030, Москва, ул. Новослободская, 18, а/я 54

По вопросам реализации обращаться по адресу:
Москва, Огородный проезд, 6 Тел.: 218-30-03, 219-82-14

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России. 144003, г. Электросталь Московской обл.,
ул. Тевосяна, 25.